

ЮЛІЯ

ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ПЯТЬ КАССАНДРА,

КАК ПЕРВЫЙ ДЕНЬ С НАМИ

Путь Кассандры, или Приключения с макаронами — Юлия Вознесенская

Вознесенская Юлия Николаевна

"Путь Кассандры, или Приключения с макаронами" - футуристический роман-антиутопия, повествующий о временах господства на земле Антихриста-Лжемессии. Главная героиня книги, девушка Кассандра, возрожденная для настоящей жизни великим чудом любви, преодолевает множество трудностей и находит свой путь к Богу.

Роман-антиутопия

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)

Знаешь признаки антихристовы, не сам один помни их, но всем сообщай щедро.

Св. Кирилл Иерусалимский

Сейчас уже намного позже, чем вам кажется.

Иеромонах Серафим (Роуз) Платинский

- А если бы он вез макароны?

Реплика из старого русского фильма

Господи, благослови!

Глава 1

Узкая оленья тропа, усыпанная опавшими листьями, потаенно вилась между черных стволов вековых деревьев, лес молчал в чуткой, настороженной неподвижности; изредка медленно, будто боясь спугнуть тишину, слетал с ветки, плыл, кружился и падал на тропу перед нами желтый или оранжевый лист. Тропа вывела нас с Индриком на освещенную белым осенним солнцем широкую просеку; теперь вместо листьев под копыта Индрика ложился толстый слой рыжей золы, сверху подернутый серым пеплом: по бокам просеки стояли мертвые, угольно-черные обожженные деревья. Я обняла белую шею единорога, наклонилась и прошептала в отсвечивающее розовым чуткое остроконечное ухо:

- Только тихо, Индрик! Он, кажется, спит...

Индрик слегка нырнул рогом в знак согласия и стал ступать еще осторожнее, стараясь не нарушить таинственную тишину мертвого леса.

Фафнир спит чутко, по нам удалось подойти необнаруженными к самому входу в пещеру. Из громадной черной дыры с оплавленными краями, шипя, вырывались клочья горячего желтого пара. Я соскользнула со спины единорога, подкралась к скале сбоку от пещеры и осторожно начала карабкаться вверх, стараясь, чтобы ни один камушек не сорвался у меня из-под руки, ни один обгорелый куст не хрустнул под ногой. Кое-как зацепившись на закоптелых камнях над самым входом в пещеру, я развязала и сняла свой пояс - длинный шнур, свитый из шелковых и золотых нитей, в который были вплетены три волоска из моей косы. Я связала из пояса петлю, приготовилась и кивнула Индрику - пора!

Встав прямо напротив пещеры, Индрик по-лебединому выгнул шею и запел прекрасную песню без слов. Звук его голоса был подобен виолончели. В ответ из пещерного зева раздался мощный рык и выхлестнулся длинный язык пламени. Прямо в лицо мне пахло жаром, глаза защищало от едкого дыма. Но Индрику огненное дыхание дракона было нипочем, он только крепче уперся копытами в рыхлую золу, чтобы не быть снесенным горячим вихрем, да опустил свои длинные ресницы, оберегая глаза от взметнувшегося пепла.

- Ты че тут развопился, козел однорогий? Че спать не даешь? - просипел Фафнир, высывая из пещеры бородавчатую морду и скаля кривые зубы. Он откашлялся, сплюнул гарью и добавил:

- Счас я поджарю тебя на ужин, козлятина вопиющая!

Индрик, изящно переступая тонкими ногами, сделал перед самой мордой дракона несколько танцующих шагов вправо и влево. Тот вытянул шею, поводя головой и глядя на единорога то одним, то другим глазом, как петух на букашку. Индрик выразительно глянул на меня - теперь ты! Я прикинула ширину петли, чуть-чуть ее раздвинула и ловко набросила волшебное оружие на голову дракона. Фафнир рванулся вперед, петля соскользнула на его морщинистую шею и улеглась рядом с толстой золотой цепью, которую он носил как знак принадлежности к самым крутым рептилиям. Дракон рванулся, и меня снесло с карниза над пещерой: вмиг я оказалась у него на спине, удачно угодив как раз между двумя отростками гребня.

Фафнир взвыл, присел на все четыре лапы, мотая головой и бестолково крутя грозным шипастым хвостом. Но дракон уже не мог причинить нам зла: пояс девственницы и песня единорога сделали его беспомощным. Лапы чудища подогнулись и разъехались в стороны, он улегся прямо в пепел, повернул ко мне голову и выпустил большую мутную слезу из круглого зеленого глаза с продолговатым зрачком. Слеза плюхнулась в горячий пепел и тут же с шипеньем испарилась.

- Слышь ты, дева! Отпустила бы ты меня, а? Надо мной другие драконы смеяться будут - девчонка и козел одолели!

- За «козла» ответишь, - мягко заметил Индрик. - Пора возвращаться, госпожа моя!

Мы отправились к замку: впереди Индрик, распевая громкую песнь торжества, а позади я верхом на укрощенном драконе, изредка взывавшем дурным голосом от непереносимого унижения.

Замок, в котором сейчас жили-были мы с друзьями, стоял на высоком холме за лесом. Издали он казался целым городком - такое множество башенок с флюгерами и шпилями громоздилось над его высокими зубчатыми стенами. Когда мы приблизились к главным воротам, на площадку надвратной башни вышли мальчишки-герольды, подняли трубы и протрубили что-то победно-героическое. Со скрипом опустился мост, с лязгом поднялась массивная чугунная решетка в воротах, и мы торжественно вступили на замковый двор. Я привязала конец своего пояса к кольцу пустой коновязи и оставила возле нее Фафнира; все наши лошади стояли сейчас в конюшнях, иначе пришлось бы дракону терпеть унижительное для него соседство.

- Госпожа моя, я могу удалиться, если сегодня больше тебе не нужен?

- Конечно, Индрик, иди. Благодарю тебя за добрую службу.

- Спасибо и тебе за эту сказку, госпожа Кассандра. Пока, ящерка-переросток! Надеюсь, тебе не дадут здесь скучать!

Кивнув дракону, Индрик свел все четыре ноги в одну точку, покачался над нею, а потом одним длинным прыжком-перелетом перемахнул через пятиметровую стену.

- Вали отсюда, козел однорогий, - проворчал Фафнир, когда Индрик уже не мог его слышать.

Я засмеялась и пошла к донжону - главной башне замка. Там на втором этаже располагался наш пиршественный зал, в котором должны были ждать меня друзья и возлюбленный. Поднимаясь по широкой каменной лестнице, на площадках которой стояли рыцарские доспехи, а на стенах висели выцветшие знамена армий и штандарты королей, я на ходу переменяла свой облик: взамен простого белого платья сочинила себе тяжелый парадный наряд из темно вишневого бархата, а косу распустила и завила длинными локонами. Затем, толкнув обеими руками тяжелые двери, я торжественно вступила в зал.

Все уже собрались и пировали за длинным дубовым столом, уставленным оловянной и серебряной посудой, яствами, кувшинами и свечами. В огромном камине полыхало пламя, а перед ним лежали задумчивые лохматые собаки, лениво покусывая принесенные от стола кости; бродячий музыкант меланхолично перебирал струны лютни, напевая вполголоса какую-то балладу, но его похоже, никто не слушал. Правда, на скамье рядом с ним, на пушистой рысьей шкуре лежал в небрежно изящной позе наш красавец Парсифаль, но он прозаически спал, посапывая точеным носом. Влюбленные ворковали, приятели беседовали, кто-то нехотя пил... Поэт Мэрлок бездумно водил золотым карандашиком по табличке слоновой кости, чертя вместо изысканных куртуазных стихов вполне бессмысленные завитушки. Генрих дразнил своего попугая, а тот нервно переступал когтистыми лапами по широкому плечу хозяина и тянулся к бокалу с вином в его руке.

- Уа, дорогие, вот и я!

Все обернулись ко мне и радостно вразнобой закричали:

- Смотрите, кто пришел! Уа, Сандра!
- Где же ты пропадала, Сандра?
- Да так, гуляла в лесу, пленяла дракона.
- Рассказывай сказки! Как это ты могла в одиночку справиться с драконом? - недоверчиво пробасил Генрих, отмахиваясь от назойливого клюва своего попугая-пропойцы.
- И зачем это юной девушке пленить драконов? - насмешливо протянула красавица Энея. - Пленять нужно прекрасных принцев и безупречных рыцарей, а они все здесь.
- Ну это мы все умеем, это так просто, - сказала Изольда, обнимая Мэрлока. Поэт ласково и снисходительно скосил на нее глаза и погладил лежащую на его плече ручку.
- Налейте мне вина, я устала, - сказала я, подходя к своему обычному месту рядом с Эриком. Он вскочил, поцеловал мне руку и отодвинул тяжелое кресло, чтобы я могла сесть.
- Что же ты не помог своей красавице справиться с драконом, Эрик? - поддела его Энея.
- Ей наверняка помогал Индрик, она обычно берет его с собой в такие волшебные экспедиции, - заметил Мэрлок. Он всегда немного завидовал моей дружбе с единорогом. Поэт хорошо знал, что можно придумать и создать фантомного единорога в Реальности, но это не будет подлинный чудо-зверь старинных легенд: настоящих единорогов не сочиняют, а вызывают, и они дружат только с девственницами, а девственность тоже нельзя сочинить: она, как и единорог, либо есть, либо нет.
- В самом деле, Сандра, почему ты меня не позвала с вами? - хмуро спросил Эрик.
- Ты же знаешь, любимый, что Индрик не захотел бы идти с тобой.
- Знаю, Индрик водит компанию только с невинными девушками. Но твоя невинность это не моя вина - это моя беда.

Все засмеялись, а самый старший из нас, Артур, сказал:

- Прости, очаровательная Кассандра, но как-то не верится, что ты, пусть даже на пару с единорогом, сумела одолеть дракона.
- Любезный мой Артур и вы мои храбрые друзья и прекрасные подруги! Если вы готовы оторваться от ужина и совершить вместе со мной небольшую прогулку, я приглашаю вас спуститься вниз и познакомиться с Фафниром.

Шумная компания покинула зал и спустилась во двор к коновязи, возле которой, свернувшись огромным колючим клубком, лежал присмиривший дракон. Его долго разглядывали, ужасаясь его величине и безобразию, поздравляли меня и просили прощения за недоверчивость и шутки. Потом стали решать, что же делать с драконом дальше: держать ли в качестве сторожа при замке, подарить какому-нибудь соседнему королю или отпустить на волю, взяв с него достойный выкуп?

- И для чего нам в замке такое страшилище? - засомневалась робкая Изольда.
- Я бы на твоём месте оставила его при себе в качестве личного хранителя твоей невинности, - посоветовала Энея.

- Ты можешь получить за свой подвиг хорошие деньги, - сказал Ланселот Озерный, доселе молчавший, - если запечатлеешь его и продашь в Банк-Реаль для использования в кошмарниках: их монстры в сравнении с ним весьма проигрывают, твой выглядит куда натуральнее.

- А что думает об этом сама великолепная и прелестная победительница драконов? - спросил Генрих.

Все выжидающе посмотрели на меня, в том числе и стряхнувший дрему Фафнир. Я же никак не могла выбрать правильное решение. Мои размышления прервал Парсифаль: желая продемонстрировать свое бесстрашие, он достал сигарету, подошел к самой морде Фафнира и, углядев между зубов тлеющий уголек, подцепил его кончиком кинжала, поднес к сигарете и прикурил. Все ахнули. Фафнир скосил вниз, на Парсифаля, один глаз, прижмурил его, и на горящую сигарету, а также на самого храбреца и его щегольской наряд, словно вода из таза, выплеснулась огромная слеза. Мокрый до нитки Парсифаль с негодующим воплем отскочил в сторону, а дракон очень натурально и скорбно вздохнул. Мы все расхохотались, даже промокший Парсифаль. Не смеялась одна только Изольда. Она подошла к дракону поближе, поглядела на него, закинув головку, и нежно произнесла:

- Бедняжка, мне тебя так жаль! Посмотрите, какое у него грустное выражение лица.

- Изольда, у драконов не лица, а морды! - усмехнулся Генрих. - Учти, если его отпустить, он снова начнет охотиться за красивыми девушками.

- Клевета! - пробурчал вдруг Фафнир. - Стыдно клеветать на пленных, люди! В жизни не обидел ни одной девушки, тем более красивой: на что мне ваши дурочки, дракониц мне что ли не хватает?

- Да он говорит человеческим голосом! Какая прелесть! - захопала в ладоши Энея.

- От прелести и слышу, - недовольно буркнул Фафнир.

- Ка-а-а-кой ты гала-а-а-нтный, дракоша! - пропела Энея.

- Так ты, значит, говорящий, - задумчиво проговорил Ланселот.

- Говорящий, - кивнул мордой дракон. - А также читающий, знающий математику и геральдику, пишущий стихи и поющий. Вот только на музыкальных инструментах не играю и не рисую - форма конечностей не позволяет, - и он устрашающе поиграл своими длинными изогнутыми когтями, похожими на серпы.

- Придумала, какой с тебя взять выкуп, Фафиир! - сказала я. - Ты исполнишь нам балладу собственного сочинения.

- Запросто! Умеет тут кто-нибудь из вас, разнолапых, играть на лютне или гитаре? Я предпочитаю петь с сопровождением, а не а капелла.

- Ишь ты, действительно грамотей, - уважительно заметил Генрих.

- Поживешь с мое, тоже кой чему научишься, - утешил его Фафнир.

Позвали бродячего музыканта. Он встал со своей лютней напротив Фафнира, но поодаль, а мы уселись на коновязи рядом и приготовились слушать. Дракон прокашлялся и напел

аккомпанемент баллады. У него оказался мягкий бархатный бас. Музыкант тут же подобрал мелодию, и Фафнир запел свою песню:

Состарилась, состарилась принцесса:

Спина согнулась, расшатались зубы,

И так уныло клок волос белесых

Поник на горностае потертой шубы.

Прошло сто лет, а принц не появился.

Она проснулась так, без поцелуя.

Быть может, он дорогой заблудился,

А может быть, расколдовал другую.

Сто лет, сто лет! Уж где тут выйти замуж!

Ветшают королевские палаты.

Разваливается старинный замок,

А слуги спят, волшебным сном объаты.

А там, под сводом дальнего покоя.

Отец-король на золоченом ложе

Спит, королеву приобняв рукою,

И мать намного дочери моложе.

Все больше седины, все меньше кружев...

Пришлось бедняжке, наконец, смириться

И вспомнить, что среди принцесс-подружек

Она слыла когда-то мастерицей.

Нашла на чердаке запас кудели,

Веретено – то самое, конечно,

И села прясть. И потекли недели —

Она прядет прилежно и неспешно.

Прядет, прядет у тусклого окошка,

Свою судьбу меж пальцев пропускает.

У ног свернулся старенький дракошка,

Во сне дымок колечками пускает.

Нет принца из сиреневого леса,

И все прошло, и ничего не жалко.

Состарилась, состарилась принцесса.

Скрипит, скрипит рассохшаяся прялка.

Фафнир окончил пение под дружные аплодисменты всех слушателей и одинокие всхлипывания Изольды. Я подошла и молча сняла с его шеи мой колдовской пояс.

- Спасибо тебе, дева, век не забуду. Если понадобится помощь - ты знаешь, где я живу. Чао!

Фафнир развернул могучие крылья - на мгновение во дворе стало почти темно, взмахнул ими - нас ветром отнесло к донжону, взлетел на стену, выпустил на прощанье эффектный фонтан огня и был таков.

Все решили, что пора вернуться к прерванному ужину, и веселой нарядной гурьбой пошли к донжону; переговариваясь, смеясь и напевая балладу о старой принцессе. А я сказала, что хочу еще немного побыть на свежем воздухе и осталась сидеть одна на бревне коновязи. Мне вдруг стало грустно. Я подумала, а не похожи ли мы все на эту принцессу из драконьей баллады? Мы сами выбрали и наполовину создали нашу рыцарскую Реальность, пользуясь готовыми блоками из Банк-Реаля и собственным воображением. Мы любим нашу красивую, полную сказочных приключений Реальность, мы любим друг друга. Каждый из нас имеет опыт проб и ошибок в других Реальностях, но в конце концов мы собрались вместе, мы нашли тот мир, в котором нам интересно и уютно. И все же... Почему, ну почему мне бывает иногда так тоскливо? Чего не хватает мне в реальном мире, где мне доступно все - абсолютно все!

Я собралась уже вернуться в пиршественный зал, как вдруг прозвучал сигнал срочного вызова на мой персоник. Я сняла с головы золотую корону, тут же превратившуюся в обыкновенный пластмассовый обруч с датчиками, отложила его и взглянула на экран персоника: кто так упорно помогает контакту со мной? С экрана мне улыбалась моя бабушка.

- Здравствуй, детка. Я не оторвала тебя от чего-нибудь важного?

- Ничего, бабушка. Я была в своей Реальности, но там мне уже стало скучно. Я рада тебя видеть. У тебя все в порядке? Ты здорова? Вау! Я вижу, ты говоришь со мной из постели.

- В этом все и дело. Меня угораздило сломать шейку бедра, и теперь мне придется долго лежать. Ты собиралась навестить меня этим летом, а ты не можешь взять отпуск на работе пораньше и прямо сейчас приехать ко мне? Мне очень нужна твоя помощь. Это не причинит тебе особых неудобств?

- Бабушка! О чем ты говорить? Я вылечу, как только смогу.

Я простилась с бабушкой и задумалась. Разумеется, надо бросить все и лететь к ней. А вот хватит ли у меня на это денег? Я вызвала свой банковский счет. Так и есть, всего тридцать две планеты: мой отпуск материально не обеспечен, и Управление труда не отпустит меня с работы. Как говорит моя бабушка, две великие тайны остались никем неразгаданными в этом

мире: куда уходит любовь и куда уходят деньги.

Про любовь я ничего не знаю, и знать не хочу, а вот деньги... Как и все работники четвертой категории, я получаю в месяц двадцать пять планет: десять – уходит на оплату Реальности, семь – на оплату жилья, доставку питания, медицинское обслуживание и одежду, а мобиль, вернее дешевенький мобишка, которым я пользуюсь в году только несколько раз, стоит мне не больше десяти планет в год. Живу я скромно, уединенно, дальше палубы своего «Титаника» почти нигде не бываю – по всем расчетам у меня ежемесячно должны оставаться на счету какие-то деньги, а где же они? Можно, конечно, вызвать бабушку и объяснить ей ситуацию. Она мне не откажет, ведь бабушка у меня миллионерша, но... Дело в том, что для бабушки ее деньги имеют особое значение – они почти неприкосновенны. Я всегда подозревала, что она тратит на себя даже меньше, чем я. В общем, я попала в трудное положение.

Глава 2

Самое время рассказать о моей семье, и тогда станет ясно, почему я не могу просить денег у бабушки. С нее и начнем.

Имя ее неудобнопроизносимо – Елизавета Николаевна Саккос. Она русская, но еще в молодые годы была выслана из коммунистической России за борьбу с режимом. Оказавшись в Западной Европе, тогда еще разделенной на множество государств, она выбрала местом жительства Францию. Однажды в Париже, а этот город был тогда столицей Франции и признанным центром мировой культуры, она познакомилась с молодым художником из Греции – Илиасом Саккосом. Они понравились друг другу. Она понятия не имела о том, что ее друг – сын одного из богатейших людей мира, что он порвал с семьей и уехал в Париж учиться живописи, не желая заниматься бизнесом. Бабушка говорила, что когда они познакомились с дедом, они оба были очень бедны. Они сняли маленькую квартирку и стали жить вместе. Вскоре Илиас неожиданно заболел раком легких и приготовился к смерти. По настоянию бабушки православный священник обвенчал их прямо в больнице, после чего они покинули Францию и жили вдвоем где-то в горах. Мои дед ждал, ждал смерти, а потом взял да и выздоровел – без больниц и врачей. Но умер его отец, финансовый магнат Георгос Саккос, и бабушка с мужем вдруг сказочно разбогатели. По условиям завещания старого Саккоса сын должен был перенять управление делами отца. Считая, что отца подкосило известие о его болезни, Илиас перестал артачиться и решил исполнить волю отца. Они с молодой женой покинули Париж и поселились в Греции.

Дед бабушку-красавицу боготворил и баловал, ни в чем ей не отказывал. Через бабушкины ручки изрядная часть его состояния утекла в Россию: сначала на развал коммунистического режима, а затем на восстановление российской монархии. Дед мой вел крупные финансово-торговые операции по всему миру, бабушка устраивала перевороты в России, и, может быть, поэтому у них родился только один ребенок – дочь София, моя будущая мать. Она росла красивой и своевольной, с детства мечтала стать актрисой и очень рано стала ею: лет в шестнадцать, кажется, она сыграла свою первую маленькую роль в настоящем театре. Финансировал постановку, конечно, мой дед.

Мир Реальности тогда еще не был создан, и люди довольствовались его жалкими предтечами – кино, театром и телевидением. Во всех этих трех видах развлечения одним людям отводилась роль наблюдателей, они назывались «зрителями», а другие люди изображали для них сцены выдуманной жизни и назывались «актерами» и «актрисами». Старейшим из этих искусств был театр, он и исчез из жизни первым. Произошло это постепенно и безболезненно почти для всех, кроме моей матери: она была как раз театральной актрисой. Ее театр закрылся около 2010 года. Почему я так точно знаю о времени закрытия какого-то театра? Да потому, что с

горя и от ничего неделания моя мать в том же году родила ребенка – меня. Она решила найти утешение в материнстве. О моем отце я никогда ничего не знала и не знаю. Через несколько лет мать опомнилась, подкинула меня на воспитание бабушке с дедушкой и пошла сниматься в кино. Ей повезло: кино умирало постепенно, она успела добиться в нем большого успеха и стать «звездой экрана», как это тогда называлось. Повезло и мне. Как раз в это время, в 2017 году, была восстановлена российская монархия, и моя бабушка вернулась из России после коронации нового императора. Теперь уже она решила заняться воспитанием единственного ребенка в семье, то есть моим. Мне было почти 7 лет, когда мать привезла меня в Грецию и с облегчением сдала деду с бабушкой. Я тогда говорила только по-английски и по-французски, поскольку мать снималась в Голливуде, а одевалась и развлекалась в Париже. Но дед с бабушкой отлично знали французский, так что проблем с общением у нас не было, а потом уже я выучила греческий и русский. Были зато, как рассказывает бабушка, жуткие проблемы с моим воспитанием. Она человек прямой и любит кошку называть кошкой, так вот меня она называла «маленькой голливудской обезьянкой». Для меня наняли учителей и стали учить и воспитывать дома.

От моего детства у меня сохранились только очень редкие отрывочные воспоминания, но мне помнится, что я мгновенно поняла разницу между баловством и настоящей любовью и заботой. Мать, ее друзья и любовники меня, конечно, баловали и потакали всем моим капризам, но иногда забывали меня в бассейне или на вечеринке у знакомых, а уж сцены «звездной жизни» я видела такие, что бабушка и по сей день с ужасом вспоминает мои детские рассказы о голливудской сладкой жизни. Пока мать жила в «империи кино», а потом, после ее упадка и распада, моталась по всему свету в погоне за уходящей славой, я счастливо и безмятежно жила в огромном поместье моего деда в Греции. Я думаю, что годы жизни с бабушкой и дедом были самими счастливыми в моей жизни, потому что ничем иным не объяснить, как я сумела сохранить любовь к ней за годы разлуки.

Так продолжалось до самой Катастрофы в 2020 году, когда вдруг пробудились одновременно все старые вулканы Земли, к ним присоединились сотни вновь возникших, и волна страшных землетрясений прошла по всем континентам, включая Австралию и Антарктиду. Многие ученые считали, что вулканы пробудились в результате постоянных сотрясений земной коры, вызванных войной Америки и ее союзников против исламского мира. Известно, чем это кончилось. Скоро американцам и арабским фундаменталистам стало нечего делить, кроме пепла. Но пострадали и те государства, которые в этой войне не участвовали, поскольку земной коре были нанесены незаживающие раны.

Когда прошла первая волна землетрясений, дед отправил нас с бабушкой и несколькими верными слугами-греками в Германию, купив для нас в Баварском Лесу большую усадьбу на высоком холме: то ли он сам предвидел, то ли кто-то из ученых предупредил его, что возможная новая серия вулканических извержений приведет не только к пожарам и разрушениям, но и к затоплению Европы, и от нее останутся только клочки суши. Когда это случилось, и большая часть Европы за месяц с небольшим оказалась затопленной, дед собрал свои уцелевшие суда и организовал прославивший его имя Флот спасения. Миллионы людей были подобраны и спасены его пароходами и катерами. Бабушка утверждает, что только российский флот спас людей больше, чем Флот спасения моего деда. Когда в Греции произошло извержение сразу нескольких вулканов, он погиб, руководя спасательной операцией возле какого-то полуострова, застроенного монастырями: там и людей-то не было – одни монахи! Бабушка хотела продолжать его спасательную миссию, но тут начался завершающий этап Третьей мировой войны, и флот деда был конфискован в пользу Объединенной Армии. Мать перелетала с фронта на фронт, поднимая своими выступлениями боевой дух армии, а бабушка тихо жила со мной в Баварском Лесу, горя по деду и одинаково

проклиная все воюющие стороны. Думаю, дело было еще и в том, что ее любимая Россия в Третьей мировой войне совсем не участвовала, занимаясь своими внутренними проблемами. Это вызывало всеобщее осуждение политики русских, и бабушке это было неприятно. Вскоре Россия вообще отделилась от всей планеты и стала жить в эгоистической самодостаточности, пользуясь огромностью своей территории и численностью населения; и то время, как цивилизованные люди планеты уже давно ограничили рождаемость, русские, следуя канонам своей дикой религии, рожали всех зачатых детей. Кроме того, население России выросло и за счет десятков миллионов американцев-беженцев и эвакуированных во время потопа европейцев: и те и другие не желали возвращаться в цивилизованный мир и спасать ого от восточного нашествия. Я знаю, что бабушка после смерти деда собиралась вернуться в Россию вместе со мной, но, слава Мессу, не успела: между ее родиной и остальным миром возникла Стена отчуждения. Бабушка утверждает, что Стену воздвигло Мировое правительство сразу после окончания войны, опасаясь возвращения массы европейских беженцев из России. Конечно, их возвращение было нежелательно для мирового сообщества, поскольку возвращенцы несли с собой религиозную заразу Православия. Однако всем планетянам известно, что Россия сама заперлась изнутри, а наш Мессия вовсе не объявлял блокады против России. Впрочем, мне это и тогда было безразлично, а сейчас тем более. Меня устраивает мир, в котором я живу сейчас, а прошлое меня мало волнует. Будучи смешанного происхождения, я считаю себя планетянкой по гражданству, мессианкой по убеждениям и британкой по образу жизни. Я горжусь тем, что живу в плавучем городе, называемом Новым Лондоном: только британская приверженность традициям могла породить такую смелую инженерную мысль – создать плавучую Англию над Англией затонувшей. Наши «Титаники» непотопляемы, нам не страшна даже новая Катастрофа, как поется в одной из песен, «ни морская волна, ни Россия не страшны, пока с нами Мессия». Я благодарна матери, что когда-то она, соблазнившись информацией о строительстве Лондон центра и вообразив, что вместе с дворцами и Парламентом будут воссозданы и театры, переселилась сюда из Америки.

Теперь о бабушкиных деньгах. Дед оставил бабушке огромное наследство, одно из самых больших состояний в мире. Когда закончилась Третья мировая война и образовалось Мировое правительство, бабушка добровольно передала ему почти все свои деньги на восстановление жилья для людей. Тогда по всем островам и архипелагам бывшей Европы миллионы людей жили в палатках и землянках, а то и просто под открытым небом. Взамен она получила первую степень Почетной старости и Сертификат экстерриториальности на свой остров. Этот Сертификат давал ей право жить независимо в ее баварской усадьбе, не подчиняясь законам Мирового правительства и не чувствуя над собой контроля Надзора. Власть еще не была тогда полностью передана Мессии, но он уже был избран всеми гражданами планеты председателем Мирового правительства, и договор между бабушкой и правительством о предоставлении ей независимости в обмен на ее миллионы был подписан самим Мессом. Она не имела персонального кода, ее имя не значилось в Банке людских ресурсов планеты, а когда председателя Мирового правительства наконец признали Мессией, она не приносила ему Клятву верности, и ее за это никто не порицал. Но бабушка может так жить только до тех пор, пока не израсходует свой последний миллион планет, который она предусмотрительно оставила себе. Таких людей, как моя бабушка, на всю планету несколько десятков человек. Дорожа своей независимостью, бабушка живет очень скромно, стараясь, чтобы ее денег хватило ей до самой смерти.

Но однажды бабушка едва не пожертвовала своим последним миллионом, и случиться это могло из-за меня. Мне было уже одиннадцать лет, когда к нам в Баварский Лес вдруг пожаловала моя мать. Она была все еще очень хороша собой и собиралась продолжать свою актерскую карьеру. Но уже не было ни кино, ни телевидения: весь мир надел обручи и ушел в Реальность, а от телевидения осталась лишь строго документальная программа новостей, для

которой не нужны были актеры. Тогда несколько чудаков, в основном бывших актеров, решили для собственного удовольствия создать независимый театр, но для этого необходимо было найти и купить подходящее здание. В те годы, уцелевшие дома были переполнены людьми и купить дом можно было только за огромные деньги. Мать знала о бабушкином миллионе и приехала, чтобы завладеть им. Сначала она попыталась увлечь ее своей идеей и уговорить пожертвовать остатками своего состояния «во имя настоящего искусства». Бабушка ответила решительным отказом. Мать понизила уровень своих притязаний и потребовала две тысячи планет в год на содержание хотя бы небольшой труппы, но бабушка отказала и в этом, сказав: «Ты распылишь на свое лицедейство деньги, которые у меня отложены на старость. Год жизни твоего театра – это минус год моей жизни». Тогда мать прибегла к крайнему средству: она заявила, что у нее ничего не осталось в жизни, кроме единственной дочери, и уж если она должна похоронить свой талант, то она посвятит остаток жизни воспитанию своего ребенка. Мать была хорошей актрисой, и хотя бабушку ей не удалось провести, я ей поверила всей душой. Мне стало жаль мою бедную, одинокую и такую красивую маму! И я сама стала просить бабушку отпустить меня к матери. Пока бабушка колебалась, мать изо всех своих актерских сил очаровывала меня и заново приручала, а приручив, похитила меня у бабушки. Однажды поздним вечером, когда бабушка уже спала, она собрала мои вещи и увезла меня в Лондон, где она теперь жила. Все это я знаю от бабушки, но я ей абсолютно верю. Собственных воспоминаний об этих событиях у меня не сохранилось, отчетливо я помню себя только с того момента, когда оказалась с матерью в Лондоне.

Про дальнейшую нашу жизнь с матерью я могу определенно сказать, что ни прекрасной, ни интересной для меня она не была. У матери был друг-покровитель из канцелярии Мирового правительства, толстый и старый. Мы поселились в его роскошной квартире, занимавшей целую палубу «Титаника» класса А. Он давал матери деньги на любые наряды и развлечения, но ни о каком театре и слышать не хотел. Меня он просто не замечал.

Бабушка очень скоро разыскала нас и приехала, чтобы выкупить меня. В это время я еще верила, что мать меня искренне любит и нуждается во мне. Может быть, бабушка без труда уговорила бы меня вернуться к ней, если бы приехала не через несколько дней, а хотя бы через месяц. Но в эти дни мать еще играла в святое материнство, а я упивалась ее вниманием и лаской. Кроме того, она обещала мне лучезарное будущее: «Я сделаю из тебя великую актрису! Ты похожа на меня и тоже вырастешь красавицей. Мы будем играть с тобой в одних спектаклях – в главных ролях мать и дочь Саккос!» Бабушка явилась вечером, когда мать и ее друг где-то развлекались. Я решительно заявила ей, что не оставлю мою маму, что я люблю ее и мне с ней хорошо. Бабушке я пообещала, что буду обязательно ей писать и приезжать к ней в гости. Она не стала задерживаться, чтобы поговорить с дочерью, и тут же отправилась назад, оставив на столе записку: «София! Ты будешь получать 1000 планет в год на содержание моей внучки. Елизавета Саккос». Придя домой и узнав о визите бабушки, мать закатила истерику и надавала мне пощечин. Видимо, я сорвала какой-то ее план. Позже я узнала, что бабушка привозила с собой документ, по которому к матери переходили почти все ее деньги – выкуп за меня. С этого момента мать перестала обращать на меня внимание, а потом и вовсе открыто невлюбила, считая, что это я погубила ее театральный проект.

Через некоторое время между матерью и ее покровителем произошел какой-то скандал, в результате которого мы переехали к другому ее другу, богаче и моложе первого. Он с первых дней начал оказывать мне недвусмысленные знаки внимания: то лез ко мне с непрошеными «отцовскими» нежностями, то объявлял в нетрезвой компании, что нашел себе сразу двух прелестных подружек. Однажды он пришел ночью в мою комнату и попытался залезть ко мне в постель. Я вовремя проснулась и встретила его склонившуюся ко мне физиономию крепким ударом ноги. Он схватился за лицо, выругался и выбежал. Почему-то я сразу не решилась

рассказать матери о том, что между нами произошло, а потом это стало уже невозможно. Мерзавец начал внушать матери, что я – ребенок с отклонениями и меня нужно поместить в адаптационную школу для социально-психической переориентации. Он намекал, что я смотрю на него «с недетским сексуальным интересом». И все это прямо при мне. Пару раз я пыталась возразить, но тогда оба они начинали на меня кричать, требуя вести себя прилично. Привыкшая к совсем другому обращению, я замкнулась и замолчала. А позвать на помощь бабушку мне было стыдно: ведь пришлось бы признаваться ей, что мать меня совсем не любит! В конце концов, мать с дружкой определили меня в соответствующее учебное заведение. На все бабушкины запросы мать отвечала, что я учусь в отличной закрытой школе. Когда бабушка узнала правду, она уже ничего не могла изменить.

Теперь я знаю, что друг моей матери хоть и был изрядным подлецом, но во многом был прав: если бы я в то время не попала на принудительную социальную адаптацию, моя жизнь позже могла бы стать кошмаром. Даже среди детей с отклонениями я казалась дикаркой, ведь я никогда не ходила в школу. Бабушка сама учила меня по своей программе, а она весьма отличалась от всепланетной программы обучения. Мы изучали с бабушкой географию Земли до Катастрофы, но о современном мире я имела очень смутные представления. Недоумение и даже ужас воспитателей вызвало открытие, что я молилась утром, вечером и перед едой. Мне это сразу запретили делать вслух, но только позже, под гипнозом, отучили молиться мысленно. Я устроила безобразный скандал, когда с меня снимали крестильный крестик: мне казалось, что меня лишают последней надежды когда-нибудь вернуться к привычной жизни с бабушкой. В длинный перечень моих отклонений от нормы была занесена и «патологически обостренная религиозность». Из-за этого позже мне не разрешали посещать даже Церковь Эволюции, к которой принадлежали в то время ученики всех школ. И, конечно, с первых минут моего появления в школе педагоги и врачи заметили, что у меня не было персонального кода. Моя мать растерялась и смутилась: ей пришлось объяснять, как это случилось, что девочка в одиннадцать лет все еще не удостоена посвящения Мессии, а значит, не является полноценным человеком! Мать попыталась объяснить особое положение моей бабушки и оправдаться тем, что я была до сих пор в руках полубезумной старухи. Меня тут же отвезли в ближайшую регистратуру и там, невзирая на мои крики и протесты, сделали мне укол и под наркозом все-таки поставили печать на мою правую руку. С этого момента мое буйство прекратилось, и я покорно переносила все, что со мной делали воспитатели и врачи. Из моей памяти почти безболезненно убрали все лишнее, неправильное, что отличало меня от нормальных детей.

К сожалению, вместе с действительно вредными и лишними блоками памяти удалены были все воспоминания о моей жизни с бабушкой и дедом. Я сохранила в памяти только лицо бабушки, а деда совсем не помнила и даже не узнала его на фотографии, которую увидела много позже в бабушкином доме.

Врачам и воспитателям адаптационной школы пришлось трудиться над моим перевоспитанием почти год, прежде чем матери разрешено было перевести меня в нормальную школу.

Бабушка считала, что мама оплачивает мое обучение в каком-то привилегированном закрытом лицее. Мать деньги получала на свой счет, но отдала меня в обычную бесплатную школу-интернат: она не хотела, чтобы я продолжала жить с ней. Мать вовсе не была ни жестокой, ни жадной, просто я ей очень мешала, а деньги были очень нужны. Она иногда приезжала ко мне, привозила сладости, сувениры и щебетала что-то о своих успехах в любительских спектаклях, которые они ставили сами для себя с другими актерами. Она неприятно шелестела своими нарядами и обдавала меня удушающим запахом духов и косметики. Мне, уже привыкшей к современной одежде и общепринятым правилам гигиены, было неудобно перед воспитателями и соучениками за ее архаичные наряды так похожие на реальные, за ее ужасные длинные

волосы и раскрашенное лицо. Соученицы дразнили меня, утверждая, что моя мать носит платья из натуральных тканей и не выбрасывает их после носки, а стирает, как в древности, и носит месяцами, если не годами. Это было обидно и стыдно слушать, потому что это была правда. Еще несносней была ее привычка приставать ко мне с объятиями и поцелуями. В конце концов, я пожаловалась на это классной надзирательнице, и матери было рекомендовано уважать мое право на личную моральную и физическую неприкосновенность. Она стала реже навещать меня, а каникулы я проводила в детских лагерях, так что, мы с ней больше отдалялись друг от друга. Когда я закончила обучение в школе и перешла в колледж, она объявила, что пора нам каждой жить своей жизнью, перевела на мой счет сотню планет и на этом свой материнский долг посчитала исполненным. Позже она вспоминала о моем существовании только тогда, когда в ее жизни наступал очередной любовный крах: она вдруг появлялась на моем персонике с заплаканными глазами, жаловалась на судьбу и просила не забывать о ней. Я выражала ей сочувствие и уверяла, что она по-прежнему молода и красива. Потом у матери начинался очередной роман, и она, слава Мессу, обо мне опять надолго забывала. Мать никогда не жила в настоящей Реальности, она пыталась из своей жизни сделать Реальность, и у меня это вызывало брезгливость: ее любовники подолгу жили с ней в одном помещении, прикасались к ней, ели с ней за одним столом и даже спали в одной кровати! Я это видела в то время, когда мы жили на одном «Титанике». Может быть, именно из-за матери я не хотела близких отношений ни с кем из мужчин даже в Реальности, хотя прекрасно знала, что вне Реальности ни одна молекула их тела никогда не приблизится к моему настоящему телу.

Окончив школу, я пошла в колледж, избрав трудную, но уважаемую профессию декоратора Реальности. Как известно, многие люди, выбрав для своего существования Реальность, часто совершенно не имеют представления о том, как эта Реальность должна выглядеть. Мы, декораторы, создаем декорации, на фоне которых наши клиенты могут проживать свою Реальность в соответствии со своими желаниями. Иногда моя работа бывает интересной, если вдруг приходит заказ на нечто неординарное, но чаще приходится работать на массового потребителя. Это роскошные квартиры, виллы, отели служащие фоном для любовных романов. Для любителей острых сюжетов – американские западные городки, джунгли, необитаемые острова или обитаемые планеты. Для высоких реалистов, требующих, к примеру, максимально точного воспроизведения римского Форума или московского Кремля, работают специалисты первой категории. Там царит узкая специализация по эпохам и странам, эти реалисты имеют доступ к историческим архивам, читают книги и смотрят кинофильмы. Почти все они имеют первую или вторую категорию служащих, а месячный заработок у них доходит до сотни планет. Ну а я работник четвертой категории и получаю четверть этой суммы. Но есть одно важное для меня преимущество в этом скромном положении: в отличие от высоких реалистов я не должна ездить ежедневно на работу в один из отделов министерства Реальности и трудиться там под жестким контролем; мой скромный вклад в мир Реальности я осуществляю дома, не отходя от своего персоника. Контроль надо мной состоит лишь в том, что я должна два часа в день, семь дней в неделю провести за созданием декораций к чужим Реальностям, а затем переправить все мной наработанное в Банк-Реаль. Все остальное время, за исключением еды, сна и туалета, я по большей части провожу в своей собственной Реальности. Иногда я выхожу на палубу или даже беру мобиль и еду в Старый Лондон. Обычно это бывает в пятерик, мой личный еженедельный день отдыха, или в восьмерик – всеобщий день отдыха. Отпуск у меня два раза в году, летний и зимний, и оба я провожу почти всегда у бабушки. Она по-прежнему живет в Баварском Лесу, только теперь уже не на холме среди лесов, а на маленьком острове в Дунайском море.

С бабушкой я встретилась четыре года назад на похоронах моей матери. Смерть матери была логическим завершением ее капризной и безалаберной жизни. Она заболела гриппом,

осложнившимся гайморитом. Страдать она не хотела и не умела: ее выводили из себя и боль, и насморк, и необходимость терпеть уколы и принимать лекарства. В больнице она изводила врачей и сестер, с посетителями капризничала. В конце концов она вызвала меня, сообщила адрес бабушки и велела связаться с ней: «Скажи моей матери, что я умираю и хочу проститься с ней». Я подумала, что она, как всегда, играет роль, и отправила бабушке очень короткое послание, сообщив в нем, что ее дочь София Саккос больна и хочет ее видеть. Это послание я почему-то даже не подписала, наверное, боялась, что мне будет стыдно перед какой-то незнакомой старухой, когда все окажется очередным фарсом.

А мать действительно решила умереть. Она пригласила и больницу своих полинялых поклонников и престарелых друзей-актеров, чтобы устроить трогательный вечер Последнего прощания – обряд, который часто устраивают для себя и своих близких кандидаты на эвтаназию [1].

Я присутствовала на этом вечере и с удивлением слушала проникновенные хвалебные слова в адрес матери, произносимые ее друзьями под тихую траурную музыку. Мать сидела в инвалидном кресле, одетая в какие-то яркие тряпки из природных тканей, увешанная драгоценностями, и без конца сморкалась в гигиенические салфетки, притворяясь, что делает это не из-за насморка, а от обильных слез умиления. Потом друзья подходили к ней по очереди, мужчины целовали ей руку, а женщины прижимались щеками к ее щекам, имитируя поцелуи. Мужчинам она дарила свои фотографии, а женщинам – драгоценности, снимая их одну за другой. Получив памятные подарки, друзья скромно удалялись. Когда мы с матерью остались вдвоем, она поискала, что бы такое и мне оставить на память, но все уже было ею роздано, и тогда она сказала слабым и замирающим голосом: «Тебе, дорогая, я оставляю мою любовь. А теперь уходи, я очень устала». Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Я была уверена, что, насытившись вниманием друзей и получив от них запас энергии, на завтра мать проснется бодрой и уверенной в себе, забудет обильные слезы и прощальные речи, разве что пожалеет о том, что снимала с себя драгоценности и раздавала их подругам. Поэтому я спокойно попрощалась с нею и вышла из палаты.

Придя к ней в больницу на следующее утро, я узнала, что мать уже перевели в отделение эвтаназии. Оказывается, измученная гайморитом, она потребовала немедленного прекращения своих страданий, и ее просьба об эвтаназии была удовлетворена, ведь ей было уже за сорок. Меня попросили подождать в приемной отделения. Я думала, что еще увижу мать и попытаюсь отговорить ее. Но вместо этого ко мне вышел служитель в черной форме с чемоданчиком в руке. Он сказал мне, что произведена уже не только эвтаназия, но и кремация, и сейчас осталось только поехать на Траурную набережную, где прах моей матери будет предан воде. Большой черный мобиль траурной службы был набит вчерашними гостями моей матери. Я предпочла ехать следом на своем мобиле.

На специально отгороженном участке набережной служитель раскрыл свой чемодан и вынул из него небольшой стальной ящичек. Он поставил его на кубическое возвышение из гранита. Все подошли и столпились вокруг. Я прочла на крышке:

Актриса София Саккос 1985—2027

Собрались все те же актеры, подруги и поклонники матери, что был и на вчерашнем вечере. Лишь одно лицо показалось мне новым – высокая старая леди с копной белоснежных волос. Я пригляделась и мысленно ахнула – это была моя бабушка! Я сразу ее узнала, хотя с момента моего похищения из Баварского Леса прошло уже так много лет. Я растерялась и не знала, что делать. Тут снова зазвучали прощальные речи. По-моему, друзья матери повторяли то, что

говорили накануне. Неприятны были и они сами, и их речи: они играли, они изображали самих себя, опечаленных смертью матери, но настоящего горя никто из них не испытывал. «Черт побери, ты просто не имеешь права умирать такой молодой, такой красивой!» – говорил вчера матери один из ее прежних любовников. «Черт побери, она просто не имела права умирать такой молодой, такой красивой!» – говорил он сегодня с той же заученной интонацией. Они все казались наполовину мертвыми, ведь многим было уже под пятьдесят и даже больше. И как ни странно, рядом с ними древность моей неожиданно появившейся бабушки производила впечатление какой-то реальной старости, сказочной и опрятной. Она не плакала, но ее лицо выражало непритворное горе.

«Сколько ей может быть лет? – размышляла я, искоса поглядывая на нее. – Семьдесят? Восемьдесят?» – потом я узнала от бабушки, что ей было тогда 82 года. Она явно не пользовалась косметикой, не красила белоснежных волос, но румянец у нее был настоящий и глаза блестели. Мне вдруг захотелось подойти и представиться, так я и сделала.

Услышав мое имя, она ахнула и протянула ко мне руки, как будто хотела меня обнять на виду у всей собравшейся публики. Я заметила у нее на руках старомодные белые перчатки и поняла, что прикосновение ее рук не грозило мне контактом с чужой кожей. Позже я узнала, что перчатки эти были изготовлены из тонко выделанной козьей кожи, так называемой «лайки», но тогда они позволили мне проявить готовность, по крайней мере внешнюю, к близкому контакту; я взяла бабушку за руку и держала несколько секунд, сказав при этом по-русски, хотя и не очень уверенно: «Здравствуй, бабушка! Я очень рада тебя видеть. Как ты поживаешь?» Старушка так и просияла.

Я сознавала, что мною движет асоциальное чувство жалости, но, видимо, психотерапевты адаптационной школы не до конца выскребли мои детские воспоминания – вот даже русские слова выпрыгнули из памяти. Да и смерть матери на меня подействовала удручающе: я смотрела на спую старенькую бабушку и думала, что с сегодняшнего дня у нее на свете не осталось никого, кроме меня. После похорон мы еще долго стояли с ней на опустевшей набережной и разговаривали, уже перейдя на планетный, по бабушкиному – на английский. Я рассказала о моей жизни с матерью и ее любовниками, о школьных годах и о своей теперешней жизни. Бабушка сказала, что никогда не считала меня предательницей и тосковала по мне. Почему-то для меня это в тот день казалось важным, и мне захотелось поддерживать с ней отношения, хотя вообще-то я никогда не позволяю людям навязывать мне свое общество вне Реальности. Я сказала бабушке, что рада ей и не хочу снова потерять ее. В ответ она пригласила меня прямо сейчас поехать с нею в Баварский Лес. У меня были деньги на смету, подходило время очередного летнего отпуска, и я согласилась, хотя мне очень страшно было думать о возвращении в дом, воспоминания о котором были стерты из моей памяти. К тому же я понимала, что сам факт очистки моей памяти от бабушки лучше скрыть. Но все оказалось не так страшно: мудрая моя бабушка умела жить настоящим и прошлое, свое и мое, без особой надобности не ворошила. Она только иногда удивлялась моей плохой памяти.

Вот с той поры я и бываю у нее более-менее регулярно, зимой и летом, но деньги на поездку к ней коплю заблаговременно, не желая, чтобы они еще раз встали между нами. Но что же мне делать сейчас, когда денег явно не хватает, а просить у нее я не хочу?

Я рассказала о моей кровной семье, от которой у меня осталась только бабушка. Но ведь у меня есть еще одна семья – Реальная! Это мои друзья из старого замка. И если не считать бабушки, именно они и есть моя настоящая семья. Придется рассказать и о них.

До моего случайного прихода в Старый замок я посещала другие Реальности: встречалась с моими ровесниками на обычных вечеринках, путешествовала по разным экзотическим

странам, пускалась в романтические приключения и даже играла в войну. Но ни в одной компании я не заводила близких друзей и не стремилась к этому. Меня раздражало, что почти все реалисты тупо следовали разработанному для них сценарию, проявляя свою индивидуальность только в выборе костюмов, причесок и партнеров любовной игре. Когда я предлагала им новое приключение, они недоумевали: «Но ведь этого нет в сюжете!».

Однажды я получила задание разработать интерьер для Реальности «Рыцари Круглого стола». Заказ был индивидуальным, то есть кто-то создавал новую Реальность, а не использовал готовую из Банк-Реаля. Это обещало мне дополнительный заработок. Мне вручили код, я послала по нему запрос и получила приглашение войти.

Надев на голову обруч, я оказалась в каменном зале, где за большим круглым столом сидели два молодых человека в железных латах. Интерьер зала являл собой настоящую мешанину из предметов разных эпох и стран: пол был из наборного паркета, на стенах висели персидские ковры и портреты маслом, а между ними – африканские луки и кремневые ружья. Почему-то отапливалось это помещение огромной русской печкой.

Я поздоровалась и представилась.

- Сандра Саккос, декоратор. Я получила заказ на оформление вашего замка.

- Я король Артур, а это рыцарь Ланселот. Мы решили создать Реальность для романтически настроенных мужчин. Нам надоели перестрелки и путешествия по планетам с говорящими грибами и тупыми молчаливыми красавицами, а больше всего нам надоели пошлые любовные истории. Но я думаю, что произошла ошибка и мы должны просить у леди прощения за ложный вызов. Нам нужен декоратор-мужчина, не правда ли, Ланс?

- Не спешите с ответом, доблестный Ланселот Озерный: поспешность в столь серьезном деле может привести к ошибке столь же серьезной. Вспомните горестную историю не менее храброго рыцаря Тристана: если бы в один жаркий полдень он не поспешил напиться из первого попавшегося кубка, сколь многих бед избежали бы и он, и благородный король Марк, и несравненная Изольда Белокурая.

Гремя железом, оба вскочили с обитых парчой садовых скамеек.

- Ланс, ты слышишь? Она знает твое полное имя!

- И причину любви Тристана к Изольде! Откуда вы это знаете? Вас этому специально обучали?

- Да, меня этому учили, – скромно сказала я, имея в виду вовсе не колледж, а мою бабушку. Дело в том, что моя бабушка постоянно читала книги и считала, что человек не может считаться образованным, если он не прочел все знаменитые книги древности. Читать я категорически отказалась по соображениям гигиены – брать книги голыми руками! Тогда бабушка стала мне пересказывать содержание книг, которые считала обязательными для полного образования молодой леди. Но скажу, чтобы мне это было неинтересно, скорее наоборот. Книги – что! Она еще заставляла меня просматривать на допотопном электронном устройстве фильмы по искусству прошлых эпох. Конечно, то и другое мне здорово помогало в работе. Честно говоря, за время отпусков последних четырех лет я получила знаний намного больше, чем за годы обучения в колледже. Попутно она обучала меня русскому языку, читая мне вслух переделом русских классиков. Но, конечно, я никогда и никому об этом не рассказывала. Промолчала я и тогда.

- Прекрасная Сандра, вы нам подходите! – важно сказал Ланселот.

- Вы хотите сказать, что не отказываетесь от моей помощи в реконструкции интерьера вашего замка?

- Нет, не только. До сих пор мы не приглашали в нашу Реальность девушек, но мне кажется, Артур, нам пора сделать исключение. Что скажет мой король?

Артур откашлялся, приосанился и произнес с подобающим моменту величием:

- Не хотите ли вы, прекрасная леди Сандра, войти в нашу Реальность и принять участие в полной приключений жизни рыцарей Круглого стола?

- Я не прочь попробовать. Только где же все остальные рыцари?

- А они разбежались. Наша Реальность не пользуется успехом. Порой кто-нибудь заглянет к нам, привлеченный необычным названием, покрутится, поскучает и убегает в другие Реальности.

- А чем вы занимаетесь?

- Ну... мы сражаемся на мечах и шпагах, правда, в основном друг с другом. Еще мы воюем с великанами, драконами и злыми волшебниками. Но это все фантомы. Нам еще ни разу не удалось вызвать настоящего волшебника.

- С фантомами скучно, - добавил Ланселот, - ведь они действуют и разговаривают только по нашей программе, не делая ни одного самостоятельного движения.

- Да, это ужасно скучно. А вы хотите увидеть настоящего волшебника?

- Конечно! А вы умеете вызывать?

- Меня этому учили. Надо только правильно задать основные признаки, тогда Банк-Реальность находит персонажей, созданных раньше реалистами высоких категорий с использованием древних источников информации. Подобные персонажи уже не зависят от готовой программы или наших фантазий, а имеют собственные личностные качества: внешний облик, характер, историю, язык и манеры. Они подчиняются не капризам игроков Реальности, а персональной логике поведения, при этом приобретая и накапливая свой собственный опыт в тех Реальностях, куда их вызывают. Вот поэтому их и зовут «персонажами», а не «фантомами». Но мы начнем, пожалуй, не с вызова волшебника, а с поправки интерьера: у меня для вас только два часа рабочего времени, а работать бесплатно я не могу. Костюмы ваши еще ничего, но этот зал да и весь замок в целом нуждаются в реконструкции. Как я понимаю, вас волнует не столько дотошное следование истории, сколько общий дух эпохи, иначе вы бы вызвали декоратора первой категории.

Мои заказчики переглянулись, и я поняла, что декоратор первой категории им просто не по карману. И, пожалуй, до сих пор единственное, что я знаю о жизни Артура и Ланса вне Реальности, это то, что оба они небогаты.

- Начнем с отопления. Вот это громоздкое сооружение называется «русская печь». Оно совершенно не подходит ни к одной из рыцарских эпох: в России рыцарей не было.

- Неужели? - удивился король Артур. - А я слышал, что русские очень воинственны.

- В России были богатыри, так вот они иногда использовали русскую печь как средство

передвижения.

- Надо же, какая любопытная технология!

- Во всяком случае, мы ее уберем, - взмахом руки я упразднила печь. - В соответствии с подлинной эпохой короля Артура здесь надо было бы разместить огромный открытый очаг, но дым и копоть быстро вам надоедят и затмят в ваших глазах ценность исторической достоверности. Поэтому предлагаю камин из грубого камня, с дымоходом, конечно, который топится крупными поленьями. Вот такой, например.

Я быстренько создала подходящий камин, и он сразу же понравился и Артуру, и Ланселоту.

Получив одобрение, я принялась за работу. Персидские ковры уступили место выцветшим гобеленам, а масляные портреты - гербам, оленьим рогам и кабаньим головам. Исчезло огнестрельное оружие, взамен его на стенах появились копья, мечи, щиты, а по всем залам я расставила рыцарские латы. Я предложила создать несколько крупных собак-фантомов и кормить их остатками мяса со стола. Собаки тоже понравились.

Потом мы вышли во двор замка, и я воздвигла вместо чугунной ограды высокую каменную стену с зубцами и башнями, навела вокруг стены ров и заполнила его водой, а перед воротами устроила подъемный мост. На башнях поселила двух фантомных мальчиков-герольдов, которые должны были трубить в трубы, извещая об опасности или о прибытии гостей. В одной стороне двора я поместила колодец с воротом, а в другой - огромную дубовую коновязь. Крышу и углы донжона, а также угловые башни стены буквально облепила башенками со шпильями и флюгерами, на самом высоком шпиле водрузила штандарт короля Артура - золотого дракона на лазоревом поле. Когда оплаченное время моей работы подошло к концу, замок имел почти теперешний свой вид. Король и его рыцарь ликовали, как мальчишки.

Закончив работу, я вышла из Реальности, отчиталась перед Управлением труда, а потом снова вернулась в замок. Артур и Ланселот на этот раз встретили меня с искренней радостью, и я вызвала им настоящего волшебника Мерлина. Огромный старичина с большой бородой, в холщовой рубахе до пят и кожаном, дурно пахнущем плаще мрачно оглядел нас и спросил:

- Кто вы такие, государи мои, и что вам нужно от старого Мерлина? Зачем вы нарушили мой покой?

- Я король Артур, а это мой верный рыцарь, сэр Ланселот Озерный.

Мерлин подбоченился, закинул голову, разинул рот с плохими зубами и громко, оскорбительно захохотал.

- И ты смеешь, взбесившийся кролик, называть себя королем Артуром? Или ты думаешь, я не помню моего воспитанника и повелителя, сына великого Пендрагона? За эту дерзость стоит превратить тебя в блоху и запустить в шкуру твоей собственной собаки. Если у тебя, ничтожество, есть хотя бы собственная собака, кроме этих заводных игрушек!

Артур растерялся, а Ланселот дрожащей рукой стал вытягивать меч из ножен. Я остановила его жестом.

- Высокомудрый Мерлин! - обратилась я к волшебнику. - Прости, что мы, смертные, потревожили твой сон, и умерь твой гнев, хотя он и справедлив. Но справедлив он только на первый взгляд! Конечно, этот юноша не «бешеный медведь», но он и не «взбесившийся кролик». Эти достойные молодые люди и в самом деле не те король Артур и сэр Ланселот,

которых ты знал. Но они и не самозванцы, как тебе подумалось. Они явились сюда из другого времени, можно сказать, из другого мира, где любители старины высоко почитают храбрость живших когда-то на земле подлинных Артура и Ланселота, в их честь, а не в поругание, как тебе показалось, они взяли себе их имена, надеясь будущими подвигами хотя бы отчасти оправдать такую дерзость. И тебя, достославный волшебник Мерлин, мы захотели увидеть лишь потому, что и до нашего мира дошла слава о твоей мудрости и волшебном могуществе.

Мерлин пристально поглядел на меня.

- Прекрасная и разумная дева, я чувю в тебе силу и особое твое предназначение. Эти, - он кивнул в сторону Артура с Ланселотом, - твои, как я понимаю, сподвижники?

- Да, мудрейший Мерлин.

Он отвесил слегка небрежный поклон королю и рыцарю.

- Чего же ты хочешь от меня, дева?

- Я хотела бы заручиться твоей дружбой на будущее.

- Ты ее получишь, - он пристально взгляделся в мое лицо, - леди Сандра. Ты знаешь, как меня вызвать. Мы еще увидимся с тобой. Прощай!

Мерлин исчез, а оба моих новых друга, придя в себя, тут же заявили, что не выпустят меня из замка, пока я не соглашусь присоединиться к их Реальности. И я согласилась.

До этого случайного посещения рыцарского замка я уже перепробовала множество Реальностей - от самых экзотических до изысканно утонченных - но ни в одной из них не задержалась. Мне было в них скучно и как-то... грязно. В Артуре с Ланселотом было что-то такое, что позволяло надеяться создать Реальность, где можно жить весело, но это веселье не будет доходить до безумия, где будет много игры, в том числе любовной, но без секса, где будет много воздуха и движения, но без агрессии и жестокости. И нам это постепенно удалось, потому что были и кроме нас чудачки, искавшие в Реальности черты доброй старой сказки. Через полгода Артур уже знал, что его имя означает Бешеный Медведь, а Ланселот умел по четверти часа говорить с Мерлином, не навлекая на себя его гнева каким-нибудь анахронизмом.

Со временем нас стало больше. Кто-то приходил, кто-то уходил, но нас всегда было не меньше семи и не больше двенадцати. Сейчас в старом замке обитали неизменные Артур с Ланселотом, девушки Изольда и Энея, поэт Мэрлок, толстяк Генрих, ленивый красавчик Парсфиль, мой верный Эрик и я. Девять друзей. Моя семья. С ними я проводила большую часть моей жизни.

Конечно, утром я просыпалась в шесть часов по сигналу, как и все планетяне. Я принимала душ, одновременно проверяя давление, пульс и прочие показатели здоровья на диагностике, помещенном в полу гигиен-комнаты: если индикатор, укрепленный в стене вровень с моими глазами, выдавал какое-то отклонение от нормы, я принимала лекарство или витамины по его совету. Потом я одевалась, выпивала свой утренний энергетик и ровно в семь часов подключалась к всеобщей программе. Я со всеми вместе пела Гимн и смотрела утренние новости. Затем я переключалась на свою рабочую программу и в течение двух часов выполняла поступающие заказы, а по окончании работы отсылала отчет в Управление труда. С этого момента я была свободна.

Я выбирала из сегодняшнего меню на пульте еды какое-нибудь простое и питательное блюдо, получив контейнер, тут же съедала свой заказ, часто даже не разогревая, быстро выпивала витаминизированный напиток-энерген и уходила в любимую Реальность до вечерних новостей в девятнадцать часов. Если бы просмотр новостей не был обязательным для всех, я думаю, что многие пропускали бы вечернюю программу, ведь она длилась вдвое дольше утренней и заканчивалась около двадцати часов. Каждый восьмерик, поскольку это был общий выходной, программа начиналась на два часа раньше за счет постоянной и любимой всеми передачи «Неделя Мессии». Во время ее просмотра я заодно ужинала и сразу же после вечернего исполнения Гимна снова отправлялась к друзьям, иногда до самого утра. В такие ночи я даже спала в Реальности: как и у всех, у меня были в замке собственные покои. Я замечала, правда, что сон в Реальности не был полноценным и немного расшатывал здоровье, по иногда так не хотелось вместо милого замка оказаться прикованной страховочным ремнем в своем кресле-кровати, в узкой комнате-каюте без окон, где все время слышен надоевший плеск волн о стальной борт «Титаника».

Мы не смешивали Реальность с обыденной жизнью, не встречались и не интересовались жизнью друг друга за пределами Реальности – это не запрещалось правилами, по это было не принято. Артур и Ланселот, возможно, помнили, что когда-то я пришла в замок по их вызову как декоратор, но даже Эрика, который был в меня влюблен, никогда не интересовали моя бытовая внешность, возраст и профессия. Мы никогда не говорили о современной политике, а когда кто-нибудь вдруг надолго исчезал из игры, мы не имели возможности навести об исчезнувшем справки. Мы не знали, кто из нас в какой стране и в каком городе живет и как кого зовут. Я назвалась своим настоящим именем в день своего появления в замке, и так это осталось, но все другие имена, как я подозреваю, были только Реальными. Разговаривали мы всегда только на планетном, то есть на всем доступном языке. И вот теперь я решила рискнуть - сблизить Реальность и действительность и обратиться за помощью к своим друзьям.

Я надела обруч и вернулась во двор рыцарского замка. Уже стемнело, и окна на втором этаже донжона призывно светились. Я поднялась с шершавого бревна коновязи, поежилась от холода и быстрым шагом направилась туда, где меня ждали мои верные друзья и подруги.

Мне показалось, что без меня в пиршественном зале ничего не происходило, – все сидели на своих прежних местах и, похоже, опять начали скучать.

- Где ты пропадала? – спросил Эрик с оттенком раздражения.

- Можно сказать, что нигде и везде. Я сидела на коновязи и вспоминала свое прошлое. А перед этим меня вызвала по персонику моя бабушка, и я немного поговорил а с ней. Друзья мои, я хочу кое-что сказать вам и попросить вашей помощи!

Все встrepенулись.

- Говори, Сандра, – сказал Артур. – Нам уже осточертело без конца гонять кубки по кругу и кормить собак. Без тебя никто не может придумать ничего путного. Что за беда с тобой случилась и какое нас ждет новое приключение?

- Это не приключение. Моя старенькая бабушка живет на одном из островов Дунайского моря. Это группа островов, которая называется Баварский Лес. Я должна немедленно отправиться туда, чтобы ухаживать за бабушкой, которая сломала шейку бедра и вынуждена лежать в постели. Дорога туда далека и дорого стоит. Кто-нибудь из вас может одолжить мне денег на дорогу?

- О чем разговор! Вот, возьми, пожалуйста, - сказал мой Эрик, все еще немного сердитый, и кинул на стол свой кошелек - туго набитый золотом кожаный мешочек.

Что тут началось! Наши рыцари наперегонки стали швырять на стол золотые монеты, а Генрих тоже бросил кошелек. Энея сняла с себя кольцо с большим алмазом и бросила на середину стола, а Изольда аккуратно сняла серьги и протянула их мне.

- Вы не поняли. Речь идет не о старинных золотых монетах или бриллиантах. Мне нужны настоящие деньги.

- То есть бумажные деньги? - удивился Генрих. - Но какие именно, какой страны и какого периода? И для чего они тебе нужны, объясни, пожалуйста. Ты что, хочешь, чтобы мы перешли в другое время? Но зачем?

Я снова принялась объяснять ситуацию: бабушка больна, я должна ехать к бабушке... Меня перебил Генрих.

- Кажется, я начинаю понимать. Как ты говоришь, называется место, где живет твоя бабушка?

- Баварский Лес. Бабушка почти никогда не покидает своей усадьбы. Она очень стара, а я единственно близкий ей человек.

- Так, так, так... Старенькая больная бабушка... Баварский лес... А в лесу, конечно, живет страшный волк-людоед. Друзья, разве вам не нравится предложенный сюжет? Вы что, не узнаете его?

- Какой сюжет, Генрих?

Никто ничего не понял и я в том числе.

- Да это же сюжет про Красную Шапочку и Серого Волка! Мы все играли в него в детстве, когда еще только учились выходить в Реальность.

Все засмеялись. Кроме меня. Я была уверена, что не выходила в детстве в готовые сказочные Реальности; возможно, я тогда и персоника с обручем не видала. Может быть, сказку про Красную Шапочку мне и рассказывала бабушка, но я этого не помню. К сожалению, о своем раннем детстве я знаю только по ее рассказам, а всего ведь не расскажешь... Я вскользь подумала о том, что надо будет заказать этот сюжет в Банк-Реале. Пока же я просто промолчала.

- А что, недурная мысль - сыграть старый сюжет на новый лад, - сказал Мэрлок. - Красная Шапочка берет деньги и долг у друзей и едет навестить больную бабушку. В лесу она встречает Серого Волка - заколдованного принца-оборотня...

- Серым Волком буду, конечно, я! - Эрик подошел ко мне, обнял за талию и плотоядно облизнулся. Я сбросила его руку и сердито закричала:

- Почему вы никак не хотите меня понять? У меня действительно есть бабушка, и она больна на самом деле - не в Реальности, а в быту! Поняли теперь? Я должна лететь к ней в Баварский Лес, в ее усадьбу на острове в Дунайском море. А у меня нет денег, и мне нужны настоящие планеты - сто штук. Даст мне кто-нибудь их в долг или нет?

Все растерянно умолкли,

- Так ты это серьезно? - тихо спросил меня Эрик.

- Да, я говорю совершенно серьезно. Я прошу вас помочь мне и одолжить денег на дорогу.

- Но это... Это же не принято!

- Я лучше вас знаю законы Реальности, ведь это я работаю на Банк-Реаль! Нет ни одного параграфа, который бы запрещал нам иметь контакты в быту. Разве вы не знаете, что иногда люди влюбляются в Реальности, а затем женятся в действительности и даже заводят детей?

- О таких романах я слышала, - сказала Изольда. - Но я никогда не слышала, чтобы люди давали друг другу свои деньги... Ни в Реальности, ни в быту.

Генрих неуклюже поднялся из-за стола и подошел ко мне. Он взял меня за руку и заглянул в мои глаза.

- Сандра, ты знаешь, как я к тебе отношусь.

Я это знала. Он уже давно был безответно влюблен в меня. Это было трогательно, это всем нравилось, и Мэрлок даже сочинил об этом балладу.

- Так вот, дорогая моя Сандра, послушай моего совета: сегодня тебе лучше выйти из Реальности и дома вызвать психолога. У тебя что-то нарушилось в восприятии действительности. Это бывает, ты сама это знаешь как специалист. Тебе пропишут какие-нибудь таблетки или гипноз, и все пройдет. А мы будем с нетерпением ждать тебя обратно. Возвращайся к нам здоровой, веселой и без фантазий о больной бабушке. Договорились, моя радость? - и он нежно поцеловал мою руку.

- Сандра, милая! Мы все тебя любим, но помочь тебе может только врач! - воскликнула Энея.

- Знаешь, дорогая, я бы советовал тебе не вызывать врача, а просто уйти домой и хорошенько выспаться, - сказал Артур. - Я думаю, это встреча с драконом на тебя так повлияла. Ты слишком увлекающаяся натура. А еще я тебе советую...

Второго совета короля Артура я не стала слушать. Я пошла к дверям, сняла с головы корону и вышла из Реальности, на прощанье хлопнув дубовой дверью. Выходя, я успела краем глаза заметить, как на гаснущем экране сквозняк волной прошел по старинным гобеленам, так тщательно мною подобранным для пиршественного зала. Не знаю, захочу ли я вернуться к вам, любезнейшие дамы и великодушные рыцари!

Потом я сидела перед пустым экраном и делала то, чем частенько занималась в Реальности, но никогда не делала в жизни, - я плакала. Плакала долго, громко и беспомощно. От слез я совершенно потеряла голову и вызвала бабушку! Сморкаясь и всхлипывая, я все ей рассказала.

- И только-то? Санька, ты меня удивляешь! Тебе следовало сразу мне сказать, что у тебя нет денег на дорогу. Я сейчас же переведу на твой счет две сотни, чтобы ты могла освободиться от работы на все лето. Вызови меня, когда будешь выезжать.

- Подожди, бабушка! Еще один вопрос: кто такая Красная Шапочка?

- А ты разве не помнишь? Это была первая сказка, которую ты сама прочла по-русски. Вспомни-ка! «Жила-была девочка, звали ее Красная Шапочка...» Неужели не помнишь?

- Нет...

- Ну приезжай поскорей, расскажу. Жду тебя, милая!

Бабушка отключилась. Не столько от голода, сколько желая отвлечься, я подъехала к едальному столику и вызвала сегодняшнее меню. Я решила не экономить и заказала мясное блюдо. Сегодня это можно и нужно, ведь мне предстоит долгая дорога.

Я спокойно пообедала и уже допивала фруктово-мясной энерген, когда на экране появилось сообщение: «Управление труда уведомляет, что на Вашем счету в настоящий момент 232 планеты. Ваша просьба об отпуске удовлетворена».

Глава 3

Утром следующего дня, сразу же после передачи новостей, я отключила электропитание в своей квартире и спустилась в трюм, где находился гараж мобилей. Мой запыленный мобиль, которым я не пользовалась с декабря прошлого года, а сейчас стоял уже апрель, не хотел заводиться. Пришлось мне подняться на верхнюю палубу нашего «Титаника» и вызвать таксолет.

Когда я вышла на открытую палубу, мои глаза сразу же начало ломить от света. На такой случай я всегда держу темные очки в своей дорожной сумке, и я их надела. Однако это показалось мне странным, ведь было раннее утро и день стоял пасмурный. Наверно, мне следует обратиться к окулисту, подумалось мне, и сердце мое сжалось. Конечно, можно сделать пересадку донорских глаз: сейчас эвтаназируется много молодых девушек с хорошим зрением, заранее распродавших все свои органы. Глаза можно купить недорого, даже подобрать их заранее, еще при жизни донора, но некоторое время после пересадки нельзя пользоваться персоником более шести часов в день. Правда, сейчас я сердита на обитателей старого замка, но это вовсе не значит, что я собираюсь провести остальное время жизни в нереальном мире!

А нереальный мир был, как всегда, мокрым и неудобным. Я долго ждала таксолета под навесом возле контрольного поста, под самой камерой Надзора. «Титаник-В32011», на котором у меня квартира, не так комфортабелен, как «Титаники» класса А, где есть бассейны, сады и стоянки для личных вертолетов. Слава Мессу, на моем лайнере есть гараж для мобилей, и я могу на своем мобиле объехать весь Лондон, переезжая с причала на причал, добраться до Лондон-Центра, побродить там среди настоящих деревьев и пластиковых зданий исторического Лондона, зайти на Траурную набережную и постоять у камня с именем моей матери. Но в гидропорт на мобиле ехать слишком долго, поэтому разумней было терпеливо дожидаться таксолета. Стоя на верхней палубе «Титаника», я оглядывала Лондон с его многокилометровыми причалами, возле которых стояли тысячи «Титаников», мерцающая рядами синеватых окошек квартир-кают: все лондонцы сидят сейчас в своих пусть и не слишком сухих и теплых, но надежно укрытых от непогоды каютах перед персониками и наслаждаются прекрасной погодой каждый в своей Реальности.

От нечего делать я стала прогуливаться под навесом, разглядывая приклеенные на столбах плакаты с надписью «Разыскиваются враги Мессии. Запомните их лица и немедленно сообщите надзору, если сумеете их обнаружить. Награда – благодарность Мессии и год бесплатного пользования Реальностью или эквивалент в планетах». Под надписью рядами шли голографии и фотографии врагов общества. Большинство лиц носило явно выраженный дегенеративный характер, почти у всех, как у мужчин, так и у женщин, были длинные волосы, что делало их похожими на реальных персонажей, а это всегда неприятно вне Реальности.

Слава Мессу, я живых асов никогда не встречала.

Наконец на палубу опустился таксолет. Водитель мне попался разговорчивый. Как только я села в пассажирский салон, он немедленно сообщил мне, что сегодня волнами разбит один из Сохо-причалов, где люди живут в старых военных кораблях, и там сейчас идут спасательные работы. Через некоторое время он поведал мне еще одну городскую новость: в нижних, подводных, этажах Лондон-Центра появились свирепые крысы-мутанты, и было зафиксировано уже несколько нападений на людей, живущих под Центром. Я ничего ему не ответила, подумав, что наши спасательные службы, безусловно, спасут всех, кого можно спасти у причалов Сохо, а экологисты найдут средство справиться с крысами-мутантами.

Наконец мы прибыли в гидропорт. Таксолет обошелся мне в пять планет. Я со злостью прижала большой палец к расчетной панели и нетерпеливо постукивала ногой, пока автомат считывал мой код и производил расчеты. Я была рада покинуть тесный таксолет и его болтливую водителя: за одну поездку он дважды обратился ко мне и оба раза без особой надобности! Несмотря на стеклянную перегородку, разделявшую нас, это было неприятно: казалось, что он дышит на меня, когда оборачивается ко мне и открывает рот, чтобы рассказать свои чудовищные новости.

Уже начиналось время отпусков, и авиатакси были нарасхват. Я почти целый день просидела в холодном зале ожидания, пока подошла очередь тех, кто летел в Баварию. Зато в авиатакси мне повезло: со мной вместе летели только трое пассажиров, так что мы смогли сесть через несколько рядов друг от друга. Стюардесса оказалась ненавязчивой, и за весь рейс до Нью-Мюнхена она только раз прошла по салону, незаметно оглядев пассажиров и не сказав ни единого слова.

Полет был недолг, он продолжался ровно столько, сколько шло вечернее выступление Месса и всепланетные новости. В салоне был большой экран, и приятно было видеть дорогое лицо Мессии таким крупным планом. Планета процветала, несмотря на стихийные бедствия и эпидемии – последствия Катастрофы. Экологисты очищали планету от сорных растений на суше и в воде, от животных – мутантов и одичавших домашних животных. Борьба с асоциальными элементами шла повсеместно и подходила к концу. На заседании Мирового правительства обсуждалась возможность освободительного похода на Россию и было зачитано письмо европейских беженцев из Петербурга, умолявших Мессию спасти их и их детей от православия. Бедные, бедные русские! Что будет, если их Царь не пожалеет свой народ и не выйдет на переговоры с Мессом, уже не раз предлагавшим России отказаться от религиозных и политических заблуждений и войти в единое мировое сообщество, разделить общую судьбу человечества. Надо будет поговорить об этом с бабушкой.

Показали и лондонские новости. Волны разбились не один, а три причала в Сохо; множество старых, насквозь проржавевших военных судов, приспособленных под жилье после Третьей мировой войны, оторвалось от развалившихся причалов; они начали ударяться друг о друга, многие из них получили пробоины и затонули. Вид людей, плававших в воде, покрытой мусором и скарбом, между сталкивающимися судами, был ужасен. Но Служба спасения, как всегда, была на высоте, спасали главным образом женщин и детей. Очень трогателен был последний эпизод хроники: крепкий воин в красном комбинезоне эколога держал водной руке маленькую девочку, а в другой – промокшую белую собачонку. Обе жались к нему и повизгивали, а спасатель сурово и ласково поглядывал то на одну, то на другую.

Перед Общим Гимном, как обычно, наш Мессия исцелил десять неизлечимых больных, избранных по жребию. Очень сильное впечатление на меня произвело возвращение верхних конечностей безрукому мальчику. Правитель обнял его за оголенные плечи и буквально

вытянул из них две тонкие, еще слабые на вид, руки. Мальчишка пошевелил пальцами, поднял руки к глазам, растерянно разглядывая их, потом громко закричал от счастья и обнял Месса за ноги – он был ему чуть выше колен. Великий Мессия наклонился, поднял мальчишку на руки и... поцеловал его! Никто из людей не мог бы совершить ни первого, ни второго чуда. Думаю, не только я, но и все планетяне после этой демонстрации сверхчеловеческой природы Месса пели Общий Гимн с особым воодушевлением. Я оглянулась: другие пассажиры тоже пели Гимн стоя, один из них, кажется, даже плакал.

Экран погас, объявили посадку. Я взглянула в иллюминатор и увидела огромное солнце, тоже шедшее на посадку между снежными вершинами Альп, торчавшими из туманной дымки. Вдали виднелись курящиеся верхушки двух альпийских вулканов. Потом самолет пошел в туман, потому что и здесь, в Баварии, был такой же обычный пасмурный день, как и в Лондоне.

Перед Катастрофой столицей Баварии был старый Мюнхен, но он теперь покоился под водами Дунайского моря. Новая столица была перенесена в Альпы, на берега горного озера Зильвенштайн, в которое впадает река Изар. Прежде эта река вытекала из озера и добегала с гор до самого Мюнхена, чем очень гордятся жители Нью-Мюнхена: «Мы как жили в Мюнхене на берегу Изара, так и теперь живем!». Новая столица была спроектирована и построена бывшими баварцами разумно, функционально и красиво: одинаковые тысячеквартирные дома огромным амфитеатром располагались на каменных террасах вокруг светлого горного озера. Жители Нью-Мюнхена и его окрестностей имели в достатке чистую питьевую воду прямо в центре своей столицы, между тем как большинство обитателей планеты пользовалось восстановленной или привозной водой.

В Нью-Мюнхене были хорошие, но очень дорогие гостиницы: туристы ценили этот город и толпами приезжали сюда, чтобы полюбоваться чистыми водами озера и лежавшими ниже бесчисленными островками Альп, иногда поросшими лесом, чаще голыми или покрытыми снегом до самого лета. Правда, теперь, с постепенным нарастанием парникового эффекта, снега на вершинах гор оставалось все меньше и меньше, а к концу июня чистый альпийский снег уже весь стекал ручьями в зловонную воду Дунайского моря.

Гостиница разорила меня еще на десять планет, но ехать ночью по аквастраде я не решилась. Получив ключ от номера, я поднялась в него, приняла душ, довела с помощью таблеток свое давление до нормы и легла спать. Слава Мессу, я тотчас уснула, у меня даже не было соблазна выйти в Реальность перед сном, хотя мой маленький дорожный персоник был, конечно, со мной – я его всегда держу в дорожной сумке.

Утром я проснулась задолго до новостей и немного повалялась в широкой гостиничной кровати. Дома у меня есть кровать – узкая подвесная корабельная койка, прикрепленная к стене, но я почти никогда в ней не сплю, предпочитая свое откидывающееся кресло перед персоником. Потом я посмотрела новости, спела Гимн и роскошно позавтракала отварной форелью, благо в меню было указано, что эта рыба является достопримечательностью Нью-Мюнхена и выловлена в Изаре. Потом я спустилась к портье и заказала мобиль напрокат.

Уже в девять утра я вышла на улицу и уселась в кабину мобиля. Немного попетляв по городу под проливным дождем, я по указателям выехала на кольцевую аквастраду, а затем взяла направление на Баварский Лес.

Когда едешь по главным линиям аквастрады, то не видишь ничего, кроме других мобилей на своей и на встречной полосе и сетки железного ограждения по бокам и над головой. Совсем по-другому чувствуешь себя на боковых ветках, где движение, как правило, небольшое, сплошная сетка отсутствует и аквастрады имеют только низкое боковое ограждение: тогда

впечатление такое, будто едешь низко над водой по нескончаемому мосту. Участки аквастрады упираются в острова и островки оставшиеся от суши. Некоторые плотно застроены, другие еще остаются пустынными, зарастающими дьяволохом, который постепенно вытесняет прежнюю растительность. Еще бы ему не вытеснять: ведь он растет, питаясь разлагающимися останками затопленной органики. Как выяснили ученые, дьяволох основным корнем держится за почву, а боковые корни-насосы, длиной иногда с километр, протягивает под землей в направлении воды, спускает их на дно водоемов и там добывает питательные вещества для жизни. Мерзкое растение! Некоторые ученые утверждают, что дьяволох постепенно очищает водоемы, но другие предупреждают, что со временем, когда иссякнет органика в подводном иле, растение-мутант научится добывать себе пищу непосредственно на суше, для чего ему придется научиться убивать людей и животных. Спаси нас от этого, Месс!

Дунайское море в этом году поднялось еще на несколько десятков сантиметров, но с того счастливого дня, когда мировое сообщество передало власть Мессии, новые затопления суши уже не приносят стольких бед. Жителей прибрежных районов своевременно переселяют, причем не просто помогают им перебраться повыше, как это было в разгар Катастрофы, а перевозят военными самолетами в отдаленные районы планеты, где специально для них строятся благоустроенные дома, вмещающие по несколько тысяч человек. Пока не все, конечно, получают отдельные комнаты для жилья, но зато сразу же по прибытии каждого переселенца обеспечивают персоником, а также предоставляют работу по строительству новых домов и аквастрад. Они все счастливы и благодарны Мессии, я это сама видела в новостях.

Сеть аквастрад из-за наступления воды на сушу постоянно изменяется и перестраивается, поскольку прежние острова, служившие главными опорами для старых дорог, уходят под воду; приходится возводить множество новых бетонных и металлических опор, поддерживающих полотно аквастрад, а некоторые участки снимают за ненадобностью: исчезли населенные пункты, которые они прежде соединяли.

Я пристроила свой персоник на переднем стекле и внимательно следила за местной картой аквастрад, но все равно то и дело оказывалась на «оборвышах»: ветка аквастрады приводила меня на островок, откуда она уже никуда не вела, а упиралась в шлагбаум с надписью «Дальше дороги нет. Вернитесь на основную аквастраду». Я возвращалась и продолжала путь по другой ветке.

Но настоящую опасность представляют собой «гнилые аквастрады», которых в этом году появилось еще больше. Это участки аквастрад, у которых основания бетонных опор подмыло водой и под тяжестью железобетонного полотна опоры разошлись в стороны. В этих местах аквастрада висит низко над водой, а мутная зелено-желтая вода кое-где заливают само полотно. Мне приходилось выбирать одно из двух: либо ехать прямо по воде, надеясь, что она не зальет мобиль выше половины колес, что грозило остановкой двигателя, либо задом возвращаться к ближайшему повороту на другую ветку. Хуже всего, что в первом случае невозможно было определить, а цела ли дорога под покровом воды, нет ли на ней провалов и больших трещин? Как правило, выбор делал за меня стоп-сторож: его датчики определяли опасность, оценивали ее, и в случае серьезной угрозы стоп-сторож просто останавливал мобиль. Но и он мог ошибиться, поэтому я старалась вовремя издали заметить знак, предупреждающий о том, что впереди «гнилая аквастрада», и свернуть на другую ветку, не приближаясь к опасному месту. Конечно, все это не ускоряло моей езды.

По дороге я пережила приключение, которое решила потом обработать и продать в Банк-Реаль для использования в кошмарниках. Я была уже недалеко от Баварского Леса, когда мне страшно захотелось пить. В баре мобиль оказался только фруктово-рыбный энерген и апельсиновый сок, от которого у меня аллергия, а до бабушки было еще ехать и ехать. По карте

я определила, что где-то рядом есть развилка дорог, а при ней – дорожная гостиница с рестораном и баром. Доехав до обозначенного места, я оказалась на небольшом плоском островке, где, кроме гостиницы, не было никаких других строений, и почти весь остальной остров был покрыт зарослями дьяволоха выше человеческого роста. Уже начало темнеть, и эти заросли были окутаны пугающим мраком; крупные пурпурно-черные верхушки качались на ветру, стучались друг о друга и скрежетали колючками. На стоянке возле гостиницы не стояло ни одного мобиля, в окнах не было света, и только вход и окна ресторана на первом этаже были ярко освещены. Я вышла из мобиля и пошла к дверям. И тут из кустов навстречу мне вышел человек. От неожиданности я замерла на месте.

- Не бойтесь меня, – сказал он сиплым голосом. – Я не сделаю вам ничего плохого, я только прошу о помощи.

Он вышел на свет и дал себя разглядеть. Я увидела высокого старика, чудовищно неопрятного, бородатого, и шляпе с обвисшими полями и с палкой в руке. Рядом с ним шла большая серая собака такая косматая и грязная, что свалявшаяся длинная шерсть на ней казалась каким-то собачьим рубищем. Оба остановились шагах в десяти от меня, но даже на таком расстоянии я почувствовала исходящую от них вонь, заглушавшую горько-сладкий запах дьяволоха.

- Сядь, Принц! Видишь, дама тебя боится, – сказал старик, и жалкое страшилище послушно уселось у его ног.

- Что вам надо от меня?

- Ничего кроме еды. Мы с Принцем уже два дня ничего не ели. Он стар и не может поймать даже хромого мышонка. Я могу терпеть, а собаку жаль...

- Но вот же перед вами ресторан! Почему вы не возьмете еду для себя и собаки? Если у вас нет денег на вашем счету, вам отпустят еду за счет Мессии.

- Нас тут не станут кормить, и лучше не спрашивайте почему. Просто возьмите для нас с Принцем пару булочек с мясом или колбасой... И бутылку вина для меня.

Сумерки. Пустынная ветка аквастрады, голый остров, поросший дьяволохом, и в гостинице явно нет ни души.

- Хорошо, я возьму для вас еду за мой счет. Идемте в ресторан, вы сами выберете что хотите.

- Мы не можем войти внутрь.

О, Месс! Конечно, не могут! Удивительно, что камера Надзора, которая есть у входа в каждое общественное здание, до сих пор не засекала их. Я посмотрела на двери гостиницы и поняла почему: кронштейн, на котором висела камера, был обвит вьюнком-быстряком. Мне подумалось, что хитрый старик нарочно бросает у входа обрывки плетей быстряка, а этому вьюнку-мутанту достаточно двух дней, чтобы пустить корни и взобраться по любой стене на высоту нескольких этажей. Потом он расцветает огромными белыми колокольчиками, дает семена, выстреливает их на несколько десятков метров вокруг себя и отмирает. Нехитрое дело – повесить наблюдательную камеру Надзора, если под рукой есть семена или черенки быстряка! Я поняла, что судьба устроила мне встречу с одним из асоциальных элементов – асов. А в новостях недавно сказали, что на территории бывшей Баварии с асами покончено, я еще тогда очень за бабушку обрадовалась...

Чтобы войти в ресторан, я должна повернуться спиной к старику, но вдруг он и его собака

только того и ждут, чтобы накинуться на меня? Я повернулась и, чувствуя спиной их выжидающие взгляды, пошла к дверям. Ни в одном кошмарнике и вообще никогда в реальной жизни я не испытывала такого противного, липкого и холодного страха.

Я вошла в ресторан, подошла к стойке с пультом и дрожащей рукой набрала коды хлеба, сосисок и вина, едва не забыв, что хотела взять для себя яблочный сок. Пока пульт считывал мой персональный код, меня охватила тревога. Я подумала, что в зале ресторана тоже есть камеры Надзора, – вдруг они зафиксировали через окно мой разговор со стариком, а потом отметят, как я буду передавать ему еду? Может быть, оплачивая хлеб, мясо и вино для аса, я нарушаю закон?

Выйдя с подносом наружу, я почти бегом достигла своего мобиля и, встав за его прикрытием, крикнула:

- Идите скорей сюда, заберите вашу еду!

Старик доковылял до меня и протянул руки, чтобы взять у меня поднос. Протягивая ему еду, я машинально взглянула на его руки и чуть не выронила поднос на асфальт. Выходя из мобиля, я оставила его салон освещенным, и при этом свете я отчетливо увидела, что на больших пальцах аса как на правой, так и на левой руке нет персонального кода! Сунув ему поднос, я нырнула на сиденье и захлопнула дверцу. Свой яблочный сок я все-таки оставила на подносе и всю оставшуюся дорогу мучилась от жажды.

До Баварского Леса, представлявшего собой целую гряду небольших островков, я добралась уже глубокой ночью. Я съехала с главной аквастрады на боковую ветку, потом проехала несколько островов, соединенных мостами. Большая их часть была покрыта лесом и дьяволохом, а селений на них было немного, поэтому дороги здесь почти не освещались. Зато бабушкин остров еще издали так и сиял: горели фонари на мосту и на подъездной дороге к усадьбе, а в доме, стоявшем в центре острова на холме, были освещены оба этажа – это бабушка издали показывала мне, что она меня ждет!

Мост, соединявший бабушкин остров и ее частную дорогу с государственной, тоже принадлежал бабушке; он начинался от двух высоких кирпичных столбов на берегу с чугунными воротами между ними, обычно запертыми, но сейчас распахнутыми настежь. Я въехала на мост, вышла из мобиля, заперла ворота оставленным в замке большим ключом и почувствовала себя в безопасности.

Сразу за мостом начинался бабушкин парк, за последние годы превратившийся в настоящий лес, густой, но не особенно страшный, поскольку в нем совершенно не было дьяволоха. В свое время бабушка потратила много сил, очищая берег своего острова от этого проклятого растения, и оно не стало пытаться выжить там, где каждый его росток поджидали мотыга и хлорат: бабушка каждую весну нанимала несколько крепких крестьянских парней специально для очистки острова.

Дорога шла через лес на вершину холма, прямо к усадьбе, окруженной высокой металлической оградой, на вид изящной и легко преодолимой, но я знала, что при необходимости через нее можно пропустить ток. С тайными хитростями был и дом, построенный моим дедом специально для того, чтобы в нем можно было пережить тяжелые времена. Снаружи это был обычный богатый двухэтажный загородный дом с застекленной верандой и большими окнами, но мне было известно, что все стекла в доме пуленепробиваемые, а в спальне бабушки имеется специальный пульт, с помощью которого можно в несколько мгновений закрыть окна и двери стальными щитами, спрятанными в стенах дома. Но сейчас дом приветливо сиял мне навстречу

всеми своими окнами, и никто бы не мог догадаться, что этот дом – маленькая, хорошо защищенная крепость.

Я подъехала к воротам, на этот раз закрытым, и вызвала бабушку через персоники.

- Бабушка! – сказала я по-русски, поскольку в разговорах со мной бабушка предпочитала язык своей родины. – Ау! Я уже здесь, у ворот!

- Выйди из машины и подойди к воротам, – сказала бабушка в ответ. Она любила архаизмы и мобили называла «машинами». Я вышла из машины, захватив переговорную трубку персоника.

- Теперь смотри внимательно, ты видишь на воротах чугунные венки из роз?

- Конечно, вижу. Они всегда тут были.

- Но теперь есть маленькое нововведение. Отсчитай на правой створке ворот пятый венок сверху. Коли ты просунешь сквозь него руку, то нащупаешь тонкий шнур.

- Я его нашла.

- Теперь дерни за веревочку – дверь и откроется.

Я потянула за шнур, раздалось жужжание, и створки ворот раздвинулись в стороны. Я вздохнула и покачала головой: прежде бабушка всегда встречала меня у самых ворот, если не на мосту.

В обшитом светлым деревом холле было светло, тепло и тихо.

- Бабушка! Уа! Ты где?

Сверху послышался металлический стук. Я подняла голову. На лестничную площадку второго этажа, опираясь на костыль и приволакивая правую ногу, охваченную фиксирующим аппаратом из стальных трубок, вышла бабушка.

- Ну вот и ты, детка! Поднимайся скорей сюда!

Я поднялась и остановилась перед бабушкой. Как всегда при встрече, она сделала движение, как будто хотела меня обнять, но не удержала равновесия, выпустила костыль и взмахнула рукой, едва не коснувшись меня. Я слегка отодвинулась. Бабушка ухватилась за перила и все-таки, слава Мессу, удержала равновесие... Я подняла костыль и прислонила к перилам почти возле самой ее руки, чтобы ей легче было дотянуться.

- Спасибо, Санечка! Видишь, какая я стала неуклюжая. Я стараюсь без особой надобности не спускаться вниз, так и живу наверху, как в голубятне. Какой у тебя усталый вид! Доехала благополучно?

- Да, вполне. Большое тебе спасибо за деньги, теперь я свободна до конца лета и смогу за тобой поухаживать.

- Вот и прекрасно! Ты очень устала с дороги? Хочешь сразу лечь спать или поговорим немного?

- Конечно, поговорим, бабушка!

- В таком случае, отнеси сумку в свою комнату, умойся и приходи ко мне в спальню, я напою

тебя настоящим чаем.

Приезжая в гости к бабушке, я всегда занимала одни и те же комнаты на втором этаже, и в них стараниями бабушки все было устроено в соответствии с моими привычками: жилая комната с персоником последней модели – экран на всю стену, очень дорогое и очень удобное кресло-кровать перед ним, едальный столик с пультом доставки по высшему классу. Из этой комнаты дверь вела прямо в комнату личной гигиены. Рядом была еще одна комната, которая тоже считалась моей, но туда я никогда не заглядывала. Это была бывшая моя детская, где бабушка с непонятным упорством сохраняла все без изменений с тех самых пор, как мать меня оттуда выкрала: там стояли мои вещи, которых я не помнила и которые были мне не нужны.

Я приняла душ. Одним из достоинств бабушкиной усадьбы было изобилие чистой воды – она даже не была подсоединена к общей водопроводной сети, и бабушка на этом изрядно экономила. Вода в дом, в оранжерею и в курятник доставлялась по трубам прямо из озера с помощью насоса. Ее даже не надо было очищать. Это было такое ни с чем не сравнимое удовольствие – пользоваться водяным, а не аэрозольным душем!

Шкаф доставки одежды и обуви, по-молодежному «одежник», был настроен на мои размеры, поэтому я сразу же получила свежий костюм, а старый, совершенно износившийся за этот долгий день, скомкала и засунула в дверцу утилизатора. Надо заметить, что бабушкино гнездо, несмотря на всю архаичность интерьера, в смысле коммуникаций было сооружено на самом высоком уровне что, конечно, обошлось моему деду в кругленькую сумму. Но бабушка уверяла меня, что в любой момент может безболезненно отключиться как от общей электросети, так и от линии доставки еды и одежды. Может быть, но не хотелось бы проверять...

Переодевшись, я отправилась в бабушкину спальню. Комната, в которой она теперь проводила большую часть времени, вполне соответствовала ее характеру. Какой-то допотопный персоник, приобретенный только потому, что бабушке была необходима связь с внешним миром, был задвинут в дальний угол и прикрыт белой накидкой с вышитыми на ней фиалками. Зато в другом углу стояла вещь, которую теперь не увидишь даже в Реальности, – резной киот с иконами бабушкиных богов. На столике под ним лежали старинные книги и постоянно горел светильничек, называемый «лампадкой». Спала бабушка на деревянной кровати с постелью из природных тканей; она как-то сказала мне, что ее подголовники, называемые подушками, набиты опереньем птиц, но я думаю, что это все-таки была шутка. Вся стена над ее кроватью была завешена фотографиями, среди которых было только несколько голографии, а некоторые были даже черно-белыми, какие теперь можно встретить только в Реальности, посвященной XIX-XX векам. На них были изображены ее родственники, друзья, какие-то знаменитости прошлого, а еще единственная внучка Кассандра в раннем детстве. Я не любила смотреть на мои детские фотографии, ведь я совсем не знала изображенной на них упитанной, почти всегда смеющейся девчонки.

Напротив бабушкиной кровати стояли в ряд три больших шкафа с допотопными книгами и фильмами, слава Мессу, помещавшимися за стеклянными дверцами; могу себе представить, сколько пыли и микроорганизмов скопилось на них за все эти годы! Одиночество и возраст бабушки в какой-то степени оправдывали ее страсть к книгам, но еще в школе нам объясняли, почему библиофилия – один из тяжелейших видов наркомании: пристрастившись к чтению натуральных книг, человек получает наркозависимость от них настолько сильную, что уже ни чтение книг в Реальности, ни доступность печатных текстов из Всепланетной библиотеки па экране персоника не могут им заменить шелеста пыльных страниц. Но у бабушки на этот счет было свое мнение, как всегда. Впрочем, я знала, она уже в ближайшие дни будет пересказывать мне книги, которые специально для этого перечитывала в мое отсутствие, а может быть, еще и почитает мне что-нибудь вслух. Это мне даже нравится, потому что я люблю

бабушкин голос.

Между двух высоких окон, завешенных совершенно нелепыми кружевными занавесками, пропускавшими и воздух, и свет, стоял небольшой круглый стол и два кресла. На этом столике всегда стоял серебряный поднос с фарфоровой посудой и допотопным электрическим устройством для кипячения воды – все это служило для бабушкиного ритуала чаепития.

Из-за болезни и малоподвижности бабушки в комнате кое-что изменилось: появился едальный столик, прежде помещавшийся внизу, в так называемой «кухне», где бабушка чаще всего сама готовит себе еду из собственных продуктов. Бабушка и в этом чудит: у нее есть куры и рыбы, а некоторые овощи и фрукты она выращивает сама в огороде, в саду и в маленькой оранжерее. Кое-что ей дарят крестьяне из небольшой деревушки, расположенной неподалеку, в полчасе езды от ее острова. Я догадываюсь, что не за красивые глаза в хозяйстве у бабушки сохранялось много нужного крестьянам, например, сельскохозяйственные орудия, удобрения – и все отличного качества. Продавать продукты на сторону крестьяне не имеют права, они должны все сдавать государству, но делать подарки могут – вот они их и делают. А бабушка и ответ одаривает их тем, в чем они нуждаются. Еще бабушка «собирает дань со своего леса», как она выражается, под деревьями в лесу, я это видела, когда прогуливалась с ней по лесным дорожкам, росли кусты со съедобными ягодами, а еще «грибы» – разнообразные вкусные и забавные на вид земляные плоды, из которых она тоже готовит еду. Но это небезопасный промысел: бабушка говорит, что не все грибы съедобные, попадаются и ядовитые, и надо хорошо в них разбираться, чтобы не отравиться. И лесу и на полянах она также собирает разные травы, а некоторые выращивает прямо на огороде. Они потом сушатся и служат ей для заварки чая.

Процедура приготовления чая даже красива, если не думать о микробах, но я всегда надеюсь, что обработанные кипятком травы уже не так опасны, а потому и сейчас мужественно приняла предложенную бабушкой тонкую и очень горячую на ощупь чашку с золотисто-красной дымящейся жидкостью и стала пить чай.

- Я вызвала тебя, Санечка, вовсе не для того, чтобы ты ухаживала за мной и развлекала во время болезни. Я не столь привередлива, как ты знаешь, и давно научилась сама управляться со своей дряхлостью. Но мне совершенно необходимо избавиться от посещений медицинской сестры с ее уколами.

- Ты, бабушка, боишься уколов? Не верю!

- Конечно, не боюсь. Но избавиться от них надо. Ты ведь проходила в школе курс первой помощи и умеешь делать уколы.

- Умею. Ты хочешь, чтобы я сама их тебе делала?

- Вот еще! Мне нужно только, чтобы Медицинский центр согласился освободить меня от посещений сестры, доверив эти уколы тебе. Ты можешь сообщить им номер твоего свидетельства об окончании курса?

- Нет ничего проще. Я сообщу им свой код, а дальше они все сами выяснят из моего персонального досье.

- Таким образом мы решим первую половину моей проблемы – избавимся от визитов сестры.

- А в чем заключается вторая половина проблемы?

- Вторая сложнее. Мне надо на неделю покинуть усадьбу и сделать это так, чтобы об этом никто не знал, кроме тебя.

- Разве ты опасаясь Надзора?

- Надзор надзирать за мной не имеет права, я за это слишком дорого заплатила. Но я очень подозреваю, что за мной все-таки приглядывают – с помощью других учреждений. В данном случае это может быть Медицинский центр.

- Разве это возможно?

- К сожалению. Такие задания Надзора многие планетяне выполняют со сладострастным гражданским упоением.

- О, Месс!

- Представь себе. А я не люблю, когда за мной подглядывают из-за угла.

- Вау, я поняла, бабушка! Ты хочешь тайно покинуть дом, оставив меня в залог!

- Да, именно так.

- Как ты романтична, бабушка!

- Напротив, я абсолютно реалистична.

- ?!

- Реалистична в моем смысле.

- Ну да, конечно. Так чем же я смогу тебе помочь?

- Я завтра утром отправлюсь в свою поездку, а ты останешься здесь, сообщишь в Медицинский центр об этих проклятых уколах, а если вдруг кто-то из врачей захочет связаться со мной, ты скажешь, что я прекрасно себя чувствую, но как раз в данный момент сплю, и ты не хочешь меня будить.

- Все понятно. А куда же ты хочешь сбежать из-под опеки Медицинского центра, моя резвая бабушка? Или это секрет?

- Секрет.

- Вау! Как интересно!

Бабушка поморщилась: ей не понравилась моя манера выражать восторг.

- Санька, да перестань ты мяукать, как кошка! Что это за бесконечные «мяу»?

- Да не «мяу», а «вау», бабушка!

- И что это значит?

- Да ничего... Просто так принято теперь.

- А я столько раз тебе говорила...

- Помню, помню! Все эти «вау», «уа» и прочий словесный мусор свидетельствуют о некотором отставании в умственном развитии современной молодежи, и потому твоя внучка не должна следовать этой моде...

- Эта, как ты изволила выразиться, мода носит признак некоторой дебильности.

- Хорошо, пускай дебильности. Я постараюсь не огорчать тебя и буду следить за своей речью. Ты летишь самолетом или отправишься на мобиле?

- Ни то, ни другое. Я еду на своем джипе.

- Это на той старой железяке, что ходит на нефтяных батареях?

- Все ты путаешь, Санька. Автомобили раньше ходили не на батареях, а использовали как горючее бензин - производное нефти. Но мой джип уже несколько лет как переоборудован и ходит теперь на батарейках «Тэсла», как и ваши мобилы. Это обошлось мне в несколько тысяч планет.

- Зачем же было тратить такие сумасшедшие деньги и перестраивать эту древность, бабушка? Не проще ли было продать твой джип в Музей старых технологий, и на полученные деньги купить несколько мобилей? Или один, но зато очень хороший и прочный, - я знаю, ты любишь долговечные вещи.

- Саня! Сколько лет служит самый дорогой и прочный мобиль?

- Это зависит от того, как часто на нем ездят. Таксомобили, хотя они все хороших марок, служат недолго - месяца два-три. Но классный мобиль, если им пользоваться для личных поездок, может прослужить два-три года.

- Я тоже так полагаю. Ну так вот, мой старый джип служит мне уже без малого пятнадцать лет, а купил мне его в подарок еще твой дедушка и как раз в том самом Музее старых технологий, куда ты советуешь его сдать. И было ему тогда, джипу, а не дедушке, около тридцати лет. Итого получается...

- Бабушка! Так долго даже люди не живут!

- Если не веришь, могу предъявить документы и на джип, и на себя.

- Я имела в виду обычных людей, а не такое сокровище, как ты, бабушка! Ты у меня раритет, и жить тебе, как всякой исторической ценности, положено вечно.

- Хорошо, ради тебя я постараюсь пожить подольше, хотя моя жизнь, как и моя старость, принадлежит не мне, а Господу...

- Бабушка! Только не говори мне хотя бы сегодня ничего о своем Боге, который у тебя вместо Надзора, пожалуйста! Ты же знаешь, что у меня от этих разговоров начинает болеть голова.

- Знаю, милая, знаю. Прости меня, - сказала бабушка.

Я постаралась перевести разговор:

- Бабушка, а в твоём перестроенном джипе есть стоп-сторож? Дороги стали очень опасными, везде между островами полно гнилых акваград.

- Эти хваленые аквастрады вообще очень хлипкие сооружения. Впрочем, они и рассчитаны были всего на несколько лет, да прогнозы ученых об отступлении мирового океана не оправдались.

- Ну, Месс что-нибудь придумает, он не допустит гибели планеты.

- Он придумает, а как же!

Я внимательно поглядела на бабушку: мне послышалась ирония в ее голосе, но лицо ее было непроницаемо.

- Да и с нынешними водителями без стоп-сторожа нельзя на километр от дома отъехать, если не хочешь угодить в аварию; все вы норовите и во время поездок продолжать гулять в своих снах. Ты тоже грезила по дороге?

- Только о том, чтобы поскорее добраться до Баварского Леса.

Я не хотела рассказывать бабушке о настоящей причине моего невыхода в Реальность в эти два дня: она бы скорее обрадовалась, чем огорчилась за меня.

- Бабушка, во всех современных машинах имеется автоводитель и стоп-сторож: можно задать конечный пункт и спокойно уйти в Реальность, а машина сам тебя привезет куда надо. Но, конечно, только на основных аквастрадах. После Нью-Мюнхена я должна была в основном полагаться на себя.

- Похвально! Мне тоже придется ехать по скверным аквастрадам и даже сворачивать на старые грунтовые дороги.

- Они еще сохранились?

- В горах сколько угодно! А мне как раз предстоит ехать через горы.

- Ты имеешь в виду Центральные Альпы, где сохранился горный массив?

- Много будешь знать...

- Скоро состарюсь и стану такая же миленькая старушенька, как моя бабушка!

- Такой ты не станешь. Каждому поколению - своя старость.

- Если я не стану такой, как ты, то я совсем не хочу стариться. Когда мне стукнет тридцать, я поступлю, как поступает большинство разумных людей в нашем мире...

- Замолчи!

- Молчу.

Бабушка то ли из-за моей матери, то ли просто в силу своего возраста ненавидела всякие разговоры об эвтаназии. Я могла бы ей сказать, что генетический анализ показал, что жизненной энергии мне отпущено природой не больше, чем на тридцать - тридцать пять лет, да и то в последние годы мне угрожает куча болезней, так что особого выбора у меня не будет: кто же позволит калеке вернуться от эвтаназии, если только этот калека не миллионер?

- Боже, как я ненавижу этот мир! - вздохнула бабушка.

- Бабушка! Да ты же его совсем не знаешь! Ты живешь на своем островке как средневековая отшельница, ты даже новостей почти не смотришь...
- Ошибаешься. Вот новости я как раз смотрю, и на это есть две причины. Первая заключается в том, что пока я плачу за свой персоник, а это у меня самая крупная статья расходов, я должна как-то его использовать. Мне персоник в основном всего лишь заменяет телефон - ты знаешь, что в прошлом существовало такое средство общения. Вторая причина, по которой я действительно иногда просматриваю новости, заключается в том, что мне важно знать, с какой скоростью мир катится к пропасти. Да, ты права, я наблюдаю современный мир со стороны, но со стороны-то как раз иногда и виднее. Не забывай, Санечка, как долго я живу на свете и в каких разных мирах мне пришлось жить. Я жила в России при трех совершенно разных режимах, ездила потом по всему миру, пережила объединение Европы, Катастрофу и Третью мировую войну, а вот теперь приход к власти так называемого Мессии. Кроме того, не забудь, что я читаю книги.
- Бабушка, но мы ведь тоже читаем книги, когда находимся в Реальности, а еще любой специалист может получить допуск в свой отдел Всемирной библиотеки и вызывать на экран персоника нужную ему книгу!
- То-то ты много читаешь по персонику...
- Это правда. Я больше люблю слушать, когда ты пересказываешь мне книги или читаешь вслух.
- Кстати, напомни мне как-нибудь показать тебе, что остается от книг, когда их адаптируют для вашей Реальности, а также и для Всепланетной библиотеки. Ты увидишь кое-что неожиданное. Мы можем заняться этим, когда я вернусь из поездки. А если хочешь, можешь проделать этот эксперимент и сама: достань какую-нибудь хорошую книгу из моей библиотеки и вызови ее копию из Всепланетной библиотеки на экран. С настоящей книгой в руках ты сразу поймешь, как вас оболванивают.
- Ни за что я не стану трогать голыми руками эти бумажные вместилища микроорганизмов!
- Конечно, стоит мне уехать, как ты усядешься в свое зубоврачебное кресло и уткнешься в свою рыцарскую Реальность. Хоть бы в лес без меня сходила погулять!
- Шутишь, бабушка?
- Ничуть. Ты же сама говорила, что любишь одна ходить в лес в своей Реальности, а тут у тебя будет возможность гулять по настоящему лесу.
- Твоя Красная Шапочка в лес не пойдет - там могут быть волки.
- Нет на моем острове волков.
- Тогда змеи.
- И ни одной змеи нет.
- Хищные птицы...
- Из всех хищников в моем лесу попадают только комары, да и то лишь возле пруда.

- А в пруду - рыбы!
- Ты разве не любишь рыбу?
- Твою рыбу люблю, но только есть, а не смотреть на нее.
- Господи! И это говорит ребенок, зачатый не в пробирке!
- Бабушка! А ты вправду ничего не знаешь о том, где и от кого я была зачата?
- Нет, Санька, не знаю. Это был какой-нибудь дружок-актер или поклонник твоей матери. Но не беспокойся, ты гораздо больше похожа на нас с дедом, чем на мать или еще на кого-нибудь.
- Вот и прекрасно!
- Я того же мнения. А теперь иди-ка спать, дорогая. Завтра я хочу с утра уладить здесь все дела и выехать пораньше.

Я попрощалась с бабушкой. Когда я выходила из ее комнаты, она, как всегда, тайком перекрестила меня. Я внутренне передернулась, но внешне никак не среагировала: пускай себе машет ручкой, если ей это доставляет удовольствие. Она терпит мою Реальность, ну а я могу потерпеть ее религиозность. Любить друг друга нам пока не мешает ни то, ни другое...

Кстати, о Реальности. Войдя в свою комнату, я села к персонику, вызвала детский отдел Банк-Реаля и заказала сюжет про Красную Шапочку. Героиня - капризная девочка, которая не хочет носить обычный зеленый костюм планетянки и просит свою маму пришить к нему хотя бы красный капюшон. Мама у нее тоже не больно умна: она не только выполняет каприз дочери и пришивает к ее костюму самодельный красный капюшон, но еще и кормит ее нестандартной едой - печет сама кексы и булочки. За нелепый наряд другие дети дразнят девочку Красной Шапочкой. Однажды бабушка Красной Шапочки по персонику сообщает им о своей болезни. Мать посылает девочку к больной бабушке, вручив ей контейнер с каким-то особенным кексом, и предупреждает, чтобы она не ездила через лес и не заговаривала по дороге с людьми, у которых на руке нет персонального кода. Девочке кажется, что ее мобиль сможет проехать по старой аквастраде через лес, что сократит ей дорогу. В лесу живет страшный ас-оборотень, похожий на волка или на большую лохматую собаку с длинными зубами. Когда девочка останавливается на стоянке, чтобы выпить воды, он издали видит ее красный капюшон и выходит к ней из кустов, приняв облик доброго старичка. Он заговаривает с ней и просит дать ему кусочек кекса. Красная Шапочка не замечает, что у него на руке нет персонального кода, дает ему еду и рассказывает, где живет ее бабушка. Как только она уезжает со стоянки, ас снова превращается в монстра, бежит через лес к дому бабушки и пожирает ее. Потом ас-оборотень принимает облик бабушки, встречает Красную Шапочку в этом виде и заглатывает ее тоже. Мимо дома случайно проходит молодой и отважный экологист. Зайдя в дом, он видит аса-оборотня и сразу же замечает, что у того нет персонального кода. Он расстреливает аса и освобождает бабушку с внучкой. Очень поучительная сказочка, жаль, что я ее не знала, когда встретила старика с собакой. Я сняла обруч и легла спать, чтобы завтра встать пораньше и проводить бабушку в её поездку.

Но назавтра бабушка не смогла выехать на своем джипе. Ехать на нем пришлось мне.

Глава 4

Утром я пошла в гараж, чтобы вывести бабушкин джип. Это была даже не машина, а самая настоящая махина. Мне приходилось работать с интерьерами двадцатого века и создавать

такие автомобили для приключенческих Реальностей, но в Реальности все эти механизмы прошлого воспринимаются не так грубо, как в действительности. Я даже несколько оробела, когда подошла к этому металлическому чудовищу. От него мерзко пахло железом и резиной.

Я открыла дверцу кабины и ахнула: впереди, прямо перед местом водителя, торчало нелепое черное колесо – рулевое управление! Для меня оно было так же невозможно в обычной жизни, как штурвал пиратской бригадины на борту современного «Титаника». Слава Мессу, позади руля все-таки была встроена нормальная панель управления с кнопкой автоводителя и окошком стоп-сторожа.

Протиснувшись на сиденье, я просунула руки в отверстия руля, положила их на панель управления, освоилась немного и включила двигатель. Мне каким-то образом удалось вывести джип, не врезавшись в ворота гаража. Бабушка наблюдала за мной уже стоя на дорожке возле гаража. Рядом с ее костылем стояла дорожная сумка.

- Загляни в салон, нет ли там чего лишнего? У меня будет большой груз.

- Здесь полно каких-то коробок. Вытащить их?

- Оставь. Они-то мне как раз пригодятся.

Я вылезла из джипа и еще раз с сомнением оглядела его кабину.

- Знаешь, бабушка, мне кажется, твое путешествие придется отложить до полного выздоровления: ты не влезешь со своей ногой в кабину.

- Глупости! Я не могу больше откладывать свою поездку, придется как-нибудь втиснуть эту «птичью клетку».

Но как бабушка ни ворочала свою ногу, «птичья клетка» в кабину джипа не влезала. Однако бабушка сдаваться сразу просто не умела.

- Придется снимать! – заявила она решительно.

- Что снимать – рулевое колесо?

- Да нет! Вот эту мерзопакость! – она приподняла больную ногу и даже попыталась ею топнуть.

- Бабушка! Да ты с ума сошла! Ты представляешь, что случится в дороге с твоей ногой, если ты снимешь фиксатор? Нет, нет и нет! О том, чтобы снять его не может быть и речи, я тебе этого не позволю! Ты просто отложишь свою поездку, вот и все.

- Исключено. У меня назначена очень важная встреча. Меня уже давно ждут, а я все не еду.

- Так сообщи туда, что задерживаешься еще на некоторое время!

- Я не могу связаться с этими людьми. Это все очень, очень непросто, детка!

Я никогда еще не видела бабушку такой огорченной.

- Бабушка, а нельзя вызвать механика и снять этот нелепый корабельный штурвал?

- Нельзя его снимать, я им пользуюсь на трудных дорогах. Похоже, что выхода нет.

- Бабушка! Выход есть, вернее выезд, - я поеду вместо тебя.

Бабушка внимательно на меня посмотрела, потом кивнула головой и сказала:

- Когда-нибудь это должно было произойти. Мне и вправду некому поручить свое дело, кроме тебя, Санька! Как это кстати, что мы еще не успели связаться с Медицинским центром и отменить уколы. Хорошо, ты поедешь вместо меня, но тебе придется выполнить три условия. Первое - ты оставляешь дома свой персоник.

- Бабушка, это нечестно!

- С персоником в машине я тебя с острова не выпущу. Можешь ты обойтись несколько дней без выхода в свою дурацкую Реальность?

- Весь мир теперь живет в Реальности, бабушка!

- Весь мир - дурак, и довольно об этом. Второе условие - ты не останавливаешься по пути в гостиницах, а ночуешь либо на заброшенных стоянках, их будет много на дороге, по которой ты поедешь, либо на старых ветках шоссе, по которым никто не ездит.

- Бабушка, меня могут принять за аса, если увидят!

- Кто тебя примет за аса, не выдумывай! Знаешь ли ты, чем асы отличаются от обычных людей?

- Знаю. Они плохо пахнут.

Бабушка нахмурилась:

- Позволь спросить, откуда у тебя такая информация?

- От собственного носа.

- Разве ты встречала когда-нибудь живого аса?

- Да, и совсем недавно, когда ехала к тебе.

- Ну-ка, рассказывай!

Я рассказала бабушке о встрече со стариком и собакой.

- От них обоих жутко воняло, так что я теперь определенно знаю, что отличает асов от нормальных людей.

- Это поверхностный признак. Я встречала в своей жизни крупных политиков и финансистов, которые просто смердели, но никто этого не замечал. Что еще необычного было в этом старике, поважнее запаха?

- Что еще?... Ну он был одет в лохмотья... А, знаю! У него не было персонального кода, и поэтому он не мог купить еду для себя и собаки. Вот мне и пришлось для них это сделать.

- Значит, ты их пожалела?

- Может быть, не знаю. Разве это противозаконно?

- В общем, да. Как и многие другие нормальные человеческие чувства в наше время. Несмотря на это, должна сказать, что вполне одобряю твое поведение и рада, что тебе не чуждо сострадание к бедным.

- По совести говоря, бабушка, я не только из сострадания купила им еду, сколько от растерянности и страха. Сострадание пришло потом, когда я думала о них в дороге и ужасалась их положению. Я очень люблю, бабушка, когда ты меня хвалишь, но я не хочу, чтобы ты хвалила меня напрасно.

- Санька! Иногда я просто поражаюсь тому, как ты похожа на своего деда! Ну вот, а теперь тебе представится возможность ощутить себя хотя бы отчасти в положении аса: в дороге тебе нельзя будет пользоваться твоим персональным кодом. Это третье мое условие. Согласна?

- Я на все согласна, лишь бы ты с твоей больной ногой оставалась дома.

Вот так и случилось, что бабушка осталась на своем острове долечивать ногу уколами, а я покатила по ее делам на ее устрашающей машине. Она снабдила меня саморазогревающимися контейнерами с едой, большим термосом с кофе, а мне удалось вытянуть из одежника три лишних комплекта одежды, объявив полученные костюмы бракованными. У бабушки нашлось еще два собственных комплекта, на три номера больше моего. Этих пяти костюмов мне должно было хватить на неделю, поскольку в дороге я одежниками пользоваться не смогу: они есть на стоянках, но за них надо тут же расплачиваться по персональному коду.

Управлять джипом оказалось довольно просто. Огромный механизм, раз в пять больше моего мобиля, в общем-то оказался послушным. Пока обнаружилась лишь одна проблема – дорожная скука. Без персоника я была в пути совершенно отрезана от мира. Впрочем, мне и самой пока не хотелось возвращаться в старый замок. Обида пройдет, а друзья никуда не денутся: деньги в уплату за Реальность продолжают поступать с моего счета, когда захочу – тогда и вернусь к ним. А пока мне ничего другого не оставалось, как следить за дорогой и пейзажем.

Лесистые острова Баварского Леса были совершенно одинаковы, и если бы не бабушкина подробная карта, через пару часов можно было бы заподозрить, что я переезжаю с одного острова на другой уже по второму или третьему кругу. Потом мелкие острова кончились, я выехала на берег Альпийского массива и аквастрада перешла в обычное шоссе, идущее по берегу Дунайского моря.

Глядеть на море не хотелось. Оно было мелким, и повсюду из густой желтоватой воды торчали шпили затопленных церквей, верхушки покосившихся высоковольтных мачт, а там, где прежде располагались города, над водой торчали редкие пеньки высотных зданий и покосившиеся телевизионные вышки. Большая часть деревень и городов находилась под водой и была густо оплетена ядовитым водяным плющом, но в темных подводных силуэтах можно было угадать крыши домов и даже целые улицы. Это глупо, но сознание того, что под водой находятся миллионы непогребенных утопленников, навевало на меня глубокую тоску. Я видела в новостях кадры подводной съемки, сделанной вскоре после Катастрофы: руины домов в мутной воде, уцелевшие дома, такие красивые на первый взгляд даже в воде, а потом съемки внутри зданий, в квартирах, и крупным планом – тела утопленников, обглоданные рыбами. Сейчас в Дунайском море добывается огромное количество рыбы, она во много раз дешевле хлеба и овощей, но я никогда не заказываю рыбу из Центра питания. Специалисты уверяют, что от тех утопленников остались только кости, что нынешняя рыба уже давно не питается мертвецами, но мне как-то не хочется ее есть. Я пью иногда фруктово-рыбный энерген, но только потому, что в нем нет ни фруктов, ни рыбы, – только пищевая синтетика и витаминные добавки. Но в гостях у бабушки я, конечно, ем рыбу, которую она сама ловит в пруду и очень вкусно готовит.

Есть чудачки, которые купаются в земных водоемах, в реках и озерах, но я никогда не слыхала о таких, которые купались бы в Дунайском или Европейском море.

Берег был зеленым на всем протяжении, но эта зелень не радовала глаз – здесь царствовал дьяволох. Шоссе ограничивало его наступление на сушу, но местами он подбирался к самому шоссе и пытался прорваться, используя швы между бетонными плитами. Между зарослями дьяволоха кое-где виднелись остатки разрушенных строений, заросшие вьюнком-быстрыком. Там, где под воду ушла столица бывшего Австрии – Вена, роскошный имперский город, сохранившийся нынче только в Реальности, я задумалась, глядя на верхушки соборов, превратившиеся в гнездовья водяных птиц, и нечаянно вылетела на заброшенную асфальтовую дорогу, по которой когда-то ездили в четыре ряда автомобили, а теперь оказалась я одна в бабушкином джипе. Я сама себе показалась призраком прошлого и заметалась по черной асфальтовой полосе, петлявшей, крутившейся как лента Мебиуса. Эта страда имела десятки съездов, обозначенных проржавевшими указателями. Надписи были не только на немецком, но и на английском языке, как тогда назывался планетный, но они ничего не значили теперь: все ответвления главной дороги выходили на берег и обрывались над морем. С большим трудом я выбралась снова на свое шоссе, потеряв почти час времени.

Изредка на моем пути попадались стоянки с закусочными и гигиеническими кабинками. Я останавливалась, чтобы выйти из джипа и размять ноги, освежиться и выпить кофе. Но кофе я пила не за стойкой бара, а из термоса, ведь бабушка категорически запретила мне что-либо покупать, используя персональный код. Заезжая на стоянки, я сначала внимательно осматривалась, а уже потом покидала кабину – я опасалась неприятных встреч.

На дороге я почти все время была одна, поскольку через Альпы в бывшую Италию был еще один путь, более удобный, но, следуя бабушкиным указаниям, я должна была использовать только местные дороги, поэтому почти все светлое время суток у меня ушло на то, чтобы добраться до Центральных Альп. Тут я должна была остановиться на ночлег и потому, что устала, и потому, что старые дороги по ночам не освещались.

Бабушка запретила мне ночевать на стоянках, да я и сама не решилась бы на это, поскольку не могла остановиться в гостинице: глупо было бы торчать в джипе на освещенной стоянке всю ночь, рискуя привлечь к себе внимание Надзора или бдительных проезжих, поэтому пришлось искать место для ночлега прямо в лесу. Я съехала на какую-то совсем узкую лесную дорогу и встала на ее обочине, не просматривавшейся со стороны страды. Я выключила двигатель, и поначалу мне показалось, что вокруг царит мертвая тишина. Я перелезла между сиденьями в салон и устроила себе постель на матрасе, лежавшем в узком проходе между коробками. Бабушка дала мне с собой совершенно новый спальный мешок из ткани, подбитой чем-то мягким и теплым – воистину неисчерпаемы были дедовские запасы! Проверив, заперты ли дверцы, я влезла в этот мешок, погасила в машине свет, как велела бабушка, и попыталась уснуть. Но сразу же стало ясно, что без снотворного это не получится. Меня сразу же обнаружили дикие животные, и вокруг поднялась кутерьма. Кто-то ходил рядом с джипом, пытел и шуршал сухими листьями, кто-то сокрушенно охал в глубине леса, а какая-то тварь осторожно, но настойчиво скреблась в заднее стекло. И над всем этим шумел, шумел, непрерывно шумел высокий лес. Под этот шум я и уснула, проглотив вместо обычной одной две таблетки снотворного.

Ночью меня не ограбили и не съели, я даже как будто выпалась. Но проснулась я не поэтому, а от какой-то внезапно охватившей меня тревоги. И тут же я услышала непонятные крики, какие-то хлопки и свист. Прислушавшись, я поняла, что совсем рядом со мной кричат дикие птицы. То ли они нарочно слетелись к моему джипу, чуя в нем добычу, то ли это я ночью угодила в место их скопления, и они только что меня обнаружили. Я приподнялась, осторожно

раздвинула пустые коробки и выглянула в окно. На лесной дороге было темно, но впереди, в просвете между деревьями, разгоралось багровое зарево. «Лесной пожар!» – поняла я в ужасе. Видимо, птицы слетелись сюда, спасаясь от надвигающегося огня. Одна из них, громадная и черная, уселась на дереве прямо против меня и вопила: «Крах! Крах! Крах!». Другие вторили ей пронзительным писком и свистом. Наиболее агрессивные ходили по крыше джипа, стуча когтями по железу. Выдержат ли стекла, если они начнут разбивать их своими клювами, чтобы добраться до меня? Я осторожно выбралась из мешка и, стараясь не шуметь, пригнув голову, перебралась на переднее сиденье. Лихорадочно нажимая кнопки управления, я включила двигатель и постаралась как можно скорее развернуть джип и покинуть опасное место. Крики птиц сделались еще истощней, еще агрессивней, но я взяла себя в руки и мне удалось выбраться на шоссе, не врезавшись и деревья.

Выехав на основную дорогу, я заметила, что страшное зарево осталось позади меня, теперь оно разлилось на полнеба, отражаясь на снегу горных вершин. Неужели это опять какое-то извержение? Не может быть, ведь Мессия определенно заявил, что больше землетрясений в Европе не будет. Но через полчаса небо стало светлеть, а огненное зарево исчезло.

Дорога поднималась все выше, и я скоро почувствовала холод, проникавший сквозь металл машины. Я вспомнила, что еще ничего сегодня не пила и не ела и затормозила на первой же стоянке. Я воспользовалась только гигиен-кабиной, чтобы умыться и почистить зубы, но душ принимать не стала: я не люблю мыться там, где до меня мылись другие. Я сняла с себя вчерашний костюм, который тут же расплылся на дурно пахнущие влажные лохмотья, швырнула их в утилизатор и вскрыла упаковку со свежим костюмом. Надев его, я почувствовала некоторое облегчение. Потом я позавтракала в джипе и снова отправилась в путь.

Мне еще никогда не приходилось ездить по сплошным горам, и я не представляла, насколько это утомительно. То поднимаясь вверх по спирали, то спускаясь вниз, дорога так и норовила выскочить и куда-то улизнуть из-под колес джипа; автоводитель, прекрасно справлявшийся на прямой эстраде, испытания горной дорогой не выдержал, и от него пришлось отказаться. Мои глаза и мозг устали от постоянного напряжения, пальцы начали судорожно и бестолково дергаться над кнопками управления, и уже через час я начала делать ошибки – стоп-сторож предупреждающе пищал и останавливал двигатель. Не езда, а сплошная нервотрепка! Когда же я останавливалась, чтобы немного расслабиться и дать отдых глазам, начинался острый приступ одиночества. Как жаль, что я не взяла с собой персоник! Невозможность посмотреть в положенное время новости угнетала: я почти физически чувствовала себя оторванной от мира, от Мессии, от бабушки! Временами мне начинало казаться, что эта ужасная дорога между серых и зеленых гор никогда не кончится. К чувству одиночества присовокуплялась клаустрофобия, и становилось уже совсем плохо. Тогда я выходила из кабины, топталась вокруг джипа, боясь сойти с дороги, потом снова садилась за пульт и ехала дальше.

В совершенно угнетенном состоянии, усталая донельзя, я добралась до темноты почти к самому перевалу и здесь, в некотором смысле обойдя бабушкин запрет, устроилась на ночевку на заброшенной древней стоянке. Здание гостиницы зияло пустыми окнами, и можно было быть уверенной, что никаких камер Надзора здесь не сохранилось, даже если они когда-нибудь и были тут установлены. Я поужинала, приняла снотворное и со страхом уснула.

Ночь прошла спокойно, и утром меня никто не будил – я проснулась от холода, царившего в салоне. Я выбралась из джипа и увидела, что вокруг все залито густым белесым туманом. Кое-как я привела себя в порядок, экономно расходуя воду. Как, однако, не рациональна и не гигиенична жизнь за пределами цивилизации! Когда я принимаю душ у себя дома, я использую за один сеанс четверть литра распыленной воды, и этого вполне хватает, чтобы

чувствовать себя чистой; в дороге на умывание уходит литровая бутылка, но этим можно только слегка освежиться.

Я включила отопление и стала ждать, когда туман рассеется, чтобы можно было ехать дальше. Но прошел час, а туман и не думал уходить с моей дороги. Я сидела в тесной кабине, окруженная сырым и непроглядным воздушным молоком, и тосковала. В который уже раз я подумала, что если мне еще когда-нибудь придется ехать по бабушкиным поручениям, я настою на том, чтобы взять с собой персоник!

В конце концов мое терпение лопнуло, и я решительно вылезла из джипа. Пошарив глазами вокруг, я не нашла ни палки, ни сломанной ветром ветки – ничего, что могло бы мне помочь в том, что я задумала. Тогда, поразмыслив, я залезла обратно в джип и вытащила из салона две пустые коробки. Подхватив их, я пошла вперед по мокрой дороге, поминутно оглядываясь, чтобы не потерять из виду джип. Мне удалось пройти примерно шагов сто, прежде чем его очертания стали исчезать в тумане. Здесь я поставила коробки по сторонам дороги и вернулась к джипу за следующей парой. Второй отмеченный коробками отрезок дороги получился короче, поскольку сами коробки были значительно меньше машины. Отметив еще двумя коробками третий отрезок дороги, я вернулась к джипу, села за пульт и медленно проехала сквозь туман к последним отметкам. Тут мне пришлось снова вылезти на дорогу и бежать к первым коробкам, поскольку бабушка сказала, что коробки нужны для груза, за которым она меня посылает, я решила не рисковать и не использовать их все. Подтащив все шесть коробок к джипу, я начала всю работу сначала: прошла вперед, установила первую пару и так далее. Когда я совершила четыре таких поездки, я увидела, что уже могу различать дорогу и без моих отметок. То ли дорога, явно шедшая теперь вниз, вышла из густого тумана, то ли сам туман начал рассеиваться, не знаю, но я поняла, что перевал мы с джипом преодолели благополучно. Зато бабушкины коробки пострадали непоправимо: они размокли, и пришлось их бросить на обочине дороги. Я тоже размокла, вернее, мой пластиковый костюм, и его тоже пришлось снять и бросить. Я снова умылась, поскольку мне казалось, что от меня после моих пробежек с коробками воняло почти как от аса, и надела третий костюм из своих запасов. Теперь у меня оставалось только два бабушкиных, а я еще не добралась до цели своего путешествия, Я села в джип и поехала по горной дороге теперь уже вниз, и это было ничуть не легче, чем карабкаться вверх по ее петлям: туман стал прозрачней, дорогу я видела хорошо, но от оседающей влаги покрытие дороги стало мокрым и скользким.

К середине дня туман окончательно рассеялся, небо вдруг стало ярко-синим, какого я никогда не видела в нереальной жизни. Впереди горы стали снижаться и постепенно превратились в пологие холмы, а за ними до самого неба простиралась полоса еще более пронзительной синевы: я поняла, что вижу перед собой Миланский залив Средиземного океана.

Дорога, подошла к краю обрыва над долиной, уходившей к самому берегу. Я остановилась и вышла из джипа. Мои руки и лицо охватило теплым ветром, пахнувшим морской водой и дикими растениями, и это были очень приятные запахи, хотя и насквозь нереальные. Впрочем, может быть, мне это показалось, поскольку сама-то я отнюдь не благоухала...

Странное дело, Средиземное море во время Катастрофы разлилось почти вдвое и поглотило часть стран Средиземноморья, превратившись в океан, однако этот океан не производил такого гнетущего впечатления, как Дунайское и Европейское море. Может быть, дело было в солнце, сиявшем с этого абсолютно реального по цвету синего неба, ведь теперь так редко удается увидеть солнце. Или это ветер казавшийся таким чистым, несмотря на явно растительные запахи...

А может быть, дело в том, что в той стороне, куда я сейчас смотрю, далеко-далеко, на острове

Иерусалим, в своем храме уже давно не спит наш Мессия, работает и думает о всем мире, о всех людях и обо мне. Я вдруг вспомнила, что ни вчера, ни сегодня не пела вместе со всеми наш замечательный Гимн, ведь я не смотрела передачи новостей, всегда заканчивающиеся Общим Гимном. Я выпрямилась, набрала побольше воздуха и громко запела:

Союз нерушимый народов свободных сплотил ты навеки, Мессия-отец!...

Еще никогда в своей жизни я не пела Общий Гимн с таким воодушевлением. Я допела его до конца и решила, что следующим моим путешествием, а вернее, паломничеством, будет полет в Иерусалим: сколько можно откладывать то, что обязан хотя бы раз в жизни совершить каждый житель планеты! Я так разволновалась, что пришлось разыскать в аптечке успокоительное, а потом подождать, пока оно начнет действовать.

До места я доехала в середине дня. Бабушка сказала: «Ты свернешь на дорогу, обсаженную пиниями и кипарисами. Это деревья, похожие на мой зонтик: пинии – на раскрытый, а кипарисы – на сложенный. Дорога приведет тебя к белой вилле, стоящей на скале над самым океаном». Дорогу и деревья, «бабушкины зонтики», я нашла без труда: от основной дороги туда вел съезд и на нем стоял указатель «Вилла Корти». Отсюда вниз спускалась белая известковая дорога. Похоже, что это была не просто старая, а древняя дорога: она была такой узкой, что если бы навстречу мне попался самый крошечный одноместный мобиль, мы не смогли бы разъехаться. Слева за невысокой оградой тянулся сад, а справа был крутой обрыв, за которым виден был океан. Но вилла, к которой привела меня дорога, оказалась не виллой, а настоящим беломраморным дворцом, ослепительно сверкавшим на солнце. Ограды вокруг никакой не было, дорога, сузившись, подошла к просторной площадке для мобилей возле самого дворца. Одинокий мобиль стоял на ней – и какой мобиль! Огромный, красно-белый, с прозрачной купольной крышей и золотыми ручками на дверцах, это вам не какой-нибудь жалкий мобишка реалиста четвертой категории! Я даже постеснялась ставить запыленный бабушкин джип рядом с этим красавцем и припарковалась на другой стороне площадки. Отыскав в салоне пакет, который бабушка велела передать ди Корти, я направилась к ступеням, поднимающимся на террасу, уставленную огромными керамическими горшками с деревцами в цвету. На террасу выходили большие белые двери, а рядом я увидела звонок. Я подошла к дверям и позвонила. Где-то внутри дворца прозвучала короткая приятная мелодия, двери отворились, и передо мной появился старик и нарядном костюме, обшитом серебряным галуном, Я догадалась, что это дворецкий.

- Что угодно сеньорите?

- Мне нужен сеньор Ромео ди Корти.

- Ромео ди Корти-старший или Ромео ди Корти-младший?

- Полагаю, старший.

- Пройдите в гостиную, сеньорита. Я доложу о вас. Но если сеньор изволит вас принять, все равно придется немного обождать: сеньор не совсем здоров. Как прикажете о вас доложить?

- Скажите, что я приехала по поручению госпожи Елизаветы.

Дворецкий провел меня в потрясающе красивый зал, и мне сразу показалось, что я нахожусь в Реальности времен средневековой Италии. Мраморные стены, потолок и даже проемы дверей и окон были украшены каменной резьбой и позолотой. Статуи и зеркала, тяжелые столы с мозаичными столешницами, мраморные скамьи вдоль стен, а на стенах большие картины в широких золотых рамах – с первого взгляда было очевидно, что это подлинно старинные вещи.

Даже пол был выложен мраморной мозаикой. И все это великолепие сверкало такой чистотой, что хотелось каждую вещь, потрогать руками, включая блестящие белые занавеси на окнах, уложенные красивыми складками. Такие занавеси называются «ламбрекенами», мы это проходили в школе декораторов, но до сих пор мне приходилось встречать их только в эскизах интерьеров и в Реальности. Очень хотелось подойти и погладить рукой блестящие складки; интересно, это настоящий шелк или пластиковая имитация? От проверки меня удержало лишь то, что сама я была такая грязная – вдруг от моих рук на ткани останется пятно? О Месс, сейчас выйдет хозяин всего этого великолепия, а от меня воняет! И жалкий мой костюм уже успел порядочно измяться, а в нескольких местах даже лопнул...

Я достала из кармана пакетик с гигиенической салфеткой, вскрыла его и попыталась оттереть от грязи хотя бы лицо и руки. По чудесному залу поплыл резкий запах. Я скомкала салфетку и сунула ее обратно в карман.

- Это вы приехали от Елизаветы? – раздался дребезжащий старческий голос за моей спиной. Я обернулась и вскочила со скамьи: лысый старичок в красном халате совершенно неслышно вошел в зал через боковую дверь. Он был маленький, ссохшийся от старости и какой-то суетливый; спереди его халат был в сальных пятнах. Я сразу же успокоилась относительно своего вида и аромата: хозяин гостиной подходил к ее роскоши еще меньше, чем я.

- Вы привезли мне обещанное сеньорой Елизаветой?

- Да, привезла. Вот пакет для вас.

Он схватил протянутый пакет обеими руками, чуть-чуть не уронив его, прижал к груди и, оглядываясь, засеменил к той же двери, из-за которой так неслышно появился.

- Ступайте за мной! И поживей, прошу вас! Я и так вас слишком долго жду...

Я послушно отправилась за ним. Мы вышли в длинный светлый коридор с большими окнами по одной стороне, выходившими прямо на океан. Вдоль противоположной стены высокие, белые с золотом двери чередовались с бронзовыми светильниками и мраморными статуями. И конце коридор этот упирался в дверь, за которой была лестница. Мы поднялись по ней, миновали широкую площадку со скамьями для отдыха и растениями в резных мраморных ящиках похожих на саркофаги. Мы ее пересекли, поднялись еще на один этаж и вышли в коридор гораздо более скромный, чем нижний: окна в нем тоже глядели на океан, но были вдвое меньше, чем внизу, и уже не было ни светильников, ни статуй. Старик подошел к одной из дверей, вытащил ключ из кармана халата и бестолково начал тыкать им в замочную скважину допотопного дверного замка. В конце концов он попал куда надо, повернул ключ и открыл дверь.

- Проходите скорей! Какая вы нерасторопная!

Я вошла. Он быстро запер за нами дверь и облегченно вздохнул. Мы оказались в довольно большой комнате сплошь заставленной высокими книжными шкапами с застекленными дверцами. Ни в жизни, ни в Реальности никогда не приходилось мне видеть столько книг сразу. У бабушки их было во много раз меньше, а я-то считала, что у нес их больше чем надо.

- Садитесь куда-нибудь! Не торчите! – буркнул старикашка, а сам положил пакет на стол и начал бережно его разворачивать. Наконец в его руках оказалась большая толстая книга.

- Она! Это в самом деле она! – завопил он восторженно и визгливо и тут же испуганно зажал себе рот обеими руками. – Библия с иллюстрациями Густава Доре, первоиздание!... Боже мой,

а я сомневался, я думал, что их уже не осталось на земле! Понимаете ли вы, что вы мне привезли? Не-ет! Где вам понять, молодым дикарям...

Он прижимал книгу к своей засаленной груди, любовался ею, держа на вытянутых руках перед собой, а потом вдруг взял и поцеловал её! Я отвернулась, чтобы сдерживать тошноту, представив, сколько рук прикасалось к этой драгоценной реликвии и сколько на ней микробов и пылевых клещей.

- Я вам дам за нее столько макарон, сколько вы сможете увезти! - торжественно провозгласил он, наконец успокоившись. Я молчала, пораженная: бабушка ни словом не обмолвилась ни о каких макаронах, она только сказала мне, что в обмен на книгу я получу груз, который надо погрузить в джип, оставив хозяину пустые картонные ящики. Подумать только - макароны! Неужели бабушка не знает, что из двадцати пяти меню стандартного едальника десять содержат это «редкое» кушанье: стоило гонять меня в такую даль за макаронами! Ах, бабушка... Старееет она у меня, старееет...

Старик велел мне ожидать его в библиотеке, а сам вышел, не забыв запереть меня среди его драгоценных книг. Вернулся он довольно скоро, одетый в старомодный костюм из тянущейся ткани - трикотажа. Такие костюмы в прошлом называли «спортивными», хотя, по-моему, они были неудобными не только для занятий спортом, но для любых движений вообще, поскольку состояли из двух отдельных частей - брюк и фуфайки.

- Мы сейчас поедим за макаронами прямо в вашей машине, - сказал он. - Идемте!

Мы спустились вниз и вышли из дворца, никого не встретив по дороге. Подойдя к джипу, старик полез в кабину, бросив мне через плечо:

- Садитесь на пассажирское место. Я поведу машину сам, вы не знаете дороги!

Он взялся за рулевое колесо и подергал его.

- Вы что, ехали на электронике по горам? Сумасшедшие дети, они совсем не думают о смерти... Разве можно так рисковать?

Он что-то подкрутил, чем-то пощелкал, потом включил двигатель и начал выезжать, крутя руль обеими руками. Надо сказать, у него это получалось довольно лихо. Когда едешь на электронике, повороты требуют особого внимания и отнимают массу времени, ведь надо нажать несколько кнопок одну за другой, и только потом, получив задание, электроника срабатывает и заставляет мобиль двигаться в нужном направлении: именно поэтому большинство людей предпочитает езду с помощью авто водителя. Лихая езда старого сеньора ди Корти больше всего напоминала реальную скачку на лошади: его сухие, в коричневых пятнах руки свободно лежали на руле, легко, как бы играючи, вертели его, и джип, будто живое существо, тут же отзывался на каждое движение руля.

В десяти минутах езды от белого дворца мы въехали в огромный запущенный фруктовый сад, мимо которого я уже проезжала. Все деревья и нем цвели, и запах цветов густой волной вливался в открытые окна джипа.

- Слышите, сеньорита, как благоухают эти красавцы? Какой это был когда-то сад! Какие он приносил доходы! Но закройте-ка лучше окно с вашей стороны.

- Да, запах слишком ядреный, как сказала бы моя бабушка.

- А кто у сеньориты бабушка?

- Как это «кто»? Елизавета Саккос, конечно!

- О мама миа! Что же вы не сказали сразу? - он восторженно вскинул вверх обе руки, бросив руль и повернувшись ко мне. - В самом деле, как это я сам не догадался? Ведь вы так похожи! А как же вас зовут?

- Кассандра Саккос!

- Очень приятно!

Джин во время его пылких излияний шел сам по себе, никем и ничем не управляемый.

- Мне тоже. Только держите, пожалуйста, руль хотя бы одной рукой!

- О, не беспокойтесь, эта машина меня хорошо знает! - и он коснулся руля одним пальцем. - А окно все-таки закройте. В моем бедном саду после Катастрофы появились пчелы-убийцы, поэтому пришлось его забросить: никто теперь не хочет в нем работать даже за фрукты и макароны.

Я судорожно завертела ручку окна. Про пчел-убийц я узнала из новостей: люди быстро умирали после их укуса, но перед этим страшно мучились и раздувались, превращаясь в огромные человекообразные подушки.

Старик между тем все оглядывался и оглядывался на меня. И что это он меня рассматривает, как будто я красotka на экране персоника? Потом он вздохнул и проникновенно произнес:

- В ваши годы Елизавета Саккос была очень красива, очень. А как умна, а какое сердце! Я ее любил почти так же, как мою макаронную фабрику.

- А когда вы познакомились с моей бабушкой?

- Еще до Катастрофы, лет тридцать тому назад.

Тридцать лет тому назад бабушка была вдвое старше, чем я сейчас, она уже тогда была старой и навряд ли в нее влюблялись мужчины. Впрочем, кто их поймет, этих стариков-чудаков.

- Вот мы и подъезжаем!

Сад кончился, и впереди я увидела руины заводских строений, обнесенные оградой из металлической сетки почти сплошь поросшей вьющимися растениями. Мы въехали на территорию фабрики, минуя бетонные столбы, на которых некогда висели железные ворота, ржавевшие теперь в траве возле дороги, и заколесили между полуразрушенных зданий с окнами без стекол, с проемами без дверей и провисшими железными крышами.

- Вот это и есть моя макаронная фабрика! - гордо сказал ди Корти. - Ее построил еще мой прапрадед.

- Бывшая фабрика? - уточнила я.

- О нет, моя дорогая сеньорита, о нет! Все мои предки тянули макароны, тяну их и я. И никто не заставит меня бросить семейное дело только потому, что мир сошел с ума! Но, слава Богу и в этом безумном мире есть еще люди, которые ценят настоящую еду, приготовленную

нормальным способом. Такие, например, как ваша замечательная бабушка. А ведь она даже не итальянка, как прочие мои клиенты! Конечно, есть риск в том, чтобы снабжать людей едой помимо Центра питания, но мы-то с вами знаем, как делаются такие дела...

Я, честное слово, не знала, но согласно кивала головой в ответ на все, что говорил этот безумный макаронник. В конце концов для меня важно было одно: это именно тот ди Корти, к которому меня послала бабушка. Ошибки быть не могло: он ждал от нее именно ту книгу, которую я привезла, ему был знаком бабушкин джип, и он когда-то был влюблен в Елизавету Саккос. Теперь нужно было получить от него макароны и доставить их бабушке, а там она может их съесть, продать или посадить на грядках в огороде – мне решительно все равно.

Мы проехали через всю замусоренную территорию бывшего макаронного гиганта до стены высоких мрачных деревьев. Под ними я разглядела неширокий быстрый ручей, текущий со стороны гор. На берегу ручья под деревьями притаилось небольшое строение из дикого камня, крытое разноцветной от старости черепицей и похожее на таинственную заброшенную мельницу. Ди Корти остановил машину возле этой симпатичной развалины и торжественно произнес:

- Отсюда когда-то все начиналось, а теперь здесь и заканчивается. Эту макаронную фабрику собственноручно построил с сыновьями мой прапрадед. Каково, а?

- Очень красиво, – искренне сказала я. – Это похоже на старую мельницу.

- Вся в бабушку, такая же умница... хотя и не такая красавица! Здесь действительно была когда-то и мельница. В те годы, когда мой прапрадед начинал наше семейное дело, на фабрику привозили зерно, прямо здесь его и мололи. Тесто в те годы замешивали вручную, и это была самая трудная часть работы. Правильно замесить тесто для макарон – это настоящее искусство! Вы знаете, итальянцы всегда высоко ценили всякое искусство, именно поэтому им удалось то, до чего не смогли прийти другие народы. Подумайте сами, все народы знают хлеб, но макароны! Макароны изобрели мы, итальянцы! В Америке прошлого всех итальянских эмигрантов, не разбирая их профессии, почтительно называли «макаронниками». Это о чем-то говорит, не правда ли, сеньорита?

- Разумеется, сеньор ди Корти!

- Вы можете намекнуть мне на китайскую лапшу. Знаю, пробовал. Это всего лишь сухой клейстер для бумаги, и его хорошо использовать для реставрации старых книг. Кроме того, ведь речь идет об использовании пшеницы, а не риса. Макароны должны быть только из пшеничной муки! И это когда-то понимали все: у нас в прошлом был огромный экспорт по всему миру. А здесь, в Италии, ни свадьба, ни похороны не обходились без макаронного блюда. Потом на смену рукам пришли машины, потом – электроника, а качество макарон все падало и падало... А теперь мир покатился известно куда, и только немногие люди, вроде нашей замечательной бабушки, сохранили верность настоящим макаронам. И пока они есть, фабрика ди Корти будет работать! Вот только муку доставать все труднее и труднее. На этих отвратительных заводах питания весь процесс дьявольски механизирован: в один конец трубы засыпают зерно, а из другого получают пластиковые упаковки с вареными макаронами. Ну какой там у них может быть вкус... Но сегодня, сеньорита, вы будете есть на ужин настоящие макароны фабрики ди Корти!

Он подогнал джип к дверям своей фабрики и заглушил двигатель. Мы пошли внутрь. Признаться, я была разочарована, увидев только гудящий закрытый агрегат, перед пультом которого сидел в обычном персональном кресле черноволосый юноша. На голове у него был

обруч, и следил он не за пультом макаронного агрегата, а за перестрелкой американцев с индейцами на экране: его персоник стоял прямо на макаронном пульте.

Ди Корти подошел к бедному ковбою и с душераздирающим воплем сдернул обруч с его головы. На экране все замелькало, заскрежетало, захлопало, элегантная ружейная перестрелка превратилась в пулеметную пальбу – потом экран потух. Юноша, оглушенный, посидел с минуту в полной прострации, потом отер со лба выступивший пот и обернулся к ди Корти.

- Хозяин! Вы когда-нибудь угробите меня вашими штучками! Я не переносу, когда меня так резко вырывают из Реальности!

Ди Корти сказал длинную фразу по-итальянски и замахал руками как мельница. Работник ответил не менее выразительной тирадой, размахивая руками еще шире – они у него были длиннее. Потом они заорали друг на друга одновременно и стали похожи на два сцепившихся винтами вертолета. Потом оба взглянули на меня и перешли на планетный.

- Я еще вас не познакомил? – обратился ко мне сеньор Корти. – Рекомендую: Леонардо Бенси, единственный и, к сожалению, незаменимый работник моей фабрики. А это – сеньорита Кассандра Саккос.

- Неужели сеньорита и впрямь так любит макароны? – спросил юноша, изумленно уставившись на меня огромными черными глазами. – По ее фигуре этого никак не заподозришь.

- Да! Да! Я же тебе итальянским языком говорю, – сказал ди Корти на планетном.

Я решила, что пора и мне принять участие в этой беседе.

- Я без макарон просто жить не могу. Болеть начинаю, если долго их не ем. – Для убедительности я взмахнула обеими руками, потом правую прижала к животу, а левую – к сердцу. – Моя любимая бабушка тоже их обожает. Она просила передать, что вскоре ей понадобится еще такая же партия. Мы с ней готовы за макароны отдать все – деньги, книги, честь и собственные души...

- Я беру только книгами, – буркнул ди Корти. Но он уже остывал, получив от меня поддержку. – Останавливай фабрику, Леонардо пойдём грузиться.

Леонардо не глядя ткнул в какую-то кнопку на пульте, макаронный агрегат с облегчением всхлипнул и затих.

На фабрике оказалось еще одно помещение – это был склад готовой продукции. На железных стеллажах стояли знакомые мне картонные коробки, только теперь каждую из них кокетливо обвивала крест-накрест широкая красная лента с жирной надписью белым «Корти – макароны». Коробки были и тяжелые, Леонардо носил к джипу сразу по две штуки, а мы с хозяином по одной. С погрузкой мы провозились до темноты, долго устанавливая и переставляя коробки в салоне джипа, стараясь вместить побольше. Мое спальное место тоже заняли макаронами, но я решила с этим не спорить: в конце концов можно поспать одну-другую ночь и на передних сиденьях.

- Вы сейчас же поедете назад? – спросил ди Корти, когда мы закончили.

- Бабушка не разрешает мне ездить по горам ночью.

Старик, похоже, немного растерялся.

- Э... Видите ли, сеньорита... ваша бабушка всегда ночевала у меня, но я представлял ее семье как свою старую любовь.

- А вы не можете представить меня семье как свою новую любовь?

Старик окинул меня оценивающим взглядом и покрутил головой:

- Семья этого не поймет. Уау! Не будет мне сегодня ни душа, ни чистой постели, ни ламбрекенов...

- В таком случае, чао, сеньоры! Милле грация за макароны! - этими словами был исчерпан почти весь мой итальянский словарный запас, но он произвел нужное впечатление.

- Стойте! - заорал ди Корти, видя, что я открываю дверцу кабины. - Леонардо, осел ты этакий! Да будь же кавалером, разве ты не итальянец? Пригласи сеньориту переночевать у тебя!

- Я бы с радостью, но как я могу оставить фабрику?

- Хитрец! Лентяй! Ты и так работаешь всего по часу в день, ровно в двое меньше, чем работал бы на Мессию! Да и добрую половину этого времени ты проводишь, гоняясь за индейцами. Ладно, на завтра я объявляю тебе выходной.

- Завтра у меня и так выходной, с вашего позволения, завтра - восьмерик, хозяин. А послезавтра, в одинник, я хотел навестить свою тетушку, у нее день рождения - надо снести ей пачку макарон, она будет рада.

- Негодяй! Ты хочешь остановить фабрику на два дня?!

- На три. Вы же знаете, как далеко живет моя тетушка.

- Нет!!!

- Да!!!!!! А иначе я объявлю забастовку на всю следующую неделю.

- Трижды и четырежды прохвост! Забирай сеньориту и проваливай на три дня!

- Благодарю, хозяин. Я знал, что вы всегда меня поймете. Поехали, сеньорита!

- Э! Сначала отвези меня на виллу! Не на джипе же мне ехать. Я не хочу, чтобы он лишний раз мелькал у меня перед домом.

- Макаронщик. Грузчик. Да еще и личный шофер! - Леонардо скрестил руки на груди и печально уставился на запыленные балки потолка.

- Хорошо-хорошо, не будем спорить! Можешь гулять четыре дня.

На этот раз они вели свою перебранку на планетном, и я ею просто наслаждалась: в ней было столько экспрессии и жизни, как будто она происходила в Реальности. И откуда у них берется столько энергии? Неужели это от макарон?

Мы втроем уселись в старенький мобиль юного макаронщика и отвезли ди Корти на виллу, а сами отправились домой к Леонардо. Он жил в маленьком, явно старинном итальянском

городке на берегу океана, сохранившемся с докатастрофических времен. Городок назывался Мерано. Там, конечно, тоже были тысячеквартирные типовые дома, построенные по проекту, одобренному Мессом, но холостяцкая квартирка Леонардо располагалась в небольшом двухэтажном доме напротив парка, снаружи старом и даже обветшалом на вид, а внутри перестроенном соответственно требованиям цивилизации. Значит, подпольная фабрика макарон все-таки приносила хороший доход: немногие сейчас могут позволить себе снимать квартиру из двух комнат и кухни, ну и гигиен-комнаты, конечно. Там я провела почти добрый час, переделась в бабушкин костюм, висевший на мне как на вешалке, проверила здоровье. Как ни странно, все показатели были в норме – это после стольких-то приключений и волнений! А ведь макарон я еще не ела...

Мне понравилась кухня Леонардо, в которой, кроме едального столика, стояла не деревянная, как у бабушки, а гигиеничная пластиковая кухонная мебель. Мы действительно ели на ужин макароны, которые Леонардо приготовил собственноручно, нацепив специально для этой процедуры поверх зеленого комбинезона миленький фартучек с оборочками.

- Моя подружка недавно меня оставила. Это было для меня большое горе. А потом я обнаружил, что она оставила на кухне свой фартучек и утешился, – болтал он, колдуя над плитой.

Я успела изрядно оголодать в дороге, а потому ждала макарон с нетерпением. И нетерпение мое было вознаграждено: это были потрясающие макароны с божественным томатным соусом! Я так Леонардо и объявила. Он скромно расцвел.

- Вы поработали на свежем воздухе, отсюда и аппетит. Если бы вы попробовали макароны, которые готовит хозяин! Он иногда заезжает ко мне, и мы устраиваем холостяцкую пирушку. Но сын держит его под контролем, и ему так редко удается улизнуть.

После ужина мы прошли к персонику Леонардо в его спальню. У него оказался второй обруч, он дал его мне и впустил в свою Реальность, усадив в обыкновенное кресло, которое притащил из гостиной. В этой симпатичной Реальности я попала в плен к индейцам Мексики, и они спрятали меня в пирамиде под охраной жрецов-зомби. По сюжету Леонардо я должна была там сидеть, красуясь и тоскуя, распевать от страха лирические итальянские песни и с нетерпением ждать, когда Леонардо перестреляет всех индейцев, потом жрецов и освободит меня. Но я предложила свой вариант: я не трачу время на печаль и песни, а ловко обманываю жрецов, выдав себя за белую богиню, обшариваю пирамиду, узнаю все ее тайны и нахожу спрятанный в ней клад. Потом я выбираюсь из нее самостоятельно и бегу навстречу Леонардо. Мы встречаемся в джунглях, вместе отбиваемся от индейцев и диких зверей. Леонардо с этим сценарием согласился, но внес свои коррективы: сцены приключенческие перемежались любовными и сопровождалась его великолепным исполнением итальянских песен. В любовных сценах он был очарователен. В жизни он был вполне заурядным худощавым юношей со смуглым лицом и коротко остриженными черными волосами, приметными в его лице были только непропорционально большие глаза да длинный смешливый рот. В Реальность он вышел белокурым гигантом с голубыми глазами, длинными вьющимися волосами и короткой бородкой. Он был самоуверен, галантен и нежен, только все никак не мог понять, почему в лирических сценах я не разрешаю ему идти до конца.

Победив индейцев, мы тайно вернулись к пирамиде, обошли все запятанные в ней ловушки и унесли золото жрецов в замок Леонардо, похожий на виллу ди Корти, только еще роскошней. В замке было полно гостей, в большом зале играл оркестр и танцевали пары. Мы с Леонардо долго кружились в вальсе под музыку Штрауса. Так что день этот все-таки закончился ламбрекенами.

Мы сняли обручи, вернулись на кухню и доели остатки наших макарон, запивая их красным вином, а потом Леонардо устроился спать на диване в гостиной, а мне уступил свою деревянную кровать в спальне. Я чудно выспалась без всякого снотворного, что случается не так уж часто. Несомненно, эта поездка была мне на пользу!

Утром Леонардо проводил меня на своем мобиле до самого пере вала. По дороге мы несколько раз останавливались, и он учил меня обращаться с рулем. На серпантине горной дороги это оказалось и в самом деле удобней и безопасней, чем ехать на электронике, – лучше чувствуешь и дорогу, и машину.

Прощаясь на перевале, Леонардо сказал мне:

- В следующий раз, Сандра, приезжай прямо на фабрику к пяти часам или ко мне, если не застанешь меня на работе. Учти, что Ромео ди Корти-младший не любит тех, кто любит макароны, и лучше тебе с ним не встречаться: он запросто может устроить какую-нибудь пакость. Старик сделал когда-то глупость и передал ему капитал и все имущество, кроме сада и макаронной фабрики. Сыночек спит и видит избавиться от того и другого, но для ди Корти-старшего смысл жизни заключается в производстве макарон. По возрасту и состоянию здоровья старик созрел для эвтаназии, но добровольно он на нее не пойдет, он ведь еще и тайный католик. Сын отправлять его на принудительную эвтаназию не хочет, но отравляет ему жизнь как может. Для этого он и старается отвадить последних покупателей макарон, и ему это удается.

- Зачем он это делает?

- Я думаю, только из страха, потому что вообще-то он любит отца. Но ди Корти-младший входит в третий, а может быть, уже и во второй круг приближенных Мессии, в Семью, как это называется. Макароны ему еще простил и бы, хотя фабрика уже давно существует нелегально, но вот продажа макарон не через планетную сеть – это довольно рискованный бизнес. Словом, сыночку хобби отца может повредить в его карьере. Он шпионит за стариком, но сам же его и покрывает. А вот с покупателями макарон он обычно не церемонится, так что будь осторожна. Приезжай, привози книги для старика, а макароны я для тебя приготовлю заранее. И ночевать ты теперь всегда будешь у меня: мне хочется познакомиться в следующий раз с твоей Реальностью. Уверен, она не хуже моей! У тебя дар реалистки, ты знаешь об этом?

- Догадываюсь. Я думаю, что приеду еще. До скорой встречи!

- Чао, кара Сандра!

Я знала, что «кара» значит по-итальянски «дорогая». И тут я вспомнила словечко, которым решила удивить напоследок своего нового друга:

- Чао, мио Леонардо!

Это значило: пока, мой Леонардо. Ну прямо как в Реальности!

Глава 5

Обратная дорога заняла у меня гораздо меньше времени, чем дорога туда: я обошлась всего одной ночевкой без приключений. Только вот спать на передних сиденьях оказалось совершенно невозможно, пришлось ночью вытаскивать часть коробок на дорогу и запикивать их под джип на случай дождя, а в джипе расстелить матрац и спальный мешок. Бабушка меня встретила, сияя от радости.

- Как скоро ты обернулась! Ах, Санечка, ты даже не представляешь, что ты для меня сделала, как выручила меня!

- Очень даже могу, я снабдила по крайней мере на год любимую бабушку любимыми ею макаронами.

- Любимыми макаронами? Да я их терпеть не могу!

- Вот те раз! Для кого же я старалась?

- Для людей, которые сами не могут купить себе макарон, но отчаянно в них нуждаются. Если бы я была здорова, я бы сама их теперь им отвезла, но придется просить, чтобы за ними кого-нибудь прислали.

- Бабушка, я могу их отвезти куда надо.

- Нет, детка, об этом не может быть и речи. Это слишком рискованно.

- Что ты, бабушка! Я многому научилась в этой поездке, даже управлять твоим джипом с помощью рулевого колеса. Почему ты считаешь, что я не могу доставить этот смешной груз куда надо?

- Потому. Давай рассказывай, как прошла поездка. Вообще-то, я и сама вижу, что совсем неплохо: макароны ты привезла и потратила на дорогу почти вдвое меньше времени, чем это уходит у меня. И сама ты посвежела и даже немного загорела. Сейчас я поставлю чайник, и за чаем ты мне все подробно расскажешь.

Вскоре мы уже сидели за ее чайным столиком и я вела рассказ, а бабушка переживала, ахала и охала, а в некоторых местах смеялась до слез, слушая мою повесть. Больше всего ее насмешила история с утренним пожаром в лесу и нападением диких птиц на мой джип.

- Глупышка! Неужели ты забыла, что такое утренняя заря и как поют птицы на рассвете? Это они ликовали, встречая солнце!

- Хорошенькое ликованье – когтями по железной крыше! Я едва от них унесла ноги...

- Ничего бы они тебе не сделали. Ты можешь завтра на рассвете выйти в сад и услышать то же самое. Только зарю ты вряд ли увидишь, ведь тут у нас так редко бывают солнечные восходы.

- Я еще не сошла с ума, чтобы бегать утром по саду. Но я могу это проверить в Реальности: выйду на рассвете из нашего замка и посмотрю, как будут вести себя птицы.

- Могу тебе сказать заранее, так как это запрограммировано режиссерами вашей так называемой Реальности.

На это мне ответить было нечего, поскольку и вправду весь мир Реальности существует только благодаря колоссальному количеству программ, составленных реалистами, в число которых вхожу и я скромный декоратор четвертой категории.

Меня удивила реакция бабушки на мой рассказ о том, как я гостила у Леонардо.

- До чего дошел этот мир, если итальянец проводит весь вечер с красивой девушкой, тупо уставившись в экран! Даже старик ди Корти не позволил бы себе такого!

- Уа, бабушка, ты попалась! Он на что-то такое между вами намекал. Он сказал, что его семья считает тебя его бывшей возлюбленной.

- А, вот в чем дело! Старый чудак действительно представил меня в этом качестве дворецкому, зная, что тот обо всем доносит настоящему хозяину, ди Корти-младшему. С тех пор дурак дворецкий всегда устраивает меня в «синей комнате» для гостей, в которой останавливались настоящие любовницы старика, когда он еще не был стариком; из этой комнаты потайная лестница ведет прямо в его апартаменты, но могу тебе поклясться, что мы с ним ею ни разу не воспользовались! А комната прелестная - вся синяя и золотая, с большой ванной...

- Вот как тебя, бабушка, принимают на вилле Корти; комната с золотом, с ванной и даже с потайной лестницей! А твою бедную внучку дальше гостиной и захламленной книгами библиотеки никуда не пустили. Меня принимали более чем скромно - меня постарались поскорее выставить.

- Ты знаешь, Ромео поступил очень предусмотрительно, отправив тебя к Леонардо: его сын и в самом деле человек опасный. Проще говоря, он - человек Месса.

- Разве не все мы люди Месса?

- Ну что касается меня, то я определенно нет, а вот ты... Но оставим это! Однако Леонардо здорово меня разочаровал.

- Что же, по-твоему, он должен был делать? Жениться на мне?

- Ухаживать за красавицей, развлекать её, говорить комплименты, раз уж она попала к нему в дом, а не пялиться па экран.

- Бабушка! Но ведь красавицей я была как раз на экране, а не в кресле рядом с ним! И он развлекал меня и говорил мне комплименты, пел и даже обнимал, если хочешь знать.

- На экране персоника, в какой-нибудь глупенькой Реальности.

- Конечно! Он же не сексуальный маньяк, чтобы приставать к девушке в жизни.

- О, Господи! Мне вас не понять!

- О, Месс! Я тоже тебя не всегда понимаю, милая бабушка.

Но я видела, что она мною очень довольна, а ее ворчанье и покалывания - это так, по укоренившейся традиции. Хотя она, конечно, и в самом деле хотела бы меня видеть с прической на голове, лучше всего из длинных волос, в цветной одежде и, может быть, даже с краской на лице: на фотографиях в ее многочисленных альбомах именно так выглядели красавицы в дни ее молодости. Но она забыла, с каким недоумением и осуждением смотрели люди на ее дочь-актрису, не боявшуюся публично демонстрировать психопатическую озабоченность своей внешностью и туалетами. Кстати, об одежде...

- Бабушка, ты знаешь, отчего я больше всего страдала в дороге?

- Понятия не имею, дорогая, но хотела бы узнать.

- От недостатка свежей одежды. Если мне еще придется ехать куда-нибудь при таких же условиях, мне надо брать по два костюма на каждый день: оказывается, я потею, а когда потею

- воняю.

- Одежда – это не проблема.

- Очень даже большая проблема. Если я буду слишком часто браковать присланные костюмы и требовать замены, меня очень быстро уличат в обмане. Это тебе можно вольничать с одеждой, а мне присылают стандартную норму – семь костюмов в неделю.

- А нельзя дома носить один костюм по два дня и таким образом сделать запас на дорогу?

- Еще и дома не мыться и не переодеваться! Ты хочешь разводить на мне грибы, чтобы не ходить за ними в лес?

- Можно принять душ, а потом снова надеть тот же костюм.

- Совершенно невозможно! Сразу видно, что ты не носишь стандартных костюмов.

- Почему же не ношу? Я надеваю эту гадость, когда еду к врачу или по официальным делам, чтобы не объяснять каждый раз свои права. Но за макаронами я езжу в шелковом костюме имитирующем пластиковый. Хочешь взглянуть?

- Конечно, а вдруг он мне понравится?

Бабушка прошла в комнату смежную со спальней, в которой у нее стояли большие зеркальные шкафы с одеждой и которая звалась «гардеробной». Я пошла за ней. Она открыла один из шкафов и сняла с полки свернутый зеленый костюм.

- Бабушка! Но это же стандартный костюм!

- А вот и нет. Потрогай!

Она развернула костюм. На вид он был как обычный: свободный комбинезон с накладными карманами на груди и на штанах, с откидным капюшоном и поясом, который можно было завязывать узлом спереди или сзади или совсем не завязывать. Этот рациональный и удобный костюм носят все планетяне (за исключением русских, конечно, но Месс: кто знает, что они носят и как их вообще носит земля). Бабушкин костюм блестел так же, как блестят пластиковые костюмы, и по цвету он ничем от них не отличался, но когда я протянула руку и прикоснулась к нему, я сразу поняла, в чем тут разница: костюм был из натуральной ткани, а не из пластика, и чем-то напомнил мне роскошные занавеси на вилле ди Корти. Ламбрекены.

- Это шелк, бабушка?

- О! А ты, видно, и впрямь неплохой декоратор, если сумела сразу определить. Да, это шелк, причем очень хороший, китайский.

- И это можно носить прямо на теле?!

- Конечно. Я же это делаю. Шелк не только красив и прочен, он легко стирается, почти не мнется, и, главное, он гораздо полезнее для тела, чем этот пластик, из которого отливают стандартную одежду. Но только он надевается не на голое тело, как ваши пластиковые упаковки, а на белье. Ты еще помнишь, как ты носила белье в детстве, Санечка?

- Очень смутно. Это ведь было так давно...

- Даже у твоей матери память была лучше. Надо бы тебе ее специально потренировать - стихи наизусть заучивать, например, или начать учить какой-нибудь иностранный язык.

- Бабушка! Ну какие сейчас могут быть иностранные языки, что ты!

- Мы же вот говорим с тобой по-русски.

- Ах, ну это просто домашний язык.

Меня всегда ужасно огорчало, когда бабушка начинала сетовать на мою плохую память. Я не могла сказать бабушке, что воспоминания детства были удалены из моего сознания для моей же пользы. Бабушка так не считала, она думала, что они с дедом сделали все, чтобы дать мне счастливое детство. Я знала, какова была бы реакция, если бы она узнала о том, что я прошла адаптацию; она, с ее пеленой религиозностью и дикими представлениями о каких-то грехах, непременно во всем случившемся со мной в детстве обвинила бы себя, начала бы терзаться мыслями о том, что надо было дать моей матери денег на ее нелепые театральные-киношные проекты, но сохранить внучку. Она ведь не знала мою мать так, как узнала ее я! Никаких дедовых миллионов не хватило бы на затеи Софии Саккос, поскольку все они были обречены на провал. Ну оказалась бы я в адаптационной школе на три или на пять лет позже, что это дало бы мне, кроме лишних терзаний? Чем старше адаптируемый, тем тяжелее он переносит процедуру очищения памяти, некоторые даже умирают или сходят с ума. А так все получилось прекрасно: я и к современной жизни приспособилась, и бабушку, в конечном счете, не потеряла. Поэтому я улыбнулась и спросила:

- Бабушка! А можно мне примерить этот костюм? Мне интересно, как я буду себя чувствовать в одежде из природной ткани.

- Бога ради! Может быть, ты вспомнишь, как носила в детстве разноцветные платица и костюмчики из натуральных материалов. Тогда у тебя была такая упругая, здоровая кожа...

- У меня и сейчас абсолютно здоровая кожа, я ведь каждый день смотрю на индикатор здоровья, когда принимаю душ.

- А ты посмотри в зеркало на свое тело, когда ты без одежды.

- Уау! Стану я глазеть на голую женщину! Я не извращенка.

- Конечно, не станешь. У вас вместо зеркал - персонки, ваши кривые зеркала, в которых вы видите и показываете другим не себя, а мечты о себе.

- Бабушка, ну как же ты не понимаешь! В Реальности, которую человек для себя избирает и изменяет по своему желанию, он как раз и выявляет свою сущность, свое подлинное «я». Вот поэтому мы не придаем значения ни одежде, ни своей внешности на грубом уровне действительности.

- И поэтому ходите все одинаковые, как оловянные солдатики, в зеленой защитной униформе, остриженные наголо и почти лишенные вторичных половых признаков. Ты только взгляни в глаза современных людей, особенно городских! Они обращены либо внутрь себя, либо на экран персоника. Они не смотрят ни на окружающий мир, ни на себе подобных, и потому в них отражается только глубочайшая внутренняя пустота. Впрочем, в твоих глазах ума и жизни все-таки побольше, чем у других. Гены, детка, непобедимые гены! Не знаю и не хочу знать, кто был твой отец, по твой дед был очень сильной и богатой личностью.

- Я знаю, он был сказочно богат до Катастрофы, но при чем тут гены?
- Я говорю о другом его богатстве. Верой и добротой Илиас Саккос был еще богаче, чем деньгами, именно поэтому его деньги творили добро. За исключением тех, которыми я выкупила у Месса свою независимость, но и эти деньги, даст Бог, в конечном счете, послужат Богу.
- Каким образом деньги, отданные Мессии, могут послужить твоему Богу?
- Хотя бы тем, что моя свобода, выкупленная на них, служит Иисусу Христу, настоящему Мессии.
- Милая бабушка, в этом я ничего не понимаю, а потому и рассуждать об этом не хочу. Так что ты там говорила о белье! Сколько же всего должны были себе шить бедные женщины в прошлом!
- Бедные не шили - они все покупали в готовом виде. Шили себе одежду, а тем более белье только очень богатые женщины, но, конечно, не сами, а у хороших портных. Я и сейчас донашиваю то, что было когда-то куплено и сшито за большие, очень большие деньги если ты вздумашь когда-нибудь вернуться к нормальной одежде, моих запасок хватит и на твой век.
- Дед тебя баловал, бабушка?
- Очень!
- А меня?
- Еще больше. Ты разве не помнишь, как ты его звала «добрый дедушка Фей»?
- Помню. А почему я его так звала?
- Потому, что он тебя баловал и осыпал подарками, как добрая фея Золушку. А он тебя звал «моя Сандрильона».
- Золушка и Сандрильона - это ведь одно и то же, это на планетном будет Синдерелла?
- Не на планетном, а на английском. Но вернемся к нашим баранам, а вернее, к их шерсти, а также к шелкам и хлопку. Не хочешь поносить что-нибудь из нормальной одежды?
- Но я ношу абсолютно и идеально нормальную одежду! Бабушка, стандартный костюм планетянина разрабатывался целый год комиссией из ста специалистов, неужели ты думаешь, у него есть недостатки?
- Да. И первым из них - он уродлив на вид.
- Может и так, но это как раз не имеет значения. Любая современная женщина может одеваться не хуже, чем ты одевалась в прошлом и без всякого мужа-миллиардера: выйдя в Реальность можно мгновенно принять любой облик и нарядиться в какой угодно наряд. А вам приходилось одежду выбирать, заказывать, а потом еще следить за ней... С ума сойти, сколько хлопот!
- Представь себе, Санька, большинство из нас от этих хлопот получал о огромное удовольствие. Я вот только гладить не любила.

- Гладить? - Я провела руками по своим бокам. - А это еще зачем?

- Гладить одежду надо было не руками, а утюгом, и не на себе, а на специальной доске. Боюсь, тебе этого тоже не избежать, если ты захочешь пользоваться в дороге моими костюмами. После стирки их надо обязательно прогладить утюгом.

- Что такое стирка, я видела в Реальности. И этого никак не избежать?

- Ты избежишь. Стирать шелковые вещи я буду сама, тебе я шелк никак не доверю. Разве что белье...

Бабушка открыла другой шкаф, за дверями которого оказались полки, доверху набитые стопками изделий из ткани в основном светлых тонов - розовых, персиковых, голубых, но больше всего было белого белья. Впрочем, на одной из полок лежали исключительно черные вещи. Порывшись на полках, она извлекла несколько вещей.

- Вот это майка. Сюда просунешь голову, сюда - руки, а потом натянешь на тело. Это трусики, их надевают через ноги. Одевайся здесь, а я выйду, чтобы не смущать тебя.

Оставшись в гардеробной одна, я сбросила костюм, неуверенно взяла в руки майку и тут, нечаянно повернувшись к большому зеркалу на дверце шкафа, вдруг увидела свое отражение. О мой Месс! Это какое-то кривое зеркало! Никак не может быть, чтобы это страшилище была я! Ничтожные обвисшие груди, торчащие ребра, впалый живот, руки-прутья и ноги-палки... И все это какого-то трупного, серого цвета! Я вскрикнула и закрыла глаза. Затем открыла их и машинально сосредоточилась, чтобы откорректировать свой облик на экране зеркала. Но обруча у меня на голове не было, а зеркало на мои мысленные усилия никак не реагировало: мой вид был все так же безобразен и жалок. Я закричала:

- Бабушка, бабушка, поди скорей сюда!

Перепуганная бабушка, стуча своей железной ногой, приковыляла в гардеробную. Она увидела меня без одежды, но никак на это не среагировала.

- Что случилось, детка? Я продолжала тупо глядеть на свое отражение, и по моему лицу потекли слезы.

- Бабушка, бабушка, почему у меня такие тонкие ноги и руки?

- Ах, вон что! Потому что ты мало двигаешься. Это атрофия мышц.

- Бабушка, бабушка, а почему у меня такая серая и вялая кожа?

- Потому что ты не даешь ей ни воздуха, ни солнца, ни чистой воды. Это у тебя анемия.

- А почему я такая тощая?

- Плохо ешь и всегда плохо ела, Санечка. Надо есть не гнусную кормежку из пластиковых коробок, а нормальную пищу, приготовленную из натуральных продуктов на живом огне.

- Бабушка! Я не хочу, я не могу быть такой противной! Это мерзость - быть такой! Скажи, ведь это не навсегда, это можно как-нибудь исправить?

- В первую очередь надо одеться, чтобы не простудиться. Твое тело еще не приспособилось к свежему воздуху.

Я быстро, стараясь не глядеть в сторону зеркала, надела белье, а затем шелковый зеленый костюм. В зеркало я больше не смотрелась, но бабушка сказала, что в пяти шагах не разобрать, настоящий это костюм или натуральный. Потом она повела меня поить чаем и утешать.

- С тобой ничего страшного не произошло, все это вполне поправимо. Все вы такие. Вы ведете нездоровую жизнь, а потому и выглядите как дистрофики. Но взгляни на свое лицо, не бойся, вот тебе маленькое зеркало. Да взгляни же! Видишь, лицо у тебя гораздо моложе и здоровее остального тела. А знаешь, почему? Потому что ты его не упаковываешь в пластик. Да еще твоя поездка в горы и пребывание, пусть и недолгое, на солнце пошли ему на пользу - оно загорело и порозовело. Сколько часов ты провела вне машины, как ты думаешь?

- Часов пять, я думаю. Переход через Альпы в тумане, погрузка макарон, ну и по мелочи...

- А теперь скажи мне по честному, за год обычной жизни ты проводишь столько времени на воздухе?

- Конечно, нет! Если мне нужно куда-нибудь поехать, я спускаюсь в гараж и сажусь в свой мобиль. Иногда, если на каком-то официальном «Титанике» нет гаража, я паркуюсь прямо на причале, но все равно под открытым небом я нахожусь минут пять-десять, не больше.

- Вот тебе и разгадка серой кожи.

- Но как же так! Я два раза в день становлюсь на площадку диагностика в комнате гигиены и смотрю на индикатор здоровья. Он сразу выдает сигнал, если у меня что-то не в порядке, и номер лекарства, которое надо найти в аптечке и принять. У меня набор из девяти лекарственных средств, который я получила из Медицинского центра, я ведь обследуюсь раз в год. И обычно диагностик показывает, что у меня все в порядке, разве что иногда бывает пониженное давление или нехватка витаминов и микроэлементов. Я сейчас же принимаю все что нужно и через несколько минут вижу на индикаторе, что все уже в норме.

- Тут, моя милая девочка, встает вопрос, а какова теперь эта норма? Пятьдесят лет назад ваша норма считалась бы признаком какого-то злокачественного заболевания, например синдрома хронической усталости, СПИДа или рака.

- Это ужасно звучит.

- Ужасно было, что ты сама себя не видела. Но теперь, когда глазки у тебя открылись, все можно изменить к лучшему. И главное здесь не внешность, а здоровье.

- А с чего надо начинать, чтобы стать другой?

- С твердого решения добиться этого. Вот ты простояла несколько минут перед зеркалом совсем голенькая и ведь не умерла от этого?

- Чуть не умерла!

- От шока, а не от простуды. Вот и начни с малого: попробуй хотя бы по пять минут в день ходить по своей комнате в трусах и майке, выпусти свое тело из этого отвратительного пластикового мешка. Хочешь, я подберу тебе одежду, чтобы ты здесь, у меня в гостях, могла ходить по-человечески?

- Я думаю, стоит попробовать...

- А сперва хорошо бы тебе начать выходить на воздух каждый день, постепенно увеличивая время пребывания на свежем воздухе. Начни гулять по лесу, лежать на траве, купаться в озере...

- Бабушка, там же рыбы!

- Ну и что? Рыбы тебя не съедят, это ты их ешь. Можешь помогать мне в огороде и в саду.

- Ох, бабушка! И тогда я стану красивой, как в Реальности?

- Я полагаю, да. Ведь я и твоя мать, мы обе, в твоём возрасте были красивыми и здоровыми... А чего это ты ежишься и чешешься?

- Воздух проходит сквозь одежду и царапает меня.

- Чушь! Просто твоя кожа не привыкла к нормальной одежде. Ничего, привыкнет.

- А ещё мне холодно. Ноги совсем замерзли.

- Ах, да! Я забыла предложить тебе колготки.

Колготки – это такой полукombineзончик для ног и выше, немного тесный, но растягивающийся прямо на теле. В колготках стало гораздо теплее. По настоянию бабушки я целый час проходила в этой странной одежде, привыкая к ней.

На другой день после обеда, когда воздух прогрелся, я вышла из дома в бабушкином шелковом халате и немного погуляла в таком виде по саду. Слегка кружилась голова, я немного мерзла, но в общем мне это даже понравилось. Правда я все время радовалась, что бабушкин остров такой уединенный и никто меня не видит. Купаться в озере я, конечно, не стала, но отважилась ополоснуть в нем руки и лицо, внимательно следя за рыбами: их было много, и они подплывали совсем близко к берегу; принимая меня за бабушку – она их подкармливает вареной картошкой и кашей.

А ещё через два дня была проверка моего нового костюма. Мы были заранее предупреждены о визите медицинской сестры и основательно к нему подготовились. Бабушка лежала в сноси постели, демонстрируя слабость и неподвижность. В присутствии медсестры я самостоятельно сделала ей укол, и та сказала, что у меня это получается вполне профессионально: теперь она спокойна за свою самую старую пациентку и без особого вызова навещать ее больше не будет. Спросила, чем я ее кормлю и как развлекаю. Пришлось соврать, что я заказываю для бабушки диетические пакеты с едой, а развлекается она сама с помощью персоника.

- Ей нельзя будет еще месяца два вставать с постели, а потом мы начнем заново учить ее ходить, если, конечно, не случится осложнений и не встанет вопрос об эвтаназии.

- Какая может быть эвтаназия! У моей бабушки первая степень Почетной старости, она имеет все льготы и в том числе право на долгожительство.

Тут приветливая сестра нахмурилась и процедила недовольно:

- Мне это известно. Но почетная старость не исключает права на добровольный уход из жизни в случае тяжелой инвалидности, и моя обязанность предупредить вас о такой возможности.

- Большое спасибо, вы уже предупредили, – прошипела я в ответ.

Но бабушка! Бабушка прошелестела слабеньким голоском:

- Благодарю вас, сестра... Мы с внучкой непременно обсудим эту прекрасную возможность моего безболезненного ухода из жизни, как только возникнет необходимость. А сейчас я очень устала и хотела бы уснуть...

Сестра удалилась. Проводив ее и убедившись, что она покинула наш остров, я вернулась к бабушке. Она уже скакала по комнате, позвякивая своей железной ногой.

- Она даже внимания не обратила на твой костюм, Санька!

- Сука она! Вампирка и дракониха!

- Ты чего на нее взъелась? Из-за предложения об эвтаназии? Глупенькая, это же ее обязанность. И не она установила этот закон, его еще в начале тысячелетия начали принимать одна страна за другой. Тогда многие врачи и медицинские сестры скоренько на этом разбогатели.

- Эвтаназия была такой дорогой?

- Нет. Под видом эвтаназии они устраняли за деньги неугодных кому-то людей, стоило тем попасть в больницу хотя бы с воспалением аппендикса. Надеюсь, что эта медсестра действует бескорыстно, но допускаю, что ей подсказали сделать мне предложение об эвтаназии.

- Бабушка! Ты никогда не умрешь!

- Таким способом - нет. Самоубийство - это великий грех перед Богом, непростительный грех. А вообще, я, конечно, умру, как и положено всем людям.

- Бабушка!

- Но возможно, что ни мне, ни тебе умирать, вообще не придется. Все идет к тому.

- Не понимаю...

- Может быть, мы не умрем, но изменимся.

- Как это?

- Как предсказано в Писании. Но это слишком сложно для тебя, ведь ты в Бога не веруешь. Давай-ка лучше делать гимнастику. Ну-ка, руки в стороны, руки вверх, хлопок над головой! Раз, два, три, четыре!

И бабушка принялась муштровать меня, заставляя наращивать мускулы. Она взялась за меня со всей свойственной ей решительностью, и у меня почти не оставалось свободного времени, чтобы погрустить о своих покинутых реальных друзьях.

Утром я вставала теперь рано, как бабушка, вместе с солнцем. Я накидывала на голое тело старый бабушкин халат, обрезанный до колен, хватала ведро и босиком по еще холодным плиткам садовой дорожки бежала к озеру. На берегу я сбрасывала халат и заходила в воду по самые щиколотки, набирала ведерком воду и трижды обливалась с головой. Каждый день, набирая первое ведро воды, я думала: «Нет-нет! Сегодня я не смогу! Только не сегодня!», но я оглядывалась на дом и видела в распахнутом окне второго этажа бабушкино лицо и поднятую руку. Я знала, что она ждет, чтобы перекрестить меня, когда я, наконец, решусь и выплесну на

себя эту ледяную воду. Зачем она это делает, я не понимала, но, видя в окне ее улыбающееся лицо, я преодолевала малодушие, поднимала ведро над головой обеими руками и... Уау! От холода у меня перехватывало дыхание, хотелось кричать от отчаянья и обиды – за что такие муки, к чему такие подвиги?! Но я не давала себе передышки и сразу же обливалась второй и третий раз. Отбросив в сторону пустое ведро, я хватала полотенце и бешено растирала им все тело. И мне становилось... жарко! Кожа пылала, а изнутри будто вырывалась какая-то сила и наполняла все тело радостью и желанием двигаться. Я надевала халат и бежала по дорожке вокруг озера. Потом, подхватив ведро, я бежала в дом, где бабушка ждала меня с завтраком. Я терпеливо ждала, пока она прочитает молитву, а потом набрасывалась на еду. Если раньше бабушка как-то считалась с моими привычками в отношении еды и разрешала мне заказывать стандартные упаковки, то теперь она настояла, чтобы я ела все то же, что и она. Еда была крайне примитивная, без пищевых добавок, и в первые дни у меня даже болел от нее живот, но через неделю я к ней привыкла и уже без отвращения съедала тарелку каши, которую бабушка готовила на маленькой плитке прямо в своей спальне. Потом я съедала вареное яйцо с куском черного хлеба и выпивала стакан сока. Вместо привычного энергетика бабушка давала мне кофе со сгущенным молоком. Сама она пила очень крепкий черный кофе, но мне его не разрешала даже попробовать, уверяя, что мое ослабленное сердце такого испытания не выдержит.

Вы думаете, после завтрака она давала мне отдохнуть? О, нет! «Сыта сама – накорми животных!» Я шла кормить кур в вольере и рыб в озере. Рыб кормить было просто: стоя на берегу, я ложкой брала из миски кашу, оставшуюся от завтрака, и кидала ее прямо в воду, а рыбы сплывались со всех сторон и жадно ее поедали. С курами было сложнее. Сначала я долго боялась входить в вольер: стоило мне войти к курам, как они бросались ко мне и, казалось, пытались расклевать меня вместе с зерном, которое я им бросала из ведра. К курам я продолжала испытывать брезгливость, особенно когда собирала в гнездах из соломы еще теплые яйца. За то время, пока бабушка была на острове одна, они нанесли кучу яиц в свои гнезда и уселись высиживать новых кур – цыплят. Бабушка велела мне убрать яйца из всех гнезд, кроме двух, а все остальные отнести в лес и оставить там: «Нам с тобой есть их уже нельзя, а в лесу найдутся любители». В двух гнездах я оставила по двадцать одному яйцу и больше к ним не подходила: будущие куры-матери уселись на них и норовили клюнуть меня, если я подходила слишком близко. Остальные несли ежедневно по яйцу, и эти яйца следовало собирать, относить в дом и укладывать в холодильник. После кормления животных я долго отмывала руки дезинфицирующим раствором, хотя бабушка и посмеивалась надо мной: «Ты же работаешь в перчатках!». Но тут уж она ничего не могла со мной поделать.

После кормления животных я шла в сад, где у меня было выбрано укромное местечко, расстилала прямо на траве большой кусок пластика, на него клала одеяло, а сверху чистую простыню, потом раздевалась и ложилась загорать, тревожно следя за тем, чтобы на меня не села какая-нибудь муха. Такое случалось, и тогда я бежала в дом и принимала душ. Не водяной душ, а более надежный – аэрозольный, с добавкой дезинфекции.

Потом я шла в кухню и готовила обед для себя и для бабушки. Это было очень, очень трудно! Если бы она не руководила каждым моим шагом, сидя тут же в кресле-каталке и держа в руках поваренную книгу, мы бы с ней отравились блюдами моего приготовления. Но постепенно я дошла до того, что научилась даже печь нам на завтрак «русские оладьи», а на обед готовить «русские щи». И только от макарон бабушка решительно отказывалась, хотя я уверяла ее, что запомнила, как их готовил Леонардо.

Понемногу бабушка учила меня работать в огороде, но это было так сложно, что я предпочитала не вникать в тонкости, а просто исполнять то, что она мне поручала, – всё равно не понять, если не иметь специального образования. Если бы выбор был за мной, я бы

предпочла получать питание по индексу, а не мучиться с выращиванием овощей на грядках. Но бабушка уверяла меня, что ничто так не сохраняет здоровье, как работа на земле, и как было ей не поверить, ведь она сама была тому лучшее доказательство! И я копала грядки, сажала овощи, полола и работала в теплице до седьмого пота!

Была у меня еще одна небольшая нагрузка. Иногда бабушка предупреждала меня, что мы ждем гостей. Приезжали какие-то люди, разговаривали с бабушкой наедине, а потом я шла с ними в гараж, открывала салон джипа и выдавала им одну или несколько коробок макарон. Эти же люди увозили от нас яйца, рыбу, овощи и банки с вареньем – много всего. Чем они расплачивались с бабушкой, я не знаю. Со мной они не разговаривали. Я догадывалась, что это члены какого-то тайного общества любителей натуральных продуктов, а потому бабушку ни о чем не спрашивала: сочтет нужным – сама расскажет.

Каждый день перед сном я заходила в бабушкину гардеробную, раздевалась и смотрела на себя в зеркало, проверяя, насколько я похорошела за этот день. Иногда мне казалось, что ничего не меняется и я остаюсь все той же анемичной девицей, но когда я взяла один из стандартных костюмов, которые продолжали исправно поступать ко мне каждую неделю, и попыталась его надеть, он лопнул по всем швам. Это была победа! Я тут же заказала себе другой размер, на два номера больше, с запасом, а все костюмы, которые стали мне малы, побросала в утилизатор.

- Бабушка, – спросила я как-то за вечерним чаем, – у тебя сохранились твои вечерние туалеты?

- Конечно!

- И у тебя найдется что-нибудь на мою фигуру?

- Определенно найдется. Мы займемся этим завтра и наверняка подберем что-нибудь подходящее. Жаль, что у тебя еще не отросли волосы, я бы хотела сделать тебе красивую прическу. Но у меня есть парики...

- Нет, никаких париков! Я хочу быть естественной.

Я стеснялась сказать бабушке правду о том, для чего мне нужен был наряд, похожий на те, что я носила в своей рыцарской Реальности. А правда была в том, что теперь, когда я почувствовала себя здоровее и ближе к природе, меня стали угнетать воспоминания о моей реальной женской холодности. Еще до перехода в рыцарскую Реальность я это заметила и считала, что виной всему сексуальная распушенность тех миров, в которых я пыталась жить. Большинство Реальностей были именно такими – призванными удовлетворять сексуальные фантазии участников. Но позже, уже на последнем курсе в колледже, один из преподавателей объяснил мне, что эти фантазии свойственны человеку только в зачаточном состоянии, и чтобы иметь высокий спрос на такого рода продукцию, их надо развивать у потребителя с детства. Я уже много раз говорила, что у меня было неправильное детство, и похоже, что в мое подсознание просто не был вовремя заложен достаточно высокий сексуальный интерес. Я и свою Реальность в конце концов выбрала за то, что отношения между мужчинами и женщинами носили в ней романтический характер, допускавший возможность платонических отношений между мужчиной и женщиной. Но кроме меня все остальные обитатели нашего замка все-таки занимались любовью, выбирая и меня партнеров по вкусу. И только я была девственницей не только в жизни, как большинство девушек моего возраста, но и в Реальности. Меня тревожила недавно пришедшая в мою голову мысль о том, что моя сексуальная заторможенность была вызвана подсознательным знанием о своей природной непривлекательности. Мне очень хотелось теперь, когда я так изменилась, проверить это и,

если представится возможность, распротиться, наконец, с постылой девственностью. В Реальности, конечно. Для этого мне и нужен был вечерний туалет моей бабушки. Весь следующий день бабушка почти не покидала гардеробную. Когда я зашла к ней и увидела ее посреди вороха разнообразных тряпок, меня чуть удар не хватил.

- О нет! Я в этом никогда не разберусь! - закричала я с порога.

- А тебе и не нужно самой разбираться, я уже выбрала подходящий туалет. Как тебе понравится вот это?

Бабушка протянула мне нечто вроде огромного золотого чулка с тесемками на одном конце.

- Это - платье? - с сомнением спросила я.

- Да, и от знаменитого модельера. Оно совсем простое и будет великолепно сидеть на любой хорошей фигуре. Лучше его надевать снизу. Вот так, правильно. теперь поправь тесемки на плечах и завяжи их. Чувствуешь, как это платье облегает фигуру и поддерживает грудь? Нет, еще рано смотреть в зеркало! К этому платью я, помнится, надевала ожерелье из малахита, но я его обменяла на макароны.

- У ди Корти?

- Нет, у одного владельца итальянского ресторана, собиравшегося жениться; его невеста была рыжей, как слиток золота, и оно ей очень подошло. Но я сейчас разыщу что-нибудь подходящее.

Бабушка проковыляла, отбрасывая железной ногой валявшиеся на полу роскошные платья, в свою спальню и вернулась через минуту, держа в руках шкатулку из красного дерева. Она подняла ее крышку, и я ахнула - вся она была доверху полна драгоценностей. Я подошла, потрогала рукой лежавшее сверху ожерелье из мрачно посверкивающих черных камней, и тотчас отдернула руку.

- Бабушка, они такие холодные! Такое я ни за что на себя не надену.

- И не надо. Это черные австралийские опалы; во-первых, они вовсе не подойдут к твоему платью, а во-вторых - приносят несчастье. Твой дед подарил мне их перед самой Катастрофой, поэтому они и лежат сверху. Тебе нужно что-то другое.

- Ты перестала носить драгоценности, когда стала вдовой?

- Да. Илиас любил, когда на мне что-нибудь сверкало, но сама я была к этим побрякушкам равнодушна. После его смерти я никогда не носила ничего, кроме моего крестильного крестика и обручального кольца. А ты, кстати, так и не вспомнила, куда делся твой крестик?

Я поспешила увести разговор в другую сторону:

- Бабушка, а ты сама веришь в то, что черные опалы приносят беду?

- Один замечательный английский писатель на вопрос, верит ли он в приметы, ответил; «Когда черная кошка переходит мне дорогу, я всегда ей уступаю, а вдруг она верит в приметы?» Взгляни-ка вот на эти бусы! Они теплы на ощупь и очень подходят к твоему платью. Это янтарь.

Я взяла в руки нить полупрозрачных золотых шариков, теплых и легких, посередине был нанизан ромбик, в котором что-то чернело. Я пригляделась – это была маленькая пчелка.

- Янтарь – окаменевшая смола древних деревьев. А эта неосторожная молодая пчелка приняла каплю смолы за каплю меда, хотела ею насладиться и влипла на тысячи лет.

- Какая страшная участь! Бедная пчела. Как сказала бы одна моя знакомая старая леди, ее судьба напоминает молодежь, прилипшую к мнимой сладости фальшивой Реальности. Нет, этот пчелиный саркофаг я тоже не хочу носить.

- Тогда взгляни на эти простенькие бусики, не правда ли, в них что-то есть?

Длинные бусы были собраны из шариков холодных на ощупь, но теплых на вид, они были похожи на оранжевые ягоды. Я подержала их в руках, согрела и решила, что смогу теперь надеть их на шею.

- Да. Это то, что надо, – сказала бабушка. – Можешь полюбоваться собой в зеркале.

Я встала напротив зеркала и окинула себя взглядом.

- Бабушка, неужели это я?!

- Нет. Это я в молодости. Господи, Санька, ну до чего же ты на меня похожа!

- Бабушка, что ты говоришь? Ты ведь была красавица.

- А ты кто, по-твоему?

Она была, пожалуй, права; если представить, что передо мной не зеркало, а экран персоника, то эта стройная девушка с темно-синими глазами, с короткими русыми волосами и немного упрямым крупным ртом, эта девушка вполне прилично выглядела бы даже в Реальности. И ведь это я, полностью я! Во мне сейчас нет ничего придуманного, на мне нет даже косметики, с помощью которой моя мать так отчаянно защищалась от старости. Как это прекрасно – быть молодой, красивой и знать, что красива на самом деле! Я смотрела на свое отражение до тех пор, пока у меня не защипало в глазах и слезы не потекли по моим щекам.

- Бабушка! Ты меня совершенно преобразила. Мне даже хочется расцеловать тебя!

- Так за чем же дело стало? – и бабушка шутя протянула ко мне руки, как будто я и впрямь собиралась её целовать. Я засмеялась и вытерла слезы.

- Бабушка! Одной своей шуткой ты способна не только спящую красавицу разбудить, но и мертвого оживить. Целоваться в жизни! А как называются эти красивые камешки? – я погладила бусы в три ряда лежавшие на моей груди.

- Это карнеол из Циллерталья. По-русски этот камень называется сердолик.

- Красивое название. «Сердолик» мне нравится больше, чем «карнеол». А что такое Циллерталь?

- Так называлась долина реки Циллер в Тироле, где добывали самоцветы. Там я вылечила твоего деда от рака легких.

- Ты?! По ведь ты не врач, бабушка!

- Меня научила любовь.

- Ты мне когда-нибудь об этом расскажешь?

- Расскажу, только не сейчас. Сегодня я немного устала от всех этих красивых тряпок, ведь с каждой связано какое-то воспоминание. Да ведь и у тебя на сегодняшний вечер были какие-то свои планы, не так ли?

- Так, бабушка. Ты считаешь, я в самом деле хорошо выгляжу?

- Определенно - да! А что ты задумала, если не секрет?

- Я хочу в этом виде выйти в свою Реальность.

- Вот как? Ну что ж, в добрый путь, счастливых сновидений.

- И тебе спокойной ночи, бабушка.

Я прошла к себе, уселась перед персоником, надела обруч, набрала код рыцарской Реальности и вызвала программу «Дополнения». В ней я напечатала необычный заказ: «Выхожу в обозначенную Реальность в своем подлинном виде» и стала ждать. На экране долго ничего не появлялось, а потом возникла надпись: «Заказанный облик не возможен к исполнению. Клиенту необходимо получить консультацию у психоаналитика». Этого мне только не хватало! Чтобы сбить с толку Надзор, я тут же превратила себя в привычную стройную белокурую красавицу с короной на голове и буквально шмыгнула в свою Реальность. Я огляделась в пустом дворе и направилась к дверям донжона.

В пиршественном зале никого не было и, похоже, не было уже давно: все было покрыто пылью, разбежались собаки, пахло чем-то затхлым. Зал заполнили сумерки, на дворе вечерело. Взмахом руки я зажгла оплывшие свечи в кованых шандалах. Стало светлей, и я увидела на столе обрывок пергамента, подошла и взяла его в руки. Почерком Мэлрока на нем были написаны стихи:

В старом замке у камина

Собрались мои друзья,

Но одной принцессы милой

Увидать среди них нельзя.

Я не пью, не ем, тоскую.

О, скажите мне, в какую

Даль она ушла! Уа!

Ну и чушь... Ах, Мэлрок! Все-таки поэт из него был никакой. Я взяла в руки лежавшую на скамье лютню, настроила и спела эти стишки на мелодию наших позывных. Сначала на мой призыв никто не откликнулся. Я поняла, что мои бывшие друзья без меня разбежались по другим Реальностям. Жаль... А впрочем, так им и надо! За моей спиной пронесся сквозняк и раздался шорох гобеленов. Я оглянулась и увидела, как из стены, прямо из камня, откинув гобелен, как портьеру на двери, выходит Мерлин.

- Приветствую тебя, Кассандра. Ты пришла проститься со старым замком?
 - Здравствуй, Мерлин. Да, пожалуй, я уже больше сюда не вернусь.
 - Оттого, что разбежались все рыцари и принцессы? Но у тебя здесь остаются друзья и кроме них.
 - Это кто же?
 - Индрик, Фафнир и твой покорный слуга. Мы ведь не выдуманные – мы сказочные. А родились мы из настоящих старых книг. Некоторые из них тебе читала в детстве твоя бабушка.
 - Милый Мерлин, а ведь я и не помню тех книг, что бабушка читала мне о вас.
 - Ты не помнишь, но помнит твоя душа.
 - Я бы хотела, чтобы вас увидела моя бабушка. Она бы вас оценила и полюбила!
 - Я в этом уверен. Мудрой Илизавете Саккос понравился бы даже Фафнир.
 - Откуда тебе известно имя моей бабушки, волшебник?
 - Я же волшебник.
 - А в других Реальностях тоже есть такие как вы?
 - Да, там тоже есть существа, давно живущие самостоятельной жизнью. И далеко не все они родились из сказок и книг, те которых породило человеческое подсознание. Но это тоже не фантомы, а персоны. Часто они безобразны настолько, что их создатели, встретив их в жизни, а не на экране, не вынесли бы одного их вида. Но они есть, и они ждут своего часа. Когда-нибудь все они выйдут на свободу.
 - Как это странно... и страшно.
 - Это еще и опасно. О, человек неразумный! Как часто он творит монстров, думая, что создает игрушки для своей забавы, а потом удивляется, что игрушки выходят из повиновения и грозят ему гибелью. То, что вы называете Реальностью, реально гораздо более, чем вы предполагаете. Эта Реальность тайно, постепенно, но неуклонно выходит из-под вашей власти. Впрочем, так оно и было задумано.
 - Кем?
 - Спроси об этом твою бабушку. Она знает.
 - Но бабушка никогда в жизни не выходила в Реальность!
 - Не выходит потому, что знает правду: не человек управляет Реальностью, а она управляет им.
- Я стояла перед ним, пораженная его словами, не зная, что сказать в ответ.
- А где же мой Индрик и Фафнир? Я могу повидаться с ними? – спросила я, помолчав.
 - Они давно скучают по тебе.

Мерлин подошел к окну, распахнул его и оглушительно засвистел. Почти тотчас в ответ откуда-то издали прозвучал чистый голос Индрика.

- Выйдем во двор замка, они вскоре придут.

Мы вышли, и действительно очень скоро к нам с усыпанного крупными звездами неба опустился старый дракошка. Я обняла его за огромную черепашую шею, на которой по-прежнему висела толстая золотая цепь, потрепала его огромное, все в старых шрамах ухо. Фафнир буркнул: «Телячьи нежности!» - но складки и морщины на его огромной морде выражали что-то вроде умиления.

В ворота скользнула легкая белая тень. Это был Индрик, и я бросилась к нему:

- Здравствуй, мой милый! Здравствуй, мой белоснежный! Скучал без меня?

Индрик изогнул лебединую шею и осторожно потерся рогом о мое плечо.

- Очень скучал, госпожа моя!

Я присела на коновязь.

- Дорогие мои! Я, наверно, больше сюда не приду: у меня начинается какая-то совсем другая жизнь.

- Мы это знаем, - вздохнул Фафнир и кивнул на Мерлина. - Вот он сказал, что ты скоро уйдешь на подвиг.

Я улыбнулась, ну уж и подвиг - возить макароны! Если бы Мерлин знал...

- Спой мне что-нибудь на прощанье, милый Фафнир!

- Милый Фафнир! Гх-р-ры!... Вот уж не ожидал, что человеческая самка оценит мое скрытое очарование. Может, мне и в самом деле начать охоту на девушек? Шутка. Ну ладно, спою тебе на прощанье, ведь ты от нас уходишь. Мерлин, поможешь?

В руках Мерлина появилась гитара, и Фафнир запел под его аккомпанемент:

Жила принцесса в замке,

А с ней старик король.

Ей захотелось замуж,

Король сказал: «Изволь!»

Семь королей к принцессе

с семи сторон пришли

И семь корон принцессе

На выбор принесли.

Отвергнуты все троны,

А с ними короли.
Отвергнуты короны —
Видать, не подошли.
А девушка на ушко
Шепнула королю:
«Позволь мне выбрать мужем
Того, кого люблю».
Не стал неволить папа
Единственную дочь,
И короли, заплакав,
Ушли из замки прочь.
У короля в усадьбе
Звенят колокола.
Семь королев на свадьбу
Глядят из-за угла.
И семь мечей застыло
У церкви за углом,
И семь смертей грозило
Невесте с женихом,
Вдруг видят - Ах, как странно! —
Идет она пешком,
А с нею юный странник
С дубовым посошком.
Беспечен он и весел,
А на боку - сума.
Принцесса... А принцесса
Была любовь сама!
И тут свои короны

Сорвали короли

И перед ней в поклоне

Склонились до земли...

- Спасибо, милый Фафнир. Я буду помнить твою песенку.

Мы помолчали, я и три моих сказочных друга. Потом я сказала:

- Ну что ж, пора нам прощаться...

- Подожди, Кассандра! Ты носишь имя древней пророчицы, но ведь и я могу предсказывать. Хочу тебе сделать подарок. Задай мне любой вопрос о будущем, и я отвечу тебе на него. Но только один вопрос! Поэтому хорошо подумай, прежде чем задать его. Но мне не надо было долго думать.

- Скажи мне, добрый Мерлин, ждет ли меня в настоящей жизни любовь?

- Да. Тебя ждет большая любовь. Жаль, что вопрос был очень общим. Я не могу дополнить свой ответ по существу, но дам описание, которое может подтолкнуть тебя к разгадке. Ты будешь купаться в своей любви, как чайка над озером купается в солнечном свете на рассвете дня. Больше я ничего не скажу. Теперь прощай.

- Прощайте, дорогие друзья! Прощайте и помните обо мне!

Индрик запел свою дивную песню, и под ее виолончельные звуки я медленно стянула с головы корону...

Я сидела перед персоником, вертя в руках пластмассовый обруч. В ушах у меня все еще звучали и затихающая Идрикорова песня без слов, и чудесное предсказание Мерлина, и баллада о принцессе-страннице. Это был мой лучший выход в Реальность, самый «реальный», говоря бабушкиным языком. Но я уже поняла, что в Реальность я никогда больше выходить не стану. И не потому, что моя бабушка прожила прекрасную и полную приключений жизнь без всякой Реальности, и не потому, что кормить живых куриц интересней и опасней, чем пленять драконов. Я и сама не понимала, что произошло со мной, но мысль о курах потянула за собой другую, которая, если бы я вздумала поделиться ею с бабушкой, звучала бы примерно так: я вылупилась из Реальности, с благодарностью отбросила осколки скорлупы и теперь буду жить на воле. Я сняла свое золотое платье, надела халат и отправилась в курятник: к этому времени у нас появились цыплята, и надо было их покормить перед сном.

Глава 6

- Бабушка, расскажи мне, как ты вылечила дедушку от рака? - попросила я в один из ближайших вечеров, когда мы с бабушкой пили чай в ее комнате. - Ты обещала.

- Да, я не забыла. Ну, слушай. Как ты знаешь, мы с твоим будущим дедом познакомились в Париже и полюбили друг друга. Мы сняли квартирку с мастерской на бульваре Пастера и поселились вместе. Мы были небогаты и перебивались с хлеба на кока-колу, но жили весело. Я работала в русской эмигрантской газете и получала гроши, а Илиас за такие же гроши оформлял греческий журнал. Мне было тогда тридцать лет, а он был на два года старше. У нас никогда не заходил разговор о браке, да и вообще о каком-то общем будущем; мы просто жили рядом, как две птицы сидят на одной ветке. Мне хотелось перебраться в Германию и работать

на русском радио – была такая радиостанция в Мюнхене, она называлась «Свобода», и у меня там были друзья. Какие планы были тогда у Илиаса, я и теперь не знаю. Я тогда не подозревала, что он был сыном одного из самых крупных греческих богачей; я только знала, что он поссорился с отцом и не поддерживает отношений с семьей. В Германию он со мной ехать категорически отказывался, потому что любил Париж. Подозреваю, что меня он тогда не слишком сильно любил. Но через полгода все перевернулось в нашей жизни. Илиас заболел гриппом, потом грипп перешел, как мы тогда думали, в бронхит; прошел месяц, другой, а он все кашлял и кашлял. Я буквально силой отвела его к врачу, и через неделю мы уже точно знали, что у него запущенный рак легких с метастазами по всему организму. Врачи определили, что жить ему осталось не больше года. Он совершенно упал духом и приготовился к смерти. Его положили в больницу, начали облучать, но надежды на благополучный исход не давали. И вот тогда я решила, что не позволю ему умереть. Чтобы разговаривать о нем с врачами на правах супруги и принимать решения, я предложила ему зарегистрировать наш брак. «Я плохой, но все-таки христианин, – сказал Илиас. – Если ты не боишься связать судьбу с умирающим, то пусть это будет церковный брак». Нас обвенчали прямо в больнице, а уже потом мы зарегистрировали наш брак в мэрии. На венчание мы, естественно, никого специально не приглашали, но в это время в Париж из Мюнхена приехала моя подруга Альбина – девица весьма авантюрного склада. Ты должна ее помнить: она часто навещала нас, пока не уехала насовсем в Петербург. Мы с ней подружились еще в России и продолжали дружить в эмиграции. Она жила в Мюнхене и работала на радиостанции «Свобода», куда сманивала и меня. Вот она и была нашей свидетельницей на этой грустной свадьбе, а другим свидетелем был лечащий врач Илиаса.

После венчания мы с Альбиной из больницы пошли в какой-то кабачок, чтобы выпить за мое горькое счастье.

– Зачем ты это сделала? Чего ты хотела добиться этой нелепой свадьбой? – спросила меня Альбина.

– Дать ему умереть счастливым насколько это возможно.

– Ты думаешь, что умереть женатым – значит умереть счастливым?

– Что же я могу ему еще дать, кроме своей любви? Если бы у меня были деньги...

– Ты, конечно, нашла бы лучших врачей, самые дорогие, самые новые лекарства и спасла бы своего мужа. Так?

– Нет, не так. Я увезла бы его куда-нибудь далеко-далеко от Парижа, от цивилизации. Например, в горы. Мы жили бы в хижине на берегу горной реки или озера, дышали бы чистым воздухом и молились Богу. Я лечила бы его травами и ледниковой водой.

– Разве можно вылечить от рака водой и сеном?

– Не знаю, еще не пробовала. Но я прочла в одной мудрой книге, что если поститься, пить настои трав, растущих очень высоко в горах, пить ледниковую воду, купаться в ней и дышать воздухом с ледника, то можно полностью очистить организм от шлаков и токсинов, а хорошо очищенный организм способен сам справиться с любой болезнью. В это я верю. А еще я думаю об исцелении от суеты парижской жизни, от напряжения, вызванного погоней за успехом и признанием толпы. Уж если приходится умирать, то надо спокойно подготовиться к смерти. В Париже трудно молиться.

Альбина кивнула и надолго замолчала, а потом вдруг сказала:

- Я знаю такое место. Оно расположено на полпути к небесам. Это горная долина в Австрийских Альпах, в Тироле. Если твой Илиас после облучения встанет на ноги и сможет вынести дорогу, я отвезу вас чуда. Там есть горное озеро, ледники и водопады - все, что ты заказала. Не знаю, можно ли там излечиться, но к смерти подготовиться - лучше места не найдешь! Там вы будете наедине с природой и Богом. Ну, еще там живет один тролль, однако он не опасен. Он будет коптить для вас рыбу. Ищи деньги, подруга!

У меня появилась надежда. Пока Илиас лежал в больнице, я занимала деньги везде, где мне их готовы были дать.

- Бабушка! А в те времена люди охотно одалживали друг другу деньги? - перебила я ее рассказ, вспомнив, как сама недавно пыталась взять в долг денег на дорогу в Баварский Лес.

- Богатые - не очень, разве что под большие проценты. Но ведь мы не были богаты в то время, и такими же были все наши друзья. Есть такая русская шутка: не имей сто рублей, а имей сто друзей и займи у всех по пятерке. Я так и сделала, и к выходу Илиаса из больницы у меня набралась сумма, достаточная для того, чтобы провести в горах два-три месяца. Я купила травник и несколько книг по альтернативной медицине. Альбина приехала за нами, мы погрузили все необходимое в ее джип, примерно такой же, как теперь у нас с тобой, устроили Илиаса со всеми возможными удобствами, поставив в салоне большое больничное кресло-кровать на колесах, и двинулись в Тироль.

Я хорошо помню, что тогда было лето и по всей Европе стояла страшная жара. Нам нужно было проехать половину Франции, две трети Германии и еще кусочек Австрии. Путь в долину Циллерталь занял у нас примерно трое суток.

- Так мало, бабушка?!

- Естественно, сейчас даже на джипе пришлось бы ехать не меньше недели, не говоря уже о теперешних машинах: за безопасную езду нынешние водители заплатили скоростью и маневренностью. Но, возможно, так и лучше, учитывая их зомбированные мозги и неповоротливую психику.

Долина Циллерталь представляла собой сказочное местечко. Игрушечный, почти сплошь деревянный городок, только церковь и несколько магазинов были каменными, но даже каменные дома там были украшены деревянными балконами с геранью. Город располагался вдоль быстрой горной речки Циллер. По долине пролегла старинная железная дорога, по которой ходил, пытя и дымя, настоящий паровозик с тремя вагончиками. Его топили углем, и уголь этот добывался неподалеку в горах.

- Вот бы прокатиться, бабушка!

- Теперь уже не прокатиться. Во время Катастрофы долина Циллерталь была затоплена даже раньше, чем места, расположенные ниже в горах.

- Почему так?

- Мы еще до этого дойдем, потерпи немного. Ну вот, въехали мы в городок, и я была им очарована и разочарована сразу - это было совсем не то, о чем я мечтала. Городок был очень хорош, но туристов в нем было больше, чем жителей. «Потерпи немного!» - сказала Альбина, видя мое разочарование. Мы пообедали форелью в ресторане под названием «У Старого Кролля», потом зашли в обувной магазин Кролля и купили горные ботинки для меня и для Илиаса, а под конец зашли в бюро информации для туристов, где Альбина спросила, есть ли

свободные домики в пансионе Кролля наверху? Ей сказали, что есть. «Что это за Кролль, которому тут принадлежит почти все? – спросила я. – Может быть, вывески зашифрованы и читать нужно не «Кролль», а «Тролль»? Альбина и ответ сказала, что когда я увижу хозяина пансиона наверху, я пойму, что моя догадка близка к истине.

По дороге, которая шла вдоль реки, мы проехали городок насквозь и стали подниматься еще выше в горы. Дорога шла по самому берегу, теснимая стенами ущелья, в которое понемногу превращалась долина. И вот ущелье сузилось настолько, что места для дороги уже не хватало: она уперлась в скалу, в которой мы увидели большие железные ворота из двух половин – сейчас распахнутых. «Осенью движение здесь прекращается и ворота закрывают на замок», – сказала Альбина. «Кто закрывает?» – спросил Илиас. «Какой-нибудь из Кроллей, конечно! – ответила она. – А теперь прощайтесь с суетой и с волнениями, прощайтесь с цивилизацией, которую мы оставляем внизу. Мы въезжаем в железные ворота, отсекающие мирскую суету, как вы хотели. И таких ворот здесь семь. Можете считать». Мы въехали и темный очень низкий туннель, и в конце его оказалась еще одна пара железных ворот. За воротами скалы были мрачнее, среди них росли жесткие пучки утесника и плотные темные кочки кедрового стланика. Вскоре показался еще один туннель с железными воротами. После него скалы подошли еще ближе к дороге, и теперь они были покрыты кроваво-красным лишайником, будто обрызганы кровью. Мне захотелось повернуть назад и не въезжать в железные ворота. Я оглянулась на Илиаса – он пристально глядел на скалы и что-то шептал. «Мы можем здесь где-нибудь развернуться, чтобы ехать назад?» – спросила я шепотом Альбину. Та покачала головой: «Теперь это можно будет сделать только наверху». Мы проехали третий туннель и шестую пару железных дверей, и я обомлела. Прямо перед нами ущелье перегораживала высочайшая бетонная стена, а над ней было голубое небо, серо-синие горы и ослепительно сверкавшие на солнце ледники. «В этой стене находится седьмая дверь?» – в ужасе спросила я. «Что ты, это плотина водохранилища, и никаких дверей в ней нет. Мы сейчас поднимемся еще выше, и вы все увидите!»

Мы поднялись по очень крутой дороге к самому верху плотины. Здесь мы должны были остановиться, потому что дальше дорога шла по плотине, а въезд на нее был перегорожен опущенным шлагбаумом. Возле стояла будочка, а в ней сидел румяный подросток. Альбина вышла из машины и объяснила, что мы хотим остановиться в пансионе Кролля. «Пожалуйста, – ответил парнишка. – Но пока вы не заплатили за пансион, вы должны платить за проезд по плотине: вдруг вам у нас не понравится, а бесплатный проезд только для постояльцев. Дедушку вы сейчас найдете у коптильни на берегу, с ним и договаривайтесь». Заплатив молодому Кроллю пошлину, мы въехали на плотину. Посередине мы остановились и вышли из машины. Мы увидели озеро, окруженное горами и ледниками, прозрачное, как огромный круглый синий леденец, и холодное даже на вид. Со всех сторон к нему от ледников, торопясь и срываясь бесчисленными водопадами, бежали ручьи. Узкая кайма коренастых сосен была зажата между скалами и каменистым берегом озера. Справа на берегу, на значительном расстоянии друг от друга, стояло несколько летних домиков из темного бруса под черными шиферными крышами. На крышах, придерживая их от ветра, лежали валуны. Там же, у самой воды, стояла каменная коптильня с навесом. Туда мы и направились. У коптильни нас встретил сам старый Кролль, большеголовый, бородатый и горбатый – все как положено. Он выслушал наши пожелания, не отводя глаз от вертела, на котором коптились крупные форели, и сказал, что последний в ряду домиков свободен до конца сентября. «Ключ висит на гвозде возле двери. Идите. Смотрите. Решайте». Домик был прост и уютен, в нем не было ничего лишнего: вход с просторной террасы вел прямо в гостиную с камином, за которой находилась спальня. Мебель везде была грубая, под стать коричневым стенам: тяжелые приземистые столы, стулья и кресла, какие-то недвижимые кровати; в спальне шкаф, в гостиной буфет – все простодушного крестьянского стиля.

Мой муж сел в деревянное кресло-качалку на террасе и стал смотреть на озеро. «Тебе нехорошо, Илиас?» – спросила я. «Мне очень хорошо. Ты выбрала правильное место для моего перехода в иной мир». Я беспомощно отошла от него. Я не знала, что мне делать: распаковывать вещи или готовиться к отъезду назад. Илиас это почувствовал и сказал: «Девчонки! Идите к Тролли и договаривайтесь с ним: мы останемся здесь до самого конца». «Понятно, до конца сентября», – сказала Альбина и потащила меня с террасы.

Господин Кролль взял с нас деньги и выписал какую-то сомнительную квитанцию, запачкав ее рыбьим жиром и сажей. «Белье и одеяла вы найдете в шкафу, посуду в буфете, а дрова для камина за домом. Хотите рыбы?» Мы взяли у него три рыбины и пошли в дом. Альбина привезла с собой бутылку французского вина. Мы выпили вино и съели рыбу, а потом проводили Альбину до шлагбаума. Маленький Кролль, выяснив, что остаемся только мы, а машина едет вниз, пошлину нам вернуть решительно отказался.

Эти три форели были последней нашей едой на полтора ближайших месяца. Илиас решил лечиться строжайшим постом, а я стала голодать за компанию – так я ему сказала. На самом деле я дала обет поста, прося у Бога для моего мужа если не исцеления, то спокойной и безболезненной кончины.

Без всякой надежды на результат я начала лечить Илиаса «по собственной методе». Честно говоря, методы никакой не было, просто я штудировала одну за другой главы из травника, потом шла на берег и выискивала растения, которые могли как-то помочь при его состоянии. Иногда я брала ту целебную траву, что попадалась на глаза, лишь бы она не могла ему навредить. Набрав добрую охапку травы, я ее заваривала и целый день поила этим чаем Илиаса. Заодно и сама пила. А утро у нас начиналось с водолечения. Я выбрала подходящий водопад, падавший с небольшой высоты и многоструйный, как хороший душ. С великим трудом я подтащила к нему несколько плоских камней и выложила под ним площадку, на которую Илиасу было удобно вставать. Рядом я укрепила между камней две коряги с сучьями – вешалки для одежды и полотенца, и мы начали купанья под ледниковым водопадом. Конечно, купанье – это слишком сильно сказано, потому что под ледяными струями выстоять больше пяти секунд не было никакой возможности. Илиас набирал побольше воздуха в легкие, решительно шагал под водопад и стоял под ним сколько мог выдержать. Потом он выскакивал из-под водопада и старался поскорей отдышаться, а я растирала его полотенцем. Потом мы шли домой, читали вместе утренние молитвы, а потом уже «приступали к трапезе», как он шутил, то есть пили мои будто бы чрезвычайно целебные травки. А впрочем, кто их знает; по травникам они все и вправду значились лечебными, а кроме того, ведь собирала-то я их возле нижней кромки ледника, и значит, росли они на границе жизни и смерти. Я считала, что в них должна быть заключена особенная жизненная сила.

Днем мы гуляли, читали Библию и писания греческих святых отцов: эти книги Илюша привез с собой и переводил мне их с греческого на французский. Перед обеденным чаем и на ночь снова купанья в водопаде. Разговаривали мы друг с другом очень мало – берегли силы, да и о чем нам было говорить?

Через три недели поста Илюша так ослаб, что я предложила вернуться в цивилизацию и обратиться к врачам, но он сказал: «Поживем тут еще немного. Если мне будет совсем худо, я прекращу пост. А вот ты могла бы уже сейчас начать есть, ты ужасно похудела». Но вот как раз я не могла прервать своего поста, я же дала обет. Кроме того, мне казалось, что у меня сил хватает на все только потому, что я не трачу их на приготовление и усвоение еды.

А сил у меня уходило много. Илюша уже не мог ходить к водопаду, он вообще не спускался с террасы и проводил почти весь день сидя в качалке и глядя на озеро. Он не мог удержаться в

слабеющих руках даже молитвенника. Я кое-как выучилась читать по-гречески, почти ничего поначалу не понимая, а он слушал меня, поправлял и переводил. Но кроме многочасового чтения и молитв, которые теперь тоже читала я одна, мне надо было каждый день с утра ходить к водопаду и приносить оттуда воду: Илюша был уверен, что без обливаний ледниковой водой он теперь не может жить. На кухне был термос, другой мы привезли с собой, а еще два я просто похитила из двух освободившихся рядом домиков. Господин Кролль, которого мы между собой, разумеется, именовали Троллем, принес мне три пластиковых ведра. И вот я каждый день с рассветом шла к водопаду и возвращалась, неся в руках два ведра, а в рюкзаке за спиной – четыре литровых термоса ледниковой воды. Я стащила с террасы на дорожку перед домом одну из скамеек; я ставила на нее два ведра с водой и третье – пустое, в которое потом выливала воду из термосов. Теперь обряд ледникового омовения происходил так: «Во имя Отца, – стоя на скамье, я поднимала первое ведро и опрокидывала его на голову мужа, – и Сына – второе ведро, – и Святого Духа! Аминь!» – третье ведро, и я спрыгивала со скамьи, чтобы начать его растирать полотенцем. И вот так дважды в день. Илюша уверял меня и Кролля, со спокойным вниманием наблюдавшего нашу странную жизнь, что такое окачивание смывает с него болезнь и грехи. «Тут нет ничего удивительного, я ведь знаю, что ты молишься обо мне, когда ходишь за водой, и вода становится вдвойне целебной». Он угадал – так оно и было. Набрав воды, я всегда останавливалась над озером и просила у Господа сил на этот день. Потом я стояла на берегу и смотрела, как чайки купаются в солнечном свете при рождении дня, и Бог был со мной повсюду...

- Бабушка! – воскликнула я, пораженная ее словами. – Это были те самые слова, которыми закончил свое пророчество Мерлин: «Ты будешь купаться в любви, как чайки купаются над озером в солнечном свете...»

- Что, милая?

Но мне не хотелось прерывать ее повесть.

- Ничего... Просто ты не говорила, что на озере жили чайки.

- Да, там было множество чаек. Я любовалась ими, а потом надевала рюкзак с четырьмя термосами, брала в руки по ведру и шла в дом. Днем мне надо было собирать и заваривать травы и дом содержать в порядке, а ночами просыпаться и слушать, как спит и дышит Илюша.

- Бабушка, а ты не боялась, что дед умрет не от рака, а от голода?

- Нет, этого я не боялась. Я была как натянутая струна между Илюшей и Богом, я вся была настроена на упование: если Господь захочет, Илюша будет здоров, а если нет – значит лучше ему умереть здесь. Но страхи, конечно, были, да еще какие! На шестой неделе поста его вдруг начал мучить сильный кашель и, извини за подробности, он стал выплевывать какую-то черную и зловонную мокроту. Я очень испугалась и спросила его, не хочет ли он спуститься с гор и вернуться в Париж? А он вместо ответа спросил: «Я становлюсь тебе противен? Ты больше не можешь выносить этот смрад? Потерпи, осталось уже немного». Я ужасно на него обиделась и... Ты не поверишь, я и сама себе потом не верила, но я размахнулась и дала ему оплеуху за эти слова. Потом села перед ним на пол и разревелась, приговаривая: «Да как же ты посмел такое сказать! Именно сейчас! Ведь ты же выплевываешь из себя гниль, дохлятину, потому что твой рак подох! Понимаешь – сдох! А кто сказал, что дохлые раки хорошо пахнут?» Он засмеялся и сказал: «Кто я такой, чтобы Господь являл на мне Свои чудеса и милости? Да и зачем я Ему здесь, на земле? Чтобы нарисовать еще сотню картинок? Я не жду чуда. Я только хочу до конца моих дней оставаться на этом пустынном берегу, ведь я здесь только с теми, кого люблю больше всех – с Богом и с тобой». И тут я спросила его: «Илюша! А если бы чудо

случилось, ты бы вернулся в Париж, в нашу мансарду?» - «Конечно, нет! Прежняя моя жизнь привела к раку, так неужели я стал бы повторять ее, чтобы получить через несколько лет новый рак? Если бы Господь меня помиловал, подарил мне еще одну жизнь, я бы распорядился ею как принадлежащей Богу». - «Ты ушел бы в монастырь?» Он засмеялся: «В монастырь женатых не берут, моя красавица. Так просто ты от меня не отделалась бы! Нет, я просил бы Господа дать мне мудрость и силы оставшуюся жизнь служить Ему, а как - уж это Ему виднее. Он и указал бы путь. Может быть, священство?» «Священство исключается, - вздохнула я, - ведь я уже была один раз замужем, еще в России. Придется тебе подыскать что-нибудь другое. Подумай об этом, поскольку чудо уже происходит - ты выздоравливаешь».

- Бабушка! Ты ведь это говорила, сама не веря в чудо исцеления? Это была психотерапия, как я понимаю?

- Ну и поздравляю тебя, если ты понимаешь. Я вот до сих пор не знаю, почему я тогда вела себя так, а не этак, почему говорила то, а не это. Меня просто несло по течению, и я во всем себе доверяла. Но только потому, что себя-то я полностью доверила Богу. Каждое мое слово, каждое движение мысли были пропитаны упованием на Господа. Не забудь, что я при этом держала строгий пост и непрерывно молилась!

- Ты думаешь, это имело большое значение? Мне кажется, разумнее было бы экономить свои силы.

- Глупышка! Вот как раз пост с молитвой эти силы мне и давали.

- Не пойму я, бабушка, тебе было легко или трудно?

- То и другое вместе. Когда делаешь что-то во имя любви к человеку или к Богу, это всегда так. Монахи, например, трудятся больше всех в этом мире, живут очень трудно и скудно, а нет людей радостней и спокойней, чем монахи и монахини. Вот поди и разбери, трудно им или легко?

- Не надо о монахах, при чем тут монахи? Рассказывай про себя и про моего деда! Что было дальше?

- Дальше? Как ни странно, я оказалась права: это был очистительный кризис, а затем произошло и само исцеление - не ремиссия, а полное исцеление. Это обнаружилось так забавно...

- Забавно?!

- Да. Однажды я, измученная дневными заботами, с вечера крепко уснула, но вдруг в начале ночи проснулась как по тревоге и обнаружила, что моего мужа со мною рядом нет. Я сначала ничего дурного не заподозрила, решив, что он вышел в туалет. Но прошло с полчаса, а он не появился. Тогда я встала, накинула халат и пошла поглядеть, где он и что с ним, может быть, ему не спалось и он пошел в гостиную читать - так бывало. Значит, надо пойти и заварить для него успокаивающий чай из валерианы и пустырника. Выхожу в гостиную - никого, в туалете - никого, на террасе - тоже никого. А дело шло уже к концу сентября, и на озере оставались только мы да старый Кролль. Вот тут я здорово испугалась. У меня в голове завертелись мысли одна страшнее другой: он мог уйти из дома в приступе внезапной депрессии и утопиться в озере; или он пошел на плотину, загляделся на воду ночного озера, и у него закружилась голова, и он свалился в воду; а вдруг ему просто не спалось, и он вышел прогуляться, упал и сломал ногу, и теперь лежит без помощи где-нибудь на пустом берегу и умирает от переохлаждения. Ну, в общем, обычный женский вздор. Я оделась, схватила одеяло, чтобы

укутать мужа, когда его найду и вышла на террасу. На берегу перед домом я Илиаса не нашла, но поодаль горел огонь: это господин Кролль коптил рыбу, торопясь управиться до отъезда. Я пошла к нему, чтобы спросить, не видал ли он Илиаса?

Еще издали я услышала их голоса: Илиас и Старый Кролль сидели у коптильни и негромко о чем-то разговаривали. Я подошла и обомлела. Между ними стояла бутылка вина, два бокала и две аккуратные кучки рыбьих костей – одна перед Кроллем, другая перед Илиасом. «Боже мой! Илиас, что ты делаешь?! Ты с ума сошел!» – закричала я, похолодев от ужаса. «Ничего особенного, не волнуйся. Я проснулся ночью от страшного голода и никак не мог уснуть. Будить тебя я не хотел, к тому же я знал, что в доме нет ничего съестного. К счастью, господин Кролль еще не спал. Я подошел к нему и попросил дать мне что-нибудь поесть... Ну и вот...» Старый Кролль встал со своего чурбана и сказал, протягивая мне бутылку: «Простите, фрау Саккос, у нас нет третьего стакана. Выпьем за то, что ваш муж теперь здоров. Это так!». Что мне оставалось делать ночью в горах, одной с этими двумя безумцами? Я взяла бутылку и допила ее. Потом взяла протянутый Кроллем кусок форели и начала есть – будь что будет! Может быть, завтра мы оба не проснемся. Доев рыбу и пожелав Кроллю спокойной ночи, я побрела к дому, а Илиас, посмеиваясь, послушно шел за мной. Мы вошли в дом, легли и мгновенно оба уснули.

- И что же было на другой день, бабушка?

- С Илиасом ничего. Утром он пошел к Кроллю, ведь они стали такими друзьями! – и тот дал ему коробку сухого картофельного пюре. Он его запарил в виде жидкой кашицы и целый день понемногу пил – это был не худший вариант выхода из многодневного поста. Пиво и форель его организм ему почему-то простил. От Кролля Илиас позвонил Альбине и попросил приехать за нами. Но нам пришлось задержаться еще на два дня, потому что у меня так скрутило живот, что я все эти дни не могла отойти от туалета больше чем на пять метров.

Потом мы, конечно, поехали вниз. С нами ехал старый Кролль, и одним большим ключом он запер за нами одну за другой все «семь дверей»: шлагбаум на плотине и шесть туннельных железных ворот. А внизу, в долине Циллерталь, старый Кролль нас удивил и растрогал. Он пригласил нас заехать в магазин «Самоцветы Кролля», к его брату, и там выбрал и подарил мне ожерелье из карнеола. «Карнеол не только обладает большой целебной силой, он считается еще и талисманом безмятежной солнечной любви. Вы достойны носить его, ведь вы совершили чудо во имя любви. Примите это ожерелье на память о Циллертале». Я не могла отказаться, разве можно отказываться от подарков тролля, когда находишься в горах?

- Какая потрясающая история, будто это все происходило в Реальности! А что было дальше? Вы поехали в Париж?

- Сначала да, в Париж. А там нас ожидало печальное известие из Афин: примерно в те самые дни, когда Илиас вел последнюю схватку со своим раком, от сердечной болезни скоропостижно скончался его отец, Георгос Саккос. По завещанию Илиас был единственным наследником его ужасающего состояния, но он должен был перенять все коммерческие дела отца. Так я узнала, что, оказывается, вышла замуж за очень богатого человека, одного из самых богатых людей в мире. Но это уже не имело никакого значения после того, что мы прошли с ним над долиной Циллерталь. А вот самой долины Циллерталь теперь больше нет: во время Катастрофы, когда возникли вулканы в Альпах, землетрясение разрушило плотину, озеро хлынуло в долину и полностью ее затопило, смыв и железную дорогу, и сам городок. Так что сердоликовое ожерелье – это, может быть, единственное, что осталось от долины Циллерталь.

- Бабушка! И тебе не жалко дать мне поносить это ожерелье из Циллертала – я правильно

произнесла?

- Правильно. Именно тебе - не жалко. Я тебе его дарю. А теперь достань-ка мне вон ту оранжевую баночку с чаем, я разволновалась немного, придется мне выпить на ночь успокаивающий чай.

- Валериану с пустырником?

- У тебя начинает укрепляться память. Это меня очень радует, детка. Пора начинать учить тебя разбираться в травах. Если ты, конечно, этого хочешь.

- Хочу, бабушка, если этого хочешь ты.

Уходя из бабушкиной комнаты, я сделала жест, подсмотренный в какой-то сентиментальной реальности: обернулась в дверях и послала ей воздушный поцелуй - поцеловала кончики своих пальцев и помахала ими в воздухе.

Глава 7

Через пару месяцев я придумала, как мне все же проверить себя на предмет сексапильности и обаяния. Я заглянула в гараж и убедилась, что макароны подходят к концу.

- Бабушка! А ты знаешь, что у тебя осталось только два ящика макарон?

- Да, они кончаются. Так что же?

- Если хочешь, я могу съездить к ди Корти за новой партией. Могу выехать хоть завтра. Я поеду в зеленом шелковом костюме, но возьму с собой золотое платье и все остальное к нему. Можно?

- Как я понимаю, ты едешь не столько за макаронами к старому ди Корти, сколько к юному Леонардо за сатисфакцией?

- За чем, за чем?

- За тем самым. Ты хочешь проверить, как он воспримет тебя в новом облике.

- Нет, бабушка, я хочу проверить не Леонардо, а себя. Но это трудно объяснить, не спрашивай, пожалуйста. Это моя тайна.

У бабушки было столько своих тайн, что ей ничего не оставалось, как уважить мою. Она промолчала, но сочувственно посмотрела на меня, будто читала мои мысли и знала ответ на вопрос, который меня так волнует. А вопрос все усложнялся: если прежде меня тревожило, свидетельствует ли моя холодность о комплексе неполноценности и сексуальной заторможенности, то теперь я задумывалась о том, способна ли я любить, как моя бабушка. Но к ди Корти и Леонардо я ехала не в поисках любви, конечно, а за макаронами и чтобы проверить и получить подтверждение моего очарования; мне было очень интересно, оценят ли итальянцы, старый и молодой, происшедшие во мне перемены?

И вот я снова в путь, снова еду на своем джипе через Альпы, но как отличается вторая поездка от первой! Мне легко едет и свободно дышится, потому что одета я в бабушкин шелковый зеленый костюм. Окна джипа я держу все время открытыми, и ветер, врываясь в кабину, ерошит мои отрастающие волосы. Ночью я спокойно останавливаюсь в лесу, заехав в него

поглубже по какой-нибудь лесной дороге. Я гоню без страха по пустому шоссе, и дорога на фабрику Корти занимает у меня чуть больше суток: джип, который я веду с помощью рулевого управления, слушается меня беспрекословно.

Только один раз я испытала нечто подобное страху уже в самом конце пути, когда ехала одна через фруктовый сад. Уже начали созревать плоды, и я соблазнилась спелыми абрикосами, сплошь усыпавшими небольшое коренастое деревце. Я решила сорвать несколько плодов, вышла из машины и подошла почти к самому дереву, и тут услышала, что дерево как-то странно гудит. Я пригляделась: на доброй половине оранжево-красных плодов сидели пчелы, вгрызаясь в их спелую сочащуюся мякоть. О Месс! Я совсем забыла о пчелах-убийцах! Я стала медленно отступать к машине, стараясь не потревожить неосторожным движением опасных насекомых. Мне удалось вернуться к джипу не замеченной ими, сесть за руль и захлопнуть за собой дверцу. Мне хотелось не медля ни секунды рвануть с места и мчаться подальше от коварных абрикосов, но я взяла себя в дрожащие руки и стала прислушиваться, а не гудит ли в машине какая-нибудь увязавшая за мною пчела? Ничего не обнаружив, я медленно поехала дальше через сад, горестно поглядывая на соблазнительные абрикосы, персики и какие-то особенно крупные желтые сливы. На фабрике Леонардо я не застала, пришлось мне ехать к нему домой. Дорогу в Мерано я помнила. Я спустилась к берегу и въехала в городок. На главной площади с очень красивым, но, конечно, давно пересохшим фонтаном я увидела лотки с настоящими фруктами и крупными надписями «Только для туристов!» Я могла бы подтвердить, что нахожусь в законном отпуске и путешествую, но для этого пришлось бы воспользоваться персональным кодом. А фрукты были такие красивые, такие реальные на вид!

Леонардо оказался дома. В сумраке прихожей он поздоровался со мной дружески приветливо и предложил пройти в квартиру и отдохнуть с дороги. Я сказала, что лучше сразу поехать на фабрику, загрузить макароны, а потом я хотела бы погулять по берегу океана. Он согласился и вышел со мной на улицу. Мы оказались на ярком солнце, и он начал как-то удивленно на меня поглядывать, а потом вдруг сказал:

- Ты какая-то другая, Сандра. Ты не заболела?

Я не ответила, только улыбнулась и помотала головой. Он отвернулся от меня и что-то запел по-итальянски. «Погоди, дружок, - подумала я злорадно, - вот я надену свое золотое платье, тогда ты еще не так заноешь!».

Мы приехали на фабрику, и здесь Леонардо оставил меня, а сам поехал за хозяином. Старый ди Корти, увидев меня, закричал еще вылезая из мобиля.

- Вы привезли книги?

- Конечно. Три тома Британской энциклопедии.

- Я еще погляжу, какие это тома, может, как раз эти у меня есть... А что это с вами случилось? С чего это вы вдруг так похорошели? И фигура откуда-то появилась... Ничего с этими новыми женщинами не разберешь: то была похожа на зеленый фонарный столб, то вдруг превращается в красавицу. Волос только маловато - терпеть не могу лысых женщин! Но вы поступаете разумно, начав их отращивать. Это я имею право быть лысым, а не молодые сеньориты. В следующий раз приезжайте с отросшими как следует волосами и с новыми томами Британской энциклопедии. Скажите сеньоре Елизавете, что она могла бы прислать всю Энциклопедию разом, а потом за это брать макароны в течение года.

Как и в прошлый раз, загрузив джип, мы оставили его прямо в складском помещении.

Леонардо повез хозяина на виллу, а я вынула из сумки свое золотое платье, такие же золотые сандалии к нему и переделалась. Потом я достала коробочку с ожерельем. Сердолики были холодны на ощупь, и я поежилась, когда они прикоснулись к моей обнаженной горячей коже. Зеркала у меня не было, но я догадалась выйти из склада и поглядеть на свое отражение в окне фабрики. Я была великолепна на фоне безоблачного неба, освещенная ярким солнцем, платье мое так и сверкало, а сердоликовые бусины таинственно просвечивали на солнце.

Явился Леонардо и увидел меня в ослепительном блеске. Он остолбенел, а потом сказал, но вовсе не те слова, которых я ждала и жаждала.

- Ты чего это вырядилась, как девушка из Реальности? Ты же, кажется, хотела поехать прогуляться к морю?

- Разве я не могу поехать в этом платье?

- Конечно, нет! Даже если у тебя есть разрешение на вольный костюм, я все равно не хочу, чтобы мои знакомые и соседи видели меня с какой-то богачкой из Семьи. Хозяин дома враз увеличит мне квартплату, если увидит, что я завел себе такую блестящую девицу. Если хочешь, чтобы я показал тебе наш Мерано и сводил на пляж, надень нормальный костюм, будь любезна.

Я молча пошла и переделалась на складе. Леонардо удовлетворенно кивнул, увидев меня в зеленом костюме, он не догадывался, что и теперь на мне была нестандартная одежда. И мы поехали вниз, в городок. На площади с фонтаном я сказала:

- Как жаль, что нельзя купить фруктов! Я еще никогда не пробовала ни персика, ни абрикоса, ни винограда. В саду моей бабушки растут яблони, сливы и вишни, много всяких ягод, но таких фруктов нет. Правда она иногда угощает меня консервированными фруктами, но так хочется попробовать настоящие!

Леонардо замялся.

- Здесь это все только для туристов. Городские власти Мерано держат под строгим контролем продажу фруктов. Крестьяне вырубали свои сады из-за пчел, сад ди Корти в запустении. Только оранжереи Мессии, обнесенные со всех сторон двойной сеткой, приносят доход от продажи фруктов, но даже городским властям от этих денег мало что остается - почти все уходит на личный счет Мессии. Но я обещаю тебе, что сегодня ты будешь есть фрукты за ужином.

Мы остановили мобиль на каменной набережной и спустились на пляж. Людей нигде не было, никто ведь не купается в открытой воде. Только чайки ходили по песку, что-то из него выклевывая. Я решила, что еще не все потеряно, и предложила:

- А давай сбросим сапоги и походим по песку босиком!

Я вспомнила, что моя мать страшно любила сцены, где она бежит с партнерами по пляжу, и требовала от режиссеров, где только можно, включать такие сцены в сценарии. Она бегала и обнималась на пляже в семнадцать лет, она делала это в тридцать и продолжала бы делать и дальше если бы кино не прекратило свое существование. При этом у нее была страшная аллергия на песок, пропитанный морской солью, и для ее любимых сцен морской песок покрывался слоем речного, который завозили грузовиками-самосвалами. Я запомнила некоторые ее движения и позы и хотела сейчас продемонстрировать их Леонардо.

- А ты когда-нибудь прогуливалась по песку босиком в середине лета? - спросил он.

- Нет, а что?

- Ну так попробуй.

Я сняла сапожки и осторожно встала обеими босыми ногами на песок. Мне показалось, что я ступила на раскаленную бабушкину сковороду. Но я все-таки сделала несколько шагов, стараясь двигаться по киношному и оглядываясь на Леонардо. Он глядел на меня и ухмылялся без тени галантности. Не было никакого резона топтаться босиком на горячей сковороде ради этого эмоционального тупицы. Я плюнула с досады на раскаленный песок, по-моему, он зашипел, надела сапоги и вернулась к Леонардо.

- Ну что, погрела пятки?

- А ты, оказывается, довольно противный тип, мио Леонардо!

- Стараюсь, - ухмыльнулся он.

Я вспомнила одно из словечек моей актрисы-мамы.

- А ты не мог бы постараться быть немного утонченней?

- Ты считаешь, мне это необходимо? Наверное, мой индикатор здоровья не в порядке: он не показывает, что я набрал лишний вес.

Я безнадежно вздохнула.

- Ладно. Поехали к тебе! Ты обещал фрукты!

- Тише ты! У нас в Мерано за фрукты штрафуют. Помалкивай, а то ничего не получишь.

Мы поехали к нему домой. Там я сразу же получила два абрикоса и персик. Они были немного помятые, но все равно это было так вкусно! Такого наслаждения я не испытывала в Реальности, лакомясь редкими тропическими фруктами: реальные фрукты дают изысканный набор вкусовых ощущений и аромат, но вот этот сок, которым буквально захлебываешься, который течет по рукам и подбородку, этот бархат кожицы персика и замша абрикоса - этого ни в одной Реальности нет! Надо сегодня же попробовать добиться такого же эффекта, когда мы сядем с Леонардо к его персонику.

- Моя дорогая и непредсказуемая гостя, у тебя есть еще какие-нибудь капризы?

- Нет! Ты меня ублажил. Хотя еще один персик я бы осилила.

- Обойдешься. Пошли в Реальность?

- Пошли. Только там непременно должны быть экзотические фрукты.

- Живот у тебя не заболит? Ладно, посмотрим, какие путешествия предлагает Банк-Реаль. Австралия... Антарктида... Аргентина... Атлантида... Бразилия... Венгрия с вампирами и без... путешествие в страну гуанчей - хочешь?

- Где это и когда?

- Канарские острова, средние века.

Гуанчи оказались пастушеским племенем, коварно нападавшим на простодушных пиратов, желавших всего лишь провести отпуск на цветущих Канарских островах, отдыхая от суровых боевых будней. Леонардо хотел, чтобы я была его подружкой, а он - капитаном пиратского брига. Но я построила себе собственный бриг и назвала его «Мисс Роджер». Стоит ли говорить, что я сумела показать этим белокурым и голубоглазым гуанчам, да и самому Леонардо в придачу, как отчаянно умеют драться британские девушки, если им хочется высадиться на берег, чтобы подкрепиться свежими фруктами. Сцены морских сражений у меня постоянно перемежались сценами фруктовых пиров. Используя весь свой опыт декоратора, я изо всех сил пыталась добиться истинности наслаждения от поедания фруктов в Реальности. По-моему, я слегка перестаралась, потому что у меня все-таки заболел живот, к тому же не в Реальности, а на самом деле. Пришлось кое-как закончить эту заварушку с гуанчами и снять обруч.

- Ты сегодня не на уровне, - проворчал Леонардо. - Макароны будешь?

- С томатным соусом?

- Конечно.

- Тогда буду.

За ужином я получила еще один персик и спросила:

- Леонардо! А где ты берешь фрукты?

- На дереве.

- ?

- Фрукты растут на фруктовых деревьях, знаешь ли.

- Я догадываюсь. Как догадываюсь и о том, что стоят эти деревья в заброшенном саду сеньора ди Корти.

- Сообразительная ты девушка, кара Сандра, - одобрительно кивнул Леонардо.

- Я только не понимаю, как ты ухитряешься их срывать, ведь сад оккупирован пчелами-убийцами!

- Тебе я могу открыть секрет, ты им все равно не воспользуешься. Нужно собирать фрукты под дождем, когда пчелы скрываются в дуплах. Но на всякий случай я надеваю перчатки из толстой резины, потому что иногда пчелы прячутся прямо внутри выгрызенных фруктов, если нечаянно сорвешь такой плод - пчела попытается укусить за руку. Фрукты можно добывать и ночью, ведь по ночам пчелы-убийцы спят, но это опасней.

- А ты возьмешь меня с собой на охоту за персиками, если я как-нибудь приеду в дождливый день?

- Только в Реальности! В жизни я не стану подвергать опасности жизнь девушки из-за ее легкомысленной любви к персикам.

Уговорить Леонардо мне не удалось. Но утром мы все равно расстались друзьями, он даже проводил меня до перевала, как и в прошлый раз. Мы простились. Он уехал на своем мобиле, а

я двинулась через перевал. Мне было грустно: я возвращалась с макаронами, но без иллюзий на свой счет и без фруктов.

Вдруг по крыше джина что-то резко забарабанило, и тут же ветровое стекло помутнело, в кабине стало темно. Дождь! Да какой – проливной ливень! Я немедленно развернулась и поехала назад.

Я въехала в сад ди Корти в тот момент, когда ливень, промочив все вокруг, уже кончался. Вытащив из сумки запасной пластиковый костюм, я оторвала от него рукава и натянула их на руки вместо перчаток. Вытряхнув из сумки все, что там было, я смело пошла к деревьям. За какие-нибудь десять минут я наполнила свою сумку почти наполовину, но тут выглянуло солнце, и я побежала к машине. Я поехала назад чрезвычайно довольная собой. А какой божественный аромат поднимался из моей сумки и распространялся в машине!

Беда случилась, когда я уже почти выехала из сада. Видно, я все-таки сорвала плод, в котором пряталась от дождя пчела-убийца. Я услышала зловещее гуденье и сразу же остановила машину. Я успела выскочить из машины, бросив дверцу открытой, чтобы дать убийце возможность улететь восвояси. Но я не знала характера этих пчел. Она тут же вылетела из джипа и полетела прямо на меня. Я повернулась и помчалась к дороге на виллу, бросив машину в саду, думая только о спасении. Пчела скоро меня догнала и стала кружиться возле самого лица. Я замахала рукой и ударила ее. Она отлетела, не успев меня ужалить, а я помчалась дальше со всей скоростью, на какую только была способна. Я выбежала на белую известняковую дорогу, под деревья-зонтики, когда пчела настигла меня – я почувствовала резкий укол в левое бедро сзади. Все. Бежать дальше уже не имело смысла. Нogu тут же свело, и я остановилась в растерянности. Что же мне теперь делать? Спокойно и с достоинством ждать смерти или все-таки попытаться спастись? Конечно, последнее. Но как? Я встала на ноги и попыталась идти. Если я доберусь до виллы, я смогу попросить ди Корти срочно вызвать врача. Я поднялась и поковыляла, волоча ногу и не особенно надеясь, что сумею дойти. Так и случилось: через несколько минут я поняла, что дальше идти не имеет смысла – все равно до виллы я не дойду. Оставалось надеяться, что кто-нибудь проедет по дороге и подберет меня. Я увидела большой плоский камень на краю дороги, в тени большой пинии, добралась до него и уселась ждать помощи или смерти.

Видно, бабушка крепко молилась за меня своему Богу: вскоре я услышала гуденье, а затем в зонтичной аллее показался огромный красно-белый мобиль, который я уже видела в свой первый приезд на виллу Корти. За пультом сидел черноволосый молодой человек; я догадалась, что это сеньор Ромео ди Корти-младший, встречи с которым я должна была всячески избегать. Поравнявшись со мной, он открыл окно с моей стороны и крикнул:

- Э! Сеньорита! Что вы тут делаете? Это частное владение!
- Что я тут делаю? Я умираю, вот что!
- Другого места вы для этого найти не могли? Сейчас многие умирают на дорогах, но это, между прочим, частная дорога.
- Так я что, не имею права на ней умереть?
- Не имеете. Повторяю, это частное владение и частная дорога.
- В таком случае меня на вашей частной дороге ужалила ваша частная пчела-убийца, и вы просто обязаны оказать мне помощь!

- Вот как! Придется посмотреть, что с вами такое, - он вышел из мобиля и подошел ко мне. На нем был странный костюм, как будто он сбежал из Реальности конца прошлого тысячелетия: белые брюки и красная рубашка. У него были длинные до плеч волосы, от него на несколько метров распространялся запах дорогих мужских духов. Вот уж кто был достаточно утонченным, причем вне какой бы то ни было Реальности! - Ну, показывайте, куда вас ужалила пчела-убийца?

- В ногу. Вот тут где-то... - я поднялась с камня и дотронулась до левого бедра, которое распухло так, что штанина на нем была теперь туго натянута.

- Да, похоже на укус пчелы-убийцы. Я сейчас отвезу вас в больницу, и там вам введут сыворотку. Очень многих это спасает, если время не упущено. Но сначала надо освободить ногу.

Он быстро пошел к мобилю, порылся там и вернулся с небольшим ножом в руке.

- Повернитесь ко мне спиной!

- Что вы собираетесь делать?

- Разрежу ваш костюм и освобожу ногу.

- Это совершенно невозможно!

- Это совершенно необходимо. Такой убогий костюмчик, неужели вам жаль его. В больнице получите другой, только и всего.

- Я не хочу, чтобы вы до меня дотрагивались!

- Да вы идиотка! Скажите спасибо, что это я готов до вас дотронуться. Вы понимаете, что можете умереть? Сам по себе этот прискорбный факт меня не волнует, но вы вознамерились сделать это на моей земле, а вот этого я допустить не могу... Повернитесь, говорю вам!

Я понимала, что не должна позволять ему дотрагиваться до меня, но у него был такой уверенный голос, а мне так не хотелось умирать... И я послушно повернулась к нему спиной. Раздался треск разрезаемой ткани и удивленный возглас молодого человека:

- Ого! Да это шелк, а не пластик! Вот почему вы не хотели, чтобы я до вас дотронулся. Я вас принял за простую планетянку, а вы, как я понимаю, экологистка. Приношу искренние извинения. Но я искуплю свою вину: сейчас я найду место укуса и попробую высосать яд.

- Что? Нет! - Я ужаснулась, «высосать» - это значит, он хочет прикоснуться к моему телу своим голым ртом?! Нет, уж лучше умереть прямо тут, на дороге...

- Не дергайтесь и не бойтесь за меня: мы все здесь делаем прививки против укусов пчел-убийц, так что мне ничего не грозит... Что такое? О, поздравляю вас! Вас ужалила вовсе не пчела-убийца, а самая обыкновенная пчела. Вот ее жало. Пчелы-убийцы не оставляют жала, они подобно осам могут жалить много раз. Минутку терпения, сейчас я его вытяну из ранки. Ну вот и все. Вы спасены, сеньорита! - и он ШЛЕПНУЛ МЕНЯ ПО ЗАДУ!...

Я развернулась и уставилась на него.

- Ну что вы на меня так смотрите своими прекрасными глазищами? Думаете, я нарушил

субординацию? Уверен, что вы по званию не старше сержанта, а я капитан. Так что за шлепок не прошу прощения, а прошу принять его как взыскание от старшего по чину – хотя бы за то, что проводите операцию на частной территории без уведомления хозяев. Кстати, я хотел бы знать, что интересует экологов в моем поместье? По вашему акценту я догадываюсь, что ты не из римского отряда. Интересно, что мне не сообщили об операции, которая проводится на моей земле, но об этом мы поговорим попозже и в другом месте. И не с вами. К вам лично у меня претензий нет, ведь вы только выполняете задание. С риском для жизни, между прочим. Как и понимаю, нам даже не сделали прививки против укусов пчел-убийц, а в римском отряде все о них знают. Сейчас я отвезу вас к себе, вызову врача, чтобы вам сделали укол от укуса простой пчелы. У вас очень сильная аллергическая реакция.

- А вы абсолютно уверены, что это была простая пчела?

- Да, уверен. Их тут полно осталось от прежних времен. Пчелы-убийцы их не трогают до поздней осени, а к зиме убивают и забирают их мед, оставляя два-три роя на развод. Идти сможете, сержант? Ведь я угадал – вы сержант?

- Угадали, – сказала я, а что мне еще оставалось делать? Пусть он угадывает про меня все что хочет, лишь бы не увидел в саду мой джип и не догадался о макаронах.

Я попробовала шагнуть, но моя левая нога совершенно меня не слушалась, и я закачалась.

- Не беда, сержант! Я отнесу вас в мобиле. Он поднял меня на руки, и я потеряла сознание.

Когда я снова пришла в себя и открыла глаза, то мерное, что я увидела, были синие ламбрекены. Я поняла, что нахожусь на вилле Корти. Скосив глаза, я увидела у окна широкую спину, обтянутую красной шелковой рубашкой: ди Корти-младший спокойно стоял и смотрел в окно.

Я огляделась, стараясь двигать только глазами, но не головой. Я лежала на постели, укрытая синим покрывалом с золотисто-желтым узором. Под головой у меня была подушка, светлее покрывала, но тоже синяя. Вообще все в этой комнате было синее и золотое. Уж не бабушкина ли это «синяя комната для гостей»? Я неосторожно повернула голову, и ди Корти-младший обернулся на шорох.

- Очнулись, сержант? Как вы себя чувствуете?

- Кажется, неплохо,

- Может быть, теперь вы расскажете мне, какие дела нашлись у юной экологистки в моем поместье?

О Месс! С тех пор, как я не выхожу в Реальность, моя жизнь сама по себе становится реальной реального. Он принимает меня за сержанта экологического отряда. Это, конечно, приятно: экологи – храбрые люди и полезные члены общества. Они очищают планету от дьяволаха, от «водяной чумы» и других вредных растений, а так же уничтожают чрезмерно расплодившихся диких зверей, животных-мутантов и одичавших домашних животных. Надо полагать, они ведут борьбу и с пчелами-убийцами. Но этот вариант навряд ли пройдет, поскольку у меня нет прививки против их укусов. Выход один – напустить на себя таинственность.

- В свое время вы об этом, несомненно, узнаете, капитан. В ином месте и не от меня. А скоро придет врач?

- Он уже был. Сделал вам противоаллергический укол, ввел успокоительное и велел не тревожить. Вы проспали несколько часов. Врач обещал, что к номеру вы проснетесь совершенно здоровой. Проверим? Попробуйте встать, сержант!

Я откинула синее с золотом покрывало и ахнула: я была без костюма, в одном бабушкином белье - в шелковой черной сорочке с широкими кружевами и таких же трусиках. Я смутилась и подобрала под себя голые ноги.

- А где мой костюм?

- Я отдал его зашить и выстирать. Скоро он просохнет, и вы сможете его надеть. Интересно, а зачем это вы надели вечернее платье под маскировочный костюм?

Так. Становится еще интересней: он принял бабушкино нижнее белье за вечерний наряд. Прекрасно, в таком случае я могу встать! Я свесила ноги с кровати и осторожно встала.

- Ну как, сержант?

- Немного кружится голова, а так ничего...

- Голова у вас может кружиться как от уколов, так и от голода. Когда я вас подобрал, было раннее утро, а сейчас уже почти вечер. Приказать, чтобы вам подали ужин сюда или выйдете к столу?

За ужином я наверняка увижу ди Корти-старшего. Это опасно или полезно? Скорее второе - кто-то ведь должен помочь мне выбраться из дворца.

- Думаю, капитан, что я уже могу встать.

- Прекрасно! У меня сегодня гости, так что ваше вечернее платье очень кстати. Ужин начнете я через полчаса. Хотите перед этим принять душ?

- Очень хочу.

- Это понятно. Вон комната, которая у нас по традиции отводится дамам, вон та дверь ведет в ванную - там вы найдете полотенца, купальный халат и косметику. Через полчаса я за вами зайду. Приступайте, сержант!

- Слушаюсь, капитан!

- При гостях нам лучше обращаться друг к другу по имени. Вы, как я подозреваю, мое имя знаете?

- Конечно. Вы Ромео ди Корти-младший.

- Можете называть меня просто Ромео.

Мне вспомнилась трагедия англичанина Шекспира, которую мне пересказывала бабушка.

- А вы можете называть меня Джульетой.

- Это совпадение или конспирация. Будь вы итальянкой, я звал бы вас Джульеттой, но ведь вы не итальянка по происхождению?

- Нет. Я просто планетянка.

- Ну-ну! Я буду звать вас Юлией. Это звучит общепланетно, но по существу это та же Джульетта.

- Я согласна, капитан.

- Ромео, с вашего позволения.

- Я согласна, Ромео.

Он поклонился и вышел.

В прекрасной ванной комнате, отделанной мрамором, с огромной ванной, зеркалами и двумя шкафами был такой же душ, как у бабушки, – водяной. У моей бабушки есть собственное озеро, а вот интересно, откуда поступает вода на виллу? Надеюсь, не из Средиземного океана? Я решила хозяйскую воду не экономить, поскольку нахожусь здесь не по своей воле, и наслаждалась душем добрых десять минут. Потом я открыла шкаф и увидела в нем несколько пушистых синих халатов. У бабушки такие тоже были входу и назывались «купальными». Я надела халат и принялась за косметику. Как это было принято в интерьерах прошлого тысячелетия, она располагалась на туалетном столике с зеркалом. Я уселась перед ним и задумалась. Как же мне теперь разобраться в этих бесчисленных баночках, тюбиках, коробочках и бутылочках, ведь я не читаю по-итальянски. Но тревога моя оказалась напрасной: все надписи были на планетном. Интересно! Я прекрасно знаю, что косметикой вне Реальности пользоваться не рекомендуется и считается, что никто ее в наше время не производит. Кое у кого остались запасы с прошлого, они продаются и покупаются за бешеные деньги и так же тайно, как настоящие макароны: валютой служат в основном золото и драгоценные камни. Но все эти вещи, стоящие передо мной на мраморном столике, производят впечатление совершенно новых, сделанных совсем недавно, а главное, эти надписи на планетном! Выходит, кто-то для кого-то производит косметику и по сей день. Ладно, потом разберемся, а сейчас нужно вспомнить, что выделывали над собой моя прекрасная мама, когда садилась за такой же столик перед таким же тройным зеркалом. Ужасно неприятно пачкать свое настоящее лицо красками. Но как бы там ни было, когда через полчаса Ромео ди Корти-младший вошел в синюю комнату, предварительно вежливо постучав, я поняла, что справилась – эффект превзошел все мои ожидания. Он был потрясен и так и заявил:

- Юлия, я потрясен! Что вы красавица, я заметил еще на дороге. Но вы не просто красивы – вы ослепительны! Вашу руку!

Впервые в моей жизни кто-то разделял мнение бабушки о моей внешности. Ах, играть так играть! Я любезно улыбнулась и, содрогнувшись внутренне, подала ди Корти руку. Он взял ее своей большой теплой рукой и вдруг наклонился, как будто хотел укунить ее. Но он сделал хуже – он поцеловал мою руку! Я опешила. А Ромео как ни в чем не бывало распахнул передо мной дверь со словами:

- Прошу вас, дорогая! – и он повел меня под руку длинным широким коридором мимо белых с золотом дверей, статуй, картин и драпировок.

Мы спустились вниз по парадной лестнице и оказались в той самой белой гостиной, где я впервые увидела настоящие ламбрекены. Мне показалось, что ди Корти ввел меня не в гостиную, а в свою Реальность. Я увидела мужчин и женщин совсем не похожих на обычных планетян. Мужчин было трое, и все они были в белых костюмах, но рубашки и галстуки на них были цветные, причем у всех разных цветов. Женщин было четыре, и они были в вечерних

платьях, оставлявших обнаженными руки, плечи и даже спины. У них были прически из длинных волос, а может быть, это были парики, и лица их были раскрашены гораздо ярче, чем у меня.

- Друзья, позвольте вам представить мою коллегу, сержанта Юлию. Вас всех я ей представлю в течение вечера, а пока прощу всех к столу.

Ди Корти повел меня к дверям, а гости последовали за нами. Мы вошли в следующий зал, середину которого занимал длинный стол, уставленный сверкающей посудой и цветами. Огромные хрустальные вазы с горами фруктов стояли между букетами цветов, затмевая их яркостью красок и свежестью. Когда я смогла отвести глаза от фруктового изобилия, я увидела, что по ту сторону стола отворилась дверь, и в нее собственной персоной вошел Ромео ди Корти-старший. Он тоже был в белом костюме, а на галстук у него сверкал огромный бриллиант. Небрежно кивнув гостям, он быстро подошел к сыну, протянул ему коробку, перевязанную немного помятой голубой лентой, и сказал:

- Поздравляю с днем рождения, Ромео!

Гости захлопали в ладоши и тоже начали поздравлять Ромео-младшего. Потом все стоя выпили по бокалу какого-то шипучего напитка, которыми всех обнес лакей в черном костюме. После этого первым сел за стол ди Корти-старший, за ним стали рассаживаться и гости. Меня Ромео-младший усадил рядом с собой.

Приборы были серебряные, тарелки фарфоровые, а бокалы для вина и напитков хрустальные, но благодаря бабушке я умела всем этим пользоваться, так что могла сосредоточиться на еде, не волнуясь о том, какое впечатление произвожу на гостей и хозяев. Ромео-старший на меня ни разу не взглянул, он вообще никуда не смотрел, кроме своей тарелки. Обслуживал нас, как в лучших Реальностях Лондона и Парижа прошлого, настоящий лакей: он развозил кушанья на блестящем металлическом столике с колесами, а мы сами себе накладывали кто чего хотел. Я хотела всего. Так меня еще не кормили! Сначала были разнообразнейшие закуски, потом настоящее жареное мясо с овощами. Конечно, овощами бабушка меня баловала, а вот мяса, кроме куриного, я не ела с тех пор, как жила с матерью у ее богатых покровителей. Потом была еще рыба, какая-то очень крупная, похожая на морскую, но разве кто-нибудь сейчас ест морскую рыбу? Все было очень вкусно, так вкусно, что я целиком ушла в наслаждение едой, совершенно не прислушиваясь к тому, о чем переговаривались гости. Запивали все это вином, которое тоже разливал по бокалам лакей - сначала красное, а потом белое. Вина я даже не попробовала, но зато выпила почти всю бутылку минеральной воды, стоявшую напротив моего прибора. Кстати, бутылка оказалась стеклянной, а не пластиковой, что ясней ясного говорило о том, что и минеральная вода была не из общей системы питания. Пить вино я не решилась после сегодняшнего приключения, зато фруктам воздала полную честь! Я перепробовала все: и еще незнакомый мне виноград, синий и белый, и апельсины, которые надо было сперва очищать специальным ножичком от душистой толстой кожуры, и похожие на них маленькие мандарины, которые легко очищались и без ножа, а на вкус были еще нежнее. Потом все ели арбуз и дыню, которые лакей подал уже нарезанными. Конечно, я опять перебрала и, когда все встали из-за стола, я шепнула Ромео: «Мне необходимо ненадолго подняться в свою комнату». Он велел лакею проводить меня в «синюю комнату для гостей». Я сидела на прекрасном фарфоровом унитазе в ванной комнате, когда услышала тихий скрип со стороны шкафа для купальных халатов. Дверца приоткрылась, из нее высунулся длинный нос Ромео ди Корти-старшего!

- Не вставайте, не вставайте, сеньорита! Я на минутку, я хочу только спросить, как это случилось, что вас привез в дом мой сын? Меня это страшно беспокоит.

- Он нашел меня на дороге неподалеку от виллы.

- Вы были в своей машине с моими макаронами?!

- Нет-нет, успокойтесь. Машина осталась в саду, ее за деревьями не видно. Я сидела на камне возле вашей дороги в ожидании смерти, а ваш сын проезжал мимо, остановился и спас меня. Может быть, вы хотя бы повернетесь ко мне спиной?

- Пожалуйста. А с чего это вам вдруг вздумалось умирать на дороге?

- Меня укусила пчела, когда я воровала фрукты в вашем саду.

- Пчела-убийца? Тогда почему вы до сих пор живы?

- Это была обыкновенная пчела. Но от ее укуса у меня онемела нога, я не могла двигаться, и Ромео привез меня сюда, а потом вызвал врача. Не вздумайте поворачиваться - я встаю!

Я закончила свое дело, спустила воду и подошла к ди Корти. Я заглянула в шкаф: в его задней стенке была еще одна дверца, а за ней виднелись уходящие вверх ступени. Здорово!

- Я могу отсюда выбраться по этому ходу?

- Сейчас - нет. Позднее, когда все напьются и отправятся к бассейну, скажите Ромео, что у вас разболелась голова и поднимайтесь сюда. Я вызову Леонардо, он придет за нами и выведет вас к машине. Отчаянная вы голова! А как это вы решились выйти к столу в комбинации вашей бабушки? Впрочем, что я спрашиваю, и так все ясно: эти молодые придурки приняли ее за вечернее платье.

Нехорошие мысли зашевелились в моей голове.

- А откуда вы знаете, что это комбинация моей бабушки?

- Размер не тот. Ваш должен быть по крайней мере на три номера меньше. Но качество говорит само за себя, такие вещи и в прошлом были доступны только очень богатым дамам, а теперь ей и вовсе нет цены. На ней настоящее машинное кружево, а сейчас можно найти только кружева ручной работы. Прежде было наоборот, ценилась именно ручная работа. О, как мы заболтались! Идите к гостям. Ни о чем не беспокойтесь, Леонардо вас проводит. Только держите, пожалуйста, язык за зубами. И не забудьте про Британскую энциклопедию! - Он сделал шаг в глубину фальшивого шкафа, скрипнул дверцей и исчез.

Я спустилась вниз. В столовой уже никого не было, только двое слуг убрали посуду со стола. Один из них проводил меня на открытую террасу, куда теперь перебрались все гости.

Светильники, выстроившиеся по краю террасы, освещали плетеные кресла, диваны и столики, звучала музыка, одна пара танцевала, другие гости разговаривали. На одном из столов стоял поднос с бокалами и множество бутылок, на другом лежали нарядные коробки и пакеты - подарки для Ромео. Почти у каждого гостя в руке был бокал с каким-нибудь напитком.

Я выбрала пустой диван, села и стала ждать, что будет дальше. Ромео, разговаривавший с коротышкой-толстячком, увидел меня и сразу же подошел.

- Дорогая Юлия! Знаете, что подарил мне мой старик на день рождения? Старинный фотографический аппарат! Сейчас я сниму вас на память.

Он подошел к столику, на котором стояла картонная коробка с подарком отца, а рядом валялась голубая ленточка. Он вынул из коробки фотокамеру и навел ее на меня. Камера была, кстати говоря, не очень старинная, всего лишь конца прошлого тысячелетия. Такими пользовались, если хотели сразу получить готовый снимок.

- Внимание!

Я приняла позу и постаралась придать своему лицу всю возможную безмятежность.

- Снимаю!

Сбоку камеры выскочил картонный квадратик. Ромео положил его вместе с камерой на столик и стал наблюдать процесс появления фотографии. Некоторые гости подошли к нему и тоже стали смотреть...

- Готово!

Ромео подошел ко мне и протянул снимок. О, Месс, как я себе понравилась! Фотография - это не Реальность, это гораздо ближе к жизни; я ведь себя не придумала - я себя сделала! Гости подтвердили, что снимок удался.

- Хотите потанцевать, Юлия, или что-нибудь выпьете?

Танцевать - еще чего! Я взглянула на танцующую пару и содрогнулась: они танцевали держа друг друга за руки!

- Я лучше чего-нибудь выпью. Только, пожалуйста, без алкоголя.

- Запрещено или вообще не пьете?

- Запрещено, - сказала я, чтобы уберечься от дальнейших предложений.

- Как вы дисциплинированы, сержант! Я принесу вам сок. Какой хотите - апельсиновый, яблочный, банановый?

- Банановый, если можно.

Он сходил к столу и вернулся с большим бокалом, полным молочно-желтого напитка. У него оказался изумительный вкус - нежный и пряный одновременно. Я наслаждалась каждым маленьким глотком, растягивая удовольствие.

- Если вы не хотите танцевать, давайте просто поговорим. Вы можете мне сказать, откуда вы приехали?

- Из Лондона, - сказала я, чтобы избежать путаницы при дальнейших расспросах.

- О! Британцы - серьезные экологи, это известно всей планете.

К нам подошла темноволосая девушка в платье, на вид сплетенном из узких белых веревочек, с бокалом в руке.

- Надеюсь, вы не секретничаете? Я вам не помешаю? - Не дожидаясь ответа, она присела на диван рядом с Ромео.

- Ну что ты, Клаудиа! Кому ты можешь помешать? Мы тут говорим об экологии.

- Ненавижу разговоры о страшном.

- В экологии нет ничего страшного, это без нее мир стал бы ужасным. Кто бы защищал таких милых и беззащитных девушек, как ты, если бы у нас не было Экологической службы? - с улыбкой проговорил Ромео. - Я прав, Юлия?

- Безусловно.

Танец кончился, и танцевавшая пара тоже подошла к нам. Наряд девушки состоял из двух длинных кусков ткани, связанных узлами на плечах и в поясе, перехваченном стальной цепочкой; впереди было красное полотнище, а сзади - коричневое. Цвета планетного знамени. Красиво, скромно и патриотично.

- И все-таки я считаю экологистов жестокими, - не сдавалась Клаудиа.

- Ты просто ревнуешь меня к Юлии, детка, - сказал Ромео и поцеловал ее обнаженное плечо. Слава Мессу, что не мое, но я все равно поежилась.

- Экологи не жестоки - это наш мир жесток, - сказал танцевавший с «патриоткой» молодой человек.

Остальные гости тоже подошли к нам и, придвинув легкие стулья, расселись вокруг нашего дивана. Я почувствовала общее внимание к моей скромной особе, и оно делало меня неуверенной: я боялась допустить какую-нибудь оплошность.

- Скажите, Юлия, а это правда, что женщины-экологи носят оружие и владеют им не хуже мужчин? - спросил молодой человек с рыжей гривой волос.

- Некоторые носят и владеют.

- И вы тоже?

- Случается.

- И вам приходилось стрелять и убивать?

- Конечно. Что же еще прикажете делать с мутантами? Зоопарки для них строить?

Все как-то странно замолчали. Внезапно наступившую тишину нарушил толстячок, куривший сигару. Он ободряюще мне улыбнулся и сказал:

- Все экологи немного циники, служба у них такая. Но мы должны быть благодарны Юлии и ее соратникам - они защищают нас, наше благополучие и наш образ жизни.

Я поблагодарила его улыбкой.

Тут впервые заговорила высокая белокурая красавица в платье очень похожем на мое золотое, только из серебряной ткани.

- И все-таки вы, экологи, жестокий народ. Я понимаю, что очищать планету от асов необходимо, но зачем же называть их мутантами? Я думаю, они такие же люди, как и все остальные планетяне, только несчастные.

- Такие же?! Ты, может быть, скажешь, Анна, что они вообще такие же, как мы? - возмутилась "патриотка".

- Нет, асы другие. Я думаю, они просто психически больные. Их надо не уничтожать, а изолировать и лечить.

- Но с теми асами, кого еще можно вылечить, так и поступают. Изолируют, а уж тем более отстреливают лишь тех, кто не поддается социальной адаптации. - назидательно сказал «танцор». - Я правильно объяснил ситуацию, прекрасная и храбрая Юлия?

- Да, конечно, - сказала я, ровно ничего не поняв сама. Я всегда считала, и так нам объясняли еще в колледже, что экологисты очищают планету от вредных растений и животных - при чем же тут асы? Но сейчас задавать вопросы мне определенно не следовало. Оставался единственный способ прекратить опасный разговор, и я к нему прибегла: - Я не люблю серьезных тем, когда нахожусь на отдыхе, я бы лучше потанцевала...

И тут я заметила, что все мужчины как-то сразу смешались и стали отходить от нас. На диване остались только Клаудиа, Ромео и я.

- Я тоже хочу танцевать, Ромео! - сказала Клаудиа и, встав с дивана, протянула к нему руку. Ромео сделал извиняющийся кивок в мою сторону и повел Клаудию в танце. Вот так дела! Они восхищаются моей специальностью, но они все испытывают ко мне что-то вроде страха смешанного с брезгливостью. Это что-то непонятное... Конечно, это очень хорошо, что мне не надо танцевать, но все-таки немного обидно. А главное, непонятно.

Танец окончился, Ромео оставил партнершу и подошел ко мне.

- Следующий танец - с вами, Юлия!

Снова зазвучала музыка, он протянул ко мне руку, и мне ничего не оставалось, как взять ее и подняться с дивана. Ромео положил другую руку мне на талию сзади и притянул мое тело совсем близко к своему. Я ощутила целую волну запахов, исходивших от него: резкий запах мужской косметики мешался с запахом табачного дыма и даже приглушенным, но все равно острым запахом тела и пота. Вытерпев пару минут, я остановилась и решительно отстранилась.

- Простите меня, Ромео, но у меня внезапно закружилась голова. Я не могу танцевать, видимо, моя аллергия дает о себе знать. Я вообще не могу больше оставаться здесь, с вашими гостями. Вы не возражаете, если я поднимусь в свою комнату и лягу спать? У меня был очень тяжелый день, да еще этот пчелиный укус...

- Ну что ж, ничего не поделаешь. Я провожу вас, идемте. Мне хотелось еще с вами поговорить, но сейчас это все равно невозможно. Давайте сделаем так: сейчас я вас провожу в вашу комнату, вы ляжете в постель и постараетесь уснуть. Я побуду с гостями еще час-другой, а потом приду к вам, и мы продолжим нашу беседу наедине. Согласны?

- Я ваша гостья, и я младше по званию, что мне остается, как ни подчиниться?

- Обожаю экологисток! Они отважны, понятливы и так послушны... Хотите проститься с гостями?

- Нет, я бы хотела уйти незаметно.

- Тогда самое время это сделать сейчас, пока все танцуют и заняты друг другом.

Ромео проводил меня до дверей синей комнаты и на пороге попытался меня поцеловать.

- Потом, потом! - в ужасе воскликнула я, ныряя за дверь.

- Потом так потом! - смеясь произнес Ромео уже за дверью, и я услышала, как он уходит по коридору, что-то негромко напевая.

Что же мне теперь делать? Ждать? А если он поднимется в мою комнату раньше, чем за мной придет Леонардо? Но тут же я успокоилась - на кровати лежал мой зеленый костюм, зашитый, выстиранный и отглаженный. Решение было просто и доступно: надеть костюм, подняться на третий этаж к старому ди Корти и унести отсюда ноги, то есть колеса. И не беда, если даже мне придется идти к моему джипу одной, оставаться тут куда страшнее!

Ромео ди Корти-старший не спал. Он сидел в кресле, одетый в тот самый засаленный халат, в котором я его увидела и первый раз, и читал книгу. Увидев меня выходящей из шкафа, он спокойно отложил ее и спросил:

- Почему так рано? Леонардо придет только после полуночи, а сейчас нет еще десяти. Садитесь и рассказывайте, что там у вас опять приключилось?

Пришлось сесть и рассказать. Реакция была странной.

- Ромео - настоящий сын своего отца, я тоже в его годы старался не пропустить ни одной девушки. Так он что же, не произвел на вас совсем никакого впечатления?

- Произвел. Впечатление похотливого и самовлюбленного самца.

Старик ехидно захихикал:

- О, как жаль, что я никогда не решусь передать ему ваши слова! Ну, ладно... Я сейчас позвоню Леонардо и скажу, чтобы он выезжал за вами немедленно.

- Ни за что на свете не стану терять время! Я сама доберусь до машины, только выведите меня из дома.

- Вы не боитесь ни темноты, ни пчел-убийц?

- Есть вещи, которых я боюсь еще больше.

- Уж не моего ли сыночка?

- Да.

- Правильно боитесь. Я сам его боюсь. И его, и его гостей, и всю Семью целиком, и вообще всего этого нового мира. Я провожу вас до ворот и выпущу: ворота заперты, и надо знать код, чтобы открыть их.

- Ваш сын не предпримет каких-нибудь неожиданных действий, когда обнаружит мое отсутствие?

- А мы оставим ему записку. Давайте спустимся снова в вашу комнату. Сейчас это не опасно, вечеринка в самом разгаре. Слышите?

Шум музыки доносился и сюда, и мне показалось, что она стала громче и агрессивней -

сплошное «тум-тум-тум», как будто это гудели зловещие африканские барабаны в какой-нибудь приключенческой Реальности.

В ванной старик огляделся, взял со столика губочку краски для губ и что-то размашисто написал ею на зеркале по-итальянски.

- Что вы такое написали?

- Что вы ушли выполнять задание и просите вас не искать. И подпись - «Майор Юлия». Это его остановит.

Мы благополучно поднялись из комнаты старика, прошли через пустой коридор и спустились по узкой лестнице для слуг в подвальные помещения; там мы прошли через огромную пустую кухню, снова поднялись по ступенькам и вышли в маленький хозяйственный дворик. Он был отделен от сада стриженной буковой стеной с прорезанными в ней окошками-медальонами. Заглянув в одно из них, я увидела парадную часть сада: там горели фонари, грохотала музыка, а со стороны бассейна раздавался женский визг. Вечеринка была в разгаре, но мы прошли к воротам узкой дорожкой между оградой и кустами высоких роз, и нас никто не заметил.

У ворот старик сказал мне громким шепотом:

- Передайте сеньоре Саккос, что у нее храбрая, красивая, хотя и не очень умная внучка. Как жаль, что вы идете одна, я хотел дать вам с собой корзинку фруктов для вашей бабушки.

- Вау! Давайте вернемся за ней.

- Я же сказал - и не очень умная! Вы думаете, вам всегда будет так везти? Рисковать из-за фруктов, какой вздор! Немедленно отправляйтесь к своему джипу и не забудьте сказать бабушке про Британскую энциклопедию: за ее полный выпуск я отдам годовой выпуск макарон!

Хорошо, что небо было чистым, усыпанным звездами, и большая белая луна светила на дорогу. Но все равно было страшно идти одной по этой таинственной ночной дороге: при свете луны деревья бросали па белые известковые плиты совершенно черные тени; кипарисы выглядели мрачными и тощими великанами в рясах с островерхими капюшонами; мохнатые лапы пиний, низко нависая надо мной, были готовы вцепиться мне в волосы. Если бы сейчас со мной был мой Индрик! Я вполголоса затянула его песню без слов, и стало не так жутко. Вот уже видна узкая грунтовая дорога, ведущая в сад. Я свернула на нее и теперь шла, освещенная прямым лунным светом. Показались первые фруктовые деревья, в дуплах которых спят пчелы-убийцы! А если они проснутся от шума? А вдруг моего джипа уже нет на месте?

Но джип был там и стоял с распахнутой дверцей, как я его и оставила. О Месс! Ведь за целый день в него могла забраться уйма пчел, привлеченных запахом спелых фруктов в моей сумке! Но делать было нечего. Я влезла в кабину и включила двигатель.

Ночью ехать по горной дороге было опасно, но я кое-как вела машину, пока светили луна. Потом дорога поднялась выше, и луна скрылась за вершинами гор. Но я заметила, что какой-то свет продолжал освещать деревья по сторонам дороги и светил он явно сзади. Я посмотрела в боковое зеркало: кто-то преследовал меня на мобиле! Это, конечно, Ромео, а у меня полная машина макарон! Что же мне делать, чтобы не подвести старого ди Корти? Я не знаю, какая скорость у такого классного мобиля, но определенно не выше, чем у моего джипа. Оторваться от него я почти наверняка сумею, но он может связаться с Надзором, а от Надзора не уйдешь. Единственный выход - уйти как можно дальше вперед, увеличить разрыв, а потом спрятаться

вместе с машиной. Взяв самую большую скорость, на какую только смогла решиться в темноте на горной дороге, я действительно здорово оторвалась от преследующего меня мобиля. На поворотах машину так заносило, что я слышала скрежет кустарника под колесами. А потом я увидела поворот на заросшую лесную дорогу и на всей скорости, сминая тяжелой машиной кусты и тонкие деревца, въехала на нее и остановилась. Я вылезла из кабины и вернулась к основной дороге, оглянулась и убедилась, что джип с нее заметить невозможно. Я стояла за кустами и ждала. Прошло несколько минут, и вот свет мобиля стал ярче, гуденье слышнее, и вот он сам промчался мимо меня. Но это был не красно-белый красавец ди Корти-младшего, а маленький спортивный мобишка Леонардо! Я бросилась обратно на лесную дорогу, села за руль, развернулась, переваливаясь с боку на бок и ломая все вокруг, как старинный танк, выехала на дорогу. Теперь надо было догонять Леонардо. Еще издали я стала сигналить ему, и он остановился, увидев в зеркале мой джип.

- Эй! Мио Леонардо! Ты что так долго не тормозил? - закричала я, вылезая из кабины.

- Кара Сандра! Я понял, что это ты только тогда, когда ты совсем села мне на хвост. Как ты оказалась позади меня? Я думал, это Ромео и чуть не свалился в пропасть, выжимая предельную скорость из моей старушки. Я сжег все покрышки, так что новые за твой счет, дорогая! Но как я рад тебя видеть!

Леонардо подбежал ко мне, схватил меня за плечи, на секунду прижал к себе и тут же отпустил. И мне это почему-то не было противно.

- А зачем ты меня преследовал, Леонардо?

- Да как тебе сказать... Давай присядем и придем в себя от нашей погони друг за дружкой. Это тебе не в Реальности гонки устраивать!

Мы забрались в джип. Я достала бабушкин термос и предложила Леонардо стаканчик кофе.

- Так почему же ты поехал за мной?

- С одной стороны, я был очень огорчен, что тебе пришлось удирать, не дождавшись меня. С другой - было приятно услышать, что нашлась девчонка, натянувшая нос нашему неотразимому Ромео. Все парни в нашем городке ненавидят его, потому что ни одна девушка не может устоять против его чар: аристократ, красив, богат да еще и член Семьи. Какой замечательный кофе! Это ты варила? А где ты взяла его, ведь это же натуральный кофе!

- Это из бабушкиных запасов. Она же его и сварила. Я такой вкусный варить не умею.

- Обязательно научись, и я влюблюсь в тебя окончательно.

- А разве ты уже начал?

- А ты что, не заметила? Конечно, мне совсем не нравится, когда ты пытаешься превратить жизнь в Реальность; вчера ты была жутко смешная, когда вырядилась в золотое платье и гремела своими оранжевыми бусами. У нас в городке многие девушки так играют, подражая богатым туристам и членам Семьи. То и дело слышишь о том, что хорошая девчонка, с которой ты учился в одной школе, попала под Надзор не в форме и была за это наказана. Ты знаешь, на нашем побережье живут многие из Семьи, наши девушки и парни им подражают, и в этом, поверь, нет ничего хорошего. А ты мне гораздо больше нравишься в роли лихой макаронной контрабандистки. Я еще не встречал такой смелой и предприимчивой девушки. Это же надо, первый раз в жизни попробовала хорошие фрукты и тут же решила запастись ими для

любимой бабушки, не испугалась пчел-убийц! Если бы я был богат, я бы поставил тебе памятник на главной площади нашего городка, рядом с фонтаном, и назвал бы его...

- Красная Шапочка, несущая больной бабушке корзиночку с фруктами.

- Что-нибудь в этом роде!

Мы шутили, пили кофе, и мне было с ним хорошо и свободно. Мне даже не мешало, что длинноногий Леонардо иногда задевал меня своими коленками. Я решила его расспросить кое о чем.

- Леонардо, я за сегодняшний день несколько раз слышала упоминания о какой-то могущественной семье. Вот и ты тоже сказал, что его влияние портит девушек вашей городка. О какой семье идет речь, Леонардо? О семье ди Корти?

- О нет, бери повыше! Семей называют круг приближенных к Мессии политиков, бизнесменов, военных и аристократов, ну и членов их семей тоже. Ты разве прежде не слышала про Семью? Это страшная сила! Они живут так, как будто в мире не было Катастрофы, они все имеют и делают что хотят. А Ромео плюс ко всему еще и капитан экологов.

- А Ромео ди Корти-старший - он... тоже?

- Мой старикан? Формально он принадлежит к Семье, но, по-моему, не придает этому никакого значения. Он имеет право ходить в одежде свободных людей, но не будь он членом Семьи, он все равно дома не вылезал бы из своего старого халата. Для него важны только книги и макароны. Мне кажется, что он не просто тайно недолюбливает компанию своего сына, но при случае не прочь принести посильный вред новому режиму.

- А ты, Леонардо?

- К Семье я не принадлежу, как ты понимаешь.

- Но ты их тоже не любишь?

- Кого? Ромео? Терпеть не могу.

- Нет, я имею в виду вообще всех членов Семьи.

- Так... Разговор пошел о политике. Дорогая Сандра, политика не для красивых женщин! Запомни это, если хочешь когда-нибудь понравиться итальянцу.

- Двум итальянцам, внимание которых чего-то стоит, я и так нравлюсь.

- Это кто ж такие, позволь поинтересоваться?

- Ты и Ромео ди Корти. Старший, конечно. На прочих ди Корти, которых я встречала, мне, честно говоря, наплевать. Я спросила тебя, любишь ли ты членов Семьи, потому что хочу знать всю правду.

- Обо мне? Я весьма польщен, Сандра.

- Да не о тебе, с тобой и так все ясно! Я хочу знать правду о Семье. Я вообще с некоторых пор поняла, что не знаю всей правды о мире, в котором живу.

- А с чего ты взяла, что я ее знаю? Я просто живу в своем городе и в своей Реальности, пою песенки и произвожу макароны.

- И ты счастлив?

- Вполне! А сейчас и ты будешь счастлива. Закрой глаза и не открывай, пока я тебе не разрешу.

Я послушно закрыла глаза. Почему-то мелькнула мысль, что сейчас Леонардо меня поцелует. Но он вышел из джипа и побежал вперед к своему мобилю. Через минуту он вернулся, что-то поставил на сиденье рядом со мной и сказал:

- Это подарок тебе и твоей бабушке от меня и ди Корти-старшего. Раз, два, три - Сандра, посмотри!

Рядом со мной стояла большая корзина полная фруктов.

- Что это, мио Леонардо?!

- А ты разве не видишь? Фрукты. Если девушка рискует жизнью из-за фруктов, значит, она достойна самых лучших. Так сказал Ромео ди Корти-старший, а ведь он почти никогда не ошибается. Это он отправил меня с фруктами тебе вдогонку. Сказать тебе, как они называются?

- Леонардо, я знаю, ведь я декоратор-реалист. Вот это ананас, это бананы, а вот это, сверху, виноград... Я знаю названия всех фруктов мира и знаю, как они выглядят. Но я никогда не притрагивалась к ним вне Реальности.

- Смотри, не съешь все по дороге, Красная Шапочка, оставь что-нибудь бедной больной бабушке! И не забудь передать ей от меня привет.

Как и в прошлый раз, Леонардо проводил меня до самого перевала, и мы с ним тепло простились, я даже решилась хлопнуть его на прощанье по плечу. Потом я ехала еще полночи, чтобы оказаться уже наверняка в полной безопасности. Перед рассветом я снова нашла лесную дорогу, въехала на нее и остановилась, чтобы хоть немного поспать.

Я вытащила свою дорожную сумку с фруктами, поставила на обочину и осторожно раскрыла ее: если в ней остались пчелы, они утром вылетят на свободу. Корзину я оставила стоять на сиденье. Потом я вынула спальный мешок и расстелила его прямо на земле, пусть лучше меня ночью съедят жуки и муравьи, чем утром искусают в собственной машине пчелы-убийцы!

Утром я опасливо подошла к джипу, дверцы которого на ночь оставила распахнутыми. Никакого жужжания. Подобрала несколько камешков и издали стала швырять их в сумку с фруктами. Оттуда тоже никто не вылетел. Тогда я решилась и, подойдя к ней, осторожно раскрыла и заглянула внутрь. Мои фрукты на вид были еще годны к употреблению. Хотя ни в какое сравнение с подаренными ди Корти и Леонардо они, конечно, не шли, но зато я их раздобыла сама!

Глава 8

- Больше ты за макаронами не поедешь. Тебя вообще опасно выпускать одну дальше ворот, - заявила бабушка, выслушав мой подробный отчет. Я не спорила, положившись на время, разве бабушка сможет долго на меня сердиться? Но она сердито молчала день, другой - почти целую

неделю.

Даже подарок от ди Корти не привел ее в восторг; не сказав ни слова, она убрала корзину с чудесными плодами в свой огромный холодильник, и мы еще долго ими наслаждались – тоже молча. А мои фрукты в дороге изрядно помялись, и бабушка их сварила с сахаром. Теперь вечерами мы пили чай с абрикосово-персиковым джемом в полной укоризны тишине. Мое молчание означало: «Вот видишь, как вкусно! Я для тебя старалась, а ты сердишься...» Бабушка в ответ молчала: «Джем получился прекрасный, но какой ценой он добыт!»

Бабушка на меня сердилась, пчела меня укусила, любви у меня ни с кем не случилось, от ди Корти-младшего я едва спаслась и, несмотря на все эти неприятности, я великолепно себя чувствовала. После завтраки я кормила кур и рыб, а потом уходила гулять. Я подолгу бродила одна по острову, загорала на полянке среди кустов смородины, где никто, даже бабушка, не мог меня увидеть. Я перебирала в памяти всё случившееся со мной за последние месяцы и почему-то всем была очень довольна, даже укусом пчелы – ведь это была обыкновенная пчелка, а могла быть пчела-убийца!

Между тем бабушка поправлялась и большую часть дня теперь проводила на веранде с книгой, ловя редкие солнечные минуты. Она уже могла самостоятельно спускаться по ступеням в сад и тоже иногда прогуливалась в одиночестве. Мы ходили по разным дорожкам сада, стараясь не встречаться на прогулках. Ох, и упрямые же были мы обе! Впрочем, у меня-то было оправдание – гены...

А лето уже кончалось. На березах пожелтели первые листья, смородина и крыжовник переспели и стали осыпаться на землю. Начали поспевать яблоки. Я с грустью думала о том, что мне скоро придется возвращаться в Лондон и приступать к работе. Что я буду делать в Реальности после того, как столько увидела и пережила в подлинной жизни? Я даже по-своему молилась: «О Месс! Хотя бы еще один живой, полный людей и событий день, еще одно, пусть самое маленькое приключение!» И Месс мне его обеспечил...

Бабушка вдруг оживилась, повеселела и однажды вечером сказала мне:

– Все, хватит нам дуться друг на друга. Я хочу, чтобы ты помогла мне управиться с заготовками на зиму. Надо срочно собрать ягоды, а мне сейчас не с руки приглашать женщин из деревни, я жду гостей.

Прежде бабушка всегда нанимала для такой работы женщин из баварской деревни, лежавшей в получасе езды на мобиле. Они убирали овощи с огорода, собирали ягоды и яблоки в саду, а затем укладывали их на хранение. В такие дни бабушкина кухня превращалась в настоящую маленькую фабрику по переработке овощей и плодов; женщины под присмотром бабушки перебирали ягоды, укладывали их в пластиковые контейнеры и ставили их в огромный морозильный шкаф; они чистили и мелко резали овощи и тоже складывали их в морозильные камеры для дальнейшего использования. За работой крестьянки болтали между собой и с бабушкой и даже пели. Прежде в такие дни я старалась не спускаться вниз из своих комнат, чтобы не соприкоснуться со всей этой суетой, но сейчас я бы, пожалуй, познакомилась с ними поближе...

Расплачивалась бабушка с деревенскими в основном солью. Через общую распределительную сеть соли крестьяне получали на человека столько же, сколько горожане, а уходило у них в хозяйстве гораздо больше, поэтому многие бабушкины соседки стремились поработать у нее за соль. Неужели она в этом году отказывается от их помощи из экономии, несмотря на свою больную ногу. Уж не я ли тому виной, ведь она опять продлила мой отпуск...

- Бабушка! Да мы с тобой и вдвоем справимся: я буду собирать ягоды, а ты - укладывать их в контейнеры. Вот только потом я должна буду вернуться в Лондон и навряд ли смогу помочь тебе с уборкой овощей и картофеля.

- Ты готова помочь с ягодами? Отлично! А на уборку овощей я потом как всегда приглашу женщин из деревни.

На другой день мы занялись ягодами. Бабушка тоже выбралась в сад и обирала кусты смородины, сидя в легком переносном кресле. Конечно, она сначала собирала ягоды быстрее меня, но потом, когда я перестала обращать внимание на всяких там жучков-паучков и перестала бояться, что из-под каждого куста на меня выпрыгнет лягушка или нападет змея, дело у меня пошло веселей. Кончилось тем, что бабушка должна была полностью заняться укладкой ягод на кухне, а на второй день к вечеру я так завалила ее ягодами, что мне пришлось тоже надеть передник и встать к кухонному столу.

За укладкой смородины и крыжовника на зиму у нас состоялся интересный разговор.

- У меня скоро будет гостя, - сказала бабушка, - и я хочу тебя подготовить к ее приезду. Она пробудет здесь несколько дней. Это русская монахиня.

- Монахиня? Разве в наше время бывают монахини?

- Да, на земле, слава Богу, еще есть монастыри и монахи, и добавила нечто таинственное, в своем духе: - А если бы их не было, то и Земли уже не было бы тоже.

- Почему же о них ничего не слышно? Я ни разу в новостях не видела ни одной монахини.

- Потому что сегодняшний мир воздвиг вокруг еще сохранившихся монастырей своего рода Стену отчуждения: монахи не являются полноправными гражданами планеты, они не могут ничего ни продавать, ни покупать, не могут пользоваться государственной электроэнергией и транспортом и лечиться у врачей.

- Так они вроде асов?

- Вот именно. Когда принятие персонального кода было объявлено обязательным для всех граждан планеты, они отказались принести присягу и поставить код на свои руки.

- Почему?

- Монахи считают, что персональный код - это печать Антихриста, пришедшего под видом Мессии погубить весь род человеческий.

- Какая глупость! Они молятся за весь мир и при этом не понимают, что Мессия пришел спасти мир?

- Они знают, что Мессия уже приходил именно с этой целью две тысячи с лишним лет тому назад, и имя ему Иисус Христос, - тут бабушка перекрестилась, а я как всегда внутренне содрогнулась от возмущения. До меня никак не доходило, как она, с ее умом, образованием и жизненным опытом, может носить в себе такие дикие предрассудки - веру и Бога и в какого-то Христа? Но я хорошо знала, что спорить с ней на эту тему было совершенно бесполезно.

- Неужели все христиане оказались такими фанатиками, бабушка, что отказались от нормальной жизни в пользу своего Бога?

- Многие не выдержали давления властей и приняли печать, чтобы не остаться без жилья, работы и хлеба. Даже некоторые священнослужители, в том числе архиереи, пошли на сделку с Антихристом, наивно полагая таким образом сохранить Церковь. Но монахи почти все отказались от персонального кода. Конечно, они не делали никаких политических заявлений, не выступали в средствах массовой информации, ведь они монахи. Они просто не являлись на пункты регистрации. Если ты помнишь, наш Месс не так уж уверенно чувствовал себя в начале борьбы за мировую власть. Уже была создана Единая мировая религия, но и другие церкви пока не были запрещены. Напротив, сразу после Катастрофы число христиан на земле резко возросло, и, чтобы не вызвать их осуждения и не потерять голоса на выборах, Лжемессия приказал оставить не принявших печать христиан и монахов в покое. Но постепенно большинство христиан вынудили согласиться на персональное кодирование, а непреклонных и монахов полностью блокировали. Монахи и монахини теперь официально объявлены асами, только не бродячими, а оседлыми. Из больших городов монастыри были изгнаны в дикие места якобы из-за нехватки жилья для пострадавших от Катастрофы. На них натравливали обезумевших от лишений и бед несчастных людей, множество монахов и священников были убиты при церковных погромах. В конце концов монахи должны были передать безвозмездно всю свою недвижимость правительству и уйти из своих монастырей буквально с котомками за спиной. Но мать Евдокия, которая приедет к нам погостить, монахиня из счастливой обители: ее монастырь находится в таком глухом уголке, что до них пока не добрались. Они уже больше ста лет живут в тихом местечке Франции, и никто, кроме православных, о них не знает.

- Как же они там существуют, если они отделены от мирового сообщества?

- У монахинь есть свое хозяйство: большой сад, огород – они выращивают овощи, держат пчел. Им помогают православные люди, снабжая их другими продуктами.

- И макаронами?

- Да.

- Уау! Теперь я все поняла!

- Сколько раз я тебя просила, Санечка, не издавать этих бессмысленных младенческих восклицаний! Впрочем, ладно... Теперь ты знаешь, детка, почему я просила тебя быть осторожной в этих поездках.

- И почему тебе так не понравились мои последние приключения. Да, теперь мне кое-что стало ясно.

- И ты не сердишься на меня?

- За что я должна на тебя сердиться, бабушка?

- За то, что я позволила тебе так рисковать собой. Ведь я отправляла тебя за макаронами, не сказав, что потом они будут переправлены монахам-асам.

- Бабушка! А я-то считала тебя самым справедливым человеком!

- А я несправедливо поступила с тобой, отправив тебя на дело, о котором ты не имела понятия?

- Нет, ты несправедлива сейчас, несправедлива к себе, когда говоришь, что ты меня «отправляла» за макаронами. В первую поездку я просто обязана была поехать вместо тебя: вспомни про свою «птичью клетку»! А во второй раз, честно говоря, я сама хотела ехать, чтобы

проверить на Леонардо, на единственном молодом человеке, которого знала лично, а не в Реальности, свое женское очарование. И ведь проверила! Ты не можешь себе представить, бабушка, как я была закомплексована до встречи с Ромео и Леонардо. И еще, оказывается, приключения в жизни мне правятся больше, чем в реальности. У меня появилось такое чувство, бабушка, что я только теперь просыпаюсь от спячки и начинаю жить по-настоящему. И если причиной тому макароны, то отныне они объявляются любимым кушаньем Кассандры Саккос! Короче говоря, я не разделяю твоих убеждений, но хочу разделить твои заботы, дорогая ты моя, необыкновенная моя бабушка!

- Спасибо тебе, Санька... Ты даже не представляешь, какой камень ты сейчас сняла с моего сердца.

- Честно говоря, бабушка, я все время считала, что это какая-то макаронная контрабанда. Я ведь знаю, что существует черный рынок продуктов, косметики, нестандартной одежды и прочих вещей, которые не производятся нашей экономикой, и я думала, что ты... ну как бы...

- Спекулирую макаронами?

- Да, вот именно. И я думала, что это для того, чтобы сохранить побольше денег на своем счету; я знаю, что твои деньги - твоя свобода. А теперь я думаю, что ты очень храбрая. Когда я, помнишь, покупала еду для аса с собакой, у меня поджилки тряслись, а вдруг Надзор это заметит, и меня арестуют? А тут целый монастырь...

- Вообще-то, честно говоря, это не единственный монастырь, которому я помогаю.

- Ох, бабушка, бабушка!... Скажи мне, эти монахини действительно так бедны, что им без твоей постоянной помощи никак не обойтись? Нельзя им просто один раз пожертвовать какие-то ценности, что-то из твоих драгоценностей, например, и пускай они сами потом обменивают их на еду.

- Им нужны макароны, а не деньги. Не думай, что Мировое правительство не знает о существовании черного рынка и не контролирует его. Одним разрешено им пользоваться, а другим за то же самое грозит немедленный арест.

- Разрешено членам Семьи?

- Им в первую очередь. Семье разрешено практически все. Коли члены Семьи не будут иметь таких привилегий, которые позволяют им жить особой жизнью и чувствовать себя на голову выше прочих сограждан, они не станут так преданно служить своему Мессии. Привилегии - основа существования любой элиты.

- А почему монахини так любят макароны?

- Ну, дорогая, это уже совсем другая история. Вот приедет мать Евдокия, ты у нее и спроси. Она как раз за макаронами к нам и едет.

- Подумать только, я увижу настоящую монахиню!

- А тебе интересно с ней познакомиться?

- Конечно! Во-первых, я хочу видеть твоих друзей, а во-вторых, у меня тут чисто профессиональный интерес: вдруг когда-нибудь мне понадобится воспроизвести для Реальности облик настоящей монахини. Это же такая экзотика!

- Ну-ну, - сказала бабушка. - А ведь каких-нибудь сто лет назад это вовсе не было экзотикой: в те времена не было русской семьи без монаха или священника в роду...

- Ну, уж в царской-то семье, наверно, не было!

- Родная сестра последней царицы была настоятельницей монастыря, Марфо-Мариинской женской обители. И до нее в царском роду были монахи и монахини.

- А в нашем роду?

- С обеих сторон. На Афоне, до самого его конца, жил родной дядя твоего деда, иеромонах Евстахий, а моя бабушка была игуменьей в новгородской обители. Ее звали матушка София, она погибла мученической смертью в тридцатых годах прошлого столетия.

- Не в ее ли честь вы так назвали мою мать?

- Ты угадала. Но, к сожалению, твою мать это не спасло. Много у пашей семьи молитвенником на небесах, но много и грешников, умерших без покаяния, и теперь их всех надо отмаливать. А молиться-то некому, кроме монахов да меня, старой...

Бабушка задумалась, склонив голову и опустив руки. Я тоже молчала, не зная, чем ее отвлечь и утешить. Наконец вспомнила безотказное средство.

- Бабушка! Я целый день провела на воздухе и так проголодалась!

- Ох, детка моя, что ж ты раньше не сказала?

Бабушкину меланхолию как рукой сняло, и мы стали вместе варить на ужин... нет, не макароны, а гречневую кашу, которую бабушка считала для меня очень полезной.

Мать Евдокия приехала ночью, когда я спала. Утром я спустилась в кухню и увидела за столом напротив бабушки довольно молодую женщину в длинном черном платье с широким кожаным поясом и в какой-то белой накидке на голове, оставлявшей на виду одно лицо. Я остановилась в дверях, не зная, остаться мне или лучше уйти. Но потом увидела на столе третью чашку и прошла к столу.

- А это, как я понимаю, ваша Санечка, - сказала монахиня звонким, каким-то детским голоском. - Доброе утро, Кассандра!

- Доброе утро, - буркнула я, садясь на свое место.

- Елизавета Николаевна всегда рассказывала про свою внучку, когда приезжала в монастырь. Сестры мне позавидуют, когда я скажу им, что повидала легендарную Санечку!

- Так про меня еще и все ваши монахини знают?

- Не только знают, но и молятся за вас.

- Бесконечно им благодарна. Тем более что я их об этом никогда не просила.

Мать Евдокия внимательно на меня посмотрела, улыбнулась краешками губ и ничего больше не сказала.

- Пей кофе, Саня. Хочешь хлеба с медом? Мать Евдокия привезла нам в подарок

монастырского меда.

Я поняла, что бабушка огорчена моим недружелюбием и решила исправиться.

- У вас есть пчелы в монастыре? - спросила я мать Евдокию. - Я слышала, что там, где есть обычные пчелы, обязательно появляются и пчелы-убийцы.

- Нам они, слава Богу, пока не докучают, - и она повернулась к бабушке, продолжая прерванный разговор. - А еще, Елизавета Николаевна, мать Фаина просила поблагодарить вас за теплый платок, теперь она не мерзнет за свечным ящиком.

- Как она? Не болеет?

- Вы же знаете, Елизавета Николаевна, что после потопа в обители никто не болеет. Мать Ангелина даже переживает по этому поводу и жалуется матушке: "Вот теперь я после такого перерыва снова могу исполнять послушание медицинской сестры, а никому теперь это не нужно".

- И все-таки трудно будет вашим старушкам, если придется покинуть обитель и куда-то переселяться. Здоровая старость все равно старость, по себе знаю.

- Все в воле Божией. Но пока, слава Богу, живем в своих стенах. Да, еще вам поклон от матери Полины. Она спрашивает, нет ли у вас случайно каких-нибудь известий о ее сыне?

- Нет, к сожалению. Последние слухи об Андрее дошли до меня через митрополита Марка, но я матери Полине уже сообщала, что сын ее теперь иеромонах. Знаю только, что никаких гонений на Православие в России нет.

- Слава Богу!

- Зато в Европе упорно ходят слухи о том, что в Россию готовится вторжение под видом освобождения европейских и американских беженцев. Вот уж для кого вторжение в Россию будет еще одной Катастрофой, тем более, что это будет сделано будто бы для их спасения из плена "православных дикарей".

- Неужели Антихрист так и дойдет до Серафимовой канавки ^[2]?

- Где-то же он должен остановиться...

Монастырский мед был очень вкусен с белым хлебом, но я положила обратно на тарелку недоеденный кусок. Мать Евдокия до крайности раздражала меня своим детски-безмятежным голоском и этими бесконечными «Слава Богу». Теперь еще какие-то «канавки», которые должны остановить Антихриста, нелепые слухи о готовящемся вторжении в Россию... И неужели ей невдомек, что я знаю от бабушки, кого монахи называют Антихристом и какой смысл они вкладывают в это слово? Мне стало тошно, и я поняла - еще пять минут завтрака в обстановке этого елейного мракобесия, и я взорвусь, затопая ногами, закричу и вообще устрою скандал. После чего мне останется одно - сесть в свой мобиль и катить в Лондон.

- Спасибо, бабушка, я сыта. Пойду в сад собирать черную смородину, там еще два куста осталось.

Не взглянув больше на монахиню, я собрала свою посуду, отнесла ее к раковине, сполоснула под краном и поставила в посудомоечную машину. У меня дрожали руки, и посуда звякала.

Собирать смородину было рано: на ягодах еще не высохла роса. Я побежала по тропинке к лесу. Я чувствовала, что должна бежать, двигаться, чтобы освободиться от раздражения. Да какое там раздражение, меня просто колотило от ярости и гнева, даже в глазах потемнело. О Месс! Что же это такое со мной? С ума я что ли схожу? Со мной никогда такого не бывало, чтобы я теряла голову от злости. Я бежала по тропинке к лесу, будто за мной гнался какой-то монстр.

Когда у меня сбилось дыхание и закололо в левом боку, я остановилась и ничком бросилась прямо в мокрую траву. Мне казалось, что постепенно эта необъяснимая ярость уходит из меня в землю. Через некоторое время я села, собрала с травы руками росу и охладила ею лицо. Потом встала и пошла назад, к дому.

Что же это такое было со мной сейчас? Ну хорошо, мать Евдокия постоянно твердит «Слава Богу!», «Слава Богу!», ну так и что с этого? Бабушка тоже видит на всех столбах и стенах плакаты с надписями «Слава Мессу!», ее же это не бесит? У матери Евдокии лицо взрослой женщины, умные глаза, будто она видит меня насквозь, но при этом голос, как у маленькой девочки, ну а мне что за дело? Почему мне чудится в этом какая-то фальшь? Может быть, у нее так устроены голосовые связки. Что такое особенное она говорила? Она ведь почти и не обращалась ко мне. Какая-то там мать Фаина в бабушкином платке, мать Полина с таким же чокнутым сыном в России – мне-то что? Или я просто ревную бабушку, слыша, что в монастыре этом ее знают и любят, а она отвечает монахиням взаимностью? Какое мне до них дело, а им до меня? Но как они смеют обо мне молиться?! К моему сознанию опять стала подбираться эта тяжелая горячая волна гнева. Нет! Где же мой внутренний «стоп-сторож»?

- Нельзя унижаться до ревности к каким-то асам, – говорила я себе. Но мутная волна продолжала затоплять мой разум, захотелось немедленно бежать к дому, порваться в кухню и выкрикнуть в лицо этим двум фанатичкам всю правду! Но и бежать не было сил... Да что же это такое происходит со мной, ведь я не могу с собой справиться!

Я перевернулась на спину и стала глядеть и небо. Оно было затянуто обычной дымкой, но над самой моей головой сквозь нее угадывалась чистая голубизна высоты. Бабушка говорит, что выше парниковой дымки и над Баварским Лесом всегда такое же чистое синее небо, какое бывает над Средиземным океаном, только нам с земли его не видно. Я лежала, неотрывно глядя в небо, и мне казалось, что небесный туман рассеивается и надо мной появляется круглое голубое окно. Небо, помоги хоть ты мне! Небесная голубизна вливалась в меня через глаза и разгоняла мутную волну гнева. Я лежала, раскинув руки, и твердила: «Небо, помоги! Небо, помоги! Небо, очисти меня, пожалуйста!»

Релаксация и эта психотерапия, видно, помогли, потому что некоторое время спустя я поднялась с земли совершенно успокоенная. Только голова кружилась. И тут я обнаружила, что рядом со мной валяется корзинка для ягод. Ну что ж, можно походить по лесу и поискать грибы. Бабушка умеет готовить из них очень вкусное жаркое, а еще сушит на зиму. Сейчас она не может ходить в лес, так я это сделаю за нее.

Я бродила по лесу около часа и нечаянно набрала полную корзину грибов, а главное, окончательно успокоилась. Когда я зашла на кухню, чтобы оставить там грибы и взять пустую корзину для ягод, я обнаружила, что бабушка и мать Евдокия сидят все в тех же позах за столом, между ними стоит дымящийся кофейник, а они продолжают беседу.

- Бабушка! Погляди-ка, что я тебе принесла! – и я поставила корзину прямо на стол возле кофейника.

- Сколько грибов! - воскликнула мать Евдокия. - И белые есть... А у нас в парке растут только опята.

- Зато сколько их у нас! - засмеялась бабушка. - Я помню, как носила на кухню по десять ведер в день, и вы уже начинали на меня сердиться, мать Евдокия, что я отвлекаю сестер от молитвы своими грибами.

- Да, тогда можно было не дорожить каждым грибочком. Теперь ведь от монастырского парка остался только клочок бывшего великолепия: все кругом затоплено. И ваш домик ушел под воду...

Вау, у бабушки, оказывается, был какой-то домик в монастыре! Этого я не знала... Острая ревность опять кольнула меня в сердце, но я произнесла мысленно спасительную формулу «Небо, помоги!» и тут же успокоилась.

- А грибы по-прежнему обрабатывает мать Алония?

- Конечно. На ней все маринады и консервы. Помните, как вы ее прозвали «монастырским консерватором»?

- А она пресерьезнейшим образом отвечала, что настоящий монах по духу всегда консерватор.

Обе засмеялись.

Сколько же у них общих воспоминаний! Видно, помощь монахиням для бабушки не просто благотворительность: тут связь более глубокая, чем простое снисхождение к обездоленным асам.

- Я вижу, ваших воспоминаний хватит вам до обеда, - сказала я, выложив на стол последние грибы. - Я вас оставляю и ухожу в сад, надо все-таки добрать эту несчастную смородину. Только не забудь, бабушка, свой афоризм про кофе.

- «До полудня кофе - допинг, а после полудня-яд!» Как же, как же, знаем, - улыбнулась мать Евдокия.

- Только еще один вопрос, бабушка. А кто у нас сегодня готовит обед?

- Грибы я никому не уступлю! - объявила мать Евдокия.

- Разберитесь между собой без меня, - сказала я, подхватывая пустую корзинку, - Я все равно не умею их готовить, так что - чао!

Прошло еще два дня. Бабушка с матерью Евдокией были неразлучны. По утрам и вечерам они в бабушкиной комнате бормотали свои молитвы и музицировали: исполняли на два голоса какие-то заунывные песнопения, а потом целый день проводили в нескончаемых разговорах. На третий день я нечаянно подслушала один из них, оказавшийся важным и для меня.

Я покончила с хозяйственными заботами незадолго до обеда и улеглась загорать на одеяле за каменной беседкой в саду, где меня нельзя было увидеть из окон дома. Слегка сдвинувшись на собственном здоровье, я теперь старалась поймать каждый луч солнца, пробившийся сквозь обычную дымку, а загорала я теперь вообще без одежды. Я лежала, пригрелась и уснула, а потом меня разбудили голоса, доносившиеся из беседки. Я совсем не собиралась подслушивать, да и не думала, что услышу что-то для себя важное; я была уверена, что мать

Евдокия с бабушкой все еще предаются общим воспоминаниям или рассуждают на метафизические темы. Но оказалось, что говорили они о делах сегодняшних, и делах серьезных, а когда я это поняла, объявляться было уже совсем глупо. И я стала слушать.

- Вы так и не научились водить обыкновенную машину? - спрашивала бабушка.

- Нет. Когда еще было можно, я несколько раз пыталась сдать на права, но всякий раз с треском проваливалась. Я и на мобиле-то езжу с большим трудом, почти все время пользуюсь автоводителем.

- Что же матушка Руфина не благословила ехать кого-то другого?

- А некого было благословлять. Сестра Дарья на тракторе в такую даль не доберется, а машину она не водит; сестра Агния прекрасно водит машину, но ей надо заготовить несколько тысяч свечей к празднику, ведь из всех общин к нам идут заказы на свечи. Мать Анна когда-то водила машину, но она с помощницами день-деньской в иконописной: столько икон уничтожено, сожжено по приказу Антихриста, а люди-то молятся, где им искать иконы как не в монастыре? Теперь даже катакомбные протестанты стали приходить к нам за иконами - такое время!

- Выходит, что никто не может даже на несколько дней оставить обитель, кроме матери казначеи!

- Получается так. Кто, слава Богу, что меня на клиросе теперь есть кому заменить.

- А кто за вас остался регентом? - живо спросила бабушка.

- Мать Наталья Воронежская.

- А сестра Васса?

- Учится.

- Получается у нее?

- Слава Богу.

- Как мне хочется всех их увидеть... Проклятая моя нога, как же ты меня подвела! А ведь я уже два года не была у вас в обители, всегда кто-то от вас приезжает за макаронами.

- Ничего, поправится ваша нога, вы и без макарон приезжайте. Вы же знаете, как мы вас любим.

«Как бы вы там мою бабушку не любили, когда она так рискует собой ради вас», - подумала я уже без всякой ревности.

- Так что, дорогая Елизавета Николаевна, - продолжала мать Евдокия, - придется мне перевезти макароны за несколько раз.

- И тем самым в несколько раз увеличить опасность быть обнаруженной?

- Что делить! Положусь на волю Божию.

- И волю Божию нельзя искушать бесконечно.

- Наша правда, но ведь и выхода у меня нет. В монастыре макарон почти не осталось, а впереди Преображение, за ним Успение; со всех сторон тайно съедутся наши паломники. Для многих это будет последняя возможность побывать на литургии, получить отпущение грехов, причаститься Святых Таинств. Ряды православных редуют, на каждом празднике мы узнаем, что кого-то взяли, кто-то пропал без вести, а кто-то принял печать. Как можно в такое время оставить обитель без макарон! Мы так надеялись, что есть кто-нибудь, кто сможет вместо вас отвезти макароны на джипе...

- Может быть, мне все же испытать еще раз мою ногу? Она уже гораздо лучше себя ведет...

Ну, уж это нет! Я вскочила, завернулась в одеяло и предстала перед собеседницами в ослепительно дурацком виде - с голыми руками и ногами. Но мне это было все равно.

- Эй вы, заговорщицы! А обо мне вы позабыли? Я что, уже совсем не в счет? Отвезу я вам ваши макароны куда надо.

- Санька! - всплеснула руками бабушка. - Ты подслушивала? Как не стыдно!

- Я не подслушивала! Это ВЫ пришли сюда, когда я мирно дремала на солнышке, и разбудили меня, сироту, своими разговорами. Это ВАМ как не стыдно, ведь это ВЫ забыли про меня. Не выйдет! Я теперь такой крупный специалист по перевозке макарон туда-сюда и во все стороны, что вам без меня обойтись просто никак невозможно.

Я села перед ними на траву, поплотнее укутавшись в одеяло, и принялась объяснять им, почему именно им не обойтись без меня: я научилась водить джип по любым дорогам, пользоваться рулевым управлением и могу даже ездить ночью; я никого не боюсь, я могу выдать себя за экологистку или за члена Семьи, ведь у меня есть персональный код.

- Последний аргумент самый слабый из всех, - сказала мать Евдокия, - а все остальное прозвучало вполне убедительно, если это на самом деле так.

- К сожалению, это действительно так: моя озорница ничего не боится. Даже пчел-убийц!

- Боюсь, бабушка, ужасно боюсь, я даже простых пчел боюсь! Но потерять тебя я боюсь еще больше. Я знаю, как избежать укусов пчел-убийц, - надо идти в места их обитания ночью или в дождь, когда они не летают, и я знаю как беречь любимую бабушку - надо просто по возможности делать за нее ее работу.

- А карты вы умеете читать, Кассандра? - спросила мать Евдокия.

- Меня все зовут Сандрой, а бабушка - Саней. Может, выбрать, что вам больше подходит. А карты я читаю любые, кроме гадальных.

- А в двигателе мобила вы случайно не разбираетесь?

- Нет. Но зато я могу вас взять на буксир, если ваш мобиль откажет. Специально захвачу с собой буксировочный трос.

- Ну как, Елизавета Николаевна, отпустите со мной внучку

- А вы знаете, мать Евдокия, отпущу. Не с легким сердцем, но отпущу. Другого выхода у нас и вправду нет. Кроме того, меня радует, что девочка моя увидит настоящую духовную жизнь, может быть, Бога вспомнит.

- Это уж пускай Он обо мне вспоминает!

Мать Евдокия опустила глаза и тихо, будто про себя, сказала:

- Бог никогда никого не забывает, это мы Его забываем.

- Мы с Ним можем договориться: я Его вспомню, если Он о себе напомним! - засмеялась я.

- Дал бы Бог, - вздохнула бабушка.

Дальше я перестала углубляться в тему Бога и наших с Ним якобы сложных взаимоотношений, чтобы не поколебать их решения, а вскочила, подхватила свою одежду и помчалась к дому, чрезвычайно довольная и собой, и поворотом событий. Приключение назревало! Да здравствуют макароны!

Подготовку к моей новой поездке бабушка начала с того, что внесла на мой счет деньги и продлила мне отпуск до конца года - на всякий случай. Собирались мы так основательно, что я мысленно стала готовить себя к приключениям необычным, - начать с того, что бабушка вынесла нам из своей необъятной гардеробной шубы, зимние сапоги, свитера и большие шерстяные платки.

- Это вам понадобится, когда будете ехать через горы. Шубы из искусственного меха, их можно стирать даже в стиральной машине, а вот платки, если они запачкаются по дороге, не вздумайте сами стирать, попросите матушку Руфину - это настоящие оренбургские платки из России.

Потом она велела мне принести из подвала несколько банок варенья из садовых ягод, а потом добавила к ним еще одну - варенье из лесной малины.

- Это для матери Ольги, - пояснила она матери Евдокии. - Малина прошлогодняя, но для лечения простуды она годится. В этом году я в лес не ходила - нога не пустила.

Бабушка наполнила горячим кофе и чаем из каких-то особенно пахучих трав несколько термосов и велела наполнить чистой водой несколько больших пластиковых контейнеров.

В большую корзину были уложены рыбные консервы, хлеб и сыр, принесенный крестьянами из деревни. У матери Евдокии, видимо, что-то не в порядке было со здоровьем - бабушка шепнула мне, что она не может есть ни рыбы, ни сыра, ни яиц, а потому специально для нее она наварила целую кучу овощей и уложила несколько банок консервированных бобов.

Еще бабушка набрала в саду корзину первых спелых яблок и отдала их матери Евдокии со словами:

- Это для матери Ольги, навряд ли у них есть яблоки на преображение.

- Спаси Господи, - ответила та.

Еще она дала нам железную коробку-аптечку с бинтами, ватой, пластырями и лекарствами, подробно объяснив, что для чего может пригодиться, словом, готовилась целая экспедиция!

Вечером накануне отъезда бабушка позвала меня в свою спальню, и у нас с ней состоялся странный разговор.

- Я надеюсь, что все у нас будет в порядке, и я благополучно дождусь твоего возвращения, но я

очень старый человек, Санечка, и всякое может случиться. Поэтому я хочу сейчас дать тебе некоторые разъяснения на случай моей смерти.

- Бабушка, ты что, умирать собралась. Все, иду разгружать джип! Я никуда не еду!

- Не паникуй, пожалуйста. Господь может признать меня в любой день, как и всякого смертного человека. Я не делаю на этот счет никаких прогнозов, но это может случиться в любой день.

- Бабушка, я все понимаю: ты не Месс и ты не бессмертна. Но если ты будешь себя беречь, то твой Бог не призовет тебя раньше времени.

- Я не вступаю с Богом в торги по поводу его имущества.

- Какого имущества, бабушка?

- Моей души.

- Разве она принадлежит не тебе, а твоему Богу?

- Конечно. Моя земная жизнь дана мне лишь во временное пользование. Когда Господь захочет ее забрать у меня, мое дело - вернуть Ему мою душу в наиболее приличном состоянии. А вот о земном имуществе я должна побеспокоиться сама и хочу это сделать заблаговременно. Слушай меня внимательно, детка. Я почти уверена, что в случае моей смерти Месс наложит руки на мой капитал и тебе ничего не достанется.

- Мне ничего и не надо.

- Я так и думала. Но кое-что я хочу тебе оставить, хотя бы просто на память обо мне. Я постаралась составить мое завещание так, чтобы усадьба досталась тебе, но я неуверенна, что тебя не ограбят. Поэтому я собрала для тебя маленький клад, кое-какие драгоценности. Ди Корти всегда это купит у тебя.

- И заплатит макаронами.

- Если ты потребуешь, он заплатит золотом. В случае моей смерти ты приедешь сюда, но если в усадьбу нельзя будет заехать, не горюй. В правом столбе въездных ворот внизу есть один кирпич, отличающийся по цвету от остальных, - ты надавишь на него, и тебе откроется тайник - там и будет лежать мое наследство.

- Бабушка, я ничего не хочу об этом слышать!

- Но ты все-таки запомни: в правом столбе в самом низу, у самой земли, кирпич более темного цвета, чем остальные.

- Ну хорошо, я запомнила. Только давай больше об этом не говорить.

И больше мы об этом не говорили.

Глава 9

А водителем монашка оказалась никудышным. Пока она шла впереди, мы раза три-четыре сбивались с дороги и попадали на «оборвыши», а один рази вовсе застряли на «гнилой аквастраде». В конце концов я не выдержала, просигналила ей и заставила остановиться в

очередном тупике «оборвыша».

- Священнейшая моя мать Евдокия, - начала я, выйдя из джипа и уперев руки в боки, - знаете, что я вам скажу? Если мы так будем тащиться и плутать всю дорогу, то мы не скоро доберемся до нашей обители.

- А я и не говорила, что мы скоро до нее доедем, - лучезарно улыбнулась мать Евдокия.

- Сколько у вас уходит обычно на дорогу от бабушки до вашего монастыря?

- Неделя, если без приключений.

- Я очень надеюсь на приключения. Но доберемся мы дня за три-четыре - я уже поняла, что вас задерживало в пути.

- Что же?

- Абсолютная неспособность к вождению.

- Да, вы правы, водитель я плохой. Только другого-то у нас нет...

- Как это нет? А я? Мы с вами сделаем вот что. Возьмите самое необходимое и перебирайтесь ко мне на пассажирское сиденье, а ваш мобилей мы прицепим сзади на буксир. Вы будете делиться со мной вашими интересными соображениями о дороге, а я буду проверять их с картой в руках на практике - так, я думаю, мы в значительной степени увеличим скорость приближения к святой обители.

- Вы думаете? Тише едешь - дальше будешь...

- От того места, в которое едешь.

- Что ж, можно попробовать...

Мать Евдокия достала из кабины мобилей полотняный мешочек, в котором держала свои личные вещи, и безропотно полезла в кабину джипа, не слишком изящно подобрав подол длинной рясы. Я подцепила тросом ее мобишку, и дальше мы поехали уже с нормальной скоростью.

Я следила за картой и дорогой, а мать Евдокия, убедившись, что мы действительно передвигаемся теперь гораздо быстрее, достала из своего мешочка рукоделие и занялась им уже больше не интересуясь дорогой. Плела она что-то вроде бус из тонкого шелкового шнура, сплетая на пальцах петельки и протаскивая их одну через другую с помощью толстой иглы. Я покосилась на ее работу и спросила:

- Что это за бусы вы плетете, мать Евдокия? Разве монашки носят украшения?

- Это не бусы, а монашеские четки. Мы по ним молимся.

- Ведете учет молитвам?

- Можно и так сказать.

- Не проще ли купить калькулятор?

- Традиция...

- А, ну если традиция, тогда конечно...

Я почти сразу же заметила, что, вопреки моим ожиданиям, присутствие матери Евдокии в кабине меня не раздражает. От нее, конечно, пахло, как пахнет от всех людей, но ведь и запахи бывают разные, как и люди. От бабушки, например, пахло шелком, чистой водой, хорошим мылом и ее травками, всегда немножко разными. От матери Евдокии пахло приемлемо. Главное, это не был густой запах человеческого тела, который я так не люблю, хотя мать Евдокия уже много дней была в дороге. Конечно, в гостях у бабушки она отмылась и выстирала свою одежду, но оставалась ведь обувь, этот нелепый ее солдатский ремень, дорожный мешочек, и тем не менее пахло от нее приятно: сухим запахом ветхой натуральной ткани, пчелиным воском и чуть-чуть какими-то очень тонкими растительными духами. Я не удержалась и сказала;

- Если бы кто-нибудь мне сказал, что монашки употребляют косметику, я бы не поверила.

- Что это вы такое говорите, Сандра! - засмеялась мать Евдокия. - Какая, прости Господи, косметика? С чего это вы взяли?

- Не отпирайтесь, я выяснила ваш тайный грех! Вы употребляете духи, и они у вас в мешке - оттуда запах всего сильнее.

- В мешке?... - Мать Евдокия недоуменно поглядела на лежавший у нее на коленях полотняный мешочек, откуда тянулся шелковый шнур ее рукоделия. - Ах вот оно что!

Она вынула из мешка небольшую сумочку и, порывшись, достала из нее серебряный медальон старинной работы и приоткрыла его. Благоухание затопило нею кабину.

- Вы этот запах имели в виду?

- Именно этот. Что это за духи? У них есть название?

- Это совсем не духи. Это миро от Иверской чудотворной иконы Божией Матери.

- Что такое миро?

- А этого никто не знает. Просто была такая икона, которая мироточила вот этим чудотворным целебным миром.

- Что значит «мироточила»?

- Это значит, что в ответ на молитвы верующих на иконе появлялись капли небесной росы. Иногда их было так много, что они стекали струйками. Мы собирали их на ватку и хранили.

- Вы что, хотите сказать, что сами видели, как появляется это самое миро?

- Видела и не раз. Хранитель иконы мученик Иосиф Муньос часто бывал в нашей обители и привозил икону.

- Почему «мученик»?

- Его убили еще в конце того тысячелетия.

- Кто убил?
- Слуги сатаны, конечно. Уже тогда по всему миру темные силы готовили приход Антихриста. А икона пропала и объявилась только перед восшествием на престол нового российского государя, причем объявилась в России.
- Любопытно! Вот бы сделать химический анализ этого мира, чтобы выяснить его подлинное происхождение.
- Уже делали и не раз!
- Ну, и каков же был результат?
- Мир имеет явно растительное происхождение сходное с душистыми маслами, добываемыми из цветов.
- Вот видите! Я так и думала.
- Но есть одна деталь. Когда решили выяснить у химиков-ботаников, из каких именно растений извлечено это масло, выяснилось, что таких цветов на земле нет.
- А где же они выросли? На Марсе?
- В раю, надо полагать.
- Мать Евдокия, вы что, на самом деле верите в эти сказки?
- Трудно не верить в то, что видела своими глазами.
- И чудеса от этой иконы вы тоже сами наблюдали?
- Сандра, милая, я их столько видела, что даже не смогу все припомнить! Вы лучше свою бабушку как-нибудь расспросите.
- Вы что, хотите сказать, что моя бабушка тоже верит в это?
- Несомненно, верит, но дело не в этом; с нею тоже было чудо - масло от Иверской иконы её исцелило.
- Когда?!
- Задолго до вашего рождения. Мне помнится, тогда еще и вашей матери не было на свете.
- Подождите, мать Евдокия, а вам самой-то сколько лет?
- Шестьдесят с небольшим.
- Что-о? Вот бы никогда не подумала. Да вам на вид ровно вдвое меньше!
- Простите, что ввела в заблуждение, я не хотела, - усмехнулась мать Евдокия. - А чудо с нашей бабушкой было самое простенькое и вместе с тем самое обычное - исцеление. Она несколько лет страдала каким-то тяжелым кожным заболеванием, и ни за какие деньги, а уж денег у них с Ильей Георгиевичем хватало, никакие врачи не могли ее вылечить. Они в это время часто приезжали к нам в обитель, а когда брат Иосиф привозил к нам икону, они

бросали все дела и обязательно прилетали к нам в монастырь, чтобы поклониться ей. У Ильи Георгиевича был свой самолет, а неподалеку от обители был небольшой спортивный аэродром. С братом Иосифом оба очень дружили, но почему-то им не приходило в голову попросить у него мира от иконы именно в качестве лекарства. Однажды летом, когда стояла жуткая жара, Елизавета Николаевна работала в цветнике, а мы с братом Иосифом неподалеку сидели на скамейке в тени и разговаривали. Она проходила мимо с охапкой цветов для церкви, вдруг споткнулась и выронила цветы, а когда стала их поднимать, нечаянно зацепила розовыми шипами подол юбки. И тут мы с братом Иосифом увидели, что ноги у Елизаветы Николаевны покрыты чешуйчатыми красными пятнами. Брат Иосиф сказал только одно слово: «Искушение!» – а дня через два принес ей большой пакет ваты, пропитанный собранным от иконы миром. Бабушка ваша стала мазать им больные места, и меньше чем через неделю ее кожа совершенно очистилась. Мы все за нее очень порадовались, а удивились только тому, что она раньше не догадалась обратиться к брату Иосифу «за лекарством».

- Бабушка мне никогда этого не рассказывала...

- А вы ее спрашивали?

- О чудесах? Нет, как-то не приходилось.

- Я замечала, что неверие в чудеса больше всех декларируют те, кто упорно не желает проверить их; они боятся приблизиться к чуду и пытаются разоблачить его издали. Вот, например, Небесный Огонь, который сходит на Гроб Господень в Великую субботу. Кажется, что проще – садись на самолет, лети в Иерусалим и проверяй. Нет. Потому что если не предстанут в этот день против Гроба Господня, им останется сказать одно из двух: либо «Я там был и видел чудо», либо «Я там был, и чуда не было». Вместо того они отворачиваются, закрывают глаза и твердят, что чуда нет, потому что не может быть никогда.

Совершенно чужой и чуждый мне человек, мать Евдокия дорогой расспрашивала меня о моих делах так, как будто они и в самом деле были ей интересны. От скуки, надо полагать.

- Вы ведь живете постоянно в Лондоне, Сандра?

- Да.

- А почему не с бабушкой? Ведь она старенькая и вы так любите друг дружку.

- Я должна зарабатывать себе на жизнь. В Баварском Лесу я не найду себе оплачиваемой работы.

- А какая у вас профессия, можно спросить?

- Я реалист-декоратор.

- Что это такое? Расскажите поподробней.

Я рассказала. Мать Евдокия внимательно меня слушала, не прерывая своего узелкового рукоделья, а потом вдруг спросила:

- А вам никогда не приходилось создавать интерьер монастыря?

- Нет, не случалось. Но я изучала архитектуру, историка костюма и мебели, просто историю, так что, наверное, как-нибудь справилась бы. От декоратора массовых Реальностей много и не

требуется.

- А как бы вы его изобразили?

- Сначала я бы спросила, какой именно монастырь желает видеть заказчик: католический, православный, буддистский?

- Православный, конечно.

- Ну, я начала бы с выбора эпохи. Про современные монастыри я ничего не знаю, даже не предполагала до недавнего времени, что они вообще сохранились.

- Возьмем хотя бы конец девятнадцатого века.

- Страна?

- Россия.

- Отлично. Я изобразила бы остров в холодном северном море, на нем вековой дремучий лес, а в нем квадратный участок земли, обнесенный высокой каменной стеной. Железные ворота, а в них смотровое окно с решеткой. В центре участка я бы построила церковь. Конец девятнадцатого? Храм будет с разноцветными куполами, крытыми майоликой и золотом, а внутри - росписи в стиле Васнецова. Возьмем за образец Храм Спаса на Крови в Петербурге, хотя он закончен уже в начале двадцатого века.

- О! А почему именно этот храм?

- Бабушка говорит, что в этом храме есть фрески, выложенные из мозаики нашим предком, мастером Фроловских мозаичных мастерских...

- Сандра!

- Что-нибудь не так?

- Все так, но вы меня поражаете. Откуда такие познания?

- Из лесу вестимо! Из Баварского Леса, от бабушки. Неужели вы думаете, в колледже декораторов Реальности можно этому обучиться? Там нас больше гоняли по маркам автомобилей и парижским модам. Итак, я продолжаю... Стены сплошь из мозаики, а на них - портреты святых.

- Иконы, вы хотите сказать?

- Я всегда считала, что иконы - это и есть портреты святых. Разве это не одно и то же?

- Конечно, нет. Я могу вам прямо сейчас показать, в чем тут разница.

Мать Евдокия порылась в своем мешочке, достала кожаный бумажник, а из него - маленькую иконку и фотографию в прозрачном пластиковом футляре.

- Вот это икона святого мученика Иосифа Монреальского, а это - его фотография. Видите разницу?

Разница была очевидна хотя бы потому, что на фотографии живой мученик застенчиво

улыбался, а представить себе улыбающегося святого на иконе у меня воображения не хватало. На иконе вокруг его головы было сияние, и все же это было лицо того же самого человека.

- Я не совсем могу объяснить разницу, но теперь я ее понимаю. А откуда у вас фотография святого?

- Сам подарил, - улыбнулась мать Евдокия. - Ну, так продолжайте, какие же иконы вы изобразили бы в храме?

- Этот ваш знакомый святой какой-то слишком добрый даже на иконе. Я говорю это не только потому, что он исцелил мою бабушку. Я представляю себе святых с жесткими пронизательными глазами, которые смотрели бы со всех стен, строго следя за каждым движением монахинь, своего рода камеры Надзора.

- Ух, как страшно... Дальше?

- Вокруг храма я расположила бы в форме каре низкие каменные бараки с решетками на окнах. По звону колокола монахини выходят рядами из дверей барачков и уныло шествуют в церковь на службу, опустив головы и держа руки за спиной.

- Не слишком ли мрачно?

- Я так это себе представляю. Монахини одеты в черное, даже апостольники у них черные, а не белые, как у вас.

- Тут вы угадали, Сандра. Белые апостольники мы надеваем только летом. А вот монахинь, идущих на службу колоннами и с руками за спиной, мне как-то описывали. Правда это было очень давно.

- Значит, и это я угадала?

- В каком-то смысле. Однажды к нам приехала молоденькая девочка из Германии - это было еще до потопа. Такая рыженькая хохотушка, певунья, спортсменка-баскетболистка. Она любила кино, а в кино уже тогда именно так изображали мрачную монашескую жизнь. Вот она и приехала поглядеть, так ли это на самом деле, и стайной мыслью спасти кого-нибудь из молодых монахинь - увезти из обители.

- Ну и что же?

- Поглядела, пригляделась да и осталась с нами. Теперь она сестра Дарья. Я вас с нею познакомлю, когда приедем. Да вы ее и сами узнаете: они у нас принимают паломников, следит за порядком во дворе обители, кормит кошек и поет на клиросе - ее трудно не заметить. Ну а какой сюжет развивался бы в этом вашем суровом интерьере?

- Вообще-то я сочиняю только декорации, а сюжеты строят реалисты-режиссеры. Но и могу попробовать.

- Попробуйте!

- Вы выступаете в роли заказчицы? Я спрашиваю, потому что есть три рода сюжетов - мужские, женские и смешанные.

- Хорошо, пусть я буду вашей заказчицей. Итак?

- Итак, героиня - монахиня. Ее пожизненно заточили в монастырь за непослушание отцу. Она страдает и знает, что ей оттуда не выйти на свободу. Однажды она возвращается после церковной службы в свою камеру...

- Комната монахини называется кельей.

- Да, я вспомнила - келья. Так вот, она входит в свою келью, садится в кресло и плачет. И тут ее кто-то вызывает по персонику. Она надеется, что это отец, решивший ее простить, но это ошибочный вызов: на экране прекрасный юноша, русский граф, который хотел вызвать свою невесту, но перепугал код.

- Дальше все ясно! - засмеялась мать Евдокия. - Прекрасный граф освобождает юную монахиню, и она, счастливая, уходит с ним в обнимку на свободу.

- Ну, примерно так. Впрочем, умный заказчик сам дальше развивает предложенный сюжет. А вот как бы вы сами его продолжили?

- Освобожденная монахиня бросается покупать себе наряды в модных магазинах, с упоением танцует на балах, с восторгом слушает комплименты своего рыцаря-освободителя. А потом постепенно наряды и веселье ей надоедают, разговоры окружающих кажутся скучными и ничтожными, а любовь жениха - эгоистичной и мелкой. Она понимает, что настоящая жизнь осталась в монастыре, и возвращается туда уже добровольно. Монахини и подруги-послушницы встречают ее с радостью и любовью, теперь она спокойна и счастлива - она нашла свой путь.

- Какой странный получился сюжет, не думаю, чтобы Банк-Реаль хорошо за него заплатил - он не будет иметь успеха у потребителя.

- А мы и не станем его предлагать, пусть Банк-Реаль на нас не рассчитывает... Вообще-то, в жизни такой сюжет встречается. Обычно, если молоденькая девушка готовится поступить в монастырь, на нее насылаются искушения - вдруг откуда-то появляются красивые ухажеры, женихи... Но если в ней крепко решение уйти от мира, она все эти соблазны отвергает и даже благодарит Бога за их поущение; она убеждается, что уходит от мирских радостей по доброй воле, а не потому что судьба ее обделила.

- Значит, это полезно для будущей монахини - сознательно отказаться от спелого винограда, а не твердить, как та лисица, что виноград зелен?

- Вы знаете басни Лафонтена?

- Это русская басня, мать Евдокия, ее написал Иван Крылов. Бабушка знает много его басен и любит приводить к случаю.

- Простите меня, по вообще-то басню про лису и виноград написал Эзоп, потом Лафонтен перевел ее с греческого на французский, а Иван Крылов уже с французского перевел на русский.

- Я этого не знала... Мать Евдокия, вы так образованны, у вас такие разнообразные интересы, неужели вам самой не наскучила монашеская жизнь? Она ведь такая однообразная и бедная.

- Бедная? Да что вы, Сандра! Духовная жизнь так богата и столько вмещает в себя, что никакой жизни не хватит, чтобы ее понять, углубиться в нее.

- А что, собственно, есть духовная жизнь?

- И как на нее настроиться?
- Нет, настраиваться на нее я отнюдь не собираюсь.
- Мне просто пришло на ум название книги «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться» [3].
- О Мессе, можно ли читать книги с таким скучным названием?
- Можно и нужно.
- Ну уж я-то воздержусь... Впрочем, сама я книг не читаю, мне только бабушка кое-что пересказывает и читает вслух. Мать Евдокия, а вам самой никогда не хотелось заглянуть в Реальность?
- Нет. Я люблю настоящую жизнь.
- Вы монахиня и любите жизнь?
- Конечно. Не мирскую жизнь, а просто жизнь.
- Но игра в Реальность – искусство, а искусство разве не часть жизни?
- Вопрос в том, какое это искусство. Я воспринимаю только то искусство, которое говорит о Боге. Вы встречали такое и Реальности?
- Конечно. Есть множество сюжетов, в которых действует Мессия-бог: он спасает героев, направляет их поступки, одобряет и награждает правильные действия, порицает и наказывает дурные. Но если вам нравятся другие боги, то к вашим услугам целый пантеон: боги Древней Греции и Рима, Ассирии и Египта, Индии и Африки...
- Речь не идет об Антихристе или языческих богах. Хотя искусство древних, еще не познавших Единого Бога, часто посвящалось языческим богам-демонам, и в нем была своя особая красота – творческие люди через искусство искали Истину и во тьме многобожия. Но с тех пор, как Господь явил Себя людям, искусство либо ведет к Богу, либо уводит от Него в другую сторону – к сатане. Это опасное занятие, недаром корень его – «искус» [4], искушение.
- Вы так говорите, как будто прошли через это искушение.
- Прошла. Когда я была молода, в мире еще не царила Реальность, а были книги, музыка, театр и кино, изобразительные искусства. Я была искусствоведом и работала в Метрополитен-музее, крупнейшем музее Америки. Кроме того, я получила музыкальное образование и у меня была огромная любовь к литературе – словом, было из чего выбирать. Но уже тогда я поняла, что мне скучно любое творение человеческое, даже самое гениальное, если оно не служит богопознанию.
- Но это же скучно – все только о Боге и о Боге!
- Книга или картина необязательно должны впрямую говорить о Нем. Есть особое благоухание христианства, и оно ощущается далее тогда, когда слово Бог не упоминается напрямую; скажем, в тексте книги нет даже слова «Бог», но вся книга пронизана Его присутствием. Но если высказанное или невысказанное понятие о Боге отсутствует полностью, тогда произведение искусства наполняется сатанинским смрадом – мир духовный не терпит пустоты.

Между прочим, так это и в людях: человек может не осознавать себя верующим, но духовность присутствует в нем неощутимо для его разума, и она открывается другим людям, верующим, через особое духовное благоухание исходящее от его души. В конце концов Господь открывает таким людям глаза, и они с радостью понимают, что всегда были христианами, хотя и не догадывались об этом. Они находят своего Отца. Это очень счастливый миг в жизни человека.

- Вам не кажется, что это немного похоже на сказку из детской Реальности? Королевского сына крадут и отдают на воспитание чужеземцам. Он растет среди них, но остается чужим, и они для него чужие. Он сирота до тех пор, пока случай не открывает ему, кто его отец.

- Примерно так это происходит и в жизни.

- Так что же было с вами? Вы могли выбрать искусство, а избрали монастырь?

- Я попробовала одно, другое и убедилась, что в служении Богу через искусство очень трудно полностью отрешиться от служения себе: человек слаб, и, когда он пытается выразить свои мысли о Боге, он все равно как бы ненароком выражает и себя самого, свое Я, свое Эго, полное грехов и грешков, страстей и страстишек. Наше Эго – это такая пронирыливая козявка! В конце концов мое Я настолько мне обрыдло, что я решила спастись от него в монашестве.

- И вам удалось полностью отказаться от своего «я»?

- Далеко нет, куда там! Полностью это удавалось только святым, но даже им приходилось до конца быть настороже. Эго похоже на вирус: кажется, человек вылечился, а вирус загнан в уголок, но стоит возникнуть благоприятным условиям, как наше неумное Эго тут как тут и разрастается, как плесень в тепле.

- А оно, это самое Эго, не может разве довольствоваться каким-нибудь скромным уголком и вашем сознании? Пусть бы жили себе на равных и ваш Бог, и ваше собственное Я. Вот я бы никогда не смогла отказаться от себя, такой единственной, неповторимой и любимой, с которой я так давно и так близко знакома, ради неведомого Бога!

- Самоограничение не в природе Эго. Как вирус, как раковая опухоль, Эго стремится к бурному и неограниченному росту. Если ему дать волю, оно заполняет всю душу человека, каждую клетку его физического организма и в конце концов, как и раковая опухоль, губит и человека, и самое себя.

- Как же с ним справиться?

- Человеку это невозможно, а Богу возможно все. Молиться надо.

- Странное у вас мировоззрение, мать Евдокия! А вот наша Реальность служит именно для того, чтобы человеческое Эго ничем себя не ограничивало в проявлении и могло бы полностью выразить себя хотя бы на экране. У нас есть, например, возможность изжить в Реальности любые свои комплексы, создать мир, в котором побеждают именно мои идеи и ничьи другие. Мой собственный мир, мною сотворенный и мне подвластный, – это так прекрасно!

- Скажите, Сандра, а какое состояние наиболее характерно для вас между уходами в Реальность?

- Вы меня подловили, мать Евдокия! Я вам честно скажу, что вне Реальности меня просто одолевает скука. Теперь-то мне некогда унывать, теперь мне стало любопытно жить, а до этих поездок с макаронами я часто впадала в полное уныние и только в гостях у бабушки

избавлялась от него. Я думаю, вне Реальности уныние нападало на меня именно из-за несовершенства вне реального мира.

- Уныние. Я так и думала. Уныние, дорогая Сандра, святые отцы называли «печалью дьявола».
- Странные вы люди, христиане, верите в Бога, а сами на каждом шагу поминаете то Антихриста, то дьявола.
- Когда идет война, приходится думать о враге чаще, чем хочется.
- Что вы такое говорите, мать Евдокия! Третья мировая война уже давно кончилась, а новой войны наш Мессия не допустит. Что же касается уныния... Знаете, это, может быть, происходит со мной еще оттого, что я не такая как все: до излечения в адаптационной школе я была очень запущенным и трудным ребенком, и возможно, что это до сих пор дает о себе знать на уровне моего подсознания...

Почти все время, что мы ехали по островам Баварии, мы провели вот и таких примерно беседах. Странное дело, мы были с матерью Евдокией такие разные, что, казалось бы, и говорили на разных языках, но мне с ней было интересно: пусть она была совсем чужая мне по взглядам, но она была какая-то очень цельная, настоящая. Почти как моя бабушка.

К вечеру первого дня мы нашли укромный старый съезд, сделали несколько поворотов среди елового леса, нашли подходящую полянку и остановились на ночлег. Я достала из большой корзины, набитой едой и сверху завязанной клетчатой красной скатертью от пыли, термос с чаем и готовые бутерброды, выложила на пластиковую тарелку вареные овощи для матери Евдокии, расстелила скатерть на траве и разложила на ней наш ужин. Мать Евдокия прочла вслух молитву перед едой и перекрестила все, что лежало на скатерти. Я привыкла к тому, что бабушка тоже крестит еду, но мать Евдокия, конечно, могла бы и спросить, нравится ли мне, что она размахивает голыми руками над едой. Но я решила не придирааться – нам ведь еще вместе ехать и ехать. Я с аппетитом съела пару бутербродов, а потом принялась и за овощи матери Евдокии; она ограничилась куском хлеба и двумя вареными картофелинами. Мы поели, выпили по кружке чая и разошлись спать по своим машинам. Ночь была теплая, мы оставили окна приоткрытыми. Я несколько раз просыпалась и слышала со стороны мобишки тихое пение, видно, матери Евдокии не спалось и она коротала бессонницу в молитве.

На второй день кончились бесконечные аквастрады, мы ехали уже по берегу Швейцарских Альп. Альпийский массив уцелел после Катастрофы, но превратился в длинный гористый остров, отделяющий Европейское море от Средиземного океана. Центральная его часть и южный берег были густо застроены и заселены, там было множество новых городов и прекрасных шестиполосных дорог. Особенно тесно было застроено побережье: здесь был лучший в Европе климат, часто светило солнце, а потому люди стремились сюда. Конечно, не у всех хватало средств, чтобы жить постоянно в этом благодатном крае, но провести здесь неделю-другую мог всякий планетянин, имеющий работу первой или даже второй категории. Зато северные склоны Альпийских гор, полого опускавшиеся в гнилые воды Европейского моря, были довольно безлюдны.

Там было множество топей, а в море – опасных мелей, и потому невозможно было судоходство. В первый период после Катастрофы по берегу были проложены руками военных неплохие автострады, поскольку именно сюда вывозили спасенных от наводнения и почти весь берег был тогда занят временными палаточными лагерями беженцев. Лагеря эти были обнесены колючей проволокой, а кое-где и бетонными стенами, и очень строго охранялись. Это была суровая, по необходимая мера: измученные, нетерпеливые беженцы пытались оттуда

прорываться в перенаселенные города, производя беспорядки и совершая множество крупных и мелких преступлений – от кражи продуктов питания до убийства граждан, уже получивших жилье, с целью занять их квартиры и комнаты. Беженцы врываются в города и располагаются со своим скарбом и детьми прямо на улицах, скрывались в подземных коммуникациях, в канализации, в гаражах для мобилей и даже на крышах зданий, откуда их снимали полицейские вертолеты. Наш дорогой Месс откровенно плакал перед всем миром, когда говорил о страданиях беженцев; он постоянно о них думал и делал все возможное, чтобы облегчить их судьбу. И мы знаем, что положение в лагерях очень скоро изменилось к лучшему: люди имели крышу над головой, пищу и получали медицинское обслуживание. Но самое главное, они все были снабжены персониками за счет личных средств Мессии и могли, выходя бесплатно в Реальность, совершенно забыть о своих житейских невзгодах. Работали они только на санитарной очистке собственных лагерей, а потому могли проводить в Реальности почти все свое время. И все это оплачивал Мессия! Всем необходимым беженцев снабжали с помощью вертолетов армии и полиции, ими же их эвакуировали весной и осенью на время паводков, а потом возвращали обратно в просохшие лагеря. Грабежи и нападения на города прекратились. А совсем недавно я услышала в новостях сообщение о том, что последний городок беженцев ликвидирован, а его обитатели переселены в новые города на постоянное место жительства.

Сухопутных дорог и аквастрад здесь не было, но при большой нужде проехать было можно: и зарослях дьяволоха, покрывавших почти весь этот унылый берег, сохранились остатки допотопных асфальтовых и бетонных автострад. У матери Евдокии был с собой старинный дорожный атлас Европы, в который от руки были внесены изменения. По нему мы и пробирались через эти унылые земли. Впрочем, на атлас нельзя было полагаться даже с учетом после катастрофических изменений, поскольку изменения продолжали происходить: море наступало, подмывая берег; побег дьяволоха, набравшись сил в темноте под асфальтом и бетоном, взрывали целые участки дорог, превращая их в тупики. Но дороги, которые когда-то шли из Швейцарии на север, в Германию и Францию, теперь вели только под воду. Зато ехать по этим одичавшим местам было безопасно в смысле Надзора с воздуха, надо было только придерживаться южной, подветренной стороны дорог: гибкие стволы дьяволоха под ветром постоянно дующим через горы со стороны Средиземного океана, переплетаясь верхушками, образовали над автострадой сплошной нависающий козырек – под этим прикрытием мы и ехали. Вот только езда эта была скучной и утомительной: слева буро-зеленая колючая стена, справа такие же островки дьяволоха, перемежающиеся болотами, песчаными проплешинами и голыми скалами, а за ними – неподвижная гладь Европейского моря ржаво-оливкового цвета с зелеными полосами «водяной чумы» и радужными пятнами много лет назад разлившейся нефти. Если бы не разговоры с матерью Евдокией, я бы давно уснула за рулем.

Где-то к полудню справа, недалеко от дороги, появилась бетонная стена.

- Мать Евдокия, вы ведь здесь недавно проезжали, что это за стена?

- Я по другой дороге ехала, ближе к Альпам. Здесь я проезжала года два назад, но тогда тут не было стены, а стоял палаточный городок беженцев. После него должен быть поворот налево.

По верху стены кольцами вилась колючая проволока, кое-где перепутанная побегими вьюнка-быстряка с огромными белыми колокольчиками.

- Наверное, идет какое-нибудь строительство, – предположила я. – Надо поскорей проехать это место, на стройках обязательно стоят камеры Надзора.

Но вокруг не видно было ни людей, ни машин. Мы увидели только большую надпись: «Осторожно! К стене не подходить!». И воздухе над стеной стаями вились чайки. Через

полкилометра дорога резко свернула влево, а стена ушла под воду подступившего совсем близко моря. Неподалеку, возле самой стены, там где она была ниже, торчал остов обгоревшего вездехода времен войны. Я остановилась напротив него и вышла из кабины. Мать Евдокия открыла окно со своей стороны.

- Ну, что там? - спросила она.

- Вокруг всё тихо, никого нет. Можно влезть на вездеход и заглянуть через стену, - предложила я.

- А зачем это? - спросила мать Евдокия.

- Просто так. Мне хочется размять ноги, да и любопытно посмотреть: я только в новостях видела лагеря беженцев.

- Не ходите, прошу нас, - сказала мать Евдокия тонким голосом испуганной девочки. - Я чувствую там что-то жуткое, прислушайтесь, как страшно кричат чайки!

- Да что вы, мать Евдокия! Вот уж не думала, что вас могут испугать птицы. Похоже, что тут уже давно никого нет. Но в самом деле интересно, почему там, за стеной, столько чаек? Я обязательно погляжу.

- Ну, как хотите, а я не пойду, посижу в машине.

Я вышла из кабины и пошла по вязкой земле прямо к вездеходу. Влезть на него было совсем не трудно, только руки сразу же запачкались гарью и ржавчиной. Но и вскарабкавшись на кабину вездехода, я не смогла заглянуть через стену, хотя вставала на цыпочки и даже подпрыгивала, рискуя провалиться сквозь проржавевшую крышу. Я спустилась вниз и вернулась к джипу.

- Ну и что же там такое? - спросила мать Евдокия, не поднимая головы от своего плетения.

- Еще не знаю. Сейчас я отцеплю трос и попробую забраться с его помощью.

Мать Евдокия хотела что-то сказать, может быть, посетовать на то, что из-за моего любопытства мы теряем время, но, взглянув на меня, раздумала и только молчала неодобрительно.

С крыши вездехода мне удалось зацепить крюком буксировочного троса железный штырь, к которому крепилась колючая проволока. Теперь мне надо было с помощью троса преодолеть каких-нибудь два метра высоты, и я довольно ловко это проделала. Взобравшись на стену, я выпрямилась, держась за железную палку, и посмотрела за стену.

Мать Евдокия была права: я увидела остатки палаточного города, почти целиком ушедшего под воду; только на узкой полосе земли, уже покрытой ползучими побегами дьяволоха, у той части стены, которая отделяла городок от дороги, стояли палатки. От самих палаток почти ничего не осталось - только клочья зеленого брезента на ржавых железных прутьях. Ветер гонял между ними мусор, закручивая его небольшими смерчками. Тысячи чаек копались на грудах тряпья внутри бывших палаток, дрались из-за каких-то темных ошметков, взлетали и опять возвращались. Верхний край стены был довольно широк, и я пошла по нему, придерживаясь за проволоку, туда, где суетились чайки... Когда я вернулась к джипу, меня все еще продолжало выворачивать наизнанку, хотя весь сегодняшний рацион я выбросила из себя еще со стены. Как я отцепила трос и дотащила его до наших машин, я и сама не понимала.

- Полейте мне на руки, мать Евдокия! - просипела я сквозь очередной приступ тошноты.

Выдержке монахинь можно позавидовать: мать Евдокия ни о чем меня не спросила, пока доставала канистру с водой и мыло, поливала мне на руки и подавала бумажные салфетки.

- Скажите честно, от меня воняет? - спросила я, изведя всю канистру.

- Ничем от нас не воняет, Сандра, не выдумывайте - вы стояли высоко на стене.

- Да, но ветер дул в мою сторону!

- И ветер никак не мог дуть на вас со стороны моря, здесь всегда ветер с океана. Давайте-ка поскорей уедем отсюда.

Я отдышалась, снова прицепила мобиль, села за руль джипа и рванула с места, стараясь как можно скорее оказаться подальше от стены и от того что я увидела за стеной.

- Мать Евдокия! Вода к ним подступала, а стена не давала им выбраться. Они лезли на стену, громоздились друг на друга и в таком положении погибли. Огромные кучи! И руки все еще тянутся, тянутся вверх, а рты открыты... А другие просто лежат, скорчившись, в своих палатках, и маленькие трупики тоже... И чайки, тысячи чаек, которые до сих пор...

- Молчите, прошу вас, - тихо сказала монахиня.

Я взглянула на нее. Из-под ее закрытых глаз катились слезы, а губы что-то шептали. Наверно, она молилась за тех, кого я видела. Что ж, если ничего нельзя сделать, то и это неплохо...

Я вела машину в полной прострации, стараясь только не врезаться в стену колючек справа. Наверно, этот шок продолжался бы еще очень долго, если бы не опасная встреча, которая нас поджидала где-то в часе езды от бывшего палаточного города. За одним из поворотов дороги я увидела впереди несущийся на нас огромный красный мобиль полиции Надзора. Сообразив, что джип заслоняет мобишку, если смотреть на него спереди, я резко остановилась. Надзорный мобиль тоже затормозил метрах в пятидесяти перед нами. Из него вышел пожилой полицейский и направился к нам. Быстро расстегнув комбинезон на груди, я обнажила шею, закатала рукава и приветственно помахала ему из окна голой рукой. Он приблизился, и я разглядела нашивки сержанта.

- Уа, сержант! Вы из местного участка?

- Да. А вы...

- Так какого же черта вы не уберете старую развалину там, у стены? - я показала большим пальцем назад, в сторону палаточного городка. Уж теперь-то он точно разглядел мои голые руки и шею, скользнул взглядом по моим отросшим волосам: ни одна планетянка не станет носить волосы, нарушать принятую форму одежды и обнажаться, если у нее нет на это особых прав. - Ваш Надзор сообщил в Центр экологии, что асы повадились посещать этот ваш могильник. Ничего удивительного, у вас там для них чуть ли не лифт приготовлен. Почему экологическая служба должна за вас думать о таких пустяках?

- Вы имеете в виду, достопочтенная...

- Майор Юлия.

- ... достопочтенная майор Юлия, обгоревший вездеход там, под стеной?
- Сообразили наконец! Вечером я лично проверю с вертолета, будет ли он убран, и если вы его не оттащите на свалку, сержант...
- Сержант Пукарес.
- Отвечать будете лично вы, сержант Пукарес! Все! Можете быть свободны.

Я рванула машину, оставив сержанта Пукареса утирать пот после разноса. Он так и стоял, глядя нам вслед, пока мы не скрылись за новым поворотом. Тут я взглянула на мать Евдокию: она по-прежнему плела свои узелки, только на ее голову и плечи была накинута бабушкина красная клетчатая салфетка, из под которой виднелись две тонкие, обнаженные до локтей руки. Уловив мой взгляд, она подняла голову:

- Я правильно поняла смысл маскировки?
- Гениально! Вас можно принять за кого угодно, только не за монахиню и не за простую планетянку. Голые руки, как известно, привилегия немногих, а клетчатый апостольник - это даже оригинально, простенько и со вкусом. А как это вы догадались закатать рукава?
- Я это сделала, глядя на вас. Сообразила: раз уж вы в первую очередь решили обнажить руки, значит, вы знаете, зачем это надо делать.
- С вами можно возить макароны, мать Евдокия, - заметила я покровительственно.
- Вы думаете? Вот и матушка игуменья, наверно, так считает, - кротко вздохнула мать Евдокия, - иначе она не благословляла бы меня на эти поездки по три-четыре раза в году.

Ловко она меня поддела! Но я не сдалась.

- Так почему же у вас ручки такие белые, мать Евдокия? Как это вы уберегли их от загара, обнажая перед каждым полицейским?
- Нехорошо смеяться над бедной монахиней! - совсем елеиным голосом пропела мать Евдокия.
- Это нервный смех, - успокоила я ее. Тут мы обе начали хихикать, а потом разошлись вовсю и не могли остановиться минут пятнадцать. Но я думаю, смеялись мы потому, что нам обеим действительно требовалась разрядка.
- А знаете, мать Евдокия, - сказала я, отсмеявшись и вытирая слезы, - в прежних автомобилях надо было управлять не только руками, но и ногами: в полу машины были две педали - для правой и для левой ноги. Это бабушка мне рассказывала.
- А почему вы об этом сейчас вспомнили, Сандра?
- Да потому, что у меня до сих пор дрожат ноги; представляете, что бы было, если бы пришлось ими работать?
- Значит, вы тоже испугались полицейского?

- Еще как! Но у меня, видимо, инстинкты не поспевают за действиями: сначала я реагирую на опасность, причем реагирую правильно, как будто мне кто-то диктует, как я должна поступить,

а потом, когда опасность уже позади, я ее осмысливаю и вот тогда уже, так сказать в свободное время, пугаюсь до паники. Вот как сейчас.

- Со мной происходит то же самое. Пока вы разговаривали с полицейским, я вязала четки и читала Иисусову молитву, и все узелки получились ровными как один; зато все то, что я потом навязала, придется полностью распустить. У вас паника выходит через ноги, а у меня через руки - вот и вся разница.

- Интересно, какой психический закон нами управляет в этих случаях?

- По-вашему психический закон, а по-нашему - Ангел-Хранитель.

- Ну, нет! Я за свои поступки сама отвечаю! Нет у меня Ангела-Хранителя, кроме бабушки.

- Это вы хорошо сказали, Сандра, то есть про бабушку, хорошо. Я только одного не понимаю: вы согласны признать, что вами управляет какой-то абстрактный психический закон, и это вашей гордости не задевает, а вот мысль о помощи Ангела-Хранителя вызывает у вас бурный протест.

- Я не верю в ангелов!

- А в бесов верите?

- Тоже не верю. Кто их видел? Разве что в Реальности...

- Вы разве никогда не видели существа, которого сегодня мир величает Мессией?

- Мессия - бес?!

- Даже хуже. Это воплощение сатаны, верховного беса, это Антихрист.

Ну вот, опять началось!

- Что вы такое несете, мать Евдокия? Как у вас поворачивается язык? Правитель, отдавший столько сил спасению человечества от последствий мировой войны и Катастрофы - и вдруг сатана, бес и вообще не человек!

- Сандра, то, что вы видели за стеной бывшего палаточного городка, - это тоже дело рук Лжемессии.

- Как вы можете говорить такое? Вы - глупая черная ворона с птичьими мозгами! Вы, наверно, с утра налакались елдя в честь воскресенья и теперь несете что попало! - Я изо всей силы ударила кулаком по стоп-клавише - джип с визгом остановился. - Выходите из машины и убирайтесь ко всем своим ангелам с вашими макаронами!

Мать Евдокия молча взяла свой мешочек, вылезла, путаясь в подоле, из кабины и сразу же пошла вперед по дороге.

Я развернула джип и погнала его в обратную сторону. Меня трясло, кровь стучала двумя молотками по вискам, я просто задыхалась от ярости. Как хорошо, что я догадалась высадить ее из машины, ведь я могла бы наброситься на нее и избить, даже убить, быть может. Что бы я тогда сказала бабушке? О Месс! А что я теперь-то ей скажу? Фф-у-у!

Я опять остановила машину, вышла и встала посреди пустой дороги. Да что же это со мной

творится? Откуда такая ярость? Ну хорошо, она так думает, да и пусть себе думает что хочет! Мессия так велик, Мессия так великодушен и великолепен, как могут задеть его славу жалкие слова ничтожной монашки? Но почему, почему не спасли тех людей? Почему они оказались между морем и непреодолимой стеной? Почему они лезли ни стену, пытались поднять на нее детей? Что их гнало - вода или голод? Месс не знал, не знал об этом ничего!

Нет, я должна немедленно успокоиться: что такое стало с моими нервами? Ведь я никогда не впадала в такую ярость... Да нет, она все время бесила меня, когда вела свои дурацкие разговоры с бабушкой. «Бесила» - это ведь от слова «бесы»? Еще есть выражение «Бес вселился». Надо полагать, из-за таких состояний древние и сочиняли легенды о бесах, чтобы оправдать свои гневные вспышки. Нет, я не стану сваливать на бедных бесов собственную невыдержанность и хамство, я сама должна немедленно успокоиться. Что мне помогло два дня назад? Психотерапия. Да. Я лежала в траве, смотрела в затянутое дым кой небо и представляла себе, что надо мной появился голубой просвет в виде круглого окна. И я просила: «Небо, помоги мне! Очисти меня!» Я могу это сделать и сейчас.

Я легла прямо на горячий бетон, расслабилась и стала смотреть в небо. Через несколько минут мне удалось вообразить себе, что в серо-голубой дымке появляется круглый просвет, и тогда я начала твердить: «Небо, помоги мне! Небо, очисти меня от ярости! Я не хочу ненавидеть бедную монашку за её заблуждения, ведь на самом деле она мне нравится. Небо, успокой меня!» И это нехитрое упражнение опять сотворило со мной чудо: я совершенно успокоилась, как будто с меня сняли тесную, холодную и колючую одежду. Все, что у меня внутри было скрючено гневом, расправилось, распрямилось. Я поднялась на ноги, несколько раз глубоко вдохнула и весело сказала: «Вот и спасибо тебе, Небо!» Я пошла к джипу и похолодела, увидев сзади мобишку: я ведь про него забыла, совсем забыла! Если я не хотела ехать с матерью Евдокией, не проще ли было пересадить ее в мобиль, ну и пусть себе едет одна. Вот это уж полное затмение! Я села в джип, развернулась и помчалась догонять мать Евдокию,

Я увидела ее издали, и такой маленькой и одинокой показалась она мне, бредущая со своим белым мешочком в руке по этой пустынной дороге, в тени угрюмых стволов дьяволоха. Я обрадовалась, что она никуда не исчезла, хотя куда она могла исчезнуть? - и, перегнав ее, остановила джип и распахнула дверцу со стороны пассажирского сиденья.

Мать Евдокия размеренным шагом поравнялась с джипом, и я увидела, что она и на ходу продолжает вязать свои четки. Она прошла мимо меня, не повернув головы, и тем же неспешным шагом пошла дальше по дороге.

Я постояла немного, а потом снова поехала за ней.

- Мать Евдокия! Простите меня и садитесь в машину! Пожалуйста!

Она опять прошла мимо, не взглянув на меня даже искоса. Я уронила голову на руки, лежавшие на руле, и заплакала. Потом снова поехала за ней, но уже не стала перегонять, а потащила за ней сзади, по крайней мере так я могу ее охранять.

Потом мать Евдокия остановилась и подняла руку, как это делают в Реальности XX века, когда хотят остановить попутный автомобиль. Я обрадовалась, быстро подъехала к ней и распахнула дверцу.

- До обители не подвезете? - спросила она своим тонким голоском.

- Нам по пути, садитесь!

Она закинула в кабину рюкзак и следом залезла сама. Уселась и, не дав мне успеть вымолвить слово, сказала:

- Простите меня, грешную! Я виновата, ввела вас в искушение.

- Это вы меня простите, мать Евдокия! Я сама не знаю, что на меня вдруг нашло.

- Да, вы этого не знаете и потому ни в чем не виноваты. А сейчас не будем больше это обсуждать, давайте лучше помолчим.

Наше взаимное молчание успокоило мою душу, как успокаивается вода в бабушкином пруду после того, как большая рыба, ударив хвостом по воде и подняв круги, уходит в глубину. Почти до самого вечера мы говорили только о дороге. Но за ужином, когда мы остановились на обочине под стеною дьяволаха и разложили на клетчатой скатерти свои припасы, мать Евдокия осторожно вернулась к моей дневной вспышке.

- Сандра, если хотите, я вам попробую объяснить, что произошло между нами днем. Но только при условии, что вы не станете волноваться.

- Говорите.

- Вы помните ваши последние слова?

- Какие именно?

- Желая меня задеть, вы сказали, что я с утра «налакалась елей в честь воскресенья».

- Да, кажется, я так и сказала. Глупость какая!

- Совсем не глупость. Сандра, а вы знаете, что такое елей?

- Что-нибудь вроде святой воды?

- Нет. Елей - это просто-напросто постное масло.

- Растительное масло?

- Да. А какой сегодня день недели?

- Восмерник, день отдыха. Я, значит, в пылу назвала его «воскресеньем», как в Реальности, где счет дням недели идет иногда по старому календарю. Как, однако, работает мысль, подстегнутая гневом!

- Сегодня и по церковному календарю воскресенье, иногда это совпадает. А какая связь между елеем и воскресным днем, вы знаете?

- Нет.

- Очень простая. Сейчас идет строгий Успенский пост, а во время поста монахам елей разрешается только по особым дням, в частности, по воскресеньям. Вы разве знали, что я действительно сегодня могу потреблять елей?

- Откуда же мне было это знать?... Уау! Получается, что я сказала то, чего сама не знала и не понимала, но что должно было вас задеть?

- Получается так. Кто же подсказал нам эти слова?
- Не знаю... Не хотите ли вы сказать, что как Ангел-Хранитель подсказывает добрые слова и поступки, так и бес-искуситель подсказывает злые?
- А вы сами как думаете?
- Ну... Можно предположить, например, что вы с бабушкой что-то говорили о посте и елее, а я случайно услышала, не придав этому значения...
- Мы не говорили об этом с Елизаветой Николаевной. Для нее пост такое же привычное дело, как и для монахов.

Я задумалась. Как же это получается, что я произнесла слова, значения которых не понимаю, но произнесла их вовремя и к месту?

- Во время нашей стычки, мать Евдокия, я вспомнила то, чего не знала, но зато забыла то, о чем знала очень хорошо, - о вашем мобишке сзади. Рассуждая здраво, я должна была снять буксировочный трос и предложить вам ехать отдельно. Но у меня была полная уверенность в том, что если я вас высажу из своей машины, у вас не будет другого выхода, как только идти пешком. Безумие какое-то!

- Гнев всегда безумен.
- Не-ет! Я думаю, у меня что-то с психикой не в порядке.
- Не фантазируйте. Психика у вас нормальная, у вас в душе не порядок.
- Да ладно вам... А если не психика, то мораль хромает.
- И тут не угадали, и в моральном отношении вы заведомая вегетарианка.
- То есть?
- Не станете ближних угрызать ради своей пользы. А вот с душой дело обстоит хуже - душа ваша открыта для бесовских нападений, она у вас на семи ветрах сиротствует, бедная.

Мне пришла в голову мысль кое что о себе открыть матери Евдокии.

- Мать Евдокия, я хочу рассказать вам что-то по секрету от бабушки. Пожалуй, это единственное, что я скрываю от нее.
- Если это ваша тайна, надо ли мне ее знать?
- Может быть, вы поможете мне разобраться в одном важном для меня вопросе.
- Тогда слушаю.

- В детстве я прошла курс социальной реабилитации в специальной школе. Из моего сознания были вычищены многие детские воспоминания, вера в Бога, молитвы, русский и греческий языки и многое другое. Пожалуй, сохранилась только моя любовь к бабушке. Я думаю, ее можно было стереть только вместе с жизнью. Сохранились и некоторые разрозненные отрывочные воспоминания. Кое-что из прошлого я потом самостоятельно восстановила по рассказам бабушки, но полной, связной памяти о годах, проведенных с дедом и бабушкой, у

меня нет. Бабушка этого не знает, она думает, что у меня скверная память и обвиняет в этом мое увлечение Реальностью,

- Почему вы скрываете это от Елизаветы Николаевны? Она могла бы помочь вам восстановить все утраченное, может быть, вплоть до веры в Бога, ведь вы верили в Бога в детстве?

- Да. Я это знаю, но я этого не помню. Напротив, всё, что касается веры, церкви и, простите, монахов, вызывает у меня раздражение, чтобы не сказать больше.

- Я это давно почувствовала.

- И было с чего. А с бабушкой все гораздо сложнее, но это долго рассказывать.

- У нас предостаточно времени, нам еще ехать и ехать.

- Хорошо, я расскажу вам всю свою жизнь и постараюсь покороче.

- О нет! - засмеялась мать Евдокия. - Зачем же это, вся жизнь и вдруг «покороче»? - Она достала из своего мешка маленькие квадратные часы, которые называла смешным словом «будильник», и посмотрела на цифры: - Давайте мы вот как сделаем. Сейчас мне надо читать мое вечернее молитвенное правило, а вам - ложиться спать, вы должны выспаться. А завтра, когда мы двинемся в путь, вы и начнете свой рассказ.

Так мы и сделали. Когда я засыпала, мать Евдокия еще мурлыкала свои молитвы, а утром я застала ее уже снова молящейся. Интересно, когда она спит?

Глава 10

С утра следующего дня мы начали подниматься в Пиренеи.

Мы ехали по старым горным дорогам уцелевшим от обвалов. Вокруг были только снежные вершины и голые скалы, желтые и серые. Кругом никакой растительности: ни травы, ни мха, ни лишайника. Изредка по дороге попадались каменные развалины бывших деревень, а возле них груды выбеленных снегом и ветром мертвых деревьев, валявшихся поодиночке и грудями, словно кости вымерших допотопных животных, - когда-то это были роскошные сады. Ехать было трудно: почти все время шел мелкий снег, затруднявший видимость. Не прекращающийся ни на мгновение резкий пронзительный ветер проникал в мельчайшие щели кабины, и машину никак не удавалось прогреть. Но этот же монотонный ветер сметал падающий снег без остатка, и потому на дорогах не было снежных завалов. А вот каменные обвалы заставляли нас иногда возвращаться назад в поисках объездной дороги, если нельзя было объехать их по обочине.

- Как же вы тут проезжали на своем мобишке? - спросила я мать Евдокию.

- На одном «Господи, помилуй», - ответила та. - Временами приходилось выходить, и руками разбирать завалы. Иногда на это полдня уходило.

- До чего же монахи любят макароны! - покачала я головой.

Но в общем мы в этот день разговаривали мало - такой напряженной была дорога.

Даже свое рукоделие мать Евдокия спрятала в рюкзак и не выпускала из рук карту, подсказывая мне дорогу; штурман из нее получился гораздо лучший, чем водитель.

К середине дня напряжение мое достигло высшей точки, и я запросила отдыха. Мать Евдокия не спорила.

- Давайте постоим, вы поспите, а потом все-таки поедem дальше. Если впереди дорога будет не хуже, то вечером нас ждет полно ценный отдых и горячая еда.

- Кончатся наконец эти горы? - обрадовалась я.

- Нет, они станут еще выше, но там есть деревушка, где спасается маленькая православная общинка. Это большие друзья нашей обители, у них мы остановимся и отдохнем.

- Это бывшие испанцы или французы?

- Нет, они русские. У них есть церковь, и мы, может быть, успеем на вечернюю службу.

- Благодетельница моя святейшая, ведь об этом я только и мечтала! А поспать в тепле мне там никак не удастся.

- Конечно! Они там хорошо устроились. Так хорошо, что, пожалуй, способны продержаться до самого конца, если их прежде не обнаружат.

- До конца чего?

- До конца света, конечно.

На это мне ответить было нечего. Я только хмыкнула и заглушила двигатель.

Из машины выходить мы не стали, чтобы не потерять накопленное тепло. Мать Евдокия достала термос с кофе, уже третий с начала пути и последний, бутерброды, и мы пообедали. Я хотела уснуть, но мне это не удалось.

- Мать Евдокия! Расскажите мне об этих людях, у которых мы остановимся. Кто они, как попали сюда, в горы, и от кого это они «спасаются»?

- С удовольствием расскажу, ведь я их всех очень люблю. В общине всего человек двадцать вместе с детьми, руководит ею мать Ольга.

- Она монахиня?

- Нет. Все зовут ее матерью Ольгой, потому что она там главная и у нее семеро детей. Один ее сын - православный священник, отец Антоний.

- А как она, русская, попала в Испанию?

- Очень просто: вышла замуж за испанца, работавшего в России, и он увез её в Барселону. Она родила семерых детей и всех воспитала в православии. Она помогла построить в Барселоне русскую церковь и была в ней старостой, пока церковь не ликвидировали. Ее старший сын Антон, как я уже говорила, стал священником, а старшая дочь - монахиней. Она живет в нашей обители, зовут ее сестра Васса. Еще задолго до Катастрофы Ольга уговорила мужа купить дом в горной деревушке, чтобы вывозить туда детей на каникулы. Во время землетрясения все дома деревни были разрушены, кроме Ольгиного дома. Когда Испания сдалась Мессу, муж Ольги принял присягу и печать. Она забрала детей и уехала в горы, оставив ему письмо, что уезжает на родину; она действительно сделала несколько попыток перебраться в Россию, но началась война и это стало окончательно невозможно. Возможно, муж разыскал бы ее и детей,

но он ушел на войну и не вернулся.

- Неужели из-за простого персонального кода можно оставить мужа и лишит детей отца? Не понимаю!

- Их разделили Христос и Антихрист. Весь мир сейчас так делится, да уже почти и разделен.

- Как прикажете вас понимать, мать Евдокия? Вот я, например, вполне лояльная планетянка и мессиянка по убеждениям, у меня есть персональный код, а с ним и все гражданские права и обязанности. Бабушка мои верит в Христа, но она меня любит, доверяет мне, и между нами почти не бывает разногласий. Вы не хотите сказать, что она плохая христианка раз продолжает меня любить и вовсе не собирается со мной разделяться?

- Насколько мне известно, нас уже пытались разделить, но это не удалось. Елизавета Николаевна - прекрасная христианка. Это вы Сандра, плохая мессиянка.

- Ну, знаете! - я в негодовании подскочила на сиденье и стукнулась головой о потолок кабины. У меня сразу же начала расти шишка, а гнев - затихать. Я только потерла рукой ушибленное место, а потом махнула ею:

- Да ну вас, мать Евдокия! Давайте оставим наши идейные разногласия до конца путешествия. Вот сдадим вашей игуменье макароны, тогда можно будет и поспорить.

- Вот и хорошо, вот и договорились, - пропела мать Евдокия со своей лукавой улыбочкой. - Принести вам холодный камешек на шишку положить?

- Нет, только не это! Еще и мозги морозить!...

- В таком случае не хотите ли поспать?

- Нет. Но и вести машину еще пока не могу. Я так посижу, отдохну.

- Тогда, может быть, вы мне расскажете о своем детстве, как обещали?

- Вам это и вправду интересно?

- Очень!

- Ну, слушайте.

Я рассказала обо всем, что помнила сама и что знала из рассказов бабушки: о нашей семье, о моем детстве и о школе социальной реабилитации, о моих взаимоотношениях с матерью и бабушкой.

К моему удивлению, мать Евдокия, слушавшая меня с искренним участием, вдруг так же искренне пожалела мою мать.

- Мне тоже ее жаль, - сказала я, - и всегда было жаль. Но она вела совершенно пустое и никчемное существование за что и поплатилась.

- Как вы, однако, жестоко её судите, - сказала она. - Это тем более странно, что вы коллеги.

- Коллеги?! Мать Евдокия, вы чего-то не поняли, моя мать была актрисой и снималась в кино, а я работаю для Реальности. Это не одно и то же.

- Разве? Конечно, кино и театр не могли настолько увлечь и поглотить душу человека, как это делает Реальность, но они часто стремились к тому же. Ваша бедная мама и потом, когда уже не было ни кино, ни театра, пыталась жить в придуманном ею самой мире, не смея обернуться лицом к настоящей жизни. Ее связь с жизнью была настолько непрочной, что при первом же испытании порвалась. Она не привыкла к боли и страданиям, поэтому у нее не хватило ни терпения, ни мужества жить дальше. Она, бедная, совершила тягчайший грех против Бога - швырнула Ему под ноги Его дар - жизнь.

- Вы говорите об эвтаназии?

- Да. Это страшное преступление.

- Но эвтаназия разрешена законом!

- Законы тоже бывают преступными и уж тем более грешными. Вы бы могли решиться на эвтаназию в случае серьезной болезни?

- Пока жива моя бабушка, пожалуй, нет: для нее это было бы слишком большим ударом. Но если бы я была одна, тогда конечно. Ради чего терпеть, если можно не терпеть?

- А вы знаете, почему современному человеку не дорога жизнь? Потому что он думает, что она принадлежит только ему самому.

- Моя бабушка говорит, что ее жизнь принадлежит не ей, а Богу. Вы тоже так думаете о своей жизни?

- Да, конечно.

- И вы тоже не решились бы ее прервать, если бы она стала невыносимой?

- Думаю, что мысль о самоубийстве мне просто не пришла бы в голову.

- Почему?

- Вот вы же говорите, что не лишили бы себя жизни, боясь причинить боль своей бабушке. Почему?

- Бабушка так любит меня, что живет отчасти и моей жизнью, и умереть - значило бы убить в ней эту часть жизни.

- Значит, это было бы преступлением по отношению к ней?

- Несомненно.

- Так вот. Бог любит вас, свое создание, еще больше чем вас любит бабушка. Убивая себя, вы не только причините Ему боль, но и себя лишите навечно возможности общения с Ним.

- Почему? Ведь если верить вашим, простите, легендам, речь идет не о смертном теле, подвергшемся эвтаназии, а о бессмертной душе?

- Душа самоубийцы отрывает себя от Бога, отходит к дьяволу и погружается в состояние вечно длящейся смерти. Как Бог есть вечная жизнь, так и дьявол есть вечная смерть. Самоубийца не желает терпеть временных страданий и думает, что ставит точку. На самом деле из этой точки начинается прямая линия, уходящая в дурную бесконечность, и состоит она из бесконечного

числа повторений той самой точки, на которой бедный слабый человек хотел остановиться. Самоубийца умирает вечно.

- Уау, как страшно! И, простите, как хорошо, что я во все это не верю. Скажите мне только одно: что я могла сделать, чтобы моя мать не решилась на эвтаназию?

- Не знаю. Что вы чувствовали, находясь рядом с ней во время ее болезни?

- По большей части раздражение. Меня все в ней раздражало: и то, что она наряжалась лежа на постели, и то, как она томно и таинственно молчала, чтобы посетители по звучанию ее голоса не догадались о насморке, и как не хотела принимать горькие лекарства: «Если бы ты знала, Сандра, как это невкусно!». Но я сидела возле нее и ухаживала за ней, я считала, что выполняю свой долг.

- Вот поэтому вы ее и не удержали. Слабого человека можно удержать только сильной любовью, а не исполнением долга.

- Я не умею любить никого, кроме бабушки. Я пыталась - не получается.

- А знаете, почему вы так искренне и глубоко любите вашу бабушку?

- Почему?

- Потому что только через нее сохраняется ваша связь с Богом. Ваша бессмертная души это чувствует и заставляет вас изо всех сил держаться за эту любовь.

- Нет уж, не ставьте, пожалуйста, никого между мной и бабушкой, даже вашего Бога! Бабушка - это моя святая, говоря вашим языком. И если говорить о чудесах, в которые я в общем не верю, возвращение в мою жизнь бабушки - единственное чудо, которое со мной случилось. А теперь давайте поедem дальше, в машине становится все холоднее.

- Едем. И спасибо вам за исповедь.

- ?

- Исповедью мы называем искренний рассказ о себе, о состоянии своей души. Правда, настоящая исповедь всегда связана с покаянием...

- Но это уже высший пилотаж! Я так высоко не летаю, - засмеялась я. - Поехали, мать Евдокия!

Мы нее ехали и ехали, кружа по горным дорогам и объезжая каменные завалы. Через несколько часов мать Евдокия сказала:

- Теперь уже близко. Скоро мы увидим возле дороги живое дерево. Там мы оставим машины и пойдем пешком.

- Уау! Еще и пешком! А откуда тут взяться живому дереву? До сих пор мы не видели даже травинки. По-моему, вся растительность здесь выжжена этим ледяным холодом, ведь мы, наверно, на страшной высоте находимся.

- Именно так. Но дуб, о котором я говорю, каким-то образом выжил. Вот он скоро появится, и вы сами убедитесь. От дуба идти уже недалеко, всего только обойти по тропинке высокую скалу и пройти ущельем в долину, а там и живет наша общинка.

Вскоре мы увидели возле дороги небольшое корявое деревцо, серое и голое.

- Это здесь, - сказала мать Евдокия. - Можете парковаться.

- А вы говорили, что дерево живое...

- Живое, живое! Посмотрите вон туда - видите зеленую ветку? О, даже желуди на ней есть!

- Угу. Три штуки, - я в самом деле увидела среди мертвых ветвей ветку с мелкими узорчатыми листьями пыльно-зеленого цвета. - В бабушкином лесу совсем не такие дубы. Они во много раз выше, и листья у них почти с мою ладонь.

- Это каменный дуб, особая горная порода.

Мать Евдокия долго возилась в салоне джипа, что-то укладывая в свой и мой рюкзаки, потом вынесла их и сказала:

- Это мы понесем с собой, а за макаронами мужчины придут потом. Ну вот, теперь можно идти. С Богом!

Ее походный рюкзак был вдвое больше моего и на вид неподъемен, но я не стала настаивать на справедливом распределении груза: было так холодно, что не хотелось спорить. Оставив джип и мобилку под дубом, надев шубы и повязав сверху бабушкины оренбургские платки, мы вскинули на спины рюкзаки и двинулись в путь. По узкой, едва различимой тропке мы обогнули скалу, возле которой рос дуб, и оказались в узком и мрачном ущелье, все дно которого занимало сухое русло горной реки. По этому руслу нам и пришлось топтать почти до темноты. Мать Евдокия шла впереди, согнувшись вдвое под тяжестью своего рюкзака, но я за нею едва поспевала, спотыкаясь и скользя на обледенелых валунах. В конце концов ущелье вывело нас в долину, где мы увидели маленькую, явно обитаемую, деревеньку из нескольких приземистых каменных домов и церковки, тоже каменной. Окошки церкви светились, а над крышами домов пушистыми витыми столбиками поднимались уютные серебряные дымки. Дошли!

Мать Евдокия - конечно же! - сразу повела меня в церковь. Мы открыли небольшую, но тяжелую дверь, изнутри завешенную одеялом, и вошли в полутемное помещение, освещенное только светом нескольких свечей. Я огляделась. Людей было немного - человек двадцать. Некоторые пели на возвышении справа, остальные стояли лицом к деревянной стене-перегородке, не доходившей до потолка, со множеством икон и какими-то игрушечными воротцами посередине. Они стояли молча и неподвижно, одновременно крестясь и кланяясь, когда пение сменялось монотонными восклицаниями человека в долгополой черной одежде. Дети постарше стояли вместе со взрослыми, а самые маленькие сидели на деревянной скамье под стеной. Я не увидела ни одного человека в зеленом пластиковом костюме: женщины были в длинных юбках и в больших платках, мужчины - в брюках, в допотопных, не пластиковых, сапогах, и неуклюжих куртках. Дети одеты были в разноцветные теплые костюмчики, которые в старину назывались «лыжными», у девочек на головах были платочки, у мальчишек - вязанные шапочки. Я углядела свободное место на одной из скамеек и села рядом с детьми, а мать Евдокия прошла к хору и тоже стала петь. Однако и выносливы же эти монашки!

Ноги и спина гудели, служба оказалась скучной и непонятной, а в церкви было холодно, поэтому я запахнула поуютней бабушкину шубу, сунула руки в рукава и задремала. Очнувшись, когда мать Евдокия тронула меня за плечо:

- Идемте, Сандра,

Служба кончилась, люди выходили из церкви. Рядом с матерью Евдокией стояла крупная женщина с очень живыми черными глазами, в темной одежде и большом сером платке. Когда мы вышли из церкви, она откинула с головы платок, и под ним неожиданно оказалась огненно-красная пиратская бандана.

- Знакомьтесь: это мать Ольга, а это - Кассандра Саккос.

- Батюшки, внучка Елизаветы Николаевны?! Здравствуйте, дорогая! Очень, очень рада вас видеть. Как здоровье бабушки? Как ее нога?

- Спасибо, неплохо.

- Скажите ей, пусть будет теперь очень осторожна с левой ногой, чтобы второй тазобедренный сустав не повредить. Я вам дам для нее особую мазь из воска, оливкового масла и сосновой смолы; делайте ей повязки, и все очень быстро заживет. Ну, пошли в общинный дом, сейчас будем ужинать.

Мать Ольга мне понравилась: она даже вспомнила, какую именно ногу повредила бабушка. Ну и шустрая же вы старушка, Елизавета Николаевна, весь православный мир вас знает! Нас усадили за длинный стол в столовой «общинного дома» - самого большого дома этой маленькой деревни. Здесь собрались все ее жители: женщины, молодые и старые, подростки, дети разного возраста и несколько мужчин. Двое из них были в длинных черных одеждах, рясах, - совсем молодой, румяный и черноволосый, глазами - вылитая мать Ольга, отец Антоний и молодой человек постарше, дьякон отец Виталий, как мне шепнула мать Евдокия. В большом камине горел целый ствол дерева, и было очень тепло.

Перед едой все хором спели молитву, потом сели и чинно стали есть какую-то кашу, пресную и не особенно вкусную, почти без соли, по зато горячую. Я окончательно согрелась и ожила. После каши пили травяной чай и ели маленькие кусочки белого хлеба с вареньем из черной смородины. Бабушкиным - я его сразу узнала по вкусу.

После ужина все опять пропели молитву, потом скамейки перенесли поближе к камину, и все расселись на них, а две девочки принялись бесшумно и ловко убирать со стола посуду.

- Давайте споем что-нибудь вместе с нашими гостями.

Опять запели хором какие-то молитвы, длинные и усыпляющие. Неожиданно мою дремоту разогнал негромкий и чистый звук флейты. Это заиграл отец Виталий.

- Что это он играет, не знаете? - спросила я шепотом мать Евдокию.

- Это очень древний композитор Генри Телеманн. Кстати, ваш соотечественник, англичанин. А пьеса называется «Замужняя красавица». По-моему, он играет ее в честь своей жены. Вон она сидит у камина, в сером платье.

Я поглядела в ту сторону. Юная женщина а сером платье сидела, спокойно сложив руки па коленях и задумчиво глядя на флейтиста большими серыми глазами. Мелодия была плавной, чистой и немного печальной. Я подумала, что в нашем рыцарском замке она имела бы успех. Я закрыла глаза и попробовала представить себе свою Реальность, лица Эрика, Ланса, Энеи, но они так и не выплыли из моей памяти. Мне стало грустно, что я их так легко позабыла. прощайте, милые дамы и рыцари, и простите, что мне теперь совершенно не до вас...

Потом замужняя красавица в сером платье взяла гитару, и они с отцом Виталием сыграли

вместе несколько старинных пьес – изысканных и мелодичных.

– Когда-то Татьяна с Виталием были бродячими музыкантами. Они ездили по городам всей Европы и играли на улицах, – тихонько рассказывала мать Евдокия. – Так они помогали матери Ольге собирать деньги на строительство православной церкви в Барселоне, а когда собрали и построили, к власти как раз пришел Мессия. Церковь сожгли, а им пришлось бежать сюда.

– Они тоже отказались от принятия персонального кода?

– Здесь нет ни одного человека с печатью Антихриста. Татьяна, спойте для нас какую-нибудь из своих песен!

Татьяна кивнула и сказала:

– Я спою, если дети мне помогут. Какую песню споем, дети?

– Про лошадок, тетя Танечка, про лошадок! – закричали дети. Она немного подстроила гитару и запела негромким чистым голосом, а дети ей тихонько и слажено вторили. Они пели:

Вдоль заката проходили лошади

И губами трогали закат.

Были лошади людьми заброшены

Не за прегрешения – за так.

Без работы спины стали гладкими,

Позабыли про седло и кнут.

Только нет, теперь уж их «лошадками»

Дети никогда не назовут,

И не выйдут ласковые женщины

Хлебом-солью встретить у ворот...

Тяжко им, неназванным, не встреченным,

И не в радость им солнцеворот.

Иногда они пройдут над кручами,

Где шуршит из-под копыт руда,

И стоят, и, спрятавшись за тучами,

Издали глядят на города,

На мертвые пустые города...

Когда кончили играть и петь, началась общая беседа. Мать Евдокию расспрашивали о том, что творится в мире, а она отвечала. Смысл их разговоров, как и следовало ожидать, сводился к

тому, что люди живут все хуже, а конец света все ближе. Жаль, конечно, было этих людей, которые мучаются сами и мучают своих детей, веря нелепыми пророчествами и прячась в горах от настоящей жизни, но, видя их спокойные и какие-то просветленные лица, я понимала, что они счастливы в своей безумии и что никто, конечно, не в силах разубедить этих симпатичных фанатиков. Пригревшись, я снова начала клевать носом. Бесконечная горная дорога поплыла у меня перед глазами, а вдоль нее стояли мертвые каменные дубы...

- А вы совсем спите... Устали? Я очнулась и подняла голову. Надо мной склонилась Татьяна.
- Вам пора на отдых.

- Да, хорошо бы... Скажите мне только, а каким образом в горах уцелел тот единственный дуб, от которого начинается тропа в вашу деревню?

- Это Мамврийский дуб, так его наши дети прозвали. Они верят, что пока хотя бы одна ветка этого дуба остается зеленой, мир еще живет. Они носят ведрами воду из нашего источника и с молитвой поливают его.

«И дети у них сумасшедшенькие...» - я откровенно зевнула.

- Вам спать пора, - улыбнулась Татьяна. - Мать Ольга, гостя наша устала. Куда ее проводить?

- Проводи наверх. Уложи ее вместе с младшими, там теплее. Спокойной вам ночи, Кассандра!

Татьяна взяла со стола свечу и повела меня на второй этаж дома. По дороге я попросила ее повторить мне слова песенки про лошадей, я решила запомнить ее для бабушки. Татьяна остановилась на площадке лестницы и вполголоса спела мне свою песню от начала до конца, а потом сказала:

- Запомнили? Спойте ее Елизавете Николаевне от меня в подарок. А я, когда теперь стану ее петь, буду говорить, что песня посвящается Елизавете Саккос.

Мне было приятно это слышать, я поблагодарила красавицу.

Татьяна открыла передо мной низкую дверь, и мы вошли в комнату, где стояли рядом несколько кроватей - оттуда доносилось мирное посапывание спящих ребятишек. Тут же оказалась свободная кровать, на которую меня Татьяна и уложила. Я тотчас провалилась в глубокий сладкий сон.

- Тетя, тетя! Вставайте, часы скоро кончатся!

Я высунула голову из-под теплого одеяла. Девочка лет пяти-шести стояла рядом и тревожно глядела на меня.

- Ты хочешь сказать, что уже поздно и пора вставать?

- Ну да. Часы скоро кончатся.

- Часы, детка, не могут «кончиться» - они могут только остановиться.

- Нет, тетя, часы скоро кончатся и начнется литургия. Идемте скорей в церковь!

Ах, вот оно что! Бедные дети...

- А ты не знаешь, где мать Евдокия?

- Знаю. Она поет на клиросе. А вы разве в церковь не пойдете?

- Нет, детка, не пойду.

- Вы заболели?

«Увы, больные тут все, кроме меня», - подумала я, но вслух сказала:

- Да, девочка, у меня ужасно болит голова. Шла бы ты помолиться!

- Я пойду и скажу матери Ольге, что вы заболели. Она вам даст малинового варенья. Бабушка Лиза прислала нам банку малинового варенья, и теперь когда кто заболит - будет есть малину!

- А здоровым не дадут?

- Нет. Бабушка Лиза уже старенькая, она не может собрать для нас много малины. А еще у нее нога болит. Она сломала тазобедренный сустав. Но она уже выздоравливает, потому что все наши дети за нее молятся.

- Ты замечательно разбираешься в медицине. Ты, наверно, врачом хочешь стать, когда вырастешь?

- Я подумаю. Я еще не решила. - Она постояла, подумала, а потом добавила грустно: - А варенья даже больным не хватает, так мать Ольга говорит.

- В следующий раз, когда я к вам приеду, я привезу тебе целую банку малинового варенья.

- Вот хорошо! Тогда его всем больным хватит, даже взрослым. Мама недавно кашляла, а варенья не было... Ладно, вы еще поспите, а я пойду в церковь и помолюсь за вас. Вас как зовут?

- Кассандра.

- Какое трудное у вас имя. Но я запомню: меня зовут Александра, а вас - Кассандра. А кто ваша святая?

- Знаешь что, Александра? Ты беги поскорей в церковь и помолись за меня хорошенько, а то часы вот-вот кончатся.

Девочка кивнула и вышла за дверь, потом я услышала, как по лестнице быстро протопали вниз маленькие ножки. Я снова укрылась одеялом и спала дальше без помех до тех пор, пока за мной не явилась мать Евдокия.

После завтрака, состоявшего из той же каши и чая, но уже без хлеба с вареньем, мы с матерью Евдокией простились с хозяевами и пустились в обратный путь к Мамврийскому дубу. Нас провожали отец Антоний и отец Виталий - оба в косматых меховых куртках поверх черных ряс. Мать Евдокия выдала им по две коробки макарон из нашего груза, они пожелали нам какого-то «ангела в дорогу», вскинули на плечи коробки и ушли за скалу. А мы поехали дальше.

Горы вскоре стали ниже, снег на вершинах исчез, а потом дорога пошла вниз и стало теплеть. Мы сняли свои шубы, тяжелые теплые сапоги, платки и уложили их в салоне джипа. Среди скал стали попадаться зеленые группки деревьев и кустов.

- Горы скоро кончатся. Мы уже на территории Франции.
- Бывшей Франции?
- Конечно. В этом мире все теперь бывшее, кроме христианства.
- Ну-ну... А до монастыря еще далеко?
- Далеко. Но, может быть, завтра к вечеру доберемся...
- И вы меня опять потащите в церковь? А без этого никак нельзя?
- Можно. Я вас представлю матушке игуменье, а потом отведу в келью и уложу спать.
- А душ?! - жалобно простонала я.
- Найдется и душ.
- Слава...! Я чуть не сказала «Слава Мессу», но не хотелось огорчать мою попутчицу, а сказать на ее манер «Слава Богу!» было бы притворством. Так моя «слава» и повисла в воздухе, а мать Евдокия сделала вид, что ничего не заметила.

- Мы вот-вот спустимся с гор на атлантическое побережье, на так называемую Французскую косу. Во время Катастрофы восточный край Франции почему-то вздыбился и образовалась длинная и узкая полоса суши, и вот по ней нам предстоит самый опасный участок пути - через болота и зыбучие пески. Опасность будет угрожать нам и снизу, и сверху: здесь часто летают патрульные вертолеты. Я знаю тут все дороги и особо опасные места, поэтому пересяду в мобиле и поеду впереди, а вы держитесь за мной как можно ближе и старайтесь в точности повторять движения моего мобиля. И давайте мы будем общаться сигналами: если я даю один гудок - это значит «опасность с воздуха», ставьте машину на край дороги, но ни в коем случае с неё не съезжайте: хорошая с виду дорога может оказаться подмытой. Два гудка - «ехать медленно и осторожно», три гудка - «стоять на месте, не двигаться», а четыре гудка - «все в порядке, едем дальше». Если что-то не в порядке у вас - вы даете один длинный гудок. А сейчас мы должны замаскировать наши машины. Остановитесь-ка возле вон тех кустов!

Мы отцепили мобиле от джипа. Мать Евдокия вытащила из своего рюкзака моток тонкого шнура и начала плести из него что-то вроде сетки сначала на крыше мобишки, а потом и джипа. Мне она велела ломать большие ветки кустарника и подтаскивать их к машинам. Работа эта отняла у нас много времени, но зато эффект был потрясающим! Я не поленилась и забралась на придорожную скалу, чтобы поглядеть сверху на нашу работу: на дороге вместо машин стояли два лохматых зеленых куста. Пользуясь остановкой, мы заодно пообедали, а потом двинулись дальше - мать Евдокия впереди на своей крохе, а я позади.

Кончились горы, и теперь мы ехали по заболоченному берегу Атлантики, где вместо дьявола рос обыкновенный тростник. Это было бы утешительным зрелищем, если бы среди серо-желтых песков и буро-зеленых камышовых зарослей не виднелись остатки поглощенных болотами и песками французских городов и деревень. Торчащие из камышей верхушки соборов и высотных домов были усеяны птицами. Больше всего там было чаек.

Два раза над нами пролетали вертолеты, но каждый раз мать Евдокия замечала их еще издали, подавала сигнал тревоги, и мы замирали на краю дороги как два куста - большой и поменьше. Оба раза вертолеты, не задерживаясь, пролетали дальше.

Дорога представляла собой извилистые, будто обгрызенные с боков остатки когда-то широкой автострады – на некоторых участках джип едва на ней умещался; я поняла, что пройдет еще немного времени – и песок и вода окончательно съедят дорогу. А если бы ветры занесли сюда семена дьяволаха, от нее бы уже давно ничего не осталось.

В одном месте я все же угодила в ловушку, причем по своей собственной вине. Мать Евдокия вильнула в сторону, объезжая небольшую горку песка, а я, понадеявшись на тяжесть и мощь джипа, рванула напрямик – и завязла передними колесами в песке. Мое счастье, что прежде чем выскочить из кабины и начать вытаскивать машину, я догадалась погудеть матери Евдокии. Увидев, что я попала в беду, она дала один гудок – «стоять и не двигаться» – а потом стала задом подъезжать к месту моей аварии. Поскольку джип так и не мог сдвинуться с места, я решила, что она сигналилит мне, чтобы я сама не двигалась и осталась в кабине. И очень правильно сделала! Оказывается, это была неширокая, но, по-видимому, глубокая трещина в дорожном покрытии, занесенная зыбучим песком. Мать Евдокия объехала меня, подцепила джип тросом, и ее мобишка вытянул передние колеса своего «большого брата» обратно на асфальт. Я объехала коварную трещину, поблагодарила в раскрытое окно мать Евдокию, и мы поехали дальше.

Ехали мы так медленно и осторожно, как только могли. Иногда мать Евдокия останавливалась, выходила на дорогу и буквально ощупывала её ногами; убедившись в ее надежности, она снова садилась в мобиль и двигалась вперед, а я – за ней.

Когда чуть стемнело, она дала знак остановиться на плоской вершине довольно высокой скалы возле каких-то развалин.

- Дальше мы сегодня ехать не сможем, – сказала она. – Остановимся здесь.

- Почему? Дорогу еще видно.

- Дело не в этом. Просто не имеет смысла рисковать: уже начался прилив, а тут высокое место. Мы заночуем на этой скале, а утром, как только рассветет и начнется отлив, двинемся дальше.

Поставив машины рядом, мы вышли из них и уселись на краю площадки лицом к океану. Мать Евдокия разулась. Мы дышали свежим прохладным воздухом, немного пахнущим рыбой и водорослями, и отдыхали после напряженной езды.

- Кто-то тут мечтал о душе, – сказала мать Евдокия. – Хотите искупаться перед ужином?

- Где искупаться, в океане?!

- По-моему, теперь только в океане и можно купаться. Вы что, никогда не купались в открытой воде?

- Нет... Но сейчас неплохо было бы как следует вымыться.

- Так за чем же дело стало? Тут есть каменная терраса, на которую можно спуститься и стоя на ней поплескаться в воде. Я всегда тут купаюсь, когда проезжаю по этой дороге.

- Можно попробовать...

- Вообще-то, я здесь купалась еще до Катастрофы, – задумчиво сказала мать Евдокия, подставив океанскому ветру босые ступни и шевеля пальцами. – Это место называлось тогда Этрета. Когда я только приехала в монастырь из Америки, даже не была еще послушницей, я

иногда ездила на прогулки с паломниками. Я тогда боялась, что когда стану монахиней, мне уже не придется больше путешествовать и я не увижу Франции. Бухта Этрета считалась красивейшим местечком побережья. Эта скала была тогда очень высокой и нависала над бухтой, а за нею прятался от ветра чудным маленьким городок. Вот эти камни – развалины часовни, к ней поднималась дорога из городка, который ушел под воду. А какая красивая была бухта! Ее окружали скалы, с обеих сторон уходившие прямо в воду, и в них были естественные ворота, через которые во время отлива можно было пройти пешком по берегу, а во время прилива – проплыть на лодке. В каменной стене, окружавшей бухту, были пещеры, и мы с паломниками, конечно, забирались в них и бродили по ним со свечами и фонариками. В больших пещерах внизу жили летучие мыши, а в маленьких пещерках на террасе гнездились коршуны; эта терраса тогда находилась страшно высоко над берегом.

Помню, я смотрела снизу на этот карниз, с которого срывались и с криками кружились над нами огромные коршуны, и спрашивала: «А можно туда как-нибудь забраться? Оттуда должен быть замечательный вид на бухту и на океан». Мне отвечали, что это невозможно: скала отвесная, а спуститься сверху по веревке коршуны не дадут – заклюют. Землетрясения развалили скалу над террасой, и получился вполне удобный спуск. Возьмите полотенце, мыло и пойдете вниз. Да снимите же ваш костюм – тут нас никто не увидит! Я тоже сниму свой подрясник.

Она скинула подрясник и осталась в длинной белой рубашке. Вместо апостольника она туго обвязала голову белым платком, причем проделала это так быстро и ловко, что мне не удалось подглядеть, какие у нее волосы. Я разделась и осталась в трусах и маечке.

Мы спустились вниз по камням и оказались на залитой водой каменной площадке. У самой скалы мне было по колено, и тут я остановилась, а мать Евдокия зашла подальше, по самые плечи и нырнула с головой под воду. Я еще не успела за нее испугаться, как она снова показалась над водой и поплыла, как плавают люди в Реальности – загребая обеими руками и поднимая ногами фонтаны брызг. Я видела, что это доставляет ей удовольствие. Мне тоже захотелось испытать, что это такое – купаться в океане, и я осторожно пошла за нею на глубину. Сначала было страшновато. Я зашла в воду но пояс и остановилась: теперь волны, набегая одна за другой, захлестывали меня почти до плеч – и это оказалось очень здорово! Я попробовала воду на вкус – она была страшно соленой. Набежала волна повыше других и намочила мне лицо и волосы, и это тоже было приятно.

А мать Евдокия так и скользила в воде передо мной то в одну сторону, то в другую, как большая белая рыба с широким хвостом. И как это ей не мешала ее рубашка? Я оттолкнулась от дна и, подражая ей, беспорядочно забила руками по воде. Плыть у меня не получалось, но на поверхности я каким-то образом держалась. Я барахталась, визжа от удовольствия, иногда уходя с головой под воду, и стоило мне разок не нащупать ногами каменного дна террасы, как я запаниковала и вернулась поближе к скале. Тут мне пришло в голову вымыть волосы. Это была сложнейшая процедура, которой бабушка обучила меня, когда мои волосы стали отрастать. Я взяла кусок мыла, оставленный вместе с полотенцами на камне над самой террасой, хорошо намылила волосы, а потом опустила голову в воду, чтобы смыть пену. Я покрутила головой в воде, чтобы лучше прополоскать волосы, и тут мне захотелось открыть глаза и поглядеть – а что там под водой? Я так и сделала. И увидела прямо перед собой темную нору, из которой на меня злобно и холодно глядели два выпуклых круглых глаза, а под ними ритмично приоткрывалась щель длинного рта с неровными острыми зубами. Я выбросила голову из воды и заорала:

– Мать Евдокия, назад! Здесь в пещере чудовище! Выбирайтесь скорей! – крича это, я уже карабкалась на скалу. Примостившись на камне возле наших полотенец, я нагнулась и

поглядела вниз. Чудище выплыло на свет и оказалось огромной пятнистой рыбой-змеей с оттопыренным вверх спинным плавником. Она извивалась перед своей пещерой, недоумевая, куда вдруг исчезла добыча. А мать Евдокия еще только плыла к скале. Что делать, чтобы отвлечь мерзкую рыбину? Я завернула в камень полотенце и бросила его вниз. Чудовище резко бросилось к нему, ухватило зубами, дернуло, а потом отпустило – не заинтересовалось. А мать Евдокия еще только встала на дно и медленно, осторожно шла к скале.

Рыба-змеюка, играя кольцами длинного тела, стала разворачиваться в ее сторону. Я поняла, что только настоящая добыча может ее отвлечь. Бежать к джипу за бутербродами уже не было времени. Я сообразила, что ее может привлечь запах крови. Я схватила мыльницу и, зажмурившись, изо всех сил резанула ее краем по левой руке. На счастье, край оказался достаточно острым – из длинного разреза сразу выплеснулась кровь и растеклась по мокрой руке. Я схватила полотенце матери Евдокии, стерла им кровь, а потом завернула в него камень и завязала узел. Это заняло всего несколько мгновений, и приманка полетела в воду между чудовищем и монахиной. Тварь бросилась к ней, схватила зубами и начала заглатывать полотенце вместе с камнем и моей кровью – ну и подавись! Пока она терзала полотенце, трясая башкой и мерзко извиваясь сама вокруг себя, мать Евдокия влезла на скалу и уселась рядом со мной, стуча зубами. Она уставилась круглыми глазами вниз, в бурлящую воду.

- Холодно?

- Нет, страшно!

- А кто это?

- Мурена. Морской угорь. Только очень уж крупная.

- Надо запомнить, как она выглядит. Пригодится для Реальности. Пошли наверх, надо вытереться и согреться, я ведь оба наши полотенца мурене скормила...

- Зачем же?

- Отвлекала от вас.

Мы поднялись к машинам, быстренько вытерлись насухо, взяв другие полотенца из наших запасов, и оделись. Мать Евдокия принялась готовиться к ужину, а я достала нашу аптечку и стала искать в ней бинт, чтобы перевязать руку. Вдруг, совершенно случайно поглядев в сторону террасы, я увидела, как по скале, извиваясь всем своим безобразным пятнистым телом и помогая себе толстыми плавниками, с широко распахнутой страшной пастью к нам поднимается мурена.

- Мать Евдокия! К нам мурена подбирается!

- Неостроумно, Сандра! – сказала мать Евдокия, не поднимая головы от бутербродов, которые она в этот момент чем-то намазывала. – Мурены – рыбы, они по камням не лазают и без воды жить не могут...

Она что-то там еще говорила, по-прежнему не желая отвлекаться от своего занятия, но уже не было времени что-то ей объяснять; я побежала к джипу, вскочила в кабину и тронулась с места. Шум двигателя привлек внимание мурены уже выбравшейся на край скалы. Тварь приподняла верхнюю часть змеиного туловища и водила безобразной головой, выясняя обстановку. С ее пасти свисали и падали на камни длинные сопли желтой слизи. Мы ринулись навстречу друг другу одновременно. Не доезжая до нее метров десять, я подалась назад, чтобы

заманить ее за собой и вместе с тем отвести джип подальше от края скалы. Решив, что добыча уходит, тварь быстро заскользила ко мне по ровной площадке скалы. Отъехав на порядочное расстояние от края, я остановилась и подпустила ее еще ближе, а потом бросила машину ей навстречу, слегка вильнув, чтобы наехать на нее сбоку. Оба передних колеса прошли по ее туловищу с противным хлюпающим звуком. Я услышала истошный визг матери Евдокии и удары мощного хвоста по капоту. С полураздавленным телом мурена вывернулась из-под джипа и снова яростно кинулась в атаку. Я дала задний ход и увидела расплющенное в двух местах тело неистово извивающееся и мотающее зубастой головой. Я опять бросила на нее тяжелую машину, и опять, и опять... Мне пришлось отъезжать и наезжать несколько раз, пока я не убедилась в неподвижности чудовища. Но и теперь куски его, почти отделенные друг от друга, содрогались, кончик хвоста мотался из стороны в сторону, а искореженная пасть кусала воздух окровавленными зубами.

Выйдя из кабины, я первым делом оглядела передние колеса – не прокушены ли они зубами? Ко мне подошла мать Евдокия с совершенно квадратными глазами.

- Господи, да что же это такое? – спросила она прерывающимся голосом.

- Это такая рыбка, мать Евдокия. Мурена называется. Она плавает себе в водичке и на суше совершенно не опасна.

- Да нет же, это какой-то монстр!

- Слава вашему Богу, теперь и вы разглядели! Я думаю, это мурена-мутант.

- Ой, на вас кровь! Она вас задела?

- Нет. Это я о скалу руку поцарапала.

- До того или после того?

- Не поняла вопроса.

- Вы поранили руку до того, как мы сошли в воду или после?

- Ну, скорее всего, когда я спускалась к воде.

- Вот в этом все и дело! Запомните, Сандра, никогда нельзя лезть в воду с открытой раной – запах крови быстро разносится в воде и привлекает морских хищников, – все еще стуча зубами, назидательно произнесла монахиня. – Если бы вы мне сказали про вашу царапину, я бы ни за что вас в воду не пустила. А теперь из-за вас придется нам всю ночь не спать: по следу одного чудовища могут придти и другие.

Вот так, я же и виновата оказалась! Проявила скромность и получила воздаяние. Чтобы всерьез не рассердиться на мать Евдокию, я решила довести ситуацию до абсурда и явила кротость поистине монашескую.

- Простите меня великодушно, мать Евдокия. Это я во всем виновата. Я больше так делать не буду.

- Бог простит. Зато вы сдали экзамен на экологистку – уничтожили животное-мутанта.

Вот тут уж я возмутилась по-настоящему!

- Мать Евдокия, прошу вас, никогда не называйте меня экологисткой!
- Почему, Сандра? Разве в этом есть что-то обидное? Экологи делают полезное дело - уничтожают животных-мутантов, очищают землю от дьяволоха...
- И от асов тоже.
- При чем тут асы?
- Может быть, вы не в курсе, несмотря на всю вашу образованность и продвинутость, но основная задача экологов - отслеживание и уничтожение асов. А защита природы - это так, прикрытое.
- Сандра! Вы это точно знаете?
- Абсолютно. Из первых рук, можно сказать. Я встречалась с экологистами и беседовала с ними.
- Господи! Если это действительно так, то теперь мне понятно, почему над нашим островом все время появляются вертолеты Экологической службы! Они нас пока не обнаружили, но мы-то их видели и не придавали этому значения, мы считали, что они охотятся за мутантами. А это они, значит, нас искали! Сандра, спасибо вам огромное, это очень важно - то, что вы мне сказали. Вы это должны непременно рассказать нашей матушке во всех подробностях.
- Ладно, давайте готовиться к ночлегу. Я не думаю, что другие мутанты на нас нападут. Они наверняка подстерегают свою добычу в воде, а эту лжемурену мы просто уж очень здорово допекли: сначала у нее под носом, чуть ли не в самом логове, развели в воде туалетное мыло, потом раздражили запахом свежей крови, а после нахально увели добычу из-под самого носа. Ее можно понять. Но на всякий случай мы будем спать в джипе, задраив двери и окна. А что делать с этим? Столкнем в воду?
- Страшно прикасаться, вдруг эта тварь покрыта ядовитой слизью? А в воде ее останки могут потревожить других мурен, которые, может быть, тоже обитают теперь в бывших Коршуновых норах. Давайте оставим все как есть!

На том и порешили. Мы отвели машины на другую сторону площадки, я достала мешок с грязным бельем, выбрала полотенце похуже, вытащила канистру с водой и принялась очищать переднее стекло джипа, заляпанное зеленой слизью и багровой кровью мутанта. Мать Евдокия тем временем продолжала готовиться к ужину. Когда я закончила свою работу и вымыла руки, она прочла молитву, мы поели и уселись в кабину джипа, наглухо закрыв окна. Спать пришлось сидя, но, кажется, я уже ко всему притерпелась и потому уснула мгновенно, оставив мать Евдокию молиться и сторожить.

Ночью мне приснился сон, похожий на Реальность: будто мы с матерью Евдокией едем в нашем джипе по гладкой дороге темного асфальта с белыми полосами по краям. Обгоняя нас, проезжают разноцветные машины, и у каждой видно в окно круглое рулевое колесо, за которым сидит то девушка в ярком платье с длинными волосами, то мужчина в цветной майке или белой рубашке, а на задних сиденьях машин сидят веселые ребята в пестрых одежках, они нам улыбаются и машут руками; мы проезжаем городки, где под каждым окном в деревянном ящике растут цветы, а стены домов увиты плющом или виноградом, и вслед нам весело звонят колокола церквей; мы пролетаем насквозь деревушки, где каждый дом выглядывает из своего садика, как из корзинки, полной цветов и зелени; мы едем вдоль пляжа, где на солнце лежат почти раздетые загорелые люди, а по воде скользят лодки с белыми и

цветными парусами. «Вот так здесь было совсем недавно, перед приходом Антихриста. Потеряв Бога, люди потеряли и все радости, какие были в их жизни», – говорит мне во сне мать Евдокия. Я проснулась и провела в темноте рукой по лицу – оно было мокрым от слез. Потом я снопа уснула и снов больше не видела.

А мать Евдокия, кажется, так и не спала. Разбудила она меня, когда еще было совсем темно. Я включила фары, чтобы не выходить из машины в темноту. При свете фар мы увидели на том месте, где вчера лежал дохлый монстр, только большое мокрое пятно. То ли кто-то сожрал его останки, то ли он ожил и уполз. Мы не стали долго гадать, каким образом и куда он исчез, а поспешили выехать с места ночевки.

Когда немного рассвело, стало видно, что Французская коса сузилась еще больше. Мы ехали по выщербленной и местами размытой до гравийного основания старой асфальтовой дороге; слева весело бежали к берегу темно-синие, с белой кружевной каймой волны Атлантического океана, а справа мертво лежала маслянистая гладь Европейского моря. Разыгравшийся океанский ветер пытался смахнуть джип с узкой полосы асфальта, но еще трудней приходилось легонькому мобиле. Мне пришлось снова взять его на буксир, а матери Евдокии – пересест ко мне в кабину.

– Скоро начнется самое интересное! – сказала она через некоторое время, пристально глядя вперед. – Вы ведь любите приключения, Сандра? Так вот, скоро мы с вами совершим «хождение», вернее, «проезд по водам». Видите впереди погнутый указатель, на котором написано «Жизор»?

– Вижу. Удивительно, как он сохранился, до сих пор нам не попадались старые дорожные указатели.

– Остановитесь напротив него. Это мы его нашли, установили здесь и постоянно укрепляем и подновляем.

– Зачем? Ведь он указывает не на дорогу, а на воду.

– Вот по воде мы и поедем, – лукавым голоском произнесла мать Евдокия, и я поняла, что тут кроется какая-то хитрость. Она поглядела на свой допотопный «будильник».

– Отлив еще продолжается. Вы поедете за мной, держась как можно ближе. Старайтесь идти так, чтобы колеса мобиле все время оставались как бы между колесами джипа. Учтите, если вы вильнете хотя бы на два-три метра – вы можете утонуть вместе с машиной.

Через полчаса уровень воды Европейского моря понизился еще на полметра, и мне стало ясно, в чем тут дело: прямо напротив указателя на таинственный Жизор под водой стала просматриваться широкая серая полоса.

– Это какая-то затонувшая дорога! – воскликнула я.

– Совершенно верно. Она идет по узкой насыпи, а справа и слева от нее довольно глубоко. По этой дороге мы и доедем до самой обители. Вперед, Сандра, у нас очень мало времени! Через два часа вода начнет подниматься, а здесь высокий прилив – больше двух метров. Мы должны ехать очень быстро и очень осторожно.

– Но это же совершенно невозможно! Нас попросту смое!

– Все возможно с Божией помощью.

Я не стала напоминать ей, что мне ее Бог навряд ли станет помогать, ведь я Его об этом не просила.

Мать Евдокия перекрестила воду, потом мобилку и мой джип, заодно, не спросясь, и меня в нем, после чего села в кабину мобиля и подъехала к самому берегу, остановившись возле указателя – точно против того места, где начиналась подводная дорога.

- Вы готовы, Сандра? – спросила она, приоткрыв дверцу.

Я крикнула в открытое окно:

- Готова, мать Евдокия!

- С Богом!

Мобишка плавно скользнул с берега и помчался прямо по воде, подняв по сторонам два крыла сверкающих брызг. Я сразу же двинулась за ним, стараясь не думать о том, что еду прямо по воде.

Мне ехать было легче, чем идущей впереди монахине: как ни мал и легок был мобилка, но на несколько коротких мгновений он разгонял воду с бетонного покрытия, и благодаря этому я все время видела впереди серую дорогу и ее резкие черные границы по краям. Я была спокойна: справа и слева от джипа оставалось еще метра по три асфальта.

Так мы неслись друг за дружкой довольно долго, и постепенно напряжение меня оставило. Мать Евдокия держала постоянную скорость, дорожное покрытие под колесами было на удивление ровным, ничто, казалось, нам не угрожало. Время от времени я поглядывала в зеркало заднего обзора и замечала, как узкая песчаная коса, с которой мы свернули в воду Европейского моря, становится все уже и уже, а затем исчезает совсем.

Через некоторое время шелест воды, бегущей от колес, мягкое покачивание джипа начали действовать на меня усыпляюще. Поверхность воды слепила глаза, хотя солнца не было – только серая дымка над мутной водой. Вдруг мне стало совершенно ясно, что эта дорога никуда не ведет, кроме как под воду. Я увидела, что жужжащий черный жучок впереди начинает постепенно уходить в глубину: прежде его бока выступали гораздо выше над поверхностью воды! Я похолодела и в панике нажала на кнопку сигнала, чтобы предупредить мать Евдокию об опасности, и не отпустила кнопку до тех пор, пока до моего слуха и сознания не дошел ответный сигнал. Я прекратила шепот завывания и прислушалась. Мать Евдокия сигналила что-то совершенно определенное: четыре коротких сигнала – пауза, четыре коротких – пауза, четыре коротких – пауза, и так беспрерывно. Я шла за ней как во сне и все старалась понять, почему она так странно сигналила и почему не останавливается?

Потом одурь и паника оставили меня так же внезапно, как и возникли: я вспомнила, что четыре коротких сигнала означают «Все в порядке, продолжаем путь», и я, дождавшись паузы, тоже в ответ просигналила четыре раза. Так мы еще некоторое время перекликались, пока я совсем не успокоилась. Тогда я перестала сигналить, а следом за мной прекратила подавать сигналы и мать Евдокия. И мы продолжали ехать дальше – «очень быстро и очень осторожно».

Потом впереди показалось какое-то облако или сгусток тумана, и я поняла, что мы идем прямо на него. Через некоторое время мы приблизились к нему, и мобилка, снова просигналив четыре раза, нырнул в облако, а за ним и я на своем джипе. Из тумана впереди раздались три гудка – «стоять на месте». Я остановилась, открыла дверцу и прислушалась. Тишина и туман. Я сидела, уронив руки на колени, и ждала.

- Ну, как вам понравилось «хождение по водам»? - из тумана появилось улыбающееся лицо матери Евдокии.

- Если вы замечаете, что меня до сих пор трясет, то, пожалуйста, не принимайте это за дрожь восторга. Из всех наших передряг это была самая ужасная. Это было даже хуже, чем схватка с лжемуреной; та по крайней мере быстро закончилась.

- Ну, теперь все позади. Здесь начинается монастырский парк. Осталось только проехать через стену тумана, и там мы уже дома. Мы сделаем так: вы постоите здесь, а я отгоню к монастырю мобиль и приду за вами пешком. Самой вам через этот туман не проехать - он слишком плотный. Я скоро вернусь, не скучайте!

- Подождите минуточку, мать Евдокия! Скажите мне только одно: бабушка тоже ездила с вами по этой дороге?

- И не только со мной, но и одна. Подводная дорога существует со времен Катастрофы, а Елизавета Николаевна последний раз была у нас два года назад.

Ошеломленная, я осталась сидеть в кабине джипа, а мать Евдокия растаяла в тумане. Ну, бабушка... Ну, Божий одуванчик...

Я вышла из кабины, чтобы немного размяться. Под моими ногами была обыкновенная асфальтовая дорога только мокрая и блестящая от оседающего тумана. Я прошла к обочине и осторожно сунула ногу за край дороги - а что там? А там была трясина, в которую я чуть было не провалилась. Я перешла на другую сторону дороги и обнаружила то же самое. Интересное местечко...

Вскоре из тумана появилась насквозь мокрая мать Евдокия, апостольник облеплял ее лицо как детский чепчик.

- Простите, Сандра! Я забыла вас предупредить, чтобы вы ни в коем случае не сходили с дороги: наш остров со всех сторон окружен топью. И на будущее учтите, что под завесу тумана нельзя и шагу ступить: где туман - там трясина, а дорога только одна - вот эта.

- Уже усвоила опытным путем.

- Ну, этого следовало ожидать! Вас, Сандра, ни на минуту нельзя оставлять одну. Я пойду вперед, а вы садитесь за руль и следуйте за мной. Окно не закрывайте, чтобы слышать меня. Я буду идти шагах в двадцати впереди вас и держаться самой середины дороги, а вы двигайтесь так, как будто хотите на меня наехать. Только не задавите, я еще перед матушкой не отчиталась!

«А грозная у них, должно быть, игуменья», - подумалось мне. Я поехала вслед за смутным черным силуэтом монахини. Боковым зрением я отметила, что справа и слева от дороги появились и проплыли мимо огромные черные деревья, кажется, мертвые, а между ними угадывались какие-то руины. Почти внезапно с левой стороны туман рассеялся, и я увидела длинную стену из дикого камня, увитую плющом. Над нею нависали ветви деревьев, полные разноцветных плодов и листьев. Чуть подальше впереди виднелись черепичные крыши, а над ними - светлое голубовато-дымчатое небо. Я ахнула, остановила джип и выскочила из кабины. Меня окатило волной чудесного воздуха, одновременно теплого и свежего, чистого и в то же время полного нежнейших запахов. А какой свет тут был кругом! Яркий, но не слепящий, чуть золотистый от дымки. Каменная стена, и деревья над стеной, и цветущие кусты шиповника вдоль дороги, и все в этом свете казалось прекрасным - каждый камешек на дороге и веточка

плюща на стене. А мать Евдокия, облитая этим чудным светом, выглядела так, будто успела умыться и отдохнуть с дороги, – она стояла возле стены, и лицо ее и обрамлении мокрого и не особенно чистого апостольника сияло и казалось очень молодым. Туг же стоял чистенький мокрый мобишка, и над его просыхающей крышей струился парок.

– Ну, вот мы и добрались до дома, – сказала мать Евдокия. – С прибытием! Теперь идемте в обитель.

– А наши машины?

– Оставим на дороге, тут чужих нет. Возьмите с собой только сумку со своими вещами. Сестры потом разгрузят машины.

В стене были железные ворота с маленькой дверью и окошечком в ней, а рядом висел молоток на цепочке. Мать Евдокия взяла молоток и сначала просто постучала, а потом начала колотить им по железной двери во всю силу.

Отворилась дверца, и в зарешеченном окошке показалось лицо монашки в белом апостольнике, из-под которого выбивалась рыжая прядка.

– Благослови, сестра Дарья! Отворяй поскорей!

– Мать Евдокия! Благословите! – радостно воскликнула монашка и загремела железом по ту сторону ворот. Дверь отворилась, и мы вошли в обитель. Сестра Дарья кинулась к матери Евдокии, накрыв подолом огромного полосатого кота, крутившегося возле ее ног. Кот шарахнулся в сторону с укоризненным видом. Пока монахини трижды расцеловывались, я с удивлением глядела на открывшийся за железными воротами мир.

Больше всего монастырь похож был на разрушающуюся старинную загородную усадьбу, вокруг которой раскинулся столетний запущенный парк. Сразу слева от ворот, на невысоком пригорке, стояла каменная церковь с проломленной крышей, и в этом проломе, немного наискось, лежала упавшая колокольня. Черная графитовая черепица с нее почти осыпалась, и между коричневых балок виден был колокол, от которого прямо по стене церкви спускалась веревка. От ворот вниз уходила гравийная дорожка, и вела она к большому лугу или, скорее, газону, на краю которого возвышалась полуразрушенная кирпичная башня с остатками графитовой кровли. К ней и повели меня монахини.

Когда мы подошли ближе, я поняла, что это вовсе не башня, а уцелевшая часть разрушенного трехэтажного старинного особняка, почти дворца, с мансардными окнами на крыше. Эти руины были явно обитаемы, потому что в раскрытых окнах (на каждом этаже сохранилось по три окна), между горшков с цветами виднелись головы монахинь в белых апостольниках, выглянувших, как я догадалась, на поднятый нами грохот. Все они улыбались и махали нам руками, то есть не мне, а матери Евдокии, конечно.

Несмотря на явные следы разрушений, все в обители говорило о стремлении к порядку: гравийные дорожки были чистыми, кусты – аккуратно постриженными и цветы, которых вокруг было великое множество, имели ухоженный вид. Больше всего тут было роз: они вились по осыпающимся стенам, росли отдельными большими кустами и сплошными куртинами. Все цветы были хороши, но розы просто ошеломляли. По краям аккуратно выкошенного лужка или газона стояли конусообразно подстриженные темно-зеленые кусты тиса. Вокруг газона шла широкая гравийная дорожка, а по ней прогуливались две необыкновенно стройные девушки в черных подрясниках и белых апостольниках: они шли медленно, величаво и просто, как две мирно беседующие юные королевы. Я невольно ими залюбовалась: надо же, какой у монахинь,

оказывается, бывает аристократичный вид!

- Нравится вам наша обитель? – спросила меня сестра Дарья.

- Очень нравится. А какие огромные повсюду деревья!

- Если бы вы знали, как у нас красиво было прежде, до потопа! Нашу обитель паломники называли райским уголком, – со вздохом сказала она. – Но слава Богу и за то, что еще уцелело: можно жить, можно молиться, а сад и огород нас кормят. Жаль только, что очень скоро придется все это покинуть.

- Почему? – удивилась я.

- Время теснит.

- Сестра Дарья, а ты знаешь, кто эта девушка? – спросила мать Евдокия, не давая сестре Дарье углубиться в тему о последних временах. – Это внучка Елизаветы Николаевны.

- Кассандра! Так вот вы какая...

- А я тоже знаю, кто вы! Вы – сестра Дарья, бывшая спортсменка. Вы ухаживаете за паломниками, поете на клиросе, убираете двор и кормите кошек.

- И еще немножко молюсь.

- Сандра, я вас поручаю сестре Дарье: она проводит вас в келью, научит пользоваться душем, а потом отведет к матушке. Я вас там найду, – и мать Евдокия быстро пошла вперед, к «башне», а меня сестра Дарья повела вправо, к небольшой группе дворовых построек. Как специалист я еще издали определила, что это остатки старинных конюшен и каретных сараев максимум девятнадцатого века. Один домик, сплошь завитый диким виноградом и казавшийся издали совершенно не разрушенным, стоял чуть в стороне. К нему сестра Дарья и повела меня. Когда мы подошли ближе, я увидела, что он значительно более поздней постройки.

- Тут у нас гостиница для паломников, – сказала она. – Идите за мной! Да не вы – вы подождите на дворе! – Последняя фраза относилась к следовавшим за ней по пятам кошкам, которых теперь уже стало не то четыре, не то шесть. – Сейчас в обители паломников нет, так что вы получите отдельную комнату. Вы надолго к нам?

- Нет, мне скоро надо ехать назад.

- Неужели же на Успение не останетесь?

Я не знала, что такое «успение», но сказала, что тороплюсь вернуться к больной бабушке.

- Как жаль! А может, поживете у нас немного? Елизавета Николаевна такая самостоятельная, побудет немного без любимой внучки.

И все-то они про нас знают... Комнатка, куда она меня привела, оказалась крошечной, с небольшим окном. Я поставила на пол свою сумку и огляделась. У одной стены стояла кровать, возле другой – стол и два простых деревянных стула, и только узкий проход оставался посередине. Над столом была прибита полочка, на ней стоял подсвечник с огарком свечи, а над нею висели иконы. Слева от двери, за невысокой перегородкой виднелась белая раковина для умывания. Вполне аскетическое жилище. Келья, можно сказать.

Сестра Дарья подошла к окну, раздвинула в стороны пестрые занавески и толкнула раму. Комнатка сразу до отказа наполнилась свежим ветром и птичьим щебетом. Я подошла к ней и тоже выглянула в окно. Странный какой домик: мы вошли со двора, и это был первый этаж, а с этой стороны под окном блестела вода, и окно было довольно высоко над ней. Дальше за ровной гладью воды стеной стоял туман. Удивительное дело, ведь это была все та же вода Европейского моря, но тут она казалась гораздо чище, будто кто-то сдернул с ее поверхности жирную грязную пленку.

- Раньше здесь были парки река, а за рекой, там где сейчас один только туман, - поля и лес, а за лесом холмы.

- Все это ушло под воду?

- Да, всю округу затопило, только наш монастырь и уцелел. Это было чудо.

- Какое же в этом чудо? Просто вы, наверно, находились на самом высоком месте.

- А вот и нет! Монастырь наш всегда стоял в низине, а вокруг были холмы, маленькие городки, деревни, усадьбы. Ничего не осталось ~ все до самого города Жизора ушло под воду, да и от Жизора остался один только холм и старинная крепость тамплиеров. Когда начался потоп, мы думали, что нас первыми затопит, к смерти приготовились. Но еще больше мы ужаснулись тому, что потоп этот как бы опровергал Святое Писание, ведь в Библии сказано: Господь обещал Ною, что больше не станет насылать на людей потопа. Но Господь этого потопа не устраивал, Он только позволил людям пожинать плоды своих дел: люди бомбили землю, земля отвечала землетрясениями, а землетрясения вызвали потоп. Отец Александр сказал, что этот потоп - последнее предупреждение человечеству. Мы спасались на четвертом этаже, под самой крышей. Сорок дней мы там просидели в темноте, только одна негасимая лампадка у нас горела - она и сейчас горит. Если пойдете в лес, то обязательно ее увидите, она в часовенке с иконой Божией Матери. Ой, заговорила я вас, попадет мне от матушки! Вам же отдыхать надо.

- Нет, нет! Расскажите с самого начала, как вы спасались от потопа, сестра Дарья!

- Сперва было просто жутко. Началось все ночью: загрохотало, завывало за окнами, во всей обители потухли свечи. Мы хотели спуститься вниз, в церковь, а там вода плещется и поднимается все выше и выше - уже лестницу заливает. Матушка велела всем нам взяться за руки, пересчитала нас и повела на четвертый этаж, а потом заперла за нами дверь на лестницу. Мы испугались еще и потому, что с нами не было дяди Леши, нашего смотрителя: он как раз в тот день уехал в Париж по делам - тогда еще был Париж. А жена его, Лариса Петровна, с нами оставалась. Вот потому она и выглядит теперь втрое моложе своего мужа.

- Почему?

- Потом скажу. Нам было очень страшно, особенно в первые дни: ухватимся друг за дружку, слушаем, как ветер воет и гроыхает гром, молимся, плачем. Уже после, когда от поста мы совсем присмирели, ни о чем не могли больше ни говорить, ни думать, и вся наша жизнь превратилась в одну сплошную молитву, тогда стало легче.

- А что же вы ели и пили? У вас какие-то запасы, наверно, были с собой?

- Мы почти ничего не успели захватить: вода сразу залила подвал с продуктами и первый этаж, где у нас была кухня. Взяли то, что было в кельях: немного хлеба и у кого что было из фруктов - тогда ведь было Преображение. Через несколько дней остались только сухие просфорки и святая вода. Обедницу отслужим, по малюсенькому сухарику просфорному съедим, запьем

тремя глотками святой воды и все. Так все сорок дней и постились.

- И никто не заболел и не умер?

- Да что вы - наоборот! Все старые хвори куда-то испарились, шрамы и морщины разгладились, помолодели мы все. Как вы думаете, сколько мне лет?

- Двадцать пять - двадцать семь.

- А мне ровно вдвое больше! До потопа я уже седеть начала, и рыжина моя потускнела с годами. А когда мы вышли из затвора, я глянула в зеркало - тьфу, опять я стала огненно-рыжая, как лисица! Вообще, конечно, монахини из-за постов всегда моложе мирских выглядят, но чтобы так... А мать Наталья, библиотекарь, которая совсем слепенькая была и ходила с костылем, прозрела и стала бегать как молодая. Но самое большое чудо случилось с матерями Анжелиной и Параскевой: они обе уже несколько лет не вставали с постелей. На чердак мы их на руках снесли, а назад они обе по лесенке на своих ногах спустились. Вот радости было! Им обеим уже за сто лет перевалило. Теперь они на службы ходят и даже послушания исполняют: занимаются с молодыми послушницами и помогают резать овощи для кухни. А дядя Леша объявился через месяц. Это он нашел подводную дорогу к монастырю. Но он, бедный, остался таким же старым, каким был до потопа.

- А ваши кошки - они тоже с вами были?

- Нет, кошки на улице остались, они на деревьях спаслись. А другие звери на косу уплыли. Потом они вернулись к нам вплавь и еще других привели.

- А как вы узнали, что потоп кончился?

- Очень просто, у нас ведь окна были на крыше. Однажды утром служба кончается, а мы вдруг лица друг друга начинаем различать, до этого только лики икон видели при свете лампадки - такая тьма за окнами стояла. Чувствуем, что ветер стих и волны не шумят. А потом взошло солнце - вот радость была! Маленькая сестра Касса уговорила матушку разрешить ей на крышу через окошко вылезти - окна в келейках на потолке были. Матушка говорит: «Ну, будь нам голубкой Ноя. Погляди, что там в мире делается. Да не слети только с крыши-то!» Выбралась наша «голубка» на крышу, а мы ее за подол подрясника держим, чтоб не свалилась. Вдруг она как закричит: «Матушка! Сестры! А Господь-то нас помиловал! Бежим скорей на землю!». Но матушка бежать не позволила, а велела сначала отслужить благодарственный молебен Пресвятой Богородице - ведь это Ей наша обитель посвящена, и перед Ее святой иконой горела все сорок дней негасимая наша лампада. Мы отслужили молебен, пропели акафист, а потом чинно, с иконой Божией Матери впереди, спустились вниз и вышли из дома. А от нашего дома осталась только та часть, над которой мы на чердаке спасались! Спустились мы па землю и видим, что оказались на острове и остров наш укрыт от всего мира пеленой тумана, как покровом Пресвятой Богородицы. Вот так все это было... Не холодно вам? Давайте-ка я закрою окно. И пойдете, я покажу вам, где у нас душ и как им пользоваться.

Душ у монашек был аскетический: прямо к дому была пристроена деревянная будочка, а над ней на столбах прилажен большой бак для воды и лесенка к нему по шаткой лесенке надо было поднимать воду ведрами и заливать в бак. Нагревалась вода солнцем, когда было солнце. Сейчас она была чуть-чуть теплой, но меня это не смутило.

Через полчаса я лежала на немного провисшей старой кровати и отдыхала. Я лежала и вспоминала рассказ сестры Дарьи. Я пыталась представить себе темным чердак, огонек лампы, молящихся и плачущих от страха монахинь...

В дверь осторожно постучали, и за ней прозвучал голос сестры Дарьи, вздумавшей зачем-то молиться прямо перед моей дверью: «Молитвами святых отец наших, Господи Боже наш, помилуй нас!» Я несколько растерялась. Сестра Дарья повторила молитву, а потом открыла дверь и просунула голову:

- Сандра! Когда стучат с молитвой в вашу дверь, вы аминькните в ответ.

- Что-что я должна сделать?

- Сказать: «Аминь!» Такой порядок.

- Ну, аминь!

Тогда только сестра Дарья вошла, неся в руках синюю кружку с отбитой ручкой и несколько белых роз. За нею в комнату важно вступила старая рыжая кошка и уселась у порога, обернув лапы хвостом. Сестра Дарья налила в кружку воды из-под крана и поставила розы на стол.

- Это вам от сестры Иоанны, которая у нас ухаживает за розами.

- А с чего это она решила послать мне розы?

- По любви, конечно. Я ей сказала, что приехала внучка Елизаветы Николаевны.

- А! Так это розы не для меня, а для бабушки!

- И для вас тоже. Мы ведь знаем вас очень давно и много лет за вас молимся, а когда долго молишься за человека, обязательно начинаешь его любить. Такой порядок!

- Не хотите ли вы сказать, сестра Дарья, что все монахини в вашей обители питают ко мне великую любовь?

- Конечно. И не только к вам. А теперь пойдете скорей, матушка вас ждет.

Я пригладила еще не совсем просохшие волосы, и она повела меня к игуменье.

Вблизи «башня» производила странное впечатление. Прямо на гравийную площадку перед нею выходила когда-то находившаяся внутри здания старинная дубовая лестница с чугунной оградой и медными перилами, начищенными до золотого блеска. Под лестницей была дверь, которая вела в уцелевшую часть первого этажа.

- Тут у нас всегда была маленькая церковь, вот она и сохранилась, - сказала сестра Дарья. Она повела меня на второй этаж. Здесь была довольно большая лестничная площадка почти сплошь заставленная большими старинными книжными шкафами.

- Это наша библиотека. Когда-то было еще две большие комнаты, но одна разрушена, а в другой теперь живут сестры. Наша мать Наталья плачет, что книги хранятся почти на открытом воздухе, но больше их негде держать. Слава Богу, что хоть под крышей и в шкафах, скоро и этого не будет.

На площадку выходило несколько дверей, к одной из них сестра Дарья и подвела меня.

- Это игуменская. Молитвами святых отец... - опять запела она.

- Аминь! - отозвались из-за двери, и мы вошли в игуменскую. Это была совсем небольшая,

донельзя загроможденная комната с двумя большими окнами; было видно, что сюда сносили уцелевшие вещи из других помещений. В глаза мне сразу бросился мраморный камин, на котором стояли иконы и медные подсвечники с обгоревшими свечами. За такие подсвечники ди Корти-старший отдал бы вагон макарон. Посреди комнаты стоял не менее чем двухсотлетнего возраста, но отлично сохранившийся овальный ореховый стол, а вокруг – стулья с высокими спинками, обтянутые пересохшей и потертой тисненой кожей: у противоположной от входа стены громоздилась самая настоящая фисгармония, заваленная книгами и нотами. На стенах висели иконы и портреты старичков и старушек в монашеских одеждах. Под большой расшитой бисером и шелками иконой Божией Матери на цепочке висела лампадка. В нише стояла кровать, а над нею, в несколько рядов – снова иконы, иконы, и среди них много старинных, в золотых и серебряных окладах.

За столом сидели мать Евдокия и полная монахиня с круглым детским лицом и большим золотым крестом на груди.

- Это матушка, – шепнула мне сестра Дарья. – Подойдите под благословение!

Я не поняла, где находится это «благословение», под которое я должна подойти, и осталась стоять в дверях. Мать Евдокия подняла голову и выручила меня:

- А вот и вы! Матушка, это Кассандра, или Сандра, или Санечка, – прошу любить и жаловать. Сандра, познакомьтесь с нашей игуменьей, матушкой Руфиной.

- Будем любить и жаловать Санечку! – сказала игуменья. – Как же вы похожи на бабушку, дорогая моя. Проходите, садитесь к столу, мы вас сейчас покормим чем Бог послал. Сестра Дарья, поди скажи на кухне, чтобы нашим путешественницам поскорей несли обед. И достань из буфета коробочку с настоящим чаем, отнесешь его на кухню – пусть сестры заварят ложечку для дорогой гостьи.

- Это тот чай, который архиерейский, матушка?

- Вот-вот, архиерейский. Не жадничай, останется и на приезд владыки. Ты знаешь ли, сестра Дарья, что нам привезла Санечка? Двадцать шесть коробок макарон!

- Ой, матушка, правда? Бегу на кухню! – Сестра Дарья развернулась на одной ноге и бросилась вон, но в дверях обернулась и радостно объявила: – Если б я знала, что они столько макарон привезли, я бы им сразу ворота открывать не стала. Я бы сначала к нашей колокольне сбегала и встретила их архиерейским звоном!

- С тебя станет, озорница! Ну, беги, беги...

Обед нам подали бедненький: какой-то жидкий овощной супчик и немного вареной картошки, посыпанной петрушкой и укропом. Но зато тарелки были фарфоровые, а ложки и вилки – серебряные. Тоже архиерейские, наверно. А вот хваленый чай был и вправду хорош – крепкий, душистый, он сразу взбодрил меня и снял усталость. И только выпив половину своей чашки, я обнаружила, что игуменья с матерью Евдокией наливают себе из другого чайника бледно-зеленый чай с запахом мяты. Вот так, значит, для меня архиерейский чай, а сами пьют какую-то травку!

Пока я сидела за столом и рассказывала игуменье, сак живет бабушка, нас посещали монашки. Сначала дверь игуменской с легким скрипом приоткрылась на щелочку, и оттуда высунулся маленький остренький носик.

- Что тебе, мать Тамара? - спросила игуменья, как мне показалось, даже не обернувшись.
- Да я так, матушка... Я только хотела взглянуть на внучку Елизаветы Николаевны.
- Ох, и любопытна же ты, мать Тамара! Девочка с дороги, устала, некогда ей с тобой знакомиться. Завтра увидишь и поговоришь.
- Простите, матушка! - пискнул любопытный носик и исчез. Но следом из-за двери опять прозвучало «Молитвами святых отец...»
- Аминь! - сказала игуменья, нахмутив тонкие бровки.

Дверь отворилась и вошла маленькая копия испанской матери Ольги, только не в красном пиратском платке, а в беленьком апостольнике.

- Простите, матушка, я хочу взять мои ноты... Я их оставила на фисгармонии.
- И не стыдно тебе, сестра Васса? Ноты она забыла... Да вы их после спевки никогда отсюда не уносите, завалили мне всю фисгармонию, мыши скоро заведутся. Уж сказала бы прямо, что хочешь узнать, не заезжала ли мать Евдокия к твоей маме? Заезжала. Там все в порядке, все здоровы, а тебе мама прислала посылочку. Но за свое нетерпение получишь ее только после ужина. Иди, готовься к службе.

Игуменья старалась говорить строгим голосом, но я уже поняла, что никто тут в ее строгость не верит и грозной игуменьи не боится. Даже когда она пыталась сердито нахмурить тонкие бровки, лицо ее оставалось все таким же ласковым и добродушным. Я сама дивилась своему впечатлению, но мне показалось, что эта их милая игуменья была едва ли не добрее моей бабушки.

Мать Евдокия стала рассказывать о том, как живет в горах община матери Ольги, а я начала клеветать носом. Мать Руфина вскоре заметила, что я уже почти ничего не вижу и не слышу, и сказала:

- Иди-ка ты, мать Евдокия, приляг, отдохни немного перед всенощной, а я провожу Санечку в ее келью - она уже совсем спит.

И она проводила меня назад в маленький домик, довела прямо до комнаты, зашла и проверила, все ли у меня есть. У меня было все и даже кое-что сверх того: на столе, рядом с розами, стояла щербатая тарелка с ягодами - малиной, ежевикой и крыжовником.

- Какая умница сестра Дарья, догадалась вам принести гостинчик из нашего сада... Ах, нет, это не сестра Дарья, тут мать Лариса потрудилась! - матушка Руфина вытащила из-под ягод за зеленый хвостик небольшую морковку. - Никто другой не придумал бы положить морковь вместе с ягодками, а она скажет: «У меня морковка тоже сладкая», и все тут. Мать Лариса у нас «зеленый мастер», на ней и сад, и огород держатся. Сама ягоды не съест, веточку петрушки для себя не сорвет, а вам вот принесла - и даже без благословения!

- Не ругайте ее за это, матушка! - попросила я.
- Обязательно поругаю. Как не поругать за самоуправство? Это она потому так расчувствовалась, что Елизавета Николаевна ее старая подружка, она ей помогала в послушании.

- Моя бабушка в послушании?! Вы хотите сказать, матушка Руфина, что моя бабушка здесь кого-то слушалась?

- Конечно, всех сестер и матерей. Но вы учтите, Санечка, что «послушанием» в монастыре еще зовут работу, которую исполняют насельницы и паломники. Вам бабушка разве не рассказывала, что она работала в саду и на огороде, когда приезжала к нам?

- Нет...

- Ну, тогда и я не стану сейчас рассказывать, потому что вам спать пора, а после как-нибудь попросите бабушку рассказать о ее жизни в монастыре. После смерти Ильи Георгиевича, когда вас забрала к себе ваша мама, она несколько лет жила с нами. Она даже домик себе у нас построила.

- А где он теперь?

- Он стоял в низинке, и его затопило водой.

- Как жаль!

- Ничего, для вашей бабушки у нас место всегда найдется. Ну, довольно разговоров. Христос с вами, деточка, спите спокойно!

Игуменья перекрестила меня - так уж полагалось у них, наверное, - и вышла. Я рухнула на постель и мгновенно заснула. Сквозь сон я слышала колокольный звон и приглушенное хоровое пение. Кажется, монахи пели всю ночь напролет.

Глава 11

Я проснулась от оглушительного щебета птиц и больше уснуть не могла. Зато монашки, подумалось мне, наверно, спят теперь без задних ног, ведь они всю ночь промолились. Я встала и пошла в душ, с наслаждением окатилась холодной, остывшей за ночь, водой, натянула последний чистый костюм, сверху - бабушкин свитер и вышла прогуляться по монастырским угольям.

Я вышла на лужайку перед домом-башней и огляделась. За лужайкой начинался парк; сквозь ветви больших старых деревьев пробивались косые лучи встающего солнца; птицы пели со всех сторон и на разные голоса.

Справа тянулся невысокий каменный парапет, а за ним в туман уходила неподвижная водная гладь. В одном месте парапет прерывался двумя столбами с каменными вазами наверху, полными ярко-алых цветов, кажется, герани; отсюда прямо в воду уходили каменные ступени. Я подошла и заглянула вниз. Вода была чиста и прозрачна и я увидела, что от нижней ступеньки лестницы по дну вьется дорожка, вымощенная светлыми плитками, и ведет она к стоящему под водой небольшому каменному дому с красной черепичной крышей. «Бабушкин домик», - подумала я и пошла к нему вдоль парапета. Моя тень упала на воду: большая рыба с черной спиной и красными плавниками, неподвижно стоявшая в воде, стронулась с места и тоже двинулась к бабушкиному домику, опережая мою тень. Она медленно всплыла в лишенное стеклом окно и скрылась в таинственной уютной темноте. Я вздохнула и пошла дальше, к парку.

Как раз напротив «башни», там, где сходились окаймлявшие луг дорожки, был широкий мост с каменными перилами, а под ним - ров, заполненный водой. За мостом я увидела небольшую полянку, на которой паслись два маленьких пятнистых оленя. Когда я подошла почти к самому

рву, они меня заметили, но не умчались сразу прочь, а взглянули на меня раз-другой прекрасными восточными глазами, прислушались, обменялись взглядами и только после этого неспешно перешли полянку и скрылись за деревьями.

В той стороне, куда они ушли, я заметила красный огонек под деревьями, будто уголек забытого в лесу костра. Я пошла туда и увидела деревянную часовенку, а в ее глубине – икону Божией Матери с горящей красной лампадкой перед нею. Часовенка стояла по пояс в цветах, и все цветы были голубые и белые.

Здесь дорога расходилась на три: основная шла прямо, одна уходила вниз, и на ней в просвете между деревьями посверкивала вода, а левая дорога вела к еще одной каменной стене с деревянными воротами. Ворота были распахнуты, и за ними виднелись ряды фруктовых деревьев, а в междурядьях – длинные овощные грядки. В конце сада, на пригорке, стояли освещенные солнцем руины какой-то старинной постройки: кусок кирпичной стены с большим полуovalным окном, а над ним часть крыши с остатками ажурной каменной оградки. Вплотную к стене стоял огромный темно-зеленый кедр: он подпирал спиной покосившуюся часть стены и, казалось, удерживал ее от обвала. Издали мне послышалось, что кедр звучал. Я остановилась и прислушалась: голос кедра был похож на скрипку. Заинтригованная, я прошла между деревьями, подошла к нему и приложила ухо к стволу: скрипка тихонько пела внутри кедра что-то нежное и печальное. Но, случайно заглянув в окно, я разгадала тайну поющего кедра; за окном была комната с бревенчатой противоположной стеной и несколькими столбами подпиравшими крышу. Посреди комнаты, лицом к окну, стояли мольберты, а на них – доски с незаконченными иконами. Еще там был длинный стол заваленный бумагами и заставленный какими-то коробками и коробочками, линейками и банками с кистями. А возле окна, спиной ко мне, перед пюпитром с нотами стояла монахиня и играла на скрипке. Голос скрипки звучал приглушенно. Я постояла, послушала и пошла в сад. Большие фруктовые деревья стояли настолько перегруженные плодами, что многие ветви были подперты шестами. Я подумала, что хорошо бы съесть на завтрак яблоко. Их тут так много, что вряд ли и нанесу большой урон обители. Я решительно двинулась к ближайшей яблоне, но стоило мне протянуть руку и коснуться большого желтого яблока, как я услышала за спиной скрипучий старческий голос;

– Остановись, Кассандра! Это кто ж тебя благословил яблоки рвать, а? Нехорошо, дорогая, не положено так в обители. Поди-ка сюда, я тебя лучше морковочкой угощу.

Между грядками стояла маленькая старая монахиня с большой тяпкой в руке, укоризненно смотрела на меня и качала головой. Одетая она была удручающе бедно. В обители все монахини одевались более чем скромно, я еще ни на ком, даже на игуменье, не видела подрясника без заплат, но эта монашка была похожа на классического аса: не только подрясник и передник, но и апостольник на ней были сплошь в заплатках.

– Ну, простите меня ради нашего Бога, – сказала я. – Я ведь не знала, что это запрещено – сорвать одно яблоко.

– Сорвать-то можно, да вот съесть нельзя.

– Почему?

– Да ведь Преображение только через два дня, как это можно яблоки есть? Тебе что, бабушка не говорила? Гостинчик-то мой вчера я нашла?

Я поняла, что передо мной «зеленый мастер» мать Лариса.

- Спасибо вам большое, мать Лариса, все было очень вкусно. Но можно я сейчас морковку есть не буду, а возьму с собой?

- Конечно! Кто ж ест до литургии?

- Понятно. А где сейчас все монахини, мать Лариса?

- А на службе.

- Я хотела увидеть мать Евдокию. А когда в обители кончается служба?

- Никогда не кончается. Ты разве не знаешь, что у нас после потопа идет служба неусыпная: спим, трапезуем и несем послушания по очереди, не прерывая церковной молитвы. Только в двенадцатые праздники мы все до вечера отдыхаем, да и тогда все равно читается неусыпаемая Псалтырь. Иначе нам, монахам, теперь жить нельзя: надо молиться день и ночь за весь мир. Такие времена!

Я осмелела:

- Ну, а вы почему же не на службе, мать Лариса?

- Я всю ночь на службе была, а сейчас вот овощи соберу, отнесу на кухню и опять пойду в церковь.

- А когда же вы спите?

- А чего особенно спать-то? Некогда нам, монахам, теперь спать. Сон - дурак, ему поддайся! Ну, я-то, грешница великая, бывает когда-никогда часок вон там, под грушкой, на лавочке вздремну, а то все больше, считай, на службе отдыхаю. Хор у нас так хорош, уж так хорош, ну и сама не заметишь, как заснешь под сестринское пенье... Райские, одним словом, песнопения.

- А на кровати вы что же, совсем не спите?

- Так и нет у нас в обители кроватей. Тесно, да и зачем они нам?

- Как?! И молоденькие послушницы, эти девочки, тоже не спят в постелях?

- Вот ведь ты какая непонятливая, Кассандра! Вот, скажем, война недавно закончилась. Третья мировая. Ты войну как себе представляешь? Там что, по всему фронту, кровати для солдат расставлены, подушечки взбиты? Не-ет! Солдат не снимает форму, не надевает на ночь пижамку и в постельку не укладывается, чтобы выспаться перед атакой, так? Вот и мы, воины Христовы, одежду на ночь не снимаем и в кровать не ложимся - мы службу несем. Так-то.

Теперь я поняла, почему в дороге мне ни разу не удалось подглядеть, как мать Евдокия засыпает или просыпается - она и не спала, дремала только, бедная.

- А ты молишься? Молитвенное правило вычитываешь? Молись, молись, Кассандра! Теперь уж мало времени осталось на молитву... - и сразу же, почти без перехода: - Где у нас кухня, знаешь?

- Нет.

- Сразу за гостиницей длинный такой сарай стоит, ступай к нему, а там по запаху кухню найдешь. Снеси-ка вот за послушание это ведерко матери Алонии, она ждет. А я на службу в

храм побегу, мне скоро часы читать.

«Ведро» оказалось огромнейшим ведром с овощами, сразу оттянувшим мне руку, но отказываться было поздно: вручив его мне, мать Лариса, не оглядываясь, засемила в сторону церкви с обрушенной колокольней, на ходу вытирая руки какой-то тряпицей. Я потащила свою ношу в указанном направлении – «за послушание».

Справа от домика, в котором я ночевала, стояло длинное полуразрушенное здание с высокими дверями – бывший каретный сарай или конюшня. Одна дверь была полуоткрыта, и оттуда вкусно пахло. Туда я поначалу и сунулась со своим ведром. Там я увидела монахиню, сидевшую за столом и скатывавшую в трубочки тонкие полоски янтарно-желтого теста.

- Здравствуйте. Это вы мать Алония? - Монахиня обернулась ко мне и закричала:

- Дверь! Дверь закрывайте, а то пчелы налетят!

Я испугалась, отступила и закрыла дверь. Но она закричала мне из-за двери:

- Да вы заходите, заходите, Саня! А дверь за собой закройте!

Я пошла и поставила на пол ведро, до боли оттянувшее мне руку.

- Что же вы испугались? Я не кусаюсь. Это пчелы кусаются. Они сюда летят на запах воска. А вы кого-нибудь ищете, Саня?

- Мать Алонию. Я ей овощи принесла от матери Ларисы.

- Мать Алония на кухне.

- А где у вас кухня?

- Кухня рядом, за стеной. Здесь свечная мастерская. А вы что, помогаете матери Ларисе?

- Ну да... Она попросила отнести овощи.

- Что это она вас уже гоняет? А сама она что делает?

- Пошла в церковь на службу.

- Понятно. Это хорошо, Саня, что вы сразу взялись помогать сестрам. Вот и ваша бабушка всегда так делала: придет – и сразу за работу. Передавайте ей привет от сестры Агнии. Не забудете? Перед отъездом зайдите ко мне: я приготовлю для Елизаветы Николаевны подарок – восковые свечи, она их любит. Вы ведь сейчас на литургию пойдете, так вот вам две свечки, поставьте за себя и за бабушку, – и мать Агния протянула мне две тоненькие восковые свечечки. Я взяла их, сунула в карман и пошла к дверям, а она сказала вслед: – только дверь за собой закрыть не забудьте, а то пчелы налетят!

Как же тут у них в обители налажена информационная служба – все монашки уже знают, кто я и откуда. Я подошла со своим ведром к соседней двери и приоткрыла ее.

- Здравствуйте. Скажите, кухня – это здесь?

Кухня была здесь. В углу топилась большая чугунная печь, на ней что-то шкворчало и пыхтело, вокруг витали разнообразные вкусные запахи, а возле стола стояла румяная пожилая

монахиня и большим ножом строгала кочан капусты. Я уже не удивилась, когда, подняв голову от стола, она ласково пропела:

- Здесь, здесь, Санечка! Проходите, дорогая! Вы хотите позавтракать?

- Нет. Я вам принесла овощи от матери Ларисы.

- Ах, вот оно что! А я уж, было, подумала, что вы хотите получить завтрак до литургии. Кто-то говорил мне, что вы человек совсем не церковный и порядков наших не знаете.

- Вам сказали правду. Я даже не знаю, что такое «литургия».

- Господи, бедная девочка! Ты что же, никогда не причащаешься? - от сочувствия она перешли на ты.

- Почему же? Я умываюсь, причёсываюсь, а душ обычно принимаю дважды в день, если я не в дороге, конечно.

Я почему-то решила, что слово «причащаться» каким-то образом связано с глаголом «чиститься».

Мать Алония всплеснула руками, едва не выронив нож, и уставилась на меня, а потом сокрушенно вздохнула и снова принялась за кочан, скрипевший под ее руками, как снежок зимой в бабушкином саду. Я на нее не обиделась за реакцию - она была такая домашняя, приветливая.

- Я говорю не о телесной гигиене, а о духовной. Что с детьми сделал Антихрист проклятый... - сказала она, покачав головой. - Хочешь морковки?

- Спасибо, у меня уже одна есть. Я пойду, не буду вам мешать.

Я поставила ведро поближе к столу и вышла за дверь.

Они меня принимают так сердечно из-за моей бабушки, но бабушка тут была как дома, а я себя в обители чувствую как в случайной чужой Реальности. Мне стало так грустно, что у нас с бабушкой есть целая область, где мы друг друга не понимаем. Конечно, монахини, которых я успела увидеть, все очень добрые, смешные и симпатичные, но стоят ли они такой любви, чтобы рисковать для них жизнью? Вот и дедушка мой погиб из-за монахов... Конечно, ни в какого Бога я никогда не поверю, но сейчас у меня есть возможность исследовать монашескую жизнь, которая так дорога бабушке, и понять самую суть монашества. А схожу-ка я в церковь!

Я уже поняла, что в обители две церкви: одна находится прямо в «башне», на первом этаже, и это в ней день и ночь читают какую-то таинственную «неусыпаемую Псалтырь», а вторая и главная помещается в полуразрушенном храме возле ворот. Туда потрусила мать Лариса, туда направилась и я.

От гравийной дорожки ко входу в храм вела каменная лестница с широкими ступенями, обитыми по краю узкими медными полосками до блеска протертыми ногами монахинь. Я поднялась по ней. Дверь храма была приоткрыта, оттуда доносилось негромкое хоровое пение. Я осторожно вошла и остановилась в темном проходе, откуда хорошо просматривалась внутренность церкви, а сама я оставалась в тени.

Окинув интерьер храма профессиональным взглядом, я поняла, что тут есть на что посмотреть.

Во-первых, с обеих сторон было по три прекрасных старинных французских витража: цветные изображения каких-то святых в круглых рамах, окруженных сложным орнаментом из зеленых виноградных листьев, лиловых ягод и золотых спиралей. Я поняла, что церковь эта очень старая, и, конечно, прежде она была католической.

Впереди, на возвышении, стояла высокая перегородка сплошь из икон больших внизу и маленьких в верхней ее части. От матери Евдокии я уже знала, что за этой стеной помещается алтарь – самое святое место храма. Иконами были завешаны и все стены между окнами. Темные колонны, шедшие по обеим сторонам храма, производили впечатление выпадающих из всего интерьера, но когда я присмотрелась к ним, я поняла, что это не колонны, а грубовато обтесанные светло-коричневые дубовые и темно-красные тисовые столбы, подпиравшие провисший потолок. В передней части храма стояли высокие медные подсвечники, полные горящих свечей. Наверное, это от них по всему храму плавали струи сладкого и немного удушливого дыма.

Между колоннами и стенами стояли рядами странные кресла: у них были спинки выше человеческого роста, короткие ручки и узкие откидывающиеся сиденья. Между ручками кресел, опираясь на них, стояли монахини, но некоторые сидели, опустив дощечки-сиденья.

Я не пыталась вслушаться в то, что читала высоким голосом стоявшая впереди молоденькая послушница по заметила, что язык был похож на искаженный русский. Мне надо было пройти вперед и поставить на подсвечник свечи, подаренные мне матерью Агнией, но как-то трудно было решиться – а вдруг все монахини станут смотреть на меня? Иногда из боковой двери в передней стене выходил чернобородый служитель, что-то говорил приглушенным басом, и тогда все монахини кланялись, и я тем более не решалась тронуться с места – уж очень важен и грозен он был на вид. Справа от входа стоял небольшой столик, заставленный свечами, за ним сидела пожилая монахиня и поглядывала на меня ободряюще: проходите, мол, вперед! Но я так и стояла со свечками в руке, пока не почувствовала, что воск начал таять и липнуть к пальцам, только тогда я решилась и прошла вперед, к ближайшему подсвечнику.

Монахини и вправду поворачивали головы и смотрели на меня, но смотрели приветливо, некоторые даже слегка улыбались. Я кое-как зажгла свои свечи и укрепила их на подсвечнике, а потом быстро вернулась на прежнее место у дверей.

Воздух в храме, полный незнакомых запахов, был одновременно тяжелым и разряженным, как высоко в горах. У меня кружилась голова и теснило в груди, и минут через двадцать я уже с трудом держалась на ногах. Кончилось долгое чтение, хор запел что-то жалобно-торжественное, и я решила, что теперь могу с чистой совестью выйти на свежий воздух и продолжить свое церковное самообразование уже за дверями храма. Я вышла, села на ступеньке лестницы и действительно дослушала всю службу до самого конца: мне нравилось пение хора. Потом из дверей выбежала сестра Дарья и стала звонить в колокол, а вскоре и все монахини одна за другой стали выходить из церкви. Проходя мимо меня, они улыбались, кланялись и протягивали мне кусочки белого хлеба. Отказываться было неловко, я их брала и складывала в карман. Последней вышла мать Евдокия.

– Благословите! – весело сказала она. Я не поняла, как это я должна ее «благословить», и поэтому ответила простым «добрым утром». Она тоже протянула мне кусочек хлеба.

– А что это за хлеб, мать Евдокия?

– Это святой хлеб – просфора. А знаете, из чего мы печем просфоры?

- Из теста, надо полагать.

- А тесто из чего делаем? Муки сейчас нигде не купишь ни за какие деньги. На заводах по выпуску хлеба в одном конце конвейера насыпают зерно, а на другом снимают готовые булочки. Открою вам нашу монашескую тайну: тесто мы делаем из макарон. Мы заливаем их теплой водой и так оставляем на сутки, и получается тесто. Из него мы печем просфоры, без которых невозможно совершать литургию. А без литургии нет ни Церкви, ни монашества. И вот уже почти семь лет ваша бабушка снабжает нас макаронами.

- Вот так новость! А я-то удивлялась, почему монахи так любят макароны? Вау! Вот если бы старый ди Корти узнал про этакое кощунство!... Мать Евдокия, а что это за странные высокие кресла стоят у вас в церкви?

- Это формы, или стасидии. Это к нам пришло от греческих монахов с Афона.

- Каких только неудобств ни изобрели для себя монахи! А что такое «литургия»?

- А вот останетесь с нами подольше и, даст Бог, узнаете.

- Я не могу задерживаться, мне надо поскорей ехать назад. Я очень волнуюсь за бабушку. А бабушка, между прочим, волнуется за меня!

- К сожалению, вам придется немного задержаться, Сандра. Дядя Леша осмотрел джип и сказал, что тормоза не в порядке и мотор надо почистить.

- Что это у нас за дядя такой в вашей женской обители? Мне уже про него сестра Дарья говорила.

- Он был на литургии, но уже ушел из церкви, и то я бы вас сейчас познакомила, и он бы вам сам все сказал по поводу джипа. Но я вам расскажу, кто он такой, поскольку это имеет отношение к вашей бабушке. После того, как ваш дедушка погиб, спасая афонских монахов, она стала приезжать к нам надолго, иногда на несколько месяцев, а порой жила безвыездно по году и больше, особенно когда вы стали жить с вашей матерью. Чтобы иметь свой уголок в обители, по благословению матушки Руфины, Елизавета Николаевна нашла где-то хорошего строителя, который перестроил для нее старый садовый домик. По ходу дела оказалось, что он не только строитель, но еще и механик, печник, шофер, водопроводчик, электрик, кровельщик и много-много чего другого, всего не упомяну, - и все это в одном лице. Однажды кто-то шутя сказал, что дядя Леша только шить не умеет, а он ответил: «Почему это я шить не умею? Умею! Руками моей жены Ларисы Петровны...» - и он привез к нам свою жену, Ларису Петровну, Лару, которая оказалась не только замечательной портнихой, но и большой молитвенницей. Их дети к тому времени уже были взрослыми и жили отдельно, ну они и остались в нашей обители трудниками. А ко многим специальностям дяди Леша со временем прибавилась еще одна: он стал прислуживать в алтаре, а потом и дьяконом стал.

- А, так это он таким басом гудел во время службы?

- Он, он! Но только кончается служба - он стихарь на вешалку, удочку на плечо и на рыбалку. Но он у нас, конечно, не только рыбку ловит, на нем много чего держится. Без дяди Лешиних золотых рук мы, наверно, не смогли бы остаться в обители после всех разрушений. Это он отремонтировал уцелевшие помещения, поднял провалившуюся крышу и храм и даже водопровод возобновил. А вот он идет! Уже успел снять стихарь и взять удочки... Благословите, дядя Леша! Вы на рыбалку?

- На рыбалку, мать Евдокия, благословите! Хочу рыбки наловить для дорогой гостьи.

К нам подошел чернобородый дядя, которого я видела на службе, только теперь на нем был не парчовый балахон, а выдавший виды замасленный комбинезон, и на плече он нес какие-то тонкие длинные палки с намотанными на них не то проволочками, не то нитками.

- А это и есть внучка Елизаветы Николаевны? Вся в бабушку - такие же озорные глазенки! Ну, здравствуй, Кассандра!

- Здравствуйте, дядя Леша. Послушайте, мне срочно надо ехать домой. Скажите, я действительно не могу выехать на моем джипе?

- Почему же? Выехать можешь. Запросто.

Я обрадовалась и бросила торжествующий взгляд на мать Евдокию. Но дядя Леша продолжал:

- Выехать-то ты можешь, а вот до дома навряд ли доедешь: при первой же возможности машина наглухо встанет. Чинить надо и мотор, и тормоза.

- И надолго этот ремонт затянется?

- А это уж как Бог даст и как игуменья благословит. Да тебе чего горевать? Через два дня Преображение, Спас Яблочный: отпразднуешь с нами, а там я почию твой джип, и поедешь обратно. Отличная у твоей бабушки машина! Я ее хорошо знаю, так что за неделю всяко управлюсь. Да ты что скисла-то? Будет скучно, приходи на пруд, научу тебя рыбу ловить.

- Вы что, ловите рыбу в Европейском море?!

- Да нет, зачем? У нас свой пруд есть, монастырский. Прямо за лесной иконой дорогу видала? Вот иди по ней и придешь к пруду. Учти только, что купаться в нем нельзя - мы из него воду берем. Пока, не скучай!

Вот так и получилось, что я должна была задержаться в обители на неделю, а за неделю много чего произошло...

Глава 12

Я смирилась с вынужденной задержкой и неплохо проводила время, благо на острове почти все время стояла прекрасная погода: легкая дымка, всегда прикрывавшая его сверху, пропускала и тепло, и солнечный свет, делая воздух в обители чуть золотистым. Я гуляла в парке, немного помогала матери Ларисе на огороде, а мать Агния научила меня «катать» свечи, и у меня это неплохо получалось.

Неожиданно для себя я увлеклась рыбалкой. Дядя Леша научил меня ловить рыбу на удочку и копать червей. В монастырском пруду рыбы было не так много, как в бабушкином, где она только что из воды не выпрыгивала, когда я подходила к берегу с кормом. Здесь же за час ужения можно было при большой удаче вытащить две-три рыбки, но тем интересней было ловить. Рыбу эту можно было есть, потому что пруд не сообщался с водами, окружавшими остров. Из него же по трубам качали насосом воду для питья и хозяйственных нужд. Мне нравилось, поймав нескольких карпов, торжественно нести их на кухню матери Алонии, чтобы все видели, что и я не дармоедка! Вот только насаживать червяков на крючок моей удочки приходилось просить дядю Лешу - бр-р-р! Мне нравилось ловить рыбу именно на удочку: у бабушки я это делала сачком, но это было все равно что спуститься в подвал и взять с полки

банку рыбных консервов - ни куражу, ни азарта. Дядя Леша мне даже выделил удочку в личное пользование. Это случилось после того, как я попробовала половить рыбку его особенной удочкой - «спиннингом». На этой удочке была катушка и на ней - очень длинная «леска», прочная искусственная нить с крючком на конце. Вот эту леску, неудачно размахнувшись спиннингом, я так запутала в прибрежных кустах, что пришлось ее обрезать, после чего я и получила собственную удочку.

Познакомилась я и с женой дяди Леша. Как-то я шла из парка и увидела, что возле часовенки с иконой Божией Матери стоит Лара. Я подумала, что она молится, и приостановилась, чтобы не мешать. На плечах Лары была теплая шаль, связанная из толстых ниток того же серо-золотистого цвета, что и доски часовенки. Она что-то шептала маленьким полным ртом, и лицо у нее было светлое и спокойное. Я подумала, как они славно смотрятся вдвоем, часовенка и Лара, и как похожи друг на дружку - обе очень русские на вид, обе золотистого цвета и светятся изнутри. Я все-таки подошла и сказала:

- Здравствуйте. Вы - Лариса Петровна, жена дяди Леша, а меня зовут Кассандра.

- Я знаю. Здравствуйте, Саня. Гуляете по нашему парку?

- Да. Я увидела, как славно вы стоите тут с часовенкой друг против дружки, и решила подойти. Не помешала?

- Нет, я уже помолилась. Я часто сюда прихожу читать акафисты Божией Матери, это мое любимое место для молитвы.

- А знаете, Лариса Петровна, вы с этой часовенкой чем-то похожи, только что иконы внутри вас нет.

- Есть внутри икона, - сказала Лара и положила руку на живот. - Все равно все знают, так уж я и вам скажу: мы с Алексеем ребенка ждем. Это так странно и неожиданно, ведь я уже давно бабушка. Но после потопа мы все помолодели, вот и случилось такое маленькое чудо. Так что есть, есть у меня внутри иконка!

- Вы имеете в виду будущего ребенка?

- Почему будущего? Он уже существует. Он все слышит, все понимает, вместе со мной молится и радуется, когда я причащаюсь. Я это точно знаю. Кто-то из святых сказал, что лицо всякого человека - икона, раз мы созданы по образу и подобию Божию. Так уж я думаю, что личико ребенка тем более икона. Это вы замечательно сказали, Саня, что беременная женщина похожа на часовенку с иконой внутри. Видно, вы глубоко верующий человек, раз вам такие вещи открываются. Ничего, что я вас зову попросту Саней?

- Хорошо!

- А вы меня Ларой зовите, как все.

- Хорошо.

- А что это вы ходите в брюках? В монастыре это не принято. Хотите, я на вас перешью какой-нибудь старый подрясник?

- Хорошо.

- Что это вы все «хорошо» да «хорошо»?

- Мне хорошо на вас смотреть, вот почему. Знаете, Лара, я ведь впервые в жизни вижу женщину, которая ждет ребенка. Никогда не думала, что это выглядит так красиво!

- Ну да, в миру это теперь не часто встречается. Так приходите ко мне в мастерскую, я вас приодену.

Я с радостью приняла приглашение – мне хотелось сблечь мой шелковый дорожный костюм. Лара за один день перешила на меня чей-то старый серый подрясник и даже нашла к нему какой-то серый шнурок вместо пояса. Когда я вышла из ее мастерской в этом приличном для обители одеянии, матушка игуменья и сестры его весьма одобрили. Сестра Дарья еще дала мне белый платочек, потому что и обители не принято ходить с непокрытой головой. Теперь издали меня, наверно, можно было принять за послушницу. Вот бы бабушка поглядела! В таком смешном виде я расхаживала по обители и совала свой нос куда можно и куда нельзя.

Первым делом я, конечно, обследовала парк. Оказалось, что основная дорога, которая шла от лесной часовенки, ведет к дому отца Александра, священника обители. Дом, вернее домик, был двухэтажный, но совсем крошечный и с нахлобученной по самые окна темной от старости черепичной крышей. Стены его были выложены из камня, скрепленного дубовыми балками, – это был настоящий старинный французский дом. Отец Александр вел все службы в церкви и был духовником обители, но большую часть времени проводил одиноко в своем домике за чтением книг.

Если свернуть от дома отца Александра направо, можно было дойти до еще одной церкви – лесной. Это было удивительное место: тут ровным кругом стояли старые каштаны, и стволы их были похожи на сохранившиеся колонны разрушенного круглого храма, а посередине была ровная поляна, покрытая плотным ковром густого зеленого мха. На поляне лежала груда камней, служившая основанием высокому деревянному кресту. Сестры сказали мне, что несколько камней к подножию креста были привезены паломниками из Иерусалима. На плоском камне иногда горели свечи, а в большом глиняном кувшине, стоявшем прямо на земле, заботами матери Иоанны всегда были темно-красные розы. На каждом стволе-колонне висела одна или две иконы, вырезанные на деревянных досках, керамические и медные. Еще тут стояла скамейка, и я иногда видела, как сестры приходят сюда помолиться в уединении.

Еще одно потаенное местечко в парке мне очень нравилось – это был небольшой бассейн с холодной и необычайно чистой, прямо-таки хрустальной, водой. Вода в нем постоянно была свежа, потому что через него протекал родничок, бивший из-под высокого камня. И, конечно, на камне тоже был установлен крест, а на кресте висела иконка Божией Матери. Этот бассейн мне показали сестры. Они приходили сюда купаться после работы и уверяли, что источник святой, а потому и вода в купальне святая и целебная. Не знаю, так ли это, но мне тоже понравилось окунуться с головой в этом «святом бассейне». При этом я всегда вспоминала дедушкино лечение в долине Циллерталь.

Я познакомилась с хозяйкой «поющего кедра». Монастырская иконописица мать Анна в миру, то есть в нормальной жизни, была художницей и скрипачкой. Сестра Дарья шепнула мне, что у нее было громкое имя в музыкальном мире и большое состояние, но она вдруг все оставила и решила стать монахиней. Интересно, что случилось это задолго до того, как музыкальные инструменты отошли в прошлое и в Реальность, а в мире осталась царить компьютерная музыка. В монастырском саду стояла старинная полуразрушенная оранжерея, мать Анна восстановила ее за свой счет. В бывшей оранжерее были огромные окна, и в ней устроили иконописную мастерскую. Внутри дядя Леша соорудил для нее антресоли с лесенкой, и там у

нее была келья, которую сестры прозвали «скворечником». Матушка не запрещала ей играть у себя в мастерской и в парке и даже разрешала давать для сестер и паломников маленькие концерты. Она же преподавала музыкальную грамоту послушницам.

Познакомившись с матерью Анной, я сразу же кинулась ее расшифровывать:

- Мать Анна, признайтесь, вы играете на скрипке, чтобы отдохнуть от непрерывной молитвы?
- Вовсе нет! У нас почти у всех есть какие-то свои маленькие привязанности, свои привычки. Одной нравится одно, другой – другое. Мать Наталия, например, любит птиц и домашние цветы, сестра Дарья – кошек, а матушка – детей. Важно только, чтобы невинные маленькие радости не превращались в большие страсти.
- А музыка не отвлекает от молитвы.
- Смотря какая музыка. В музыке, как и во всем, Бог либо присутствует, либо отсутствует, но тогда, сами понимаете, присутствует некто другой. Все может стать частью вашей личной молитвы – и работа в саду, и простая прогулка на природе, и уход за больными, и игра на скрипке – да все на свете!
- Вы хотите сказать, что копая грядки или вынося горшки за больным можно одновременно молиться Богу?
- Нет, не это. Конечно, за любым делом можно и должно молиться, но я говорю о другом. Любое занятие человека может быть так пронизано сознанием Божьего присутствия, настолько посвящено Богу, что само становится молитвой и без оформления в конкретные молитвенные слова. Я всегда старалась, чтобы моя игра на скрипке была именно такой молитвой. Поиграть для вас?

И она играла для меня. Больше всего мне нравилось слушать ее не в иконописной, а под окном, сидя на земле и прислонясь спиной к теплomu, пахнущему смолой стволу кедра. Его, кстати, тоже когда-то посадила мать Анна. Я не спрашивала, сколько ей лет, но по ее умным глазам было видно, что намного больше, чем кажется.

Часто, сидя под кедром и слушая скрипку, я наблюдала, как на грядках трудится мать Лариса, а пасечница мать Лаврентия возится с ульями, стоящими под грушами. Пахло яблоками, гудели пчелы. Я чувствовала во всем некое незримое присутствие, ощущаемое как легкий световой ветерок. Мне даже приходило в голову, что, может быть, это и есть то, что мать Иоанна называет Божиим присутствием? Но я, конечно, понимала, что скорее всего на меня просто действует хороший микроклимат острова и позитивная психологическая обстановка, в первую очередь, доброта и радушие сестер.

Мать Лаврентия, довольно молодая монахиня, хотя кто их тут разберет, удивляла меня тем, что совершенно не боялась пчел. Я рассказала ей, как меня укусила пчела, и спросила:

- А вас пчелы никогда не кусали?
- Нет. Если их не пугаться и не пугать, они не жалят. И ни одну нашу сестру они никогда не кусали. Может быть, это потому, что пчелки тоже Бога знают, Создателя славят.
- Пчелы верят в Бога?!
- Конечно. Все Божии творения знают Бога, своего Творца и Хозяина, но пчелы особенно.

- Ну, это вы говорите потому, что вы с ними работаете и любите их.

- Вовсе нет. Хотите, покажу вам, как пчелки молятся Богу? Приходите завтра в сад рано-рано утром, когда они только готовятся вылететь из улья, и увидите своими глазами.

Конечно, я ей не поверила, но мне стало любопытно, и на другой день я вышла в сад на рассвете. Мать Лаврентия ждала меня возле ульев. Она подвела меня к одному из них и осторожно сняла боковую стенку: под деревянной стенкой оказалась стеклянная.

- Уже готовятся. Ну, смотрите! - она за руку притянула меня к стеклу. Я присела на корточки и заглянула внутрь улья. Когда мое зрение приспособилось к полумраку, я увидела янтарную поверхность сота, а на нем, посередине, - вылепленный из воска маленький выпуклый крестик. Пчелы окружили его плотным трепещущим кольцом, повернув головки к центру - к кресту.

- Зачем это вы для пчел крест вылепили, мать Лаврентия?

- Мы и не притрагивались к нему - это пчелки сами себе устроили, это их церковь. Смотрите, что дальше будет!

Пчелы по очереди приближались к кресту, прикасались к нему головками, будто целуя, а потом отодвигались в сторону, уступая место другим.

- Что это они делают?

- Поклоняются кресту и прикладываются к своей святыне перед вылетом на работу. - и она сама благоговейно перекрестилась.

Приложившись к крестику, пчелы ползли к отверстию в передней стенке улья и выбирались через него на маленькую полочку, прикрепленную к улью снаружи, а уже с нее взлетали и летели по своим пчелиным делам. За пыльцой и медом, надо полагать.

- Не будем их больше тревожить, - сказала мать Лаврентия, закрывая стекло деревянным щитком.

- Выглядит трогательно и даже торжественно. И что же все это значит? - спросила я, когда мы отошли от необыкновенного улья.

Мы присели на скамеечку матери Ларисы под грушей, и мать Лаврентия повела рассказ:

- Это было вскоре после потопа. Раньше у нас были пчелы, но они все погибли во время наводнения и бури: она началась ночью, а пчелки спали и не могли спастись. Долгое время у нас совсем не было пчел. Потом откуда-то к нам прилетел молодой рой, мы его поймали и устроили первый улей - тот самый, в который мы сейчас заглядывали. Вскоре все и случилось. Отец Александр причащал как-то мальчишку, который до этого никогда и в церкви не был. Бабушка с дедушкой тайно от родителей привезли его в монастырь. Мальчишка был дурной, некоторые говорили, что даже бесноватый: он причастие не проглотил, а вырвался от бабушки, выбежал из храма и выплюнул частицу на ступеньку лестницы. Бабушка вышла за ним, увидела это, ужаснулась и растерялась. Она не знала, что надо делать и решила дожидаться конца службы, чтобы сказать об этом несчастье отцу Александру. Сама она в этот день к причастию не готовилась и по старческой слабости выпила перед службой стакан молока, поэтому она побоялась сама поднять выплюнутую внуком частицу и принять ее. У нее с собой был молитвослов; она взяла его, раскрыла и поставила домиком над частицей, чтобы никто случайно не наступил, а сама пошла в храм. Подойдя к кресту после литургии, она рассказала

отцу Александру, что натворил ее внук. Батюшка испугался и выбежал из храма, а старушка – за ним. И что же они увидели? Над раскрытым молитвословом роем вились пчелы: они залетали под него одна за другой, а потом вылетали с другой стороны и летели на пасеку. Отец Александр хотел их отогнать, замахал на них руками, подбежал к молитвослову, чтобы его поднять и взять частицу. Но когда он поднял молитвослов, на ступеньке ничего не было – пчелы уже успели все унести к себе в улей. Мы все со страхом думали об этом происшествии, а бедная старушка боялась приезжать к нам в обитель, пока матушка Руфина не написала ей, чем кончилось это происшествие. Когда подошел Медовый Спас и настало время вынимать соты, мы сняли крышку с улья и увидели, что пчелки всю ту частицу перенесли по крошке, собрали посреди сота, покрыли ее тонким слоем воска и вылепили вокруг крестик из самого светлого воска. Матушка приказала этот сот вернуть пчелкам и больше никогда из улья не вынимать. Потом дядя Леша сделал новый улей, со стеклянной стенкой, и этот сот вместе с пчелами перенесли туда, чтобы все могли видеть, как пчелы поклоняются Христу.

Я понимала, что всему рассказанному матерью Лаврентией должно быть какое-то разумное объяснение, но мне ничего не приходило в голову: если это чудо, то какое-то оно уж очень простодушное, прямо на детей рассчитанное. Но «пчелиную церковь» я видела своими глазами, да и не верить монастырской пасечнице я не могла. Я просто поблагодарила мать Лаврентию и пошла гулять в парк.

Перед самым Преображением я помогала сестрам собирать яблоки в саду и украшать храм. Надо сказать, что мне нравилось в храме, но только тогда, когда там не было службы. Очень хороши в нем были иконы, витражи и лепнина. А вот богослужения мне не нравились, несмотря на прекрасное монашеское пение – они меня очень утомляли, можно сказать, изнуряли духовно и физически.

За день до праздника матушка Руфина спросила меня:

- Санечка, мать Евдокия говорила, что вы мастер по интерьерам. Не хотите ли помочь сестрам украсить храм к празднику Преображения Господня? Как вы на такое послушание смотрите?

«Послушание! Вот бабушка обрадуется, узнав, что я исполняла в обители конкретное послушание!» Конечно, я немедленно согласилась. Я даже благословила, подсмотрев, как это делают сестры: сложила руки ковшичком и, склонив голову, произнесла со всей кротостью, на какую только была способна:

- Благословите, матушка!

И хотя в моем голосе явно звучали дурашливые нотки, игуменья меня благословила, то есть сказала: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и перекрестила мою склоненную голову. Тут надо было бы поцеловать ее благословляющую руку, но уж на это меня не хватило, извините! Я просто клюнула носом в ее пухлую ручку и отошла страшно довольная собой. Нет, бабушка точно не поверит!

Для начала я посоветовалась с матерью Евдокией.

- Как вы обычно украшаете церковь к этому празднику?

- Плетем венки из цветов на иконы. Ваша бабушка иногда делала гирлянды на иконостас.

- Тоже из цветов?

- Из цветов и листьев.

- А если сделать гирлянды из зелени и фруктов, ведь это праздник, когда освящаются фрукты?
- Гм... Этакое рококо...
- Барокко, мать Евдокия, барокко. Буше, Фрагонар...
- Какие имена! Неужели вас так серьезно учат?
- Да что вы, мать Евдокия! Это уж я потом поднабралась из бабушкиных видеофильмов по искусству. Я еще когда-нибудь до ее альбомов доберусь, тогда и вовсе выйду в приличный класс реалистов.
- Что же мешает вам их изучать? У Елизаветы Николаевны действительно замечательное собрание книг и альбомов по искусству.
- А мешает мне, мать Евдокия, брезгливость - все они напечатаны на бумаге и к ним прикасалось множество рук.
- Это вы-то брезгливая? Меня выворачивало, когда вы мыли джип после схватки с муреной, а вы мне будете рассказывать, что боитесь замарать пальчики, прикасаясь к книгам. Не морочьте мне голову, Санечка! Это вам в школе вбили в сознание, чтобы ограничить для вас возможность получения неконтролируемой информации: книг на земле осталось еще так много, что даже специалисты-варвары из Всемирной Реальной Библиотеки не могут их все изуродовать. Поразмышляйте об этом, когда будет время.

Составив план работы, я обратилась за помощью к дяде Леше:

- Вы могли бы срубить для меня в лесу два хорошеньких деревца?
- Только с разрешения матери Натальи!
- Она разве занимается парком? Я считала, что только библиотекой и птицами.
- Если она услышит, как в лесу раздастся топор дровосека, то немедленно прибежит и грудью встанет под топор, защищая обиженное дерево. Она тут у нас защитница природы номер один. А тебе зачем деревья губить понадобилось? Дров тебе в обители не хватает?

Я объяснила ему, что я придумала для праздничного украшения храма и для чего мне нужны деревца.

- Ну, мы найдем выход: сделаем так, что и ты будешь довольна, и деревья в парке целы, и мать Наталью не огорчим.

Он взял небольшой топор, веревку с крюком на конце и повел меня через парк к самой трясине. Там в черной воде стояло множество сухих мертвых деревьев.

- Выбирай любые.

Два деревца, стоявшие на самом краю трясины, показались мне подходящими. Я указала на них дяде Леше:

- Вот это и это!

Он взял веревку с крюком, раскрутил ее конец и накинул его на ствол деревца в том месте, где

расходились нижние сухие ветви. Он потянул, деревце наклонилось к берегу, и трясина выпустила его корни с противным чмоканьем. Дядя Леша топориком отрубил мертвые черные корни, двумя взмахами топора заострил нижний конец ствола, и получилось то, что мне было нужно. Таким же образом он вытянул из трясины и обработал второе сухое деревце.

Мы воткнули оба ствола в землю перед входом в церковь. Потом я нарезала длинных ветвей уже начавшего краснеть дикого винограда и обвила ими сухие ветки. Дядя Леша дал мне целый моток тонкой проволоки: ею я привязала к веткам множество коротко срезанных цветов, а между ними прикрепил к веткам яблоки, груши, виноградные кисти и сливы – синие и желтые, теперь перед храмом стояли два волшебных деревца.

А мать Наталья и в самом деле пришла проверить, не погубила ли я живые деревья. Убедившись, что они сухие, она нежно сказала им:

– Видите, как вам повезло, дорогие... У вас судьба сложилась даже счастливее, чем у рождественских елочек: вас пригласили украсить храм Господень. Служить Создателю и после смерти – что может быть лучше...

Когда она это приговаривала, поглаживая старческой рукой сухие стволы, у нее в глазах стояли слезы. Самое смешное, что у меня, кажется, тоже...

Еще я сплела длинные гирлянды из винограда, плодов и цветов, которые дядя Леша повесил на иконостас, и сделала такие же веночки для украшения икон. Взглянуть на мою работу пришла мать Евдокия.

– Фра-го-нар! – одобрила она.

Праздник Преображения начался еще накануне вечером. Монахини и паломники отправились на службу, которая называется всенощной и длится всю ночь, переходя утром в праздничную литургию. Всенощную я проспала – очень устала, украшая храм, но на литургию утром явилась, чтобы полюбоваться делом своих рук. Я принарядилась к празднику: сняла изрядно запачканный подрясник и соорудила себе юбку из бабушкиной скатерти в красную клетку. Ничего получилась юбочка, только сбоку пришлось заколоть ее булавками, которые мне одолжила Лара. Еще я надела теплый свитер, потому что в церкви по утрам было прохладно.

Вел службу отец Александр, с которым я еще не успела познакомиться. После литургии он сказал целую речь, причем не на церковном языке, которого я не понимала совершенно, и даже не на русском, а на планетном. Он говорил о значении праздника Преображения, и тут я мало что поняла, но вот конец его выступления меня насторожил. Отец Александр сказал:

– В середине прошлого века святой праведный Иоанн Шанхайский [5] предупреждал о том, что последние времена приближаются. Мало кто его тогда услышал. Еще через двадцать лет святой Серафим Платинский [6] написал грозные слова: «Сейчас уже намного позже, чем вам кажется». Мы не поняли и этого предупреждения. Святой мученик Иосиф, хранитель Иверской-Монреальской мироточивой иконы Божией Матери [7] говорил, что икона явилась, чтобы укрепить православных перед последними испытаниями, а мы думали, что не доживем до них. А вот и дожили, и видим теперь, что все, о чем предупреждали Святое Писание и Святая Церковь, о чем твердили наши святые, жившие рядом с нами, – все это стало сбываться на наших с вами глазах. Но мир не верил и не верит до сих пор. Было сказано, что на рубеже тысячелетий миру будут явлены уже не признаки конца света, а его первые события – и мир их увидел, но не понял. Произошли освобождение России от сатанинского ига и ее христианское

возрождение, предсказанные русскими святыми – Серафимом Саровским, Иоанном Кронштадтским, оптинскими старцами. Эти духовные события обозвали глупейшим словом «перестройка» и сосредоточили внимание на политических и экономических преобразованиях в России. Гражданскую войну в Америке долго замалчивали, а за взрывы своих партизан, с одобрения и при участии государств-союзников, громили террористов на другом конце света. Третья мировая война начиналась незаметно в разных точках земного шара, а мир говорил о единении и мире, как и было сказано в Писании. И вот пришел Антихрист, и его признали Мессией. Начали ставить печати Антихриста. Уже и школьник должен был бы понять, что происходит то, о чем ясно сказано в Апокалипсисе, написанном любимым учеником Христа. Но приняли люди эти печати, и живут с ними, и прославляют своего Лжемессию. Пришло страшное время, когда Церковь уже почти ничего не может сказать миру; потому что мир ее не услышит. Мир сам избрал свою участь. Как некогда Адольфа Гитлера в Германии, одного из предтеч Антихриста, так и Лжемессию мир избрал на правление добровольно, так называемым демократическим путем. И вот лежит вокруг нас этот страшный и несчастный мир: мир закодированный, мир зомбированный, через печать связавший каждого человека напрямую с Антихристом. Что же осталось нам, православным? Время проповеди Евангелия Господа нашего Иисуса Христа закончилось. Мир нас больше не слышит и не услышит. Кроме отчуждения и ненависти, мы ничего от него уже не получим. Что же нам делать, спросите вы? А вот что. Самим Господом нам завещано при конце света прекратить свидетельство – и «бежать в горы». Так сказано в Святом Писании. Аминь.

Я стояла на своем обычном месте у дверей, зажав в кулаке большой палец правой руки с персональным кодом. Мне казалось, что тускло мерцающая пятиугольная пластиночка на мякоти моего большого пальца загорится на всю церковь, если я разожму кулак. Кстати, она действительно горела и пульсировала так, что правая рука зудела до самого локтя. Это происходило явно от внушения отца Александра, потому что вообще-то персональный код почти не ощущается – только легкий зуд, когда прижимаешь палец с кодом к считывающему устройству. Может быть, и бабушкины прежние нападки на антихристову печать сыграли свою роль: я с первых дней пребывания в обители заметила, что когда я захожу в церковь, правый большой палец начинает покалывать.

В церкви было очень много народа, поэтому, когда все встали друг за другом и пошли гуськом к стоявшим рядом матушке и отцу Александру, чтобы получить из их рук освященное яблоко, этот символ праздника, я тоже пошла со всеми.

Отец Александр уже знал, кто я такая; когда я подошла к нему с последними паломниками, он вручил мне яблоко, не протягивая ни креста, ни руки для поцелуя – монашки и паломники целовали то и другое – и шепнул:

– Спаси вас Господи за прекрасное украшение храма. Такого у нас еще не было.

Я не знала, что сказать ему в ответ, слегка поклонилась и отошла. Но не скрою, мне было очень приятно. Потом мы все пошли на праздничную трапезу, устроенную прямо в саду за длинными столами.

Я сидела за столом с паломниками. Паломники – это люди из нормального мира тайно хранящие православие. По традиции они стремятся попасть в монастырь на праздники, а Преображение – один из самых больших. Мужчины были одеты в стандартные зеленые костюмы. Женщины тоже приехали в зеленом, но у каждой оказалась с собой юбка и платок на голову. Юбки и платки были старенькие, скромные, и было видно, что вольная одежда надета этими женщинами не для того, чтобы покрасоваться и погордиться ею, а по традиции.

Паломники приехали рано утром, когда был низкий прилив. Дядя Леша встречал их на мобиле возле указателя на Жизор и вел через подводную дорогу. Каждый раз он приводил за собой несколько мобилей, в которых сидели по пять-шесть паломников, и сделал он три такие поездки. В общем, народу хватало и на службе, и за длинными столами в саду: я и не подозревала, что в Европе столько православных.

На обед сестры подавали поразительно вкусные картофельные котлеты с грибным соусом и суп из овощей, который называется «борщ». Бабушка тоже иногда его варила, но монастырский показался мне вкуснее. И, конечно, яблок груш, слив и винограда было вдоволь – столы просто ломились от фруктов.

После Преображения мне стало гораздо легче общаться с сестрами: своим участием в украшении храма я как бы заявила, что я им не совсем посторонняя и готова помогать обители не только по поручению бабушки, но и по своей доброй воле. Для меня это было важно, потому что я не переставала приглядываться к монахиням, старалась понять, почему моя бабушка их так любит? Любовь эта была взаимной: они всегда вспоминали о ней тепло и уважительно, с благодарностью за помощь, которую она оказывала монастырю многие годы. А мать Натальи как-то похвалила мой русский язык и сказала, что бабушка хорошо меня ему обучила. Она даже сказала, что я говорю по-русски не хуже сестер, приехавших в монастырь из России: «У вас прекрасный литературный русский язык!» – и только удивлялась тому, что я не прошу у нее книг для чтения из монастырской библиотеки. Я постеснялась сказать ей, что с детства не брала в руки ни одной книги и брать не собираюсь.

Не могу сказать, что, приглядевшись к монахиням, я тут же воспылала к ним любовью. Точнее будет сказать, что они вызвали у меня безграничное удивление и уважение. Во-первых, монашки всегда были спокойны и веселы, и это меня поражало: нищета, разруха, непонимание со стороны общества, можно сказать, всего человечества, постоянные угрозы и преследования со стороны властей – а они все чему-то радуются! В этом был свой героизм. Во-вторых, они были внешне очень красивы, все до одной – молодые и старые. Их заплатанные подрясники, перехваченные грубыми, почти солдатскими ремнями, выгорели от старости и стирки, были покрыты заплатами, но ни одна из красавиц моей рыцарской реальности не выглядела так аристократично, как любая из монахинь. При этом было совершенно очевидно, что сами они об этом даже не задумываются.

Удивляло их отношение друг к другу и к людям вообще. Отличаясь какой-то патологической не заботливостью о себе, монахини всегда были готовы к ласке и заботе, если это касалось других. Наблюдая за ними, можно было представить себе, что их Бог изливает на каждую монахиню поток Своей Любви, а она не задерживает его в себе, не копит, а дает ему изливаться через себя на других. Этакое ходячие трансформаторы Божией Любви: получают сверху и тут же распространяют во все стороны. В результате в обители создавалось прямо-таки физически ощущаемое поле Любви. Вот поэтому, думала я, и стремятся сюда паломники. Интересно, что же тут было прежде, когда монастыри не были под запретом? Наверное, христиане так и слетались сюда за этой энергией любви, а потом растаскивали ее по всему свету.

Еще одно наблюдение касалось уже проблемы секса, которая еще недавно меня так тревожила. Все монахини казались мне красивыми, но были среди молодых и настоящие красавицы, даже по самым строгим эталонам Реальности. Но в их лицах не было ни сознания своей красоты, ни желания нравиться. Они были как-то по-особому чисты: не отмытые, а изнутри чистые, как бы вообще не тронутые душевным тлением, не ведающие житейской грязи.

Из наблюдения за моей матерью и ее подругами я вынесла убеждение, что плотская любовь и

страсти всегда оставляют на лицах женщин признаки увядания, болезненности и какой-то скрытой психопатии иногда едва заметной, но все-таки различимой. Эту идущую из глубины тень не могла скрыть никакая косметика. А уж они-то ею пользовались и умели пользоваться! Они все время яростно доказывали себе и другим, что могут нравиться мужчинам. И не сама ли я совсем недавно стремилась к тому же? А вот у молодых монахинь были такие лица, как будто ничего подобного в мире просто не существует. Но, любуясь их обликом, лишенным следов житейских страстей, я в то же время испытывала недоверие к полноте их целомудрия. Меня что-то все время подзуживало испытать молодых сестер, может быть, даже спровоцировать на какое-то признание, которое могло бы бросить тень на их лилейное целомудрие. Начала я с сестры Дарьи как наиболее общительной. Результат, надо сказать, был ошеломительный.

- Сестра Дарья, - начала я, придя к ней в прачечную, где она готовилась к большой стирке, - а скажите мне честно вот если бы в обитель приехал на белом мобиле прекрасный принц и позвал вас с собой - уехали бы вы с ним?

- Ни на белом мобиле, ни на белом крокодиле! - отрезала она сердито, раскидывая белье по разным кучам. - А кто это вам про меня насплетничал?

- Никто, - удивилась я. - Мне просто интересно, может ли монашка бросить монастырь и уйти за любимым?

- Ах, вот оно что... А я думала, что кто-то опять вспомнил про то, как меня у матушки сватали.

- Вау! Расскажите, сестра Дарьюшка, прошу вас!

- Да нечего особенно рассказывать. Когда я была молоденькой послушницей, крутился тут один паломник, какой-то русский граф. Вокруг меня крутился. И стал он меня звать уйти из обители за него замуж. Ну, а я была озорная, смешливая - я и послала его к матушке игуменье свататься: «Вот если матушка захочет меня замуж отдать и благословит, то я пойду за послушание, делать нечего». Этот чудик не понял шутки и пошел к игуменье свататься. А мы с сестрами за ним - подглядывать и подслушивать. Стоим на лестнице и ждем, что будет? Вдруг раздается матушкин крик, распаивается дверь и вылетает мой жених, а за ним летит горшок с геранью и разбивается о его голову! Следом бежит матушка со вторым горшком и кричит: «Чтоб духу вашего в обители не было! Я вам покажу, какая у меня «красота пропадает»! Нашел, где невест искать! Вон!» Этот бедолага чуть не кувырком спустился с лестницы, сел в свою шикарную белую машину и рванул так, что чуть ворота нам не вышиб. Только у Жизора, наверно, и опомнился!

- А что дальше было?

- Известно что. Матушка меня на поклоны поставила, а сестры стали дразнить «графской невестой». Так что лучше никаким женихам к нам сюда не соваться: матушка хоть и любит герань, а горшков за нас не пожалеет! - и сестра Дарья принялась разводить в баке с водой древесную золу, которую в обители употребляли для стирки, - после приезда паломников ей нужно было перестирать гору постельного белья.

Я не угомонила и сунулась к самой матери Евдокии.

- Мать Евдокия! Вот если бы прекрасный принц на белом мобиле...

- На мобиле? Не пойдет. Вот если бы на белом туристическом автобусе!

- Зачем вам с прекрасным принцем туристический автобус, мать Евдокия?

- Нам скоро придется двигать отсюда, вот мы бы все в таком автобусе и поместились, принца заставили бы вести автобус по очереди с дядей Лешей. У такого автобуса внизу большое багажное отделение - сколько бы груза мы могли захватить! Говорил же дядя Леша, что надо покупать автобус, чтобы можно было в него в случае чего усадить всех сестер. Не успели...

- Какая вы неромантическая, мать Евдокия!

- Не дал Бог, не дал Бог...

Самый неожиданный ответ дала мне сестра Леонида. Это была высокая статная послушница с округлым русским лицом, большими серыми глазами и потрясающей красоты низким голосом. В лице ее не читалось абсолютно никакого следа мирских страстей, но я полагала, что при такой красоте уж что-нибудь да должно было ее коснуться! Я подстерегла ее, когда она прогуливалась по саду после спевки.

- Сестра Леонида, можно вам задать один вопрос?

- Задавайте. Только учтите, что на богословском курсе я не лучшая ученица.

Я знала, что в монастыре сестры не только молятся и работают, но и учатся клиросному пению, истории Церкви и богословию.

- Уверена, что на певческом курсе вы были первой!

- Может, и так...

- Но у меня вопрос другого рода.

- Пожалуйста.

- Вот скажите, сестра Леонида, если бы в один прекрасный день в монастырь приехал умный и красивый принц на белом коне и стал вас звать с собой...

- На белом коне?... Кассандра, а хотите увидеть белого коня?

- Белого коня? Я видела белого коня на иконе в храме. Вы этого коня имеете в виду?

- Да нет же - настоящего, живого коня. Собирайте падалицу!

- Что собирать?

- Падалицу - яблоки, которые упали с дерева, подпорченные. Лебедь их страшно любит.

- Так конь или лебедь?

- Коня зовут Лебедем.

Я сняла с головы платок, и мы набрали в него упавших яблок. Потом сестра Леонида повела меня в глубину парка. В одном месте нам надо было перейти через болотце, и я прыгала по кочкам за сестрой Леонидой, которая знала безопасные места. За болотом был почти непроходимый кустарник, через который мы шли по узкой звериной тропе.

- Это кабанья тропа, - сказала сестра Леонида, и я поежилась.

Наконец мы прошли кустарник насквозь и вышли на большую поляну. На ней пасся красивый белый копы. Увидев нас, он заржал и пошел к нам, раздвигая высокую траву тонкими белыми ногами. Чем-то он напоминал моего Индрика.

- Какой красавец!

- Правда? Поэтому мы и назвали его Лебедем.

- Откуда он у вас?

- Когда-то неподалеку от монастыря был большой луг, и на нем паслись лошади, а среди них Лебедь. Мы с сестрами приносили им хлеб с солью, а Лебедь был у нас любимцем - мы уже тогда его так прозвали. После потопа многие животные оказались на нашем острове, в том числе домашние. Мы так обрадовались, когда увидели Лебедея! А это место мы зовем Лебединой поляной.

Мы высыпали яблоки в траву. Лебедь подошел, стал подбирать их и так вкусно хрупать, что мы тоже взяли по яблочку и уселись на лежавший на краю поляны ствол березы.

- Сестра Леонида, а я знаю песню про последних лошадей. Я, правда, пою не так, как поют у вас в обители, но бабушка говорит, что слух у меня есть. Хотите послушать?

- Хочу.

Я спела «Вдоль заката проходили лошади», не забыв объявить, что песня посвящается Елизавете Саккос. Сестра Леонида задумчиво слушала, сложив руки на коленях. Лебедь перестал хрупать яблоки и тоже слушал, как будто понимал, что песня о нем и его собратьях.

- Вот и лошади ушли в горы, как Христос повелел. А наш Лебедь уйдет ли с нами? Ведь мы далеко пойдем...

- Вы что, в самом деле намерены покинуть этот остров?

- Да. Над нами уже кружат вертолеты Экологической службы, а мать Евдокия откуда-то узнала, что экологи не столько выслеживают опасных животных, сколько охотятся на асов. А ведь мы асы... Словом, пришла пора нам с острова уходить.

- Как же вы отсюда будете выбираться?

- Не знаю. Это матушка будет решать.

- А у вас что же, нет права голоса?

- Когда спросят - появится.

- Нет в вашей обители никакой демократии!

- Что правда - то правда, чего нет - того нет. Хотите я вам спою светилен, который мы будем петь на Успение Богородицы?

- Хочу, конечно.

Она спела что-то красивое и печальное, хотя и не очень понятное. И снова Лебедь перестал есть яблоки и вместе со мной слушал пение сестры Леониды.

- А теперь переведите мне текст, я не очень поняла слова.

- Эта песня - завещание Божией Матери. Она просит похоронить ее в селе Гефсимания, где всегда собирались апостолы, и просит Сына принять её душу.

- Спойте еще разочек, пожалуйста! Я хочу запомнить слова - это так красиво.

- Еще запомните. Мы много раз будем петь этот светилен на службах, потерпите до Успения. А сейчас нам пора идти, скоро обед. Я вам по дороге другую песенку спою, тоже про коня.

Мы попрощались с Лебедем и пошли обратно через парк, а по дороге сестра Леонида во весь голос пела мне русскую народную песню про мороз и белогривого коня. Ох и голосище у нее был! А разговор про прекрасного принца у нас так и не состоялся... Ну я и бросила свои провокации.

Время шло, а конца моему вынужденному паломничеству все не было. Я начала волноваться.

Как-то я заглянула в гараж, где работал дядя Леша. Там стояли мой джип, мобилка матери Евдокии, маленький трактор и какой-то крытый ящик на колесах, по-видимому, прицеп к этому трактору. Вдоль стен тянулись грубо сколоченные столы, а на них в жутком беспорядке громоздились инструменты и стояли небольшие допотопные станки. Вся дальняя стена была завешена сетями, от которых несло рыбой. Мой джип стоял посреди гаража, под ним была яма, а в яме сидел перемазанный дядя Леша и усердно ковырялся в брюхе моей бедной машины.

- Когда же ты закончишь ремонт, дядя Леша? Мне домой пора.

- Ты что, не знаешь, как теперь обстоит дело с автодетальями? Могу рассказать.

- Да я знаю, дядя Леша...

- А знаешь, так терпи. Терпение, смирение, любовь - вот главные монашеские добродетели.

- Так я же не монахиня!

- Ты проповедь отца Александра на Преображение слышала?

- Слышала.

- Он напомнил предсказание святых, что в последние времена монахи будут жить как мирские. Отсюда следует, что теперь мирские, чтобы не подводить монахов, должны стараться жить как монахи. Так что подвизайся во славу Господню и жди, когда я тебе скажу, что машина готова. Все! Гуляй, Кассандра.

И я гуляла. То есть не очень-то много я гуляла - больше делом занималась. Я скоро поняла, что надо помогать монахиням: рабочих рук у них катастрофически не хватало. Молитвенницы они были просто невероятные, молились почти непрерывно, но и трудились тоже каждая за пятерых: выжить в островных условиях монастыря было непросто. Больше всех меня поражала мать Евдокия: она вела занятия с сестрами, руководила пением на клиросе, она же была в монастыре экономкой и занималась продуктами, а когда приезжали паломники, занималась ими вместе с сестрой Дарьей. Как-то я спросила ее, откуда у нес столько энергии и физических

сил, как это она все успевает? В чем тут секрет?

- Секретов у меня три, - ответила она. - Первый - любое дело начинать с благословения. Второй - делать все с молитвой. А третий - всегда делать немножко больше, чем можешь, тогда в следующий раз еще больше сможет.

Подошло время уборки овощей и фруктов. Почти все надо было по благословию матушки сушить впрок. Как я поняла, делалось это в расчете на предстоящую дорогу. Вместе с сестрами я резала фрукты и овощи на длинном столе, поставленном прямо в саду. Потом их относили на кухню, где мать Алония с помощницами сушила их в духовке, или специальной сушилке, устроенной дядей Лешей на берегу пруда.

От резки лука и картофеля руки у меня потрескались и почернели. Они еще и болели, особенно к вечеру. Иногда так ломило пальцы и запястья, что я не могла уснуть. Я растирала руки, согревала их под подушкой, но это мало помогало. В таком же состоянии были руки у всех сестер, только они не догадывались пожаловаться. Я же в конце концов не выдержала и обратилась к сестре Леониде, которая разбиралась в травах и при случае лечила ими сестер. Она приготовила мне мазь по рецепту пиренейской матери Ольги: сваренные вместе оливковое масло, воск и смола кедра, того самого, что рос возле иконописной мастерской. Я стала эту мазь втирать в кисти рук, и очень скоро мне полегчало. За мной эту мазь стали употреблять и монахини. Сестра Леонида цвела: ей так редко удавалось полечить кого-нибудь своими снадобьями в этой не хворающей и неунывающей обители!

Заготовка овощей задержала ремонт джипа, потому что дядя Леша не мог отойти от сушилки. Правда следил он за ней стоя на берегу со спиннингом в руках и вытаскивая рыбок одну за другой. Поймав и выпотрошив карпа или окуня, он его тут же круто солил и пристраивал сушиться рядом с овощами, поэтому овощи из его сушилки изрядно отдавали рыбой.

- Не беда, - заявил наш дядя-оптимист, - надо пометить мешки и употреблять эти овощи между постами, когда в церковном календаре стоит разрешение на рыбу.

Принеся к нему очередной противень с нарезанными овощами, я изныла:

- Дядя Леша! Ну когда же ты меня домойпустишь?

- Ты уши моешь, Кассандра?

- Ну, мою.

- И моющий уши да слышит! Я тебе уже пять с половиной раз говорил: после Успения поедешь.

Накануне Успения я опять помогала сестрам украшать церковь к празднику. Мне снова удалось придумать нечто необычное, удивить и порадовать сестер и матушку Руфину. Я выпросила у Дяди Леша кусок сети для ловли рыбы, а у матери Иоанны баночку серебряной краски. Я выкрасила сеть серебром, а потом нашла на ее узелки белые, голубые и синие цветы. Этим серебряно-цветочным ковром я накрыла низенький столик, на котором лежала «плащаница» - изображение скончавшейся Божией Матери. Такие же цветы я использовала для иконы Успения, на которой, кроме уснувшей Богородицы, был изображен Иисус Христос со спеленутым младенцем в руках - душой Божией Матери, как мне объяснили сестры. Мне помогли две девушки-паломницы: на праздник в обитель опять съехалось много гостей.

В этот раз я отстояла всю всюнощную, потому что мне очень нравилась песня Божией Матери, которую мне спела на Лебединой поляне сестра Леонида, - по церковному «светилен». Как

только сестры начинали его петь, внутри у меня поднимался настоящий плач. Я с трудом сдерживала слезы, не выпуская их наружу – в церкви было полно народа, и я стеснялась плакать. А некоторые плакали, причем не только паломники, но и сестры...

На другой день рано утром дядя Леша поехал встречать запоздалых паломников и видел, как неподалеку пролетел красный вертолет экологов. Он сказал об этом матушке.

После праздничной литургии была опять трапеза в саду, потом паломники, дождавшись отлива, стали разъезжаться, а сестры отправились отдыхать: по праздникам в обители прекращалась всякая работа, кроме самой необходимой – на кухне, например. Я помогла сестрам вымыть посуду после трапезы и решила пойти в парк погулять. Набрала в саду подпорченных опавших яблок и отправилась кормить Лебеда.

Когда я была уже недалеко от болотца, я увидела довольно далеко впереди на тропе сестру Леониду; видно, она меня опередила и уже возвращалась с Лебединой поляны. Она шла степенно и величаво, она всегда так двигалась, и вдруг раскинула руки и стала кружиться в вальсе, а с берез на нее сыпались желтые листья. Это было очень красиво – монахиня, плывущая в вальсе среди кружащихся листьев. «Как раз картинка для моего сюжета, – подумала я с усмешкой. – Ах, сестра Леонида, сестра Леонида, не забыла ты, значит, прелестей мирской жизни!». Вдруг сестра Леонида упала и осталась неподвижно лежать на тропе. Споткнулась? Уже потом я вспомнила, что перед тем, как она начала кружиться, в лесу прозвучал какой-то негромкий хлопок, но в тот момент я не придавала этому значения. Я подбежала к ней и увидела, что по ее белоснежному апостольнику расплзается красное пятно. Я упала на колени и наклонилась к ней.

– Сестра Леонида, что с вами? Она глядела в небо широко раскрытыми остановившимися глазами.

– Сестра Леонида, миленькая! Ну сестра Леонида же!

Она медленно повела глазами и остановила их на мне.

– Кассандра... Скажите матушке... что меня... убили...

– Кто? Кто убил?

– Китайцы... Боже мой, прими дух мой!

Голова ее откинулась набок, глаза прикрылись и стали стеклянными.

Я в ужасе огляделась. Вокруг никого не было, только желтые листья, сорванные выстрелом, все еще продолжали падать на тропу. Как мне унести ее отсюда? Она такая крупная, мне даже не поднять ее... Я решила бежать в обитель и звать на помощь. Но сейчас я поднимусь с колен, пойду по тропе и меня тоже убьют!

Я на коленях отползла за ствол ближайшего дерева, встала и осторожно выглянула из-за него. Никого. Так, перебегая от дерева к дереву, прячась за ними и поминутно оглядываясь, я побежала вдоль тропы к обители.

Задыхаясь, я влетела к матушке Руфине без стука. Матушка спала сидя в кресле.

– Матушка! Там в лесу лежит сестра Леонида... Ее убили, матушка!

Сестры на носилках принесли сестру Леониду из леса и положили в малой церкви. Над нею постоянно читали Псалтырь – стихи древнего царя Давида, как мне объяснили – и постоянно кто-нибудь из сестер сидел рядом и плакал.

Дядя Леша сколачивал в своей мастерской гроб, стук его молотка разносился по всей обители, и слышать его было невыносимо. Потом он копал могилу возле большой церкви. Я подошла к нему и стала смотреть.

- Дядя Леша! Как ты думаешь, почему, умирая, сестра Леонида говорила о каких-то китайцах?

- Не знаю! Знаю только, что это антихристовы слуги. А еще я знаю, что пора нам отсюда уносить ноги, пока всех не перестреляли. И ты можешь сделать это первая – твоя машина готова.

- Правда? Это очень хорошо, но я хочу остаться на похороны...

- Это еще зачем? – закричал дядя Леша, выпрямляясь и яме – она была ему уже выше пояса. – Катись отсюда к своей бабушке, пока не поздно! Ты что, не понимаешь, что происходит? Конец нашему острову, так... – и он добавил что-то по-русски, но совершенно непонятное. По его злющему, выпачканному серой землей лицу прокатились одна за другой и спрятались в бороде две мелкие слезинки. Я молча повернулась и ушла.

Я пошла к матушке, сказала, что мой джип готов, но я хотела бы остаться на похороны.

- Конечно, Санечка, оставайтесь с нами. Вы ведь успели подружиться с сестрой Леонидой... Лебеда вы вместе ходили кормить яблоками, песенки она вам пела... – и она заплакала.

Ох, эта матушка игуменья: ни за кем не следит, а все видит. Наверно, так и должно быть в обители.

Встретив меня вечером возле церкви, дядя Леша спросил:

- Ну? Когда едешь?

- После похорон. Матушка игуменья благословила задержаться.

- Ну вы даете с матушкой! – он покрутил головой и сердито отошел.

Хоронить сестру Леониду несли под успенский светилен «В Гефсиманийстей веси погребите тело мое...» Потом была служба прямо возле могилы. Я стояла позади всех сестер, чтобы никому не мешать, они все плакали молча, а я тряслась, всхлипывала, сморкалась и вообще... Сестры пели вместе с отцом Александром, который служил для сестры Леониды последнюю службу. Когда все умолкли и стали подходить к гробу прощаться, наступила такая тишина, что стало слышно, как в саду падают яблоки. Потом гроб опустили в яму, и все подходили и бросали по три горсти земли. Я тоже подошла и бросила. Мелкие камешки стукались о доски светлого гроба и с шорохом осыпались на дно могилы. Потом сестру Леониду зарыли, дядя Леша вкопал крест из желтых брусьев, и сестры засыпали могильный холмик цветами.

- Ну вот и все, – сказала матушка Руфина. – Больше никому из нас не лежать в земле родной обители. Теперь мы будем собираться в дорогу.

Потом были поминки: все сидели за столом и поминали сестру Леониду блинами. Каждая сестра получила по одному блину, а были они величиной с блюдечко.

- Матушка даже на масленицу уже давно не благословляет печь блины, а вот для сестры Леониды расщедрилась, - шепнула мне сидевшая рядом мать Алония.

- Почему нельзя печь блины в другое время?

- Потому что тесто из них готовится из макарон, а макароны нужны на просфоры.

- Я могу привезти побольше макарон, чтобы и на блины хватало.

- Куда ты их привезешь? Мы уходим...

- Куда же вы уходите?

- Не знаю. Боюсь, что этого пока никто не знает. Нас Богородица и так долго здесь сохраняла, другие монастыри уже давно разогнали...

После поминок я подошла к матери Евдокии.

- Мать Евдокия, можно с вами поговорить?

- Говорите...

- Вот вы собираетесь покинуть обитель, как я поняла. Как же вы будете уходить? Ведь не пешком же по воде?

- Мы перевезем по очереди всех сестер к указателю на Жизор, а уже оттуда все пойдут пешком, в мобиле с прицепом поедут старушки и иконы.

- Мой джип уже отремонтирован: я могла бы помочь вам в переезде по воде. Я вообще могла бы какую-то часть пути ехать с вами, пока нам по дороге. Мы могли бы перевозить сестер группами от одной стоянки до другой, в салоне джипа можно человек шесть усадить, если расстелить матрасы. Мне кажется, будет правильно сразу всем оказаться как можно дальше от монастырского острова.

- В этом есть резон. Но я боюсь, что мы здорово вас задержим. Мы не соберемся скорее чем за три дня, а здесь оставаться небезопасно.

- Для меня менее безопасно, чем для вас, - я ведь не считаюсь асом.

- За помощь монахиням, да и просто за посещение монастыря вас тоже по головке не погладят.

- Бабушка столько лет это делает и не боится, а я еще только начинаю...

- Начинаете - значит собираетесь продолжать?

- Конечно! Раньше у меня была только бабушка, а теперь вот вы все появились... Вы мне совсем не чужие, мать Евдокия! Я это поняла после смерти сестры Леониды...

- Ах вот как... Ну, в таком случае придется поговорить с матушкой.

Матушка меня благословила дожидаться конца сборов и уходить из обители вместе со всеми.

На другой день с утра, после литургии, я вместе с сестрами выносила иконы из обеих церквей - большой и малой. Небольшую часть икон матушка отобрала, чтобы взять с собой, а остальные

монахини заворачивали в чистые полотенца, потом сверху оборачивали пластиком и упаковывали в приготовленные дядей Лешей деревянные ящики. Увидев меня за этим занятием, дядя Леша спросил:

- Ты все еще здесь?

- Угу.

- У сестер под ногами болтаешься?

- Угу.

- Зачем?

- Матушка благословила.

- А когда домой отправишься?

- А вот как соберемся, тогда вместе со всеми и отправлюсь. Буду сестер на своем джипе перевозить,

- Вот ты, значит, как...

- Вот так!

Я рассказала ему наш с матерью Евдокией план, сказала и про благословение матушки. Дядя Леша задумался, а потом снизошел:

- А это вы неплохо решили. Только зря вы со мной не посоветовались, я бы придумал, как твой джип поумнее использовать.

Скромнен был наш дядя Леша. Монашеское влияние сразу видно! Я ему так и сказала.

- Ступай к Ларе, - сказал он в ответ, - она просила тебя зайти помочь ей, чего-то она там шьет для сестер в дорогу. А для твоего джипа я еще успею скамейки склотить, тогда можно будет и десять - двенадцать монашек усадить.

В мастерской Лары на большом столе лежал ворох плотной черной материи, а вокруг сидели молоденькие послушницы и шили.

- Вы умеете шить, Саня? Вы, кажется, иголкой нашивали цветы на сетку, которую вам дал мой Леша, когда вы храм к Успению украшали.

- Да. Бабушка меня научила немного шить.

- Вот и хорошо! А то мы тут зашиваемся.

- Как это - зашиваетесь?

- Не успеваем с работой. Поможете нам?

- Конечно!

Мне вручили два квадратных куска материи, большую иголку с толстой ниткой и показали, как

надо сшивать вместе эти куски. Работка оказалась не такой простой, как выглядела со стороны: игла была толстенная, а ткань грубая и плотная.

- А что это такое мы шьем? - спросила я, когда уже наловчилась через раз протыкать иглой материю, а не собственные пальцы.

- Это будут дорожные сумки для сестер, - сказала маленькая Васса.

- Такие маленькие! Что же вы в них понесете?

- А это - монашеская тайна, - строго ответила мне полненькая сестра Евлалия. Это была очень серьезная девочка лет семнадцати, постоянно что-нибудь читавшая, даже на ходу. Она и сейчас сидела за столом и шила, а на столе перед нею лежала раскрытая книга. По-моему, она немножко важничала. Вообще, я заметила, что чем старше монахиня по возрасту и по чину, тем проще она в обращении и тем веселее смотрит на мир. Конечно, молоденькие послушницы иногда срывались, забывали про свою степенность и носились, как жеребята. У них даже мячик был, и они иногда перебрасывались им прямо на газоне перед обителью, и я не раз видела, как матушка Руфина поглядывала на них в свое окно, но ни разу не слышала, чтобы она их за это ругала... Что же с ними со всеми будет?

На другой день дядя Леша выкатил из гаража прицеп, и сестры стали загружать его, а я помогала. К передней стенке уложили какое-то церковное имущество и макароны в коробках - теперь это все нескоро понадобится. Туда же положили несколько ящиков с книгами, что меня очень удивило, но мне объяснили, что это богослужebные книги. Потом пошли метки и коробки с продуктами, кухонная утварь. Когда прицеп был на две трети заполнен, стали укладывать спальные мешки и одеяла, сверху положили две свернутые брезентовые палатки. Дядя Леша принес ящик с инструментами, топоры и пилы. Похоже, он уже подумывал о строительстве новой обители. Матушка, наблюдавшая за сборами, ничего ему не сказала даже тогда, когда он принес сети и удочки и запихал их под палатки, пояснив, что они-то могут понадобиться в первую очередь. Она и резиновую лодку позволила ему уложить, но когда он совсем осмелел и подвез на маленькой тележке несколько станков, она велела ему везти их назад в гараж. На этом недоразумения не кончились. Появилась мать Наталия, покачиваясь под тяжестью огромной стопки книг.

- Матушки! Я обнаружила, что девчонки, как всегда, самое важное забыли. Благословите уложить!

- Ну, давайте посмотрим, мать Наталья. Так, двухтомник Пушкина... Лесков... Достоевский... Учебник русского языка... Словарь. Все ясно. Сестра Васса, помоги, пожалуйста, матери Наталье упаковать эти книги в какую-нибудь коробку. Да хорошенько упакуй, в пластик не забудь завернуть! Нет, подожди. Дай-ка мне сюда русский учебник и словарь.

- Спаси Господи, матушка, - обрадовано сказала мать Наталья. - А что с русским языком и словарем? Почему вы их отобрали?

- Да потому, что их-то мы и возьмем с собой. А остальные книги, дорогая моя мать Наталья, сестра Васса хорошенько упакует, снесет в подвал и там схоронит до лучших дней рядом с иконами.

Круглое лицо матери Натальи огорченно вытянулось. Потом она вдруг просияла:

- Матушка! Так может, мы и все остальные книги из библиотеки упакуем, перенесем в подвал и спрячем?

- Мать Наталья! Опомнись!

- Молчу, матушка... Понимаю... Времени не осталось...

Старая монахиня развернулась и понесла книги обратно к дому. За ней пошла сестра Васса - упаковывать Пушкина. Нет, разумом монахинь не понять!

Пришла мать Анна и принесла маленький ящик с кистями и красками и большой - с досками для икон. Доски велено было оставить.

- А скрипка где, мать Анна?

- Матушка! Неужели вы благословляете скрипку взять?

- Благословляю. Будете нам на привалах играть.

Обрадованная мать Анна побежала к дому с кедром.

Мать Лаврентия прикатила из сада тележку, на котором стоял улей - тот самый, конечно. Она что-то долго и убеждающе шептала матушке Руфине на ухо, но игуменья только грустно качала головой. И пасечница, поникнув, повезла улей обратно...

Появилась мать Лариса с лопатами и мотыгами наперевес. Матушка взяла у нее одну лопату и положила в прицеп, а остальное велела нести обратно в сарай. Через четверть часа мать Лариса принесла ведро, лейку и ящик семян и снова была ласково, но решительно отправлена матушкой со всем этим добром обратно.

- Мать Лариса, оставь это всё в сарае - нет у нас места для твоих семян, понимаешь?

- Понимаю, матушка. А сапоги мои резиновые, огородные, можно взять? Ведь будет у нас огород на новом-то месте...

- Какая ж ты многозаботливая, мать Лариса! Ну хорошо, возьми свои сапоги, сунем их куда-нибудь в уголок.

Мать Лариса ушла и вскоре вернулась, прижимая к груди вымытые до блеска голубые резиновые сапоги: оба сапога были с верхом набиты пакетиками с семенами...

Но вышла из терпения кроткая игуменья только тогда, когда к ней подошла сестра Дарья с корзиной, в которой сидел большой облезлый рыжий кот.

- Поставь корзину, сестра Дарья, выпусти Рыжика и иди звонить в колокол - собирай сестер!

Зазвенел колокол, и сестры стали со всех сторон сходиться к церкви. Когда собрались все, матушка встала наверху лестницы и сказала:

- Сестры и матери! Вижу я, не все вы поняли, что происходит с нашей обителью. Мы не переселяемся - мы уходим скитаться. Поймите это, дорогие мои, и примите со смирением...

Она говорила долго, но речь ее сводилась к тому, что все имущество монастыря, кроме святынь и того, без чего они не могут обойтись в самое первое время, должно быть оставлено на месте, просто брошено. Матушка напомнила, что их обитель гонима уже более ста лет, еще с Первой мировой войны, когда монахиням пришлось все оставить и бежать от наступавших на Россию германцев. Жаль, что уже некому поведать, как обитель спасалась от большевиков, но когда у

нас будут остановки в дороге, я попрошу мать Параскеву вспомнить и рассказать, как и почему наш монастырь бежал из Сербии во Францию после Второй мировой войны. И повсюду за нами оставались дорогие могилы – останутся и теперь. О них плачьте, а не о монастырском имуществе и котах!» – сказала матушка Руфина. Я не предполагала, что она может говорить так сурово. Сестры заплакали и разошлись.

Вечером, после ужина и короткой службы, матушка приказала всем молодым сестрам разойтись по кельям и поспать перед дорогой, а сама со старыми монахинями пошла в церковь молиться.

Мне спать не хотелось. На закате я сидела с ногами на парапете и глядела на темнеющую воду, где едва видна была красная крыша бабушкиного домика. Я думала о предстоящей дороге и о том, как я соскучилась по бабушке. Скоро, уже совсем скоро я увижу ее!

Подошел и сел рядом дядя Леша.

- Слушай сюда, Кассандра. Разговор есть. Трудный разговор, прямо не знаю, как и начать.

- Начинай с главного, дядя Леша.

- Так и сделаю. Надо бы тебе после отхода монастыря на пару дней остаться здесь, в обители...

- Что-о-о?

- Вот то.

- Одной остаться?

- Одной. Понимаешь, у нас с Ларой давно был разработан план на случай ухода сестер из обители. План такой: если придется покинуть остров, то я увожу сестер как можно дальше от обители, а Лара остается здесь и прикрывает наш отход. Мы ведь знали, что уходить будем только тогда, когда наш остров обнаружат, а обнаружат его сверху, с вертолетов. Брать сразу монастырь не станут. Знаешь, как они это делали с другими монастырями? Сначала они посылали в монастырь разведчиков. Думаю, что наша сестра Леонида как раз на них и налетела. Потом появлялись репортеры с камерами и снимали для новостей «абсолютно достоверные документальные кадры», чтобы показать, какие монахи тунеядцы, извращенцы и изверги. На все это им нужно время. Они уже давно следят за нами, но сквозь туман им мало что видно, и если они увидят сверху огни в окнах и услышат колокольный звон, они будут думать, что монастырь функционирует. Мы с Ларой решили, что я должен вывозить монахинь, а она – остаться в монастыре, зажигать свет по вечерам, а днем как можно чаще звонить в колокол. Но тут, понимаешь, какое дело вышло...

- Я знаю. Лара ждет ребенка.

- Положим, не одна Лара, а мы с Ларой, Она хочет остаться, как и было задумано по плану, а я этого допустить не могу, сама понимаешь... Надо бы самому остаться, потому как очень важно дать монахиням возможность подальше отойти от острова и укрыться в горах. Матушка думает добраться до общины матери Ольги в Пиренеях и там на время укрыться. Мать Анна водит джип, она могла бы вести машину вместо меня, но... Ты сама видишь, что такое монахини – голубицы! Я потому и поселился и этой голубятне, что за ними присмотр нужен. Даже тут, на острове, им без меня не обойтись, они все гвозди не тем концом в стену заколачивают, а уж в миру... Они ж как малые дети! В общем, как ни повернись – все боком. Понимаешь меня?

- Понимаю. Выходит, оставаться надо мне. На сколько дней?

- Видишь ли, какая проблема... За один раз джип и мобиль могут перевезти только часть сестер. Значит, ехать придется так: мы с матерью Евдокией сажаем в джип и в мобиль столько монахинь, сколько поместится, и везем их вперед до какого-нибудь укромного места. Там их прячем и возвращаемся за новой партией. Я думаю, недели за две мы таким образом эвакуируем всю обитель в Пиренеи, к матери Ольге, а потом я на твоём джипе за один день обернусь с обратной дорогой. Две недели тебе придется тут одной оставаться. Выдержишь?

- Выдержу, наверно... Все равно ведь другого выхода нет - надо выдержать. А матушка знает, что я останусь вас прикрывать?

- Нет, конечно! Разве она тебя оставит? Она ж тебя за малого ребенка держит.

- Гм... А как же без благословения-то, дядя Леша? Ай-яй-яй!

- Я сам тебя благословлю. А вернусь - подарю тебе лучшую мою удочку.

- А спиннинг подаришь?

- Сиди тут, сейчас принесу! Я его, правда, уже в прицеп уложил...

- Да не надо, дядя Леша, я пошутила. Я все равно опять запутаю и порву леску. Тебе он нужнее - будешь сестрам рыбку ловить. Когда вы хотите выезжать?

- В три часа ночи, как только начнется отлив. Сначала, пока вода будет еще высоко стоять, я на тракторе отвезу прицеп, а уж потом сяду за руль джипа и начну вывозить монахинь. Не знаю, удастся ли еще с тобой поговорить перед выездом. Значит, ты поняла - жди меня примерно через две недели. Тогда я вернусь на джипе и с мобилем на прицепе. Отдам тебе джип, проведу тебя через подводную дорогу, провожу немного, а потом на мобиле вернусь к монахиням. Как тебе такой план? Согласна?

- А куда же я денусь? Так значит, я одна должна буду тут «функционировать» за целый монастырь? Ничего себе! Ладно, зажигать свечи и звонить в колокол я сумею, лишь бы молиться не пришлось. Ну что ж, благослови меня, дядя Леша!

- Бог благословит!

Повеселевший дядя ушел, а я так и осталась сидеть на парапете. Ну и дела! Ну и приключение!

В полночь зазвонил колокол. Из дома вышли монахини с зажженными свечами в руках и длинной вереницей потянулись к храму. Они пели про Жениха, который грядет «в полунощи» и одних застанет бдящими, а других - неунывающими. Я решила, что и мне не следует унывать и тоже пошла в церковь.

Служба была грустная и тянулась без конца. Много пели, но еще больше читали. Так прошло несколько долгих ночных часов, а потом вдоль стасидий прошла мать Евдокия и тронула за плечо одну за другой несколько старых монахинь. Они стали выходить на середину храма и кланяться в землю сначала в сторону алтаря, потом матушке, снова ставшей на свое игуменское место, а потом всем сестрам и матерям. Все кланялись им в ответ поясным поклоном и я тоже. Я-то знала, что скорее всего больше никогда их не увижу. Потом они одна за другой подходили к матушке, и та вручала каждой небольшую икону; так, с иконами в

руках, тихо плача, старушки монахини побрели из храма... Скитаться пошли...

Ко мне подошла Лара.

- Вы не раздумали оставаться в обители? - шепотом спросила она. - Я поеду с последней машиной - у вас еще есть время изменить свое решение. Тогда я останусь в обители, я ведь давно к этому готовилась.

Я только помотала головой.

Примерно через час в церкви появился дядя Леша. Он подошел к игуменье, склонился к ней, что-то тихо сказал и тотчас же вышел вон. Матушка Руфина снова тихо обошла церковь, и вот уже другие монахини, на этот раз пожилые, вышли из стасидий на середину храма и стали класть земные прощальные поклоны. С ними уходили мать Лариса, мать Алония, мать Анна... Не будет мне теперь больше ни сладкой грязноватой морковочки с грядки, ни соленого огурчика из банки, и никто не поиграет мне на скрипке... И куда же они уходят, такие смешные, святые и беспомощные!

Служба продолжалась, а монахини все уходили и уходили небольшими группами. Ушли клироса певчие, ушла сестра Дарья и самая младшая из послушниц - сестра Васса. Потом из алтаря вышел отец Александр, а матушка сошла со своего игуменского места. Они поклонились друг другу и мне с матерью Евдокией - кроме нас, в храме уже никого не оставалось. Мы поклонились в ответ. Матушка и отец Александр вышли, а мать Евдокия начала обходить храм и гасить свечи.

- Давайте мне ключ, мать Евдокия, я потушу свечи и запру храм, - сказала я, подходя к ней, - а вы идите к машине. Вы ведь едете на мобишке?

- Спаси Господи, - ответила она, подавая мне ключ. - Да, я везу матушку и отца Александра со святынями из алтаря. Пойду их усаживать.

Мне очень хотелось проститься с нею по-настоящему, но я не знала, как это сделать, чтобы не вызывать подозрения. Я просто взяла ключ и стала не спеша тушить свечи.

Подошел дядя Леша.

- Ты готова?

- Да.

- Ну, оставайся с Богом, - он протянул мне руку, и пришлось мне пожать ее. - Ты сейчас особенно не высывайся: сестры будут думать, что ты села в мобиль к матушке, а матушка - что ты едешь в джипе. Потом я начну перевозить их группами от одного укромного места до другого, так что вся обитель вместе соберется только у матери Ольги. Ну там уж придется мне каяться игуменье! А в дороге никто твоей пропажи и не заметит, не до тебя будет.

- Понятно...

- Не скучай тут одна. В гараже я оставил удочки, так что можешь рыбку ловить. Жить тебе лучше в нашей квартире, она теплая, да и Лара там кой-чего тебе приготовила. Так помни - через две недели я за тобой приеду. Держись, Санька! - он хлопнул меня по плечу и пошел к дверям. Я потушила последние свечи и тихонько вышла из храма. Я встала под стеной в тени высокого самшитового куста, чтобы меня не видно было со стороны машин стоявших у ворот.

Через несколько минут обе машины выехали за ворота, и я осталась в обители одна. Страх не было – только грусть. Но где-то в уголке сознания мышонком затаилась мысль о том, что в парке могут быть чужие – подстерегли же они сестру Леониду. Разноцветные окна-витражи церкви сейчас были темны, но в доме-башне все окна теплились мягким светом; похоже, что в каждой келье была оставлена зажженная свеча перед киотом. Ночь уже подходила к концу, небо начало светлеть на востоке. Я зевнула, потянулась и отправилась спать в домик для паломников.

Глава 13

Утром птицы едва добудились меня. Я с трудом разлепила глаза, сначала даже не вспомнив, что осталась в обители одна. Стала одеваться, гадая, пришли уже сестры со службы или нет и скоро ли зазвонят на завтрак, и только тут вспомнила ночные события. Я вышла из своего домика на монастырский двор. Меня встретили радостным мяуканьем все наши кошки. Они кругами ходили вокруг меня, терлись о мои ноги и требовали еды.

– Знаете что, мои дорогие? – строго сказала я им. – Вы переходите на самообеспечение: придется ловить мышей и птиц, если не хотите умереть с голоду.

Кошки повертелись возле меня, подумали и разошлись. Я вспомнила, что по утрам меня будили не только птицы, но и колокольный звон, и пошла звонить в колокол. Минут пятнадцать я дергала за веревку колокола, разгоняя звоном и сон, и тревогу. Получилось. Но в саду было еще прохладно, а веревка намочла от ночной росы, да и звонить оказалось не так легко и просто, как это выглядело со стороны, когда за веревку дергала сестра Дарья. Отзвонив, я пошла на кухню, чтобы согреться и приготовить себе завтрак.

На кухне, против обыкновения, было холодно и сумрачно. Я привыкла, что когда ни забежишь к матери Алонии, у нее всегда тепло и пахнет чем-нибудь вкусным, а от большой чугунной плиты пышет уютным жаром. За одну ночь тут все выстыло. Сумею ли я разжечь плиту? Да и спичек нигде не видно, чем же я буду ее разжигать?

Я походила по кухне, пошарила в большом, теперь опустевшем, буфете и ничего не нашла, кроме огромного количества прекрасной старинной посуды. Даже соли – и той не было!

На остывшей плите стояли большой медный чайник и две кастрюли: одна пустая, а другая с остатками вчерашней каши. Вот хорошо, что мать Наталия была вчера занята Пушкиным: если бы она узнала про эту кашу, она бы непременно скормила ее своим птицам. Ничего, обойдутся, пускай червяков едят. Я налила себе в кружку воды из чайника, взяла в ящике буфета ложку и стала есть кашу прямо из кастрюли, запивая ее холодной водой. Нормальный завтрак отшельника! После я найду спички, а дрова я видели за кухней, буду учиться топить печь – время у меня теперь на все есть.

Я пошла в сад, чтобы сорвать яблоко и завершить им свой убогий завтрак, но, проходя мимо церкви, не удержалась и опять немного позвонила.

Потом я решила обойти обитель и посмотреть, какое мне оставлено наследство: хватит ли мне продуктов на две недели, достаточно ли свечей осталось в свечной мастерской?

Продуктов не было ни на кухне, ни в кладовой за кухней – вообще нигде и ничего. Ничего удивительного, монастырь и жил-то впроголодь, а перед отъездом все остатки собрали и упаковали в дорогу. Интересно, а что же я-то буду есть? Можно, наверно, продержаться две недели и на яблоках, но все-таки любопытно, что думал на этот счет дядя Леша, когда просил

меня остаться в обители?

Я походила по обители, поднялась на второй этаж и заглянула в матушкину келью. Там был такой же порядок, как всегда, только на столе стоял забытый чайничек с травяной заваркой – все лучше чем ничего. Я его прихватила, чтобы снести на кухню. Спичек у матушки в келье я не нашла, а свечи под иконами уже прогорели и потухли как и по всей обители.

К вечеру у меня от яблок свело скулы. Я доскребла остатки каши со дна кастрюли и выпила остатки матушкиного чая. «Завтра придется основательно заняться рыбалкой, – подумала я, – а потом надо будет поискать, не осталось ли чего съестного на грядках».

Стало темнеть, пора было зажигать свечи в храме и в кельях, чтобы все окна обители засветились и наш остров выглядел обитаемым, а я так и не сумела за целый день отыскать хотя бы один коробок спичек. На кухне нашлась почти целая свеча, но зажечь ее было нечем. Только когда сумрак уже совсем окутал обитель, я нашла огонь: я увидела между деревьями парка красный огонек – лампадка в часоунице! Единственная лампадка в монастыре, для которой у сестер всегда находилось масло: я не помню дня, когда бы она не горела. Как хорошо, что масло не выгорело до конца за это время и лампадка не потухла!

В парке темнота уже сгущалась. Мне повезло, что часоуница была сразу же за первыми деревьями. Я подошла, сняла медный резной колпачок с лампадки и зажгла свою свечу от негасимого огонька, отметив, что стаканчик лампадки до краев полон масла. Прикрывая огонь свечи ладонью, я понесла ее к церкви.

Я открыла тяжелую дверь и вошла в полутемный храм. От моей свечи по оголенным стенам замечались жутковатые тени. Я прошла вперед и увидела, что на подсвечниках свечей остались только короткие огарочки. Я расставила принесенные с собой свечи, зажгла их и подумала, что надо идти за новыми свечами в свечную, а в свечной темно. И почему я не позаботилась обо всем еще днем? Но – сама виновата, теперь придется идти.

Я пошла к выходу, и тут обратила внимание на столик возле входа, за которым всегда сидела мать Фаина и раздавала свечи. Я заглянула в ее уголок. На столе было пусто, стояла только стеклянная коробочка, в которой у матери Фаины прежде лежали крестики, но и она была пуста, только один забытый крестик лежал на дне. Спичек тут нигде не было. Но зато под столом я увидела большую картонную коробку со свечами; коробка была точно такая же, в каких мы привезли макароны. Ну вот и хорошо, на сегодня проблема решена. Я набрала свечей и расставила их по подсвечникам. В храме стало гораздо веселее. Тогда я вышла и на радостях устроила хороший перезвон.

А потом мне надо было еще пройти по кельям и везде зажечь свечи, чтобы монастырь вновь принял обитаемый вид. Я взяла охапку свечей, зажгла одну из них и пошла исполнять свое послушание. Жутковато было заглядывать в темные кельи с одной свечкой в руке. Я то и дело наткалась на кресла, в которых монахини отдыхали вместо сна, и отбила себе все коленки. Только теперь я поняла, какая же теснотища была у них в кельях! А мне надо было в каждой келье отыскать подсвечник, чтобы вставить в него новую свечу и зажечь. Все подсвечники я решила переставить на подоконники, чтобы в следующий раз их не разыскивать, а также для убедительности иллюминации.

Когда я обошла кельи и везде зажгла свечи, я спустилась вниз, вышла из «башни» и оглядела свою работу: во всех окнах светились маленькие огоньки. Мне даже показалось на миг, что никто из обители никуда не уходил – что и требовалось. Но только я успела полюбоваться на свою работу, как, оглянувшись на храм, обнаружила, что цветные прямоугольники витражей

начали тускнеть. Я бросилась туда и увидела, что пока я ходила по кельям, многие свечи на подсвечниках догорели до конца и потухли. Я зажгла новые, а потом вышла, воткнула горящую свечу в землю возле стены храма, нашла веревку колокола и опять немного позвонила. Теперь, подумалось мне, надо бы пойти в свою комнату и прилечь на часок. Как бы не так! Когда я уже направилась к дому для паломников, я увидела, что в окне матушкиной кельи, где я зажгла первую свечу, света уже нет. Я опрометью бросилась туда.

До глубокой ночи я так и ходила от «башни» к храму, зажигала свечи и звонила в колокол. В суете я даже перестала бояться темноты и свои пробежки стала совершать без свечи в руках, чтобы экономить время. Когда, по моему представлению, должна была кончиться служба в храме, я оставила свечи догорать на подсвечниках и закрыла за собой церковную дверь. Уф-ф... Завтра надо будет все организовать потолковей, а сейчас – спать, спать, спать... Я зажгла в кельях последние на сегодня свечи и ушла в свой домик, а там просто рухнула на постель. Засыпая, я успела над собой посмеяться: я-то думала, что мне одной в обители будет нечего делать, а мне, похоже, и скучать будет некогда!

Утром, позавтракав двумя яблоками – больше я уже не могла съесть, потому что сразу начало ломить зубы, я вдруг вспомнила, что одно помещение в обители осталось у меня не осмотренными – квартира дяди Леши и Лары. Она была в той же пристройке, что и гараж. Я сразу направилась туда.

Дверь в квартиру была не заперта. Я вошла и сразу поняла, что вчера мне именно отсюда и надо было начинать свою отшельническую жизнь. В первой комнате стоял стол весь уставленный банками, коробками и мешочками, а сверху лежало письмо, начинавшееся словами «Дорогая Саня!». Только взяв его в руки, я вспомнила, что ведь дядя Леша, прощаясь, говорил мне, чтобы я жила в их квартире. В письме было сказано, что продукты оставлены для меня, а также перечислено, что именно оставлено. На столе была крупа нескольких сортов, сухари, немного сахара, бутылка оливкового масла, травяной чай, две банки варенья, соль и почти полная двухлитровая банка соленых огурчиков – последний привет от матери Алонии. А может, это сама Лара солила, ведь она часто готовила для дяди Леши, «чтобы не разучиться», как она говорила. Ничего, по вкусу я быстро определю, чьи тут огурчики! В пластиковом пакете я обнаружила несколько копченых рыбин, а еще на столе лежала связка сушеной рыбы. В углу комнаты стояло ведро с картошкой и корзина с капустой, морковкой и свеклой. И, конечно же, среди припасов на столе нашлась большая коробка спичек. Но больше всего меня обрадовала банка с надписью «кофе».

Я решила все припасы перетащить на кухню и справилась с этим в полчаса. Потом я принесла охапку дров и, слегка помучившись, растопила кухонную плиту. Сразу стало тепло и весело. Я сварила большую кастрюлю картошки прямо в кожуре и с огромным наслаждением ела ее с копченой рыбой. Тотчас у дверей раздалось дружное мяуканье. Учужали! Пришлось и кошкам уделить часть картошки и рыбы. Потом я сварила себе кофе, который оказался, как и следовало ожидать, самодельным, но запах имел приятный и, главное, здорово бодрил.

Повеселев и преисполнившись энтузиазма, я принялась за работу. Я обшарила свечную и нашла в шкафах огромный запас свечей: уж на две недели мне их должно было хватить с избытком! Я сразу же отнесла несколько ящиков в церковь. В одном шкафу я обнаружила большой картонный ящик, на котором сбоку было написано «архиерейские», – в нем оказались свечи длиной с мою руку. Я мигом сообразила, что эти свечи могут гореть целый вечер и вот их-то и надо использовать в кельях сестер, тогда мне придется следить только за свечами в храме. Я разделила их на число келий, и у меня получилось по шестнадцать свечей на келью – хватит с избытком! Потом я стала разносить их по кельям. При дневном свете обнаружилось, что только часть кресел, в которых отдыхали сестры, были настоящими мягкими креслами –

старинными и просто очень старыми. Остальные были сделаны недавно и в стиле «дядя Леша»: из старых раскладушек, не очищенных от коры обрезков тонких стволов, веревок и старых одеял. Сидеть в них еще было можно, но спать... Я всю эту «мебель» отодвинула к стенам, освободив в каждой келье проход от двери к окну.

Таким образом, второй день в обители у меня ушел на то, чтобы обеспечить себе на оставшиеся две недели более менее беззаботную жизнь. И в самом деле, следующие дни я провела как на каникулах.

С утра я шла на кухню и растапливала плиту, пила кофе анонимного происхождения и съедала остатки вчерашней еды. Подложив в плиту побольше дров, чтобы она не прогорела до обеда, я брала в гараже удочки и отправлялась на рыбалку. Дальше пруда я в парк не заходила – побаивалась. Со мной на рыбалку, как на службу, ходили все монастырские кошки. Чистить рыбу, потрошить ее, как это делал на моих глазах живодёр дядя Леша, я не умела и не собиралась учиться, поэтому улов доставался кошкам, а мне – только удовольствие. В благодарность кошки приносили мне часть своей добычи: по утрам я находила у дверей домика то мышку, то птичку. Проявив любезность и видя, что подарки остаются не съеденными, они свои подношения незаметно уносили и, видимо, съедали сами. Я не была в претензии.

Где-то в середине дня я возвращалась на кухню и начинала готовить себе обед. Не так уж нужен был мне горячий обед, как отвлекали хлопоты по его приготовлению: они занимали у меня еще несколько часов, не давая скучать и грустить. А когда я, отобедав и накормив кошек супом с кусочками сухой рыбы, заканчивала мытье посуды, уже пора было готовиться к «вечерней службе» – расставлять свечи в храме и звонить в колокол.

Прошла неделя. Я начала понемногу готовиться в дорогу. Достала свой зеленый костюм и надела его, а серенький свой подрясник и белый платок выстирала и повесила сушиться. Свою монастырскую одежду я решила взять с собой: бабушке будет приятно, если дома я иногда буду надевать монастырский подрясник для работы. Я с радостью думала о том, что побуду еще немного у бабушки, прежде чем возвращаться в Лондон к своей работе. Конечно, рано или поздно отпуск закончится, но пока думать об этом совсем не хотелось. Я надеялась, что еще много приключений может уместиться в тот промежуток времени, который мне остается до того, как я снова окажусь перед персоником в моей затхлой сырой конуре на «Титанике». В начале второй недели на меня вдруг начала нападать тоска. Я бродила по обители, не находя себе места, не зная чем заняться. Со скуки я даже попыталась читать книги. Сначала мне попадались книги, в которых я не понимала почти ни слова, хотя написаны они были вроде бы по-русски. Потом мне повезло: в одном из книжных шкафов матери Натальи оказалась полка с надписью «книги для детей». Я нашла книгу, на обложке которой была надпись «Сказки для самых маленьких», с нее и начала. Я наконец прочла сказку о Красной Шапочке в оригинале и была очень довольна собой, ведь для меня это совсем непросто – читать книгу, держа ее в руках. Труднее всего оказалось перелистывать страницы, ведь нужно было держать в это время книгу только одной рукой, а другой, на весу, одновременно переворачивать страницу. Потом я догадалась положить книгу на стол, и читать стало гораздо легче.

Следующая моя книга была на планетном, а может и на английском, поскольку в ней оказалось много слов и понятий не перешедших из английского языка в планетный. Это была книга в жанре «фэнтэзи», и называлась она «Хроники Нарнии». Автор был англичанин, что меня приятно удивило. Читать ее было трудней, чем «Красную Шапочку», но в ней оказалось много того, ради чего я создавала свою Реальность, сама того не сознавая, – романтики и благородства, верности и отваги, мудрости и, конечно, поэзии. Я не могла от нее оторваться и читала каждую свободную минуту, почти забросив рыбалку. Наловив кучку рыбы для кошек, я садилась на берегу, раскрывала книгу и уносила в прекрасную Нарнию.

Осень захватила наш остров как-то внезапно. За одну ветреную ночь почти все листья облетели с деревьев в парке и добрая половина яблок в саду осыпалась на землю. На всякий случай я набрала корзину яблок и отнесла на кухню. Попадавшие на землю яблоки я подбирать не стала – в сад повадился приходиться со своей поляны Лебедь, они подбирали их, а на рассвете, когда я звонила первым утренним звоном, я спугивала то оленей, то кроликов, а однажды – целую семью кабанов. Когда вечерами я ходила в храм звонить и зажигать свечи, мне перебежали дорогу ежи, похоже, они тоже ходили в сад делать запасы на зиму, но яблок должно было хватить на всех.

Неожиданно со стороны Атлантики на остров налетел злой и холодный ветер. Он яростно кидался с высоты на землю, но, быв ею отброшен, снова с воем поднимался ввысь, срывая с деревьев последние яркие листья. Вслед за ветром пришли дожди. Дни стояли такие сырые и холодные, что я решила перебраться жить на кухню. У сестры Дарьи в прачечной стояли раскладушки для паломников, одну из них я притащила на кухню и поставила недалеко от плиты. Я приносила с утра побольше дров, растапливала плиту и почти не выходила из кухни, сидя у огня и читая чудесные сказки Льюиса. Читала я все лучше и к концу книги уже подумывала о том, чтобы начать читать книги для взрослых. Теперь я уже не столько опасалась книжных микробов, сколько боялась оставить на книгах серые пятна от своих рук – из-за постоянной возни с плитой и свечами я постепенно превращалась в настоящую Золушку, и руки у меня по вечерам никогда не были по-настоящему отмыты. Зная мать Наталью, можно было предполагать, что дядя Леша привезет с собой составленный ею списочек книг, которые он должен будет захватить с собой, и мне вовсе не хотелось, чтобы она когда-нибудь пожаловалась бабушке, своей старой подруге, что ее внучка перепачкала грязными руками самые ценные книги из монастырской библиотеки.

Благополучно окончив «Хроники Нарнии», я решилась пошарить по «взрослым» полкам шкафов. Моим чтением как будто кто-то незримо руководил: первая же книга, которую я раскрыла, оказалась настоящим подарком. Называлась она несколько витиевато, на мой взгляд: «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться». Она составлена была из писем, которые некий Феофан Затворник писал своей подопечной, молодой девушке. Не отходя от раскрытого книжного шкафа, я с великим терпением прочла первое письмо, оно показалось мне скучноватым, и я хотела уже поставить книгу на место, как вдруг взгляд мой нечаянно скользнул к началу второго письма, и сердце у меня так и подпрыгнуло! Вот что там было написано: «А я растерялся в догадках: чтобы такое было? А вон что! Бабушка немножко болела. Ну, бабушка – победоносное слово. Для внучек нет теплее места, как у бабушек, нет и для бабушек дороже лиц, как хорошие внучки. И за это надо Бога благодарить...». Стыдно сказать, но я не удержалась и поцеловала эти слова, не смущаясь ни желтизной старых страниц, ни легким запахом пыли. Я унесла обретенное сокровище на кухню и тут же погрузилась в чтение. Далеко не все мне было понятно, и уж тем более не все я была готова принять на веру, но само чтение этой книги доставляло мне огромное наслаждение: я как будто все время слышала неподалеку тихий бабушкин голос. Читая неизвестного мне Затворника, я начинала понимать мысли моей бабушки; из этой книги я узнавала, что бабушка хотела бы мне сказать, если бы могла говорить со мной откровенно о самом для нее важном – о Боге, о молитве, о православии. Если бы я верила в Бога, я бы благодарила Его за эту книгу.

К концу второй недели я вдруг заметила, что туманный покров, до сей поры заботливо укрывавший наш остров, стал понемногу рассеиваться. Впервые я заподозрила это как-то поздним вечером, когда шла звонить в колокол, я обратила внимание на звезды – они стали ярче и их стало больше. Наутро я заметила, что сквозь дальние деревья парка стали видны плывущие по горизонту низкие осенние тучи. Выйдя за ворота посмотреть на дорогу, я увидела за нею не привычную стену тумана, а уходящую к горизонту водную гладь. Сомнений не было:

туманный покров, доселе хранивший монастырь, понемногу исчезал и остров открывался враждебному миру.

И вот именно в это время над островом пролетел красный вертолет Экологической службы. Я запаниковала. Через день-другой должен был явиться дядя Леша, если экологисты его заметят с воздуха - все! Ни ему, ни мне тогда не выбраться отсюда незамеченными. Но хуже всего будет, если мы не заметим слежки и приведем экологистов за собой прямо в Пиренеи, к матери Ольге.

В этот же день я заметила, что животные начали покидать остров, который теперь просматривался насквозь. Выйдя в очередной раз за ворота посмотреть, не появился ли на водной дороге бабушкин джип с дядей Лешей, я увидела на ней наше маленькое стадо оленей, осторожно, гуськом, бредущее почти по колено в воде в сторону Французской косы. Не успели олени скрыться с глаз, как вслед за ними с острова ушла семья кабанов, этим приходилось хуже - они двигались, задрав головы над водой, доходившей им почти до горбатых хребтов. Когда в ту же сторону, на запад, стайками и поодиночке полетели птицы из монастырского парка, я совсем растревожилась.

Весь день я то старалась углубиться в свою книгу и ни о чем не думать, то без толку бродила по обители и перебирала в уме планы побега с острова. На пруду есть лодка, но как ее перетащить к открытой воде? Может быть, я сумею найти несколько бревен, выкачу их на берег и свяжу плот? В конце концов можно уйти по водной дороге пешком, но при мысли о том, что по дороге на меня могут напасть какие-нибудь водяные монстры вроде той жуткой лжемурены из Этрета, у меня и на суше подгибались ноги. Но я все отчетливее сознавала, что теперь мне уже никак нельзя дожидаться возвращения дяди Леши в обитель, а надо думать, как перехватить его как можно дальше от нее! Да и мне самой надо бы убраться отсюда раньше, чем экологисты вздумают высадиться на остров... И еще одно встревожившее меня событие случилось в этот день под вечер. Я уже давно с удивлением поняла, что лампадка у иконы Божией Матери в лесной часовне каким-то чудесным образом сама собой наполняется маслом каждый день и никогда не гаснет. Вечерами я видела ласковый алый огонек среди темных деревьев парка, и он всегда действовал на меня умиротворяюще. И вдруг, проходя от храма к «башне», я увидела, что огонек погас. Первая мысль моя была о том, что лампадку задул ветер. Спички были теперь всегда со мной, и я пошла к часовенке. Но зажечь лампадку вновь мне не удалось: масло в ней выгорело до самого дна, а сама лампадка треснула. Я не суеверна, православная символика значения для меня не имеет, но в ряду событий этого дня утрата негасимой лампадки меня расстроила, ведь она светила под крышей обители все сорок дней во время потопа, а после него еще столько лет служила для монахинь радостью и утешением. И вот - погасла...

Чтобы отвлечься от потока бесполезных планов и тревожных мыслей, я пораньше, еще на заре, зажгла свечи в доме и в храме, набила печь поленьями до отказа и уселась перед нею читать. Но в этот вечер на духовную жизнь мне никак не удавалось настроиться, и мудрые, добрые слова Феофана Затворника не смогли утихомирить мою взволнованную душу.

Время от времени я откладывала книгу, шла к церкви, звонила в колокол и зажигала новые свечи. Мне не раз приходила в голову мысль, что, может быть, мне следовало бы поступать как раз наоборот - затаиться на острове в темноте и тишине. Но «уговор есть уговор», как говорит бабушка, или «послушание превыше всего», как говорит мать Евдокия...

Когда уже совсем перед заходом солнца я сидела возле горячей печки с начавшей краснеть дверцей и размышляла о том, как же мне все-таки выбраться с острова, я услышала очень близко, над самой крышей кухни, рокот вертолета. Я в одних носках выскочила из кухни и

увидела очень низко над собой брюхо вертолета с прозрачным полом. Оттуда на меня глядело широкое узкоглазое лицо.

Я заорала от страха и замахала на него руками. Рядом с первым «китайцем», или кто он там был, показался второй. Они что-то друг другу сказали и скрылись, Вертолет покачался надо мной, потом поднялся повыше и улетел. Я постояла еще немного, но он не вернулся. Я замерзла и пошла на кухню. Да, значит не померещились китайцы сестре Леониде перед смертью... Но откуда тут, в бывшей Европе, взялись китайцам? Ничего не понимаю...

Читать я больше не могла да и некогда было: я должна была обдумать случившееся и принять правильное решение. Если завтра экологисты высадят на остров десант и меня схватят, то мой персональный код сразу же откроет им, кто я и откуда. До сих пор я считала, что наличие персонального кода мне при случае поможет - все-таки я не ас, а полноправная планетянка. Но через мой персональный код они непременно найдут бабушку и как дважды два свяжут ее существование с моим пребыванием в обители. Но если я вот прямо сейчас встану и побегу с острова вплавь, верхом или на первом попавшемся бревне, я все равно навряд ли доберусь до Французской косы. Я утону, меня сожрут монстры или просто мелкая рыба сволочь. Это жутко, но и это еще не самое страшное. А вот если экологисты обнаружат мой труп с персональным кодом на руке, тогда я даже мертвая могу стать предательницей для бабушки и всего монастыря! Так что же мне сделать, чтобы этого не случилось?

Ответ пришел неожиданно. Я вдруг поняла, что главное сейчас - избавиться от персонального кода, чтобы отвести беду от тех, кого я люблю. Я поглядела на большой палец своей правой руки с тусклой звездочкой антихристовой печати. Отрубить его что ли? Ни с того, ни с сего палец заломило так, что впору было бежать искать чудодейственную мазь сестры Леониды. Это еще больше рассердило меня; мало мне того, что код угрожает мне такими бедами, так он еще и причиняет мне боль! Нет, я не побегу ночью в гараж искать топор среди инструментов дяди Леша! Я сделаю проще. Я сжала зубы и изо всех сил вдавили мякоть большого пальца в раскаленную дверцу печки. «Ой, бабушка!» Мне показалось, что это сама рука моя громко закричала от боли, но я сжала зубы и другой рукой еще крепче прижала палец с кодом к раскаленному металлу. Жуткая вонь ударила мне в нос, а из него - прямо в мозг.

- Господи, помоги! Господи, помилуй! - завопила я и, теряя сознание, рухнула в жуткую, полыхающую красным огнем бездну. Меня куда-то волокло сквозь нее, а вокруг оглушительно и угрожающе орали, визжали и рычали нечеловеческие голоса. И вдруг стало темно и тихо.

...А потом я нашла себя стоящей по плечи в прохладной воде, и моим рукам было легко и прохладно лежать на ней, а вокруг было синее море и ясный солнечный день, и длинный песчаный берег тянулся вправо и влево от меня, а впереди, по пояс в воде, стоял мой красивый, смуглый и мускулистый дед и протягивал ко мне руки, смеясь и крича: «Плыви, плыви ко мне, моя Сандрильона, не бойся!»

И еще... Мы сидели с моей молодой бабушкой голова к голове и читали сказку про Красную Шапочку, и длинная прядь ее каштановых волос падала на страницу книги, на которой были нарисованы огромный волк и маленькая девочка с локонами и в чепчике...

И еще... Я подошла к солее, дед взял меня на руки и поднял к Чаше, Священник зачерпнул ложечкой огонь, тихо горевший в Чаше, я послушно раскрыла рот и проглотила огонек. Стало горячо и радостно внутри. Дед спустил меня с рук и повел к столику, на котором стоял серебряный кувшин и такие же чашечки, а рядом горкой лежали кусочки белого хлеба. Красивый и серьезный мальчик в белом стихаре налил мне в кружечку розовой «теплоты» и подал. Я выпила, потом взяла кусочек просфорки, и дед повел меня за руку через всю церковь

навстречу улыбающейся бабушке...

И еще... Я стояла в ночной рубашке перед иконами и говорила: «Ангеле Божий, Хранителю мой хороший...» «Хранителю мой святой!» – громким шепотом поправила бабушка и погладила меня по голове...

И еще... «Ты в самом деле хочешь остаться со своей мамой?» – спрашивала бабушка, стоя рядом со мной у поручня на палубе роскошного «Титаника». «Да, бабушка. Я знаю, что мама не любит меня так, как ты, но она такая несчастная! Мне ее так жалко, бабушка!» – «Это хорошо, детка, маму надо жалеть и много-много молиться за нее». – «Мама обещала, что каникулы я буду проводить у тебя, а ты будешь часто приезжать к нам». – «Я надеюсь, что так оно и будет...»

И еще... И еще... И еще...

Потом все пропало. Я потрясла головой, протерла левой рукой глаза и поднялась с холодного пола. Боли в правой руке я больше не чувствовала, только по мякоти большого пальца изнутри стучал маленький раскаленный молоточек. Ожог был небольшой, но глубокий, от руки пахло жареным мясом. Зато от антихристовой печати, слава Богу, не осталось и следа. Оторвав полоску ткани от своего платка, я смочила ее конец оливковым маслом и обмотала обожженный палец. Я это сделала, а больше мне ни о чем думать сейчас не хотелось. Поэтому я легла на свою раскладушку и попыталась уснуть. Это оказалось непросто. И тут я вспомнила старый бабушкин рецепт: «Не спится? Прочитай «Богородице, дево, радуйся» двенадцать раз – душа успокоится, и ты уснешь». Я попробовала вспомнить слова молитвы, и мне это удалось без всякого усилия: они просто выплыли откуда-то со стороны сердца, причем душа моя их не говорила, а пела. Сразу стало легко и тепло. Не знаю, сколько раз я повторила молитву Богородице, но уснула я скоро.

Во сне ко мне пришел Индрик и сказал:

– Проснись, госпожа моя, тебе надо бежать. На рассвете будет нападение на обитель, а потом остров сгорит.

– Как же мне отсюда бежать, дорогой мой? У меня нет машины, а пешком по воде я идти боюсь: в этих водах живут опасные твари, куда опасней сородичей Фафнира! И как я смогу разглядеть подводную дорогу в ночной темноте?

– Пешком тебе идти не надо – тебя отвезет Лебедь. Он знает дорогу. Просыпайся, вставай, собирайся и выходи к воротам.

Он исчез, а я открыла глаза, вскочила с кровати и начала лихорадочно одеваться. Видимо, я до конца так и не проснулась, потому что в тот момент я свято верила, что у ворот обители меня ждет мой Индрик. Я даже не стала надевать свой дорожный зеленый костюм, просто бросила его в рюкзак, куда стала закидывать все, что попадалось под руку: бабушкин теплый платок, свитер, ножик, спички, несколько яблок и большую сухую рыбину. Я подняла довольно тяжелый мешок и уже хотела идти, как взгляд мой упал на лежавшую на столе недочитанную книгу. Хорошо, что у монашеских подрясников такие глубокие карманы – книга в кармане даже не согнулась.

За сборами я проснулась окончательно. Я решила, что этот сон был послан мне Ангелом-Хранителем, и я в самом деле должна немедленно покинуть обитель. Я выйду на берег, подойду к началу подводной дороги, дождусь отлила и пойду пешком по воде, а там как Бог даст...

Я в последний раз засветила в кельях сестер «архиерейские» свечи, пошла в храм и зажгла разом столько свечей, сколько смогла разместить на подсвечниках. В храме у меня было еще одно, очень важное дело: когда в первый день отшельничества я брала возле свечного ящика свечи, я заметила на столе у матери Фаины стеклянную коробочку, на дне которой лежал маленький медный крестик, видимо, забытый ею. Когда я нашла его, я поняла, почему он был оставлен, – у крестика наполовину отломилось колечко, в которое продевалась цепочка. Я взяла его и положила в карман подрясника. Потом я в последний раз отзвонила в колокол. Пока я звонила, тревожно озираясь вокруг, мне всюду мерещились таинственные «китайцы». Было холодно, безветренно, тихо и очень темно: над горизонтом взошла луна, но она едва просвечивала сквозь туман, лежавший на воде.

Я пошла в свечную и там нашла ножницы и моток тонкого шнура, из которого сестра Агния делала фитили для свечей. Отрезав от мотка сколько мне было надо, я привязала шнурок к обломанному колечку найденного в храме крестика, поцеловала его и надела. Потом я вернулась в храм, вышла на его середину и положила земной поклон в сторону закрытого алтаря и помолилась: «Пресвятая Богородица, спаси и помилуй меня в дороге! Ангеле Божий, хранителю мой хороший, будь со мною в пути! Господи, благослови!» Потом такие же поклоны я положила в сторону левых и правых стасидий, поклонилась пустому игуменскому креслу и громко сказала: «Матушка и сестры, благословите меня в дорогу и молитесь обо мне!». Теперь я была готова к путешествию. Я затворила и заперла дверь храма, а ключ спрятала под решетку при входе. Потом я взяла свой мешок, оставленный мной на ступеньках лестницы, закинула его за спину, вышла за ворота и пошла по дороге, которая чуть-чуть отблескивала в смутном свете луны.

Я была уже на полпути к воде, когда услышала за собой какой-то странный перестук: тлаки-таки, тлаки-так... тлаки-таки, тлаки-так... Я оглянулась и увидела Лебеда, который торопливо, догоняя, шел за мной. Видно, он тоже спешит уйти с острова. Что ж, вдвоем идти не так страшно, да ведь и во сне мне было сказано, что Лебедь мне поможет... Я приостановилась, а когда он подошел и ткнулся в меня головой, обняла его за шею и сказала:

– Будем выбираться вместе, Лебедь... А может, ты согласишься подвезти меня?

Лебедь коротко заржал, фыркнул и мотнул головой назад, будто и впрямь приглашал меня усесться на него верхом.

Я похлопала по широкой теплой спине.

– Спасибо, родной. Да только мне на тебя и не взобраться. Я ведь совсем не умею ездить верхом...

Как это не умею? Умею. Конечно, это было давно, но как же кстати я сейчас об этом вспомнила! Когда мне исполнилось восемь лет, мой добрый дедушка Фей подарил мне в день рождения замечательного белого пони.

Я очень ему обрадовалась и назвала его Индриком, как звали единорога в недавно прочитанной книжке. Дед сам обучил меня верховой езде и всем говорил, что я прирожденная наездница. Мы с моим пони подружились, он слушался меня, а я слушалась его, и мы не только ездили рысью и скакали галопом, но даже брали препятствия – низенькие, конечно...

Жаль, нет ни седла, ни уздечки, но уж как-нибудь справимся! Я вытащила из рюкзака бабушкин платок, свернула его и положила на спину Лебеда. Хотела снять пояс и набросить его на шею коня вместо поводьев, но передумала: без уздечки за гриву держаться надежней.

Конечно, Лебедь был раза в полтора выше Индрика, но ведь и я с тех пор подросла! Я обеими руками ухватилась за гриву, подпрыгнула, закинула ногу на его широкую спину, подтянулась и села верхом. Я потрепала коня по шее и чуть сжала согнутыми коленями крутые бока:

- Н-но! Трогай, милый!

И Лебедь пошел, постукивая копытами по старому асфальту... А потом я услышала плеск воды под его ногами: мы уже шли по водяной дороге.

В непроглядной темной воде ничего не было видно - и слава Богу! Ничего и слышно не было, кроме журчания воды возле ног Лебедея и таинственных всплесков в стороне; после каждого такого всплеска мне мерещились вьющиеся черные длинные тенистые острые косые плавники. Лебедею не приходилось плыть, вода не доходила ему даже до колен. Но как он находил дорогу в такой непроглядной тьме? Как-то находил, слава Богу.

Мы все шли и шли по воде, и наконец стало светать. Мы опаздывали: уже начался прилив и вода теперь доходила Лебедею до самого брюха - мне пришлось подобрать ноги. В предрассветном сумраке я уже различала две длинные волны, расходившиеся от груди Лебедея. А потом впереди показалась серая полоса между черной водой и светлеющим небом - Французская коса. Кажется, наш побег с острова заканчивался благополучно, я выпрямилась и облегченно вздохнула. Вот уже стал виден и столбик с указателем на Жизор. Но что это? Возле указателя я разглядела низкий лобастый силуэт мобиля, а рядом с ним человеческую фигуру. Кто-то там стоял и смотрел на нас. Издали фигура показалась мне знакомой, но это явно был не дядя Леша. Неужели?... Но как он мог попасть сюда? Или это мне мерещится? - Да нет, вовсе не мерещится! Я соскользнула со спины Лебедея и бегом помчалась по совсем обмелевшей водяной дороге, поднимая брызги и смеясь от радости. Я подбежала к нему и схватила его за плечи:

- Леонардо, это ты?! Что ты тут делаешь?

- Тебя жду, кара Сандра.

- Мио Леонардо!

Голова у меня закружилась, ноги сделались как ватные и подкосились. Леонардо едва успел подхватить меня.

- Что с тобой, Сандра?

- Ничего, ничего... Это только головокружение, сейчас пройдет. Мы почти всю ночь шли по воде. Вот меня и качает, как моряка, сошедшего с палубы...

- Пиратского брига. Здравствуй, Сандра! - он поцеловал меня в макушку - я это услышала. - Бабушка рассказала мне об этой водной дороге, но я не думал, что зрелище будет таким впечатляющим. Ты так красиво выплывала из темноты на этом белом коне, как эльфийская принцесса на лебеде.

- Это и есть Лебедь...

- Только потом ты, конечно, испортила картину, рванув ко мне, как девчонка, по воде. Смотри, ты замочила подол своего прекрасного эльфийского наряда!

- Необразованный ты, мио Леонардо, это не эльфийский наряд, а монашеский подрясник. Ты

сказал, что тебе бабушка рассказывала об этой дороге? Моя бабушка?

- Ну да. Ведь это она послала меня за тобой. Я уже два дня тут жду, что кто-нибудь появится с вашего острова.

- Но на острове никого нет!

- Ты была там одна?

- Ну да... Монахини ушли из обители, а я прикрывала их отход.

Его и без того большие глаза вдруг вылезли из орбит.

- Сандра! - он вдруг отшатнулся от меня, впрочем, не выпуская меня из рук. - А ты сама случайно не стала монахиней?!

- Монахинями случайно не становятся, мио Леонардо. Нет, я, конечно, не монахиня.

- Тогда почему на тебе этот, как он называется?

- Подрясник. Это рабочий монашеский костюм. В монастыре женщины не ходят в брюках - вот мне и пришлось его носить, потому что юбки у меня не было. Если бы таких, как я, принимали в монахини, то монастырей на земле уже давно бы не осталось. Успокойся и, пожалуйста, верни глаза в прежние границы, а то они у тебя вот-вот выкатятся и упадут на землю. Жаль будет, если они разобьются - такие красивые глаза. Помоги мне лучше снять мешок, у меня спина затекла.

Помогая мне освободить затекшие плечи от лямок мешка, Леонардо сказал озабоченно:

- Сандра, мы должны отсюда поскорей убраться. Над островом вчера целый день крутились экологи. Я сам от них прятался в тени скал до самого вечера. Ты понимаешь, что это значит? Можно ли так рисковать собой? Ты голодна?

- Конечно же, я голодна, - ответила я только на последний вопрос Леонардо. - Кстати, мой Лебедь тоже, У тебя с собой есть хлеб?

- Есть. И кофе тоже.

- А соль?

- Соль? Наверно... Точно не знаю, надо посмотреть в корзинке, ее бабушка укладывала.

- Так тебя бабушка и в дорогу собирала?

- Конечно, бабушка - кто еще мог знать, где тебя искать? Я все расскажу, но сначала ты должна поесть и выпить кофе, ты на ногах не стоишь. Забирайся и кабину!

- Нет, сначала дай мне хлеба с солью.

- Бедная, как ты изголодалась, - вздохнул Леонардо, полез в мобиль и вытащил бабушкину корзинку, повязанную клетчатой скатертью, на этот раз - в синюю и белую клетку. Порывшись, он достал из нее стеклянную солонку и пакет с бутербродами. Хлеб был с сыром. Я сняла ломтик сыра, тут же засунула его в рот, а хлеб круто посолила и пошла на еще нетвердых ногах к Лебедю.

- Родной мой, белоснежный мой, спасибо тебе... Вот, ешь хлебушек с солью, это вкусно!

Лебедь осторожно обнюхал подношение, а потом аккуратно подобрал его зубами с моей ладони и стал есть. Когда он все доел, я вернулась к мобиле, закинула свой меток в багажник, забралась на сиденье, выставив наружу вытянутые ноги, оперлась о спинку сиденья, потянулась и простионала:

- Кофе мне, кофе! Полжизни за чашку кофе!

- Идет! - сказал Леонардо, протягивая мне уже налитую чашку душистого - настоящего! - кофе. - Отныне половина твоей жизни - моя.

- Ты выбираешь первую или вторую?

- Все половины, сколько бы их там у тебя ни было, хоть все восемнадцать.

- Что за математика, Леонардо? Откуда столько половин наберется?

- У кошки, говорят, девять жизней - итого восемнадцать половин. У тебя не знаю сколько, но уж никак не меньше. Я видел уже несколько.

- ?!

- Кусочек обычной жизни рядовой планетяночки, потом один день из крутой жизни пиратки Сэнди, один час из сладкой жизни богатой красотки: помнишь, как ты красовалась передо мной и ходила босиком по горячему пляжному песку, поджимая ноги, как курица. Потом были незабываемые мгновения из жизни маленького серого эльфа, катающегося на лебеде. Но лучшая твоя жизнь - это жизнь отважной макаронницы и бабушкиной внучки. Сейчас, как я понимаю, передо мной протекают последние минуты еще одной жизни - жизни монастырской отшельницы, кроткой, смиренной и добродетельной.

- Зато ты, Леонардо, всегда ведешь одну жизнь - жизнь болтунишки. М-м, что за кофе!

- Фирма «Бабушка».

- Жаль, что почти холодный. Значит, кофе бабушкин, а не твой. Вот бабушка и получит все половинки всех моих жизней.

- Сандра, ты возмутительно непостоянна! Ты, пожалуй, действительно не годишься в монашки.

- Клеветник.

- Кокетка. Пей и ешь. Нам надо убираться отсюда поскорей. Скоро совсем рассветет. Если экологисты опять налетят на остров, лучше чтобы нас тут уже не было. Бабушка послала меня похитить тебя из обители не из романтических побуждений, как ты понимаешь, а потому, что на тебя, похоже, вышли экологисты.

- Как это могло случиться? Мне казалось, я все время была очень осторожна.

- Твоей вины тут нет, если не брать во внимание твою любовь к свежим фруктам. Когда старый чудак ди Корти провожал тебя из синей комнаты для гостей, он в целях конспирации написал губной помадой на зеркале послание для Ромео-младшего от твоего имени. Помнишь?

- Да, помню.

- Послание было написано по-итальянски, а Ромео еще раньше догадался, что ты итальянского не знаешь. Самое главное, он сразу заметил, что оно написано почерком старика. Он попытался прижать отца, угрожая ему закрытием фабрики, но старик оказался крепким орешком. Разъяренный ди Корти-младший запер старика в его комнатах и велел слугам его не выпускать, а сам куда-то уехал. Среди слуг у меня есть друзья, и они впустили меня в дом. Я проник к хозяину через потайной ход в синей комнате, и он мне все рассказал. Он послал меня к твоей бабушке предупредить ее, чтобы она пока не присылала за макаронами и вообще вела себя осторожно. Он знал своего сыночка и боялся, что долго не выдержит, если тот его прижмет по-настоящему. Бабушка твоя ужасно встревожилась: она ждала, что ты вот-вот вернешься из обители, а если старик сломается и все расскажет сыну, ты можешь угодить в ловушку. Она просила меня отвезти ее в Нью-Мюнхен, где она могла бы взять напрокат мобиль и ехать тебе навстречу, чтобы предупредить об опасности и прямо с дороги отправить тебя в Лондон. Я решил отговорить ее от этой идеи и предложил свою помощь. После долгих уговоров она согласилась остаться дома и сказала мне, где тебя искать. Она начертила для меня карту и сварила два термоса кофе – один я сберегал для тебя, поэтому он немного остыл.

- Как же это она тебе доверилась?

- Иначе и быть не могло. Во-первых, я ей сказал, что люблю ее внучку и сделаю все, чтобы сберечь ее, поскольку намерен на ней жениться. Во-вторых, твоя бабушка очень мудра и в людях разбирается: она сразу поняла, что имеет дело с человеком, которому можно доверять. Она велела мне в конце пути остановиться здесь, возле указателя на Жизор, и ждать, когда кто-нибудь поедет с острова или на остров. Вот я и ждал. И дождался – увидел, как ты выплываешь на рассвете на большом белом лебедь. Это было зрелище! Но я тебя сразу узнал. Ты поела, отдохнула? Нам пора ехать. Будешь еще прощаться со своей лошадкой?

- Нет. Давай просто тронемся с места, потихоньку отъедем и исчезнем из его жизни. Я думаю, Лебедь не пропадет. Он может вернуться обратно на остров, если захочет.

Но Лебедь не захотел оставаться в одиночестве: стоило нам отъехать, как он встряхнулся и пошел рысью вслед за мобилем.

- Ему, наверно, хлеб с солью понравился. У нас есть еще?

- Да, посмотри в корзинке.

Я достала весь хлеб, сложила горкой на обочине дороги и подозвала Лебеда, но он даже не поглядел на него – он смотрел мне в глаза, и это был такой взгляд... Я поцеловала Лебеда в морду, потрепала его по шее и сказала:

- Прости меня, ноя должна ехать. Ты помнишь, как убили нашу сестру Леониду? Ты должен меня отпустить. Лебедь мой...

Я оставила его, села в мобиль и сказала:

- Поехали, Леонардо. Только не оглядывайся, пожалуйста, и мне не давай.

Я заплакала, конечно. Потом мы долго ехали молча, потому что мне было тяжело и не хотелось ни о чем говорить. Взошло солнце из-за дымки почти невидимое. Я внимательно смотрела вперед, ожидая, что вот-вот из-за поворота впереди покажется бабушкин джип с дядей Лешей за рулем.

Вскоре мы остановились в тени придорожной скалы, чтобы немного размяться. Не успели мы

выпить по чашке кофе, как я услышала топот копыт. Из-за скалы галопом вылетел Лебедь. Увидев нас, он резко остановился и медленно, опустив голову, с виноватым и несчастным видом пошел ко мне. С его прекрасной морды свисали клочья желтой пены, белые бока были в темных мокрых пятнах и тяжело вздымались. Я бросилась к нему и обняла за шею.

- Бедный мой, прости меня! Я больше не брошу тебя, Лебедь!

Леонардо подошел и тронул меня за плечо.

- Не начинай снова рыдать, Сандра. Давай поедем теперь медленно, чтобы твой конь мог идти за нами не отставая. Не плачь, ничего же не случилось!

- Но может случиться. Мы еще недостаточно далеко отъехали от острова, экологи могут появиться в любой момент...

- Ну и что? Мы скоро сможем свернуть с этой дороги и выехать на курортное побережье Атлантики, а там, если даже нас остановят, ничего страшного не произойдет: молодая пара путешествует ради собственного удовольствия, вот и все. А лошадь приبلудная, мы за нее не отвечаем.

- Сам ты приبلудный! Если нас остановят, меня немедленно арестуют. Взгляни на мою руку, Леонардо! - Я сдернула повязку с большого пальца и протянула ему правую руку. Ранка уже затянулась, и на месте антихристовой печати розовело пятнышко новой кожи.

- О Месс! Что это? Где ты так поранилась? А где твой персональный код?

- Я его выжгла.

- Чем? Огнем?

- Каленым железом.

- Безумная Сандра!

- Была. Теперь уже нет. Но послушай, Леонардо, мы не можем сворачивать с этой дороги. Если не случилось ничего непредвиденного с монахинями, то сейчас мне навстречу едет человек из монастыря, и если его не предупредить, он угодит прямехонько в руки экологов. Давай сделаем так. Я с Лебедем пойду по дороге пешком, пока он не отдохнет, а потом сяду на него верхом. А ты гони вперед на полной скорости! Увидишь бабушкин джип, останови его. Человека за рулем зовут дядя Леша. Скажи ему, что остров уже обнаружен экологами и туда заезжать опасно, а я в полном порядке и следую за тобой. Если ты согласен, отдай ему свой мобиль в обмен на мой джип, с тобой мы потом разберемся, и пусть он возвращается к монахиням. Скажи, пусть передаст мой поклон игуменье и всем сестрам и попросит у матушки за меня прощенья.

- Сандра! Я не могу оставить тебя одну на этой опасной дороге!

- Глупый, это же ненадолго. Я надеюсь, ты увидишь джип чуть дальше впереди. Но снова бросить Лебеда вот так, одного на этой пустой полоске земли, я просто не в состоянии. Мы с ним такое пережили этой ночью, когда переправлялись с острова! Я-то сидела у него на спине, подобрав ноги, а он, бедный, шел прямо сквозь эту тухлую воду, в которой совсем рядом с нами все время кто-то плескал и шлепал по воде. Если я его после этого брошу, ему будет тяжело, а мне стыдно. Лебедь может вообще утратить веру в человека. Пожалуйста, сделай, как я тебя

прошу!

- И что я, по-твоему, должен делать?

- Ты встретишь человека из монастыря, возьмешь у него джип и вернешься ко мне. Мы отвеем Лебеда поближе к жилью: даст Бог, он повстречает каких-нибудь добрых людей и будет счастлив. Устроим его, а после, уже без угрызений совести и без остановок, поедем прямо к бабушке. Пожалуйста, Леонардо, уступи мне, поезжай вперед!

И Леонардо уступил. Он сел в мобилъ и уехал, а мы с Лебедем пошли за ним по старой дороге. Бедный конь чувствовал себя виноватым, скоро он начал всячески показывать мне, что готов снова нести меня на спине. Но я жалела его и себя и верхом пока ехать не решалась. И напрасно.

Все случилось неожиданно и скоро. Сначала я услышала рокот моторов и увидела, как один за другим пролетели над нашими головами в направлении острова пять красных вертолетов. Потом один из них резко развернулся в нашу сторону и завис над нами. Он снизился, и я снова, как вчера вечером, увидела сквозь его прозрачное брюхо широкие и узкоглазые лица экологов-«китайцев».

Лебедь погиб из-за меня. Когда вертолет остановился в воздухе прямо над нашими головами, Лебедь подогнул колени и заржал, явно приглашая меня на спину. Не сообразив, что попытка к бегству не только напрасна, но и опасна, я вскочила на коня верхом, вцепилась покрепче в гриву, и Лебедь помчался по дороге. Вертолет двинулся в том же направлении, опередил нас и снизился. Из его брюха выскочили четыре фигуры в красном. Лебедь, на скаку обходя выбежавших навстречу «китайцев», помчался галопом по дороге. Нам даже удалось уйти за поворот и скрыться за скалой. Но потом рокот вертолета снова нас настиг, и я увидела, как из его раскрытой дверцы несколько раз полыхнули короткие вспышки пламени. Лебедь коротко заржал, резко вскинул передними копытами и завалился набок. Я не успела выдернуть из-под него ногу и услышала короткий треск, будто я наступила на сухую ветку. Потом - резкая боль и провал в сознании.

Глава 14

Я очнулась, и первой мыслью было, что я в бреду: все вокруг меня плыло и качалось, сбоку свистел ветер, в ушах стоял грохот, а сама я лежала прямо на воздухе, и мимо меня проносились клочья облаков. Я попробовала пошевелиться, и резкая боль в левой ноге сразу же дала мне понять, что это, увы, не бред. Несмотря на боль, сознание прояснилось, и мне стало ясно, что я нахожусь в прозрачном брюхе вертолета: в двойном пластиковом дне было пустое пространство, в которое я и была заключена. Надо мной, в кабине вертолета, передвигались экологи-«китайцы», и мне было страшно, когда их ноги в красных сапогах ступали по прозрачному полу кабины: казалось, они вот-вот на меня наступят.

Сначала я лежала лицом вверх, но потом перевернулась на живот. Поглядев вниз, я увидела оливково-серую гладь воды, а на ней - наш остров: голые деревья парка были словно нарисованы китайской тушью на золотом шелке. Только луг между «башней» и церковью да темные пирамиды тисовых кустов по его краям оставались зелеными. Сверху эти пирамиды были похожи на монахинь в широких темно-зеленых мантиях, неспешно прогуливающих по монастырским дорожкам. «Как это красиво!» - подумала я с тоской. А еще через несколько минут ни «зеленых монахинь», ни монастыря на острове, ни самого острова не стало. Мимо меня вниз полетели блестящие металлические стрелы; сквозь рокот моторов послышалось уханье взрывов, меня тряхнуло вместе с вертолетом, а когда я снова открыла глаза, я увидела

под собой, внизу, огромный полыхающий костер, медленно уходивший под воду. Сделав круг, вертолет удалился от горящего острова и завис над Французской косой. Он поплыл прямо над тонкой прерывистой строчкой дороги. Я замерла. «Господи, сделай так, чтобы Леонардо был уже далеко и в безопасности!» – молилась я. Потом на темно-серой поверхности дороги показалось маленькое движущееся белое пятнышко. Вертолет пошел вниз и заскользил над дорогой. По ней, неуклюже хромая, мотая головой и качаясь на ходу, ковылял еще живой Лебедь. За ним по дороге тянулись черные пятна. «Кровь, – поняла я. – Хоть бы они пристрелили его!». Но вертолет развернулся и снова полетел в сторону острова. Вот подо мной сузилась коса, вот мелькнул столбик с указателем, но острова уже не было – только длинные маслянистые волны набегали на пустой берег косы. С монастырским островом экологисты покончили.

А что же будет со мной?

Пока было очень скверно. Нога болезненно пульсировала и горела огнем, а в голову и спину мне дул ледяной ветер: видимо в прозрачной камере были устроены отверстия для вентиляции. И почему я такая невезучая? Ведь всего какой-нибудь час назад все было так хорошо... Впрочем и сейчас не всё было плохо, ведь Леонардо экологисты все-таки не заметили! Значит, он успел отъехать достаточно далеко и сейчас, может быть, он уже и с дядей Лешей встретился. Леонардо вернется, увидит труп бедного Лебеда, а меня нигде не найдет... Он вернется к бабушке на моем джипе, но без меня. Об этом лучше было не думать... Зато монахиням ничего теперь не грозит, а значит, слава Богу за всё!

Некоторое время мы летели над водой, а потом внизу показалось нагромождение серых скал, выступающих из воды. Мы снизились, и я увидела, что это небольшой островок почти целиком занятый темно-серой громадой замка, похожего на крепость. Вертолет опустился на каменные плиты широкого двора, где уже стояло несколько таких же красных машин. «Китайцы» прогрохотали сапогами надо мной и выпрыгнули на землю. Я села в своей прозрачной камере, висевшей довольно высоко над вымощенным камнем двором, и огляделась. Судя по всему, это был хорошо укрепленный средневековый замок, превращенный теперь в гнездо экологистов: по двору, мелко семеня ногами, во все стороны сновали низкорослые «китайцы». Двое неподвижно стояли прямо надо мной. Теперь я смогла разглядеть их поближе и поняла, что никакие это не китайцы, а просто низкорослые люди в желтых масках, совершенно одинаковых и неприятных на вид, – узкие щели для глаз, прорезь там, где под маской должен находиться рот, и бугорок с двумя отверстиями на месте носа.

Потом во дворе появился высокий человек в черном костюме, показавшийся великаном среди красных фигурок – «китайцев» – они ему были чуть выше пояса. У него было обыкновенное человеческое лицо, без маски, мясистое, с рыжими усами и довольно злобное. Он что-то приказал страшным человечкам, взмахнув рукой в мою сторону; один из них забрался по лесенке в кабину, что-то там сделал – и пол подо мной ушел в сторону, а я вывалилась с высоты прямо на камни двора. Я только успела взвыть от боли, теряя сознание.

Я очнулась, почувствовав, как прохладная вода наполнила мой пересохший рот. Глотнув несколько раз, я открыла глаза. Я неудобно лежала на холодном каменном полу, а надо мной склонился тот самый старик с собакой, которому я когда-то, в какой-то очень далекой прошлой жизни, покупала в придорожном ресторане хлеб, колбасу и вино. Собаки рядом с ним не было, но запах был тот же самый – асовский. Я его сразу узнала. Я хотела поздороваться, но язык мне не повиновался. Дав мне еще напиток из пластиковой кружки, старик отошел и сел неподалеку на каменный пол. Нет, это был другой ас, не тот, которого я встретила в Баварском Лесу, просто очень на него похожий.

Я огляделась. Я находилась в огромном полутемном помещении с низкими каменными сводами, опирающимися на толстые столбы. Оно едва освещалось серым светом, падавшим из узких окон-щелей в стене. Повсюду на грязном каменном полу лежали и сидели люди, и все это были асы: ни на одном из них не было зеленого костюма планетянина – только жалкие разноцветные отрепья. Здесь были мужчины и женщины разного возраста. Некоторые негромко переговаривались, но в общем было довольно тихо для такого сборища; мне показалось, что в камере было не меньше двух десятков узников.

Я с трудом села, приподняла подол подрясника и взглянула на свою ногу. Вид был жуткий, она побагровела и раздулась, как бревно. А тот же старик снова подошел ко мне, присел на корточки и тоже стал смотреть.

- Врача бы ей вызвать! – сказал он поднимаясь.

Сидевший неподалеку человек с желчным лицом, облаченный в потрепанную черную военную форму без знаков отличия, мрачно сказал:

- Врач здесь бывает только одного вида – клон с автоматом. Веером от пуза – и все болезни как рукой снимет!

Видно, здесь любили пошутить. Он встал, подошел ко мне, наклонился и стал с острым любопытством разглядывать мою раздувшуюся ногу.

- Да ей и пуля не нужна, вы что, не видите? У нес же гангрена! День-другой и сама уйдет на свободу, – сказал он выпрямляясь.

- Да ладно вам! Хватит пугать монашку, – осадила его высокая тощая старуха в дырявом платке. – Эй, вы там! Скажите Айно, пусть подойдет сюда, здесь больная, ей нужна помощь.

В дальнем углу слышались какие-то переговоры, а потом оттуда поднялась и двинулась к нам высокая фигура в белом, женская, как мне показалось издали. Когда же она приблизилась к нам широким шагом, я увидела загорелые руки с крутыми бицепсами и поняла, что это юноша.

- Что здесь случилось, сестры и братья? – спросил он.

- Айно, взгляни, пожалуйста, на эту монашку, – сказала тощая старуха, – у нее с ногой что-то скверное. Раздуло, будто змея ужалила.

Айно склонился надо мной и стал пристально глядеть мне в глаза.

- Да нога, нога у нее не в порядке! – крикнул старик поивший меня водой.

- Не мешай, Клаус! – одернула его старуха. – Айно знает что делает, не учи вора, в каком кармане кошелек искать.

Вся камера затихла и с интересом наблюдала за нами. Айно выпрямился и сказал глубоким звучным голосом:

- Нога сломана. Два часа назад на мою сестру упал белый лебедь. Очень большой лебедь, тяжелый, как лошадь. Но сломана лишь одна из двух костей-сестер, на второй кости только трещина. Дайте мне палки и длинный кусок ткани.

- У нашего Айно даже кости – сестры, – почтительно заметил Клаус.

- Это две кости, которые живут рядом в ноге каждого человека, поэтому я зову их сестрами, - сказал Айно и протянул руку к другому старику стоявшему рядом, опираясь на палку: - Дай мне свою палку, брат Поль.

- С чего это я свою палку буду отдавать?! - заворчал старик, протягивая ему палку. - А ходить без нее как?

- Тебе не надо так много ходить, брат Поль. Ты посидишь и подумаешь о жизни, пока у нашей сестры срастается кость в ноге.

Айно взмахнул протянутой рукой, и старик послушно и сердито отдал ему свою палку.

- Не сломай только, - буркнул он.

- Обязательно сломаю, ведь мне нужны две палки. Можно?

- Можно, если нужно... А что ты дашь за это бедному старому Полю? Может, все-таки скажешь, есть в этом замке клад или нет?

- Когда ты научишься просто отдавать, бедный старый брат Поль? Ладно, ты получишь свою награду, и она будет дороже клада, все равно скоро золото потеряет свою магическую цену. Вот тебе награда, брат Поль, ты сможешь отныне ходить совсем без палки.

- А чем обороняться?

- Обороняйся любовью и молитвой.

- И помолчи, Поль! Ты мешаешь Айно лечить монашку, - прикрикнула на него старая Дина. Поль умолк, но из круга любопытных не вышел.

- Она не монахиня, сестра Дина, - сказал Айно. - Ты можешь назвать нам свое имя, сестра?

- Не могу.

Вокруг ахнули. Похоже, здешние асы привыкли во всем подчиняться этому странному Айно, и мой отказ назвать своё имя удивил их. Айно еще раз заглянул в мои глаза.

- Да. Не можешь. И не забывай об этом, сестра! А мы пока будем звать тебя Пророчицей.

- Так она не монахиня, а пророчица? Такая же как ты, Айно? - спросила Дина.

- Эй, Пророчица, ну-ка прореки, нам дадут сегодня поесть? - спросил мрачный остряк в черном.

- А лучше скажи нам, где тут спрятано золото тамплиеров, - хитро прищурившись, попросил брат Поль.

- Помолчи, кладоискатель хренов! - бросил в его сторону черный.

- Не обижай его, брат Рамирес, брат Поль достаточно наказан за свои пустые мечты о золотом кладе. А эта сестра не в том смысле пророчица, как вы это понимаете, - сказал Айно, - и не надо ее мучить пустыми вопросами. Отойдите все - нам с сестрой нужны свет и воздух.

Асы отошли и встали поодаль. Сразу стало светло и откуда-то повеяло свежим ветерком.

- Сейчас я займусь твоей ногой, сестра, но тебе лучше на это время уснуть. Ты ведь давно хочешь спать, правда? А нога у тебя уже перестала болеть. Ты устала, Пророчица, у тебя был такой долгий путь, ты очень устала, спи... спи, сестра моя...

Я блаженно вытянула переставшую болеть ногу и уснула.

Когда я проснулась, нога не болела. Айно соорудил для нее фиксатор из двух палок и тряпок, кажется, не особенно чистых, но сейчас мне было все равно - главное, что нога меня совсем не беспокоила. Я хотела поблагодарить чудесного лекаря и оглядела камеру, но нигде его не увидела. Неподалеку у стены дремала старая Дина.

- Дина! - позвала я. - А где Айно?

- Ушел куда-то. Но он еще к нам вернется.

- Разве отсюда можно свободно выходить?

- Нет, конечно. Это же тюрьма, Пророчица! Только один Айно приходит и уходит когда захочет.

Дина встала и подошла ко мне.

- Что ты хочешь сначала, сестра, есть или пить?

- Пить.

- Сейчас принесу.

Она отошла к своему месту у стены, а потом вернулась ко мне, неся в руке пластиковую бутылку с водой. Бутылка была грязная, с серыми клочьями остатков бумажной наклейки, но я почти выхватила ее у Дины из рук, жадно припала к ней и выпила полбутылки не отрываясь.

- Ф-фу! Спасибо вам, Дина! А у вас и вправду есть для меня какая-нибудь еда?

- Вот твоя часть от общей кормежки, - Дина протянула мне завязанную узлом тряпицу. Я развязала ее и увидела две серые лепешки.

- Они на первый взгляд неаппетитные, но есть их можно. Такими лепешками кормят клонов. Ешь!

- А из чего их делают, вы случайно не знаете? - я с сомнением вертела в руках лепешку - запах какой-то странный...

- Это смешанные и спрессованные остатки обычных продуктов, какие идут во всеобщее распределение, - своего рода пищевой утиль. У них любопытный вкус, каждый раз это что-то новое и неожиданное; иногда лепешки прессуют из макарон с постным маслом и чечевицей, иногда это смесь риса, фруктового энергена и рыбы. Однажды мне попались лепешки из картошки и мяса - это было объедение! Правда порой смесь получается такая, что лепешку и руки брать не хочется, не то что в рот, например, если один из ингредиентов давно протух... Да нет, нет! На этот раз все в порядке! И учти, что отравиться клонными лепешками невозможно: они обработаны термически и напичканы антибиотиками, ведь у клонов очень хрупкий организм и почти отсутствует иммунная система.

- Клоны - это животные на фермах? Здесь неподалеку есть фермерские хозяйства?

- Почему животные? Тебя сюда кто доставил?
- Какие-то злобные маленькие люди в желтых масках.
- Вот это и есть клоны. И они не в масках – это их лица.
- Боже мой! – лепешка выпала из моих рук. – Я думала, клонируют только растения и животных!
- Ну, в новостях клонов, конечно, не показывают и даже не говорят о них – эта тема табуирована. Надо попасть на Остров смерти, чтобы увидеть этих несчастных.
- Остров смерти? А это что такое?
- А ты где находишься? Это Остров смерти «Жизор». Неподалеку отсюда – Остров смерти «Париж». А ты откуда сюда попала, невежественная моя Пророчица?
- Пожалуй, можно сказать, что с Острова жизни.
- В самом деле? Есть и такие?
- Есть. Вернее, был.
- По-моему, ты немножко стала заговариваться, сестра Пророчица. Айно велел тебе побольше спать.

Дина сняла с себя серый платок грубой вязки и расстелила его рядом со мной.

- Перебирайся на платок, так тебе теплее будет. И постарайся уснуть.
- Вам будет холодно без платка!
- Ерунда! Я его ношу уже больше по привычке. Я умею регулировать температуру своего тела, так что внешняя температура для меня не имеет особого значения. Спи, сестра, набирайся сил. Мы успеем с тобой наговориться, до селекции еще есть время.
- Что такое селекция?
- Потом, потом! Сейчас надо спать.

Она отошла, а я попыталась уснуть. Но куда там! Я была переполнена мыслями, вопросами, тревогами. Я просто не знала, о чем думать во-первых, о чем – во-вторых. Поэтому я достала из кармана книгу святого Феофана Затворника и попыталась читать. В камере было темно, и я едва различила буквы. Вдруг на страницы моей книги упал желтый спет. Я подняла голову. Надо мной стоял старый Моль с горящей свечой и одной руке и пустой бутылкой в другой.

- Айно велел отнести тебе свечу, а то ты глаза испортишь.

Он поставил бутылку рядом со мной и воткнул в ее горлышко свечу. Потом он вытащил из кармана еще две целые свечи и положил их рядом.

- Это про запас. А вот спички. Ну читай, не буду тебе мешать, сестра, – и отошел.

«Слава Богу, оказывается, и здесь можно жить...» – подумала я благодарно и продолжала

чтение.

Я понемногу осваивалась в камере. Общалась я в основном с Диной и замучила ее своими вопросами. Но, кажется, ее это не раздражало.

- Расскажите, Дина, почему эта тюрьма и другие такие же называются Островами смерти?

- Да потому, что после селекции оставшихся узников, которых нет смысла использовать на каторжных работах, просто бросают на островах до следующей облавы. Облавы экологисты проводят два раза в году - весной и осенью, и по экологическому плану заключенные должны сами собой вымереть до следующего сезона. Раньше так и бывало: перед началом очередной облавы на Остров смерти прилетали клоны, убирали останки, проводили санацию, добывая тех, кто сумел выжить, и остров был готов к принятию новой партии арестованных. Потом все изменилось.

- И что же теперь происходит с оставленными на островах узниками?

- Теперь опытные асы уже знают, что если ты попал на Остров смерти, то постарайся на нем задержаться, потому что после экологистов с узниками остаются Айно него ученики. Вот и сейчас: селекции еще не было, а наш Айно уже здесь.

- Кто он такой, Дина?

- Кто такой Айно? А этого никто не знает. Он появляется то тут, то там, никого не боится и всех уважает, в крайнем случае жалеет - даже экологистов и клонов. Больных лечит, голодных кормит, всех утешает и учит, что все люди - братья и сестры. Айно утверждает, что пришли последние времена, и потому все мы должны любить Бога и друг друга из последних наших человеческих сил. Про него говорят разное: инопланетянин, колдун, экстрасенс, пророк или святой, но, в сущности, никто о нем не знает правды. Мы, его ученики, даже и не допытываемся, кто он такой, мы просто делаем то, что он велит, и все у нас получается как надо. Теперь не только все узники выживают на островах, но они успевают покинуть их до возвращения клонов. И уходят они отсюда на волю совсем другими людьми.

- А как проходит селекция?

- Очень просто. Молодых, здоровых и сильных, независимо от инкриминируемых преступлений, отправляют на каторгу: кого в рудники, кого на пищевые заводы, кого на стройки. Остальных бросают тут. Тебя, я думаю, оставят с нами, со стариками и калеками, из-за твоей ноги, но ты на всякий случай делай вид, что совсем не можешь ходить. Я тоже немощной прикинься, не в первый раз. Здесь ты не пропадешь, сестра!

- Экологисты покинут остров и оставят людей в закрытых камерах? - спросила я, с ужасом представив себе людоедство и трупоедство - неизбежные в таких условиях.

- Да нет, камеры они оставляют открытыми. Это их сейчас закрывают, пока еще не прошел селекционный отбор.

- Ну так что же будет с теми, кто останется?

- Я на этом острове четвертый раз. Первый раз было жутковато: верховодили в камерах старые бандиты и профессиональные убийцы, вышедшие в тираж по старости или болезни. Начались террор и людоедство. Пока мы, нормальное большинство, сообразили что к чему и организовались, половину из нас уже съели. Потом мы объединились, нас было гораздо больше

и не такими уж мы оказались слабыми и беспомощными. Всех бандитов мы заперли в одну камеру, так было безопасней для остальных, но приходилось заботиться об их пропитании. Мы ловили рыбу в море и варили ее без соли.

- Разве можно есть рыбу из Европейского моря?

- Можно. Человек - тварь всеядная, и с голоду он может съесть и усвоить все что угодно. Мы варили рыбу с теми травами, какие могли найти на острове, в основном рвали полынь и ромашку, чтобы отбить запах.

- А топливо где вы брали.

- Какая ты, оказывается, практичная, сестра! Разумный вопрос. Топливо нам тоже приносила вода: редко целые деревья, чаще сучья, обломки досок, мертвые водоросли и больше всего горючего пластика - бутылок, пакетов, пенопласта. Нужно было только вовремя собирать его и как следует просушивать. Работы у нас было очень много, но это и хорошо - люди имеют особенность дуреть, если у них нет дела в руках и мыслей в голове.

- И чем же закончилось ваше первое пребывание на острове?

- Мы дождались зимы. Море замерзло, и мы все по льду перешли на Французскую косу, и все разошлись кто куда.

- А в следующий раз, когда вы снова попали в облаву, вы уже сразу же установили свой порядок, да? Я угадала?

- Нет, не угадала. Когда я попала в облаву второй раз, с нами уже был Айно. Он успевает побывать на каждом из Островов смерти перед отлетом экологистов. Он как-то устраивает, что бандиты и убийцы сами просят на каторгу, а на островах остаются только мирные асы. И вот когда мы остаемся одни, начинаются занятия в школах Айно.

- Что это за школы?

- Это «школы веры и жизни». Мы учим людей скрываться от преследования властей, выживать в трудных условиях, а главное, объясняем что именно происходит в мире, в котором мы все живём. Мы готовим людей к тому, чтобы они могли жить не поодиночке, а в общинах. Но главное, мы открываем им основы христианской веры, свидетельствуем о Христе. Это школа первой ступени, но есть и другие.

- Вы, конечно, не учитесь, а учите других в этой школе?

- Ты угадала. Между прочим, Айно сказал, что если бы тебе удалось остаться на острове, ты могла бы вести уроки катехизации.

Я засмеялась:

- Для этого мне надо хотя бы знать, что такое катехизация.

- Айно сказал, что ты знаешь, что есть духовная жизнь и как на неё настроиться.

- О-о! Об этом как раз написано в книге, которую я читаю. Но сама-то я никогда еще не жила духовной жизнью, хоть и встречала тех, кто давно ею живет.

- Ты встречала опытных христиан? Крещенных еще до прихода Лжемессии?

- Да.

- Вот Айно так и сказал: сестра Пророчица знает о христианах самое главное – за что их любит и спасает Господь.

- Как странно все это, Дина! Неужели на земле не осталось никого, кому можно было бы открыть правду о нашем времени, кроме вот этих несчастных бродяг и воришек?

- Получается так. На сегодня хотя бы потому, что только их и можно безопасно собрать в одном месте, не опасаясь Надзора. Причем никого не надо агитировать и уговаривать – всех их против воли собирают экологисты. Среди асов много бывших солдат, уставших от крови и дезертировавших из армии. Рамирес, например, был даже офицером. В наших школах всегда было немало инвалидов и больных людей, сбежавших из больниц, когда им грозила принудительная эвтаназия. Многих из них Айно вылечил и возвратил к жизни. Чем больше горя и страданий видел человек, тем тоньше его душа и тем легче он приходит к Богу, а таких больше всего среди асов. Остальные планетяне вполне довольны жизнью, Мессом и собой – их не просветишь. А знаешь, сестра, как хорошо скоро будет на нашем острове после ухода экологистов и клонов! Мы будем выходить на воздух, свободно ходить по всему замку. Мы будем много учиться. Тут у нас есть даже небольшая библиотека, но до селекции мы ее прячем.

- Фантастика! В таком случае я подарю вам мою книгу, как только сама ее дочитаю. Это замечательная книга, она, кстати, так и называется: «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться». Только она на русском языке. Вот, посмотрите, – и я достала из кармана подрясника изрядно помятую книгу святителя Феофана.

- Как жаль, что это написано по-русски, – сказала Дина, осторожно листая желтые страницы. – Но это такая ценность... Оставь ее у себя!

- Да нет, я хочу ее отдать в общую библиотеку. У вас, наверно, не так уж много настоящих религиозных книг?

- Ошибаешься, сестра. Мы только такие книги и собираем.

- Ах, если бы мать Наталия узнала!

- Кто это?

- Библиотекарь одной замечательной библиотеки, которую сожгли экологисты. Она любит книги, как некоторые любят детей, – жизнь готова за них отдать.

- А где она сейчас, эта мать Наталья?

- К сожалению, я не могу этого вам открыть. Не сердитесь на меня, Дина!

- Да, Айно предупредил всех, чтобы к тебе не приставали с расспросами. Кстати, а почему Айно назвал тебя Пророчицей?

- Я ношу имя древней языческой пророчицы, хотя названа при крещении, конечно, не в ее честь, а в честь греческой мученицы. Но его я вам не открою, простите, Дина.

- Да, Айно так и сказал: тебя нельзя расспрашивать и нельзя пытаться узнать твое имя. Он знает почему так. Айно все про всех знает!

В другой раз я спросила Дину:

- Я бы хотела узнать, кто такие клоны. Можете мне рассказать?

- К сожалению, именно я и могу о них рассказать со всеми подробностями. Клоны - это нелюди, специально выращенные из особых человеческих клеток.

- Господи!...

- Разве ты раньше ничего не знала о клонировании?

- Конечно, я прошла в школе курс биологии и о клонировании знаю все, что положено знать современному человеку. Я знаю, что размножение с помощью клонирования применяется к животным и растениям. Нас учили, что ученые пока только разрабатывают технологию клонирования людей, и когда они добьются успеха, должны будут получаться идеально здоровые во всех отношениях люди.

- Это ложь. Опыты по клонированию людей проводятся уже очень давно. А правда заключается в том, что в результате получается просто живое мясо, отдельные живые органы, которые можно было бы использовать для пересадки, если бы не одно обстоятельство: пересаженные человеку, они начинают выделять в его кровь свои клетки, и эти клетки становятся причиной бурного роста злокачественных опухолей. Только очень небольшая часть клонируемого материала становится целыми организмами, но это в основном такие уродливые организмы, что их тут же уничтожают. Совсем немногие клоны похожи на живых людей, но это биологические роботы - бессмысленные и бесчувственные. Вот что такое клоны. И выращивают их не из обычных человеческих клеток, а из клеток «предклонов».

- Что такое «предклоны»?

- Это особым образом воспитанные и отобранные люди, которые, собственно, тоже уже давно не являются полноценными людьми. Прежде их содержали в резервациях, где издавна, еще с прошлого века, копили материал для будущего клонирования. С тех пор как дело было поставлено на поток, почти все резервации были уничтожены за ненужностью, ведь от одной особи можно получить миллиарды клонов. Возможно, что сейчас существуют уже только одна или две резервации. Я просто не в курсе с тех пор, как сама ушла из биологии клонирования.

- Что?!

- К сожалению, моя сестра Пророчица, я имела к этому самое непосредственное отношение.

- А вы можете рассказать поподробнее?

- Могу. Это будет для меня еще одна возможность покаяться. Слушай, сестра. Я пришла в биологию, когда начали проводиться еще только первые опыты по клонированию и ученые заходились от восторга, планируя, как они будут, подобно самому Господу Богу, конструировать и создавать живые существа - людей, животных и растения, а также запасные детали для болеющего и стареющего человечества. Причем подразумевалось - Боже, как мне стыдно теперь это произносить вслух! - подразумевалось, что мы то, вооруженные научными знаниями и новейшими технологиями, сделаем это куда лучше, чем когда-то Создатель! Конечно, о Боге мы не думали и не говорили, но были горделиво уверены, что можем создать более совершенные живые организмы, чем уже существующие. Наглые и самоуверенные нравственные идиоты, нам даже не приходило в наши напичканные знаниями головы, как мало мы наделе знаем о самом главном - о чуде жизни, а уж тем более о Жизнедателе!

- Я вас понимаю, Дина. Я и сама была самодовольной всезнайкой и думала, что знаю все о мире, в котором живу. И только познав Бога, я поняла, что ничего еще не знаю. Но рассказывайте дальше, прошу вас!

- Отбор человеческого материала для будущего клонирования начали проводить очень давно. Я даже не знаю, когда именно на земле начали создаваться условия, при которых люди теряли самые важные человеческие качества - сначала связь с Богом, а потом связь с себе подобными. А тираны мечтали о создании «нового человека», то есть послушной им человеческой массы. Это началось задолго до того, как само слово «клонирование» вошло в человеческий словарь. То в одной стране, то в другой происходила революция, в результате которой дестабилизировалось общество, искоренялись лучшие его представители, на человеческий генофонд обрушивались потоки уничтожающих факторов. Расчищалось поле для создания «нового человека». Первые попытки носили скорее символический характер. Например, известно, что Адольф Гитлер поощрял в Германии рождаемость, награждал многодетных матерей, и заметь, каждого седьмого ребенка родители должны были назвать Адольфом или Адольфией. А ведь это был прообраз клонирования: уродливый тиран пытался в такой форме распространять самого себя! Историки знают, что в нацистских концлагерях в Германии проводились опыты над узниками, но мало кто знает, что одновременно ставился опыт не над евреями и военнопленными, а над их надзирателями. Несколько крупных немецких ученых должны были отобрать самых бесчеловечных из них на предмет последующего размножения. Разговор шел еще только о селекционном искусственном отборе, пока не о клонировании, но во главе дела стояли ученые, ученикам которых потом принадлежала сама идея клонирования человека. После краха гитлеровского Третьего рейха эти ученые были вывезены из разгромленной Германии в неизвестном направлении. Они исчезли для общества, но они продолжали работать. Они не получали престижных научных премий, их имена не звучали на весь мир, но в засекреченных военных лабораториях они упорно трудились, десятилетиями отбирая людей с нужными признаками. Эти особи скрещивались, их потомство воспитывали в особых условиях, испытывая на выживаемость, на агрессивность, на аморальность, а главное, на способность к слепому послушанию, бездумному исполнению любых приказов. Отобрав из них лишь немногих для дальнейшей разработки, остальных возвращали в общество. Это был побочный результат первых опытов. Эти списанные подопытные, уже почти нелюди, внедрялись в общечеловеческий организм планеты наподобие раковых клеток. В разных местах и в разные времена их звали по-разному - «сверхчеловеками», «крутыми», «новыми людьми», «человеко роботами», «отморозками». По-разному их называли, но везде одинаково боялись - это были действительно страшные существа. Создатели дали им научное определение - «предклоны».

- Вы все это знаете из истории или из личного опыта?

- Из того и другого. Перед тобой, сестра моя, не рядовой биолог, а бывший руководитель одной из крупнейших в мире лабораторий по клонированию. Когда я поняла, во что вляпалась из слепой любви к науке, я бежала, скрылась и стала бродяжкой Диной. Если человеческий мир и станет когда-нибудь подобен океаническому планктону, то я уже буду виновата в этом немного меньше. Айно говорит, что я еще могу заслужить прощение, а я ему так верю!

- Дина, как это человечество может стать планктоном.

- Люди станут жить по примитивному закону планктона: я больше и сильнее - значит могу тебя сожрать; ты сильнее и больше - я должен бежать, а если кто-то гонит куда-то волну, то я могу только плыть вместе с волной - куда понесет. Или куда прикажут - в человеческом варианте.

- А вы не пробовали бороться, Дина?
- До встречи с Айно - нет. Но я предчувствовала, что такое возможно, иначе я просто не смогла бы продержаться все эти годы. Трудно жить только для того, чтобы выжить как отдельная человеческая особь.
- А теперь?
- Айно считает, что сейчас главное - спасать и учить других.
- Как это все страшно... Дина, вы даже не представляете, какой я была дурочкой еще три месяца тому назад: я сидела перед персоником на своем «Титанике» и считала себя умной и вполне благополучной и вместе со всеми такими же дурачками и дурочками каждый день восторженно вопила Общий Гимн во славу Мессии.
- Современную молодежь уже загнали в планктон, причем в качестве корма, а не пожирателей. Впрочем, в этой сатанинской игре победителей из числа людей не запланировано.
- Антихрист хочет построить мир без людей?
- Мир нелюдей, полностью угодный Сатане. Бог создал людей свободными, мыслящими и любящими, создал их для счастья. Он захотел, чтобы мы были, и вот мы есть. Причем создал Он нас совершенно бескорыстно, ведь Он самодостаточен, просто для того, чтобы мы были, чтобы Ему было кого любить. Ну вот как раньше люди рожали детей, чтобы заботиться о них, пока они растут, дружить с ними, когда они вырастут, и всегда любить их. Богу нужны дети любящие, свободные, радостные и послушные Ему только по любви. Сатане же для удовлетворения его эгоистичной гордыни нужны живые игрушки с противоположными параметрами - лишенные разума и воли, полностью ему подчиненные и способные испытывать лишь негативные чувства: страх, злобу, зависть, тоску - то есть именно те, с помощью которых легче всего управлять.
- Как вы думаете, зачем все это ему нужно?
- Я думаю, из нелепого чувства соперничества по отношению к Богу. Я думаю, раньше людям это трудно было понять. Но вот теперь мы видим, что человек, преисполнившись гордыни, подражает Сатане: завидует Богу, одновременно отрицая Его; пытается сам стать создателем, творить живые существа и даже целые миры.
- Целые миры? Вы имеете в виду Реальности?
- Поверь, Реальность - это только начало! И обрати внимание, сестра Пророчица, уже очевидно, что этот путь - тупиковый, что человек деградирует, идя по нему, но остановиться наши демиурги от науки сами уже неспособны. Ты думаешь, я одна поняла, куда идет наука? А мир мог быть таким прекрасным, если бы наука занималась миропознанием и творчеством в послушании Богу! Но мы пошли не туда, совсем не туда... - Дина бессильно опустила голову на колени. Я обняла ее и постаралась утешить.

В другой раз мы заговорили о монастырях.

- Дина, а что вы думаете о монахах.
- Монахи и монахини... Последние послушные и верные дети Бога на земле! Я видела их,

сестра Пророчица. А ты, ты ведь тоже встречалась с монахами?

- Да. Моя бабушка помогала монахам, а я помогала ей.

- И твой арест связан именно с этим, судя по тому, как ты одета. Покажи мне твою правую руку, сестра Пророчица!

Я протянула ей руку, заметив при этом, что корочка на месте ожога уже сходит.

- Понятно... Огонь? - Я кивнула.

- А я кислотой, - и она протянула мне свою чистую правую ладонь, то есть не очень чтобы чистую, но без печати. - Учти, когда ожог совсем заживет и никто уже не сможет определить, что у тебя когда-то был персональный код, сама ты будешь чувствовать это место всякий раз, когда тебе будет грозить опасность со стороны сатанинских сил: оно будет действовать как индикатор зла. Ты это скоро почувствуешь, если до сих пор еще не заметила.

- Начнет болеть и дергать?

- Значит, почувствовала... Похоже, что это особый дар, который дается в награду тому, кто сумел избавиться от антихристовой печати...

- Вы тоже считаете, что код - это печать Антихриста?

- Он и задуман был как средство тотального контроля над человечеством, причем еще тогда, когда мало кто задумывался над вопросом, кому конкретно будет передана эта власть. Началось это еще в конце прошлого тысячелетия. Но вот что интересно: первые цифры некоторых кодов уже тогда были 666 - число Зверя, знак Антихриста. А почему и зачем были избраны три шестерки, никто не знал. Я подозреваю, что некоторые учредители действовали без умысла, ведомые каким-то бессознательным чувством. И сразу же появились граждане, оказавшие сопротивление первым, будто бы совершенно невинным попыткам введения разных цифровых кодов - люди не хотели иметь личный номер вместо личного имени. Над ними тогда издевались и потешались. Я знаю человека, который занимается историей введения цифровых кодов и сопротивления им. И знаешь, что ему удалось обнаружить? Первые попытки давать людям номера вместо имени применялись еще в сталинских лагерях в России и в нацистских лагерях в Германии в прошлом тысячелетии. Это был пробный камень. И тогда же в России были первые попытки сопротивления: политические заключенные срывали с себя нашивки с номерными знаками, рискуя при этом свободой и жизнью. Тогда власти отступили даже перед бесправными заключенными, не желая привлекать лишнее внимание к этой проблеме: нашивки оставили, но вместо номеров на них стали писать имена.

То, о чем теперь говорила Дина, мне было внове: я никогда не интересовалась историей человечества последнего тысячелетия - слишком много было в ней грязного и жестокого. О концлагерях я, впрочем, узнала во время обучения в колледже. Я знала, что есть садисты - любители именно таких Реальностей; они создавали для себя лагеря с заключенными и наслаждались в них безнаказанной жестокостью и зверствами, но я никогда не брала заказов на оформление этих Реальностей.

- Спасибо вам, Дина. Я поняла теперь, что приход Антихриста и все связанное с ним подготавливалось с очень давних времен. Мало кто понимает это. Пожалуй, только христиане. Дина, а вы христианка?

- Да. Я верую в Иисуса Христа, настоящего Мессию, который приходил на землю две тысячи

лет назад. И год назад я была крещена на Острове смерти. А ты, сестра Пророчица?

- Я была крещена еще младенцем. В раннем детстве меня воспитывали бабушка и дедушка - настоящие христиане, русская и грек. Воспитывали в православном духе. А потом я попала в руки современных воспитателей и меня стали переделывать под обычную девочку-планетянку. Меня насильно сделали человеком этого мира. Но, должна признаться, со временем я и сама захотела быть как все и страдала, когда чувствовала свою непохожесть на других. Потом в моей жизни снова появилась моя бабушка и все стало постепенно меняться. Может быть, начало действовать таинство крещения? Не знаю. Но больше всего своим прозрением я обязана людям: бабушке, монахам, просто хорошим честным людям, чудакам не от мира сего, с которыми меня столкнула судьба. Я сама не заметила, как случайности, можно сказать приключения, вдруг посыпавшиеся на меня, стали обращаться чудесами. И однажды, совсем недавно, я проснулась утром другим человеком. Это произошло после того, как я выжгла печать Антихриста. Мне и теперь многое еще так непонятно, так сложно для меня. Но одно я знаю точно: я - христианка. Очень плохая, неуклюжая - начинающая христианка, так сказать.

- Главное с нами произошло по Божией воле, а теперь нам надо проявить собственную волю и учиться быть настоящими христианами. Скоро экологисты с клонами оставят остров и Айно откроет свою школу. Тем, кто еще не просвещен, он расскажет о Христе и всех нас научит, что нам делать в ближайшее время. Каждый получит от него свое послушание, и мы разойдемся по миру. После этого Айно пойдет с проповедью к другим людям.

- А его ученики живут потом общинами?

- Айно говорит, что для объединения в общины они еще духовно не доросли: каждый из асов слишком долго жил один, считаясь только с собой. Нам трудно уживаться вместе подолгу.

- Но ведь есть еще тайные христианские общины, целые поселения, живущие христианской жизнью. Ученики Айно могли бы присоединиться к ним.

- Что-о? Это правда, сестра Пророчица?

- Правда. Я сама гостила в такой общине?

- Слава Тебе, Господи! Айно говорил нам об этом. Я ему верю всей душой, но все-таки это звучало прекрасной сказкой... Теперь твоя очередь рассказывать, сестра! Скажи мне главное: в этой общине есть дети?

- Да, и, по-моему, их даже слишком много, если исходить из числа взрослых.

- Милая сестра Пророчица, да ведь так и должно быть! Дети - это, может быть, самое главное дело христиан на земле и нынешнее время! Дети, воспитанные в Боге, с чистой душой и ясным разумом, целомудренные и здоровые, - это единственное, чем христиане могут остановить процесс искажения и уничтожения человечества, сохранить здоровый генофонд. Клоны бесплодны и живут недолго, всего до пятнадцати-шестнадцати лет, а выполнять простейшие команды их можно обучить только к четырнадцати годам. Но если христиане не станут рожать и воспитывать детей, как им заповедано Богом, то на смену им придут полчища коротко живущих клонов и заполнят землю.

- А у вас есть дети, Дина?

- К сожалению, нет и не может быть: я слишком долго работала с радиацией. А я их так люблю... Расскажи-ка мне побольше о детях!

Дина жадно слушала все, что я ей рассказывала о ребятах в общине матери Ольги. Она даже помолодела: вместо изможденной старухи сейчас рядом со мной сидела радостная, бодрая женщина средних лет. Ее интересовало все: как были дети одеты, что они ели, как молились и во что играли. Я даже спела ей вполголоса песенку о лошадях... Ее измученное лицо посветлело, разгладились резкие, почти черные морщины. Глядя на нее, я подумала, что из нее могла бы получиться замечательная бабушка. Именно поэтому я решила и дала ей адрес моей бабушки. Я ей сказала, что в одной усадьбе в Баварском Лесу одиноко живет очень мудрая и симпатичная старая леди, с которой ей, Дине, стоило бы познакомиться – они обязательно найдут общий язык. Что это моя бабушка, я Дине не сказала.

Глава 15

Понемногу я привыкла к жизни на Острове смерти, благодаря Дине, конечно. Книгу святителя Феофана я дочитала и теперь в основном наблюдала за людьми.

Люди в камере делились как бы на два сорта: незлобивые, простодушные асы, бывшие бродяги и нищие, и криминальные асы – энергичные, злобные и чем-то похожие на клонов. Эти готовились к этапу. Этапом, как объяснила Дина, называлась всякая перевозка заключенных с одного места на другое. От криминальных асов я старалась держаться подальше, но в общем народ здесь вел себя вполне терпимо. Вот только воняло от этого народа нещадно... Даже от Дины. Впрочем, от меня, вероятно, тоже, хотя сама я этого не чувствовала, а спросить у Дины стеснялась.

Айно в нашей камере больше не появлялся, но Дина знала и сказала мне, что он находится в тюрьме и отбирает тех, кого хочет оставить на острове.

Через неделю моя нога начала так нещадно чесаться под повязками, что я не выдержала и однажды утром, когда в камере все еще спали, размотала повязки, чтобы почесать ногу. И вот именно в этот момент в камеру ворвались клоны, схватили несколько человек и поволокли к выходу – и меня тоже! Это было так неожиданно, что я, совершенно ошеломленная внезапным и молчаливым их нападением, даже не пыталась сопротивляться. Я только подогнула обе ноги, чтобы не повредить больную, и беспомощно повисла в их лапах. Меня протащили по длинному узкому коридору, потом вниз по винтовой лестнице и швырнули во дворе замка в кучу сидевших на земле арестантов. Поодаль прохаживались, о чем-то мирно беседуя, два пожилых эколога.

– Зачем это нас вытащили из камер? – спросила я сидевшего рядом со мной аса.

– Селекция идет. Выбирают молодых и здоровых на каторгу, а остальных бросят тут умирать. Нам с тобой повезло, девушка!

– Я не хочу на каторгу! Я хочу остаться здесь! У меня нога сломана! – закричала я, бросившись к экологам. Я успела пробежать всего несколько шагов, как меня опять схватили клоны и зажали со всех сторон так, что я не могла шевельнуть ни ногой, ни рукой. Один из экологов подошел ко мне.

– Ну, в чем дело? – спросил он недовольно. Он был довольно стар, лет сорока. Вид у него был равнодушно-усталый, но незлобный.

– Я не могу на каторгу, у меня нога сломана! Прикажите меня отвести обратно в камеру, пожалуйста...

- Нога, говоришь, сломана? А бегаешь ты на сломанной ноге как коза.

Я ахнула: бросившись бежать, я в самом деле ступала на больную ногу как ни в чем не бывало, даже не заметив этого. Мало сказать ступала – я могла бегать! И все-таки...

- Я вас очень прошу, офицер, оставьте меня тут! Я очень слабая физически, от меня не будет толку на каторге, я сразу заболею и умру!

- Глупая ты девчонка, не знаешь, чего бояться надо. Да тут тебя через неделю сожрут без соли! На каторге отработаешь год-другой, зато жива останешься. А будешь хорошо работать – получишь право на персональный код, и тебя освободят досрочно. Честный труд – дорога домой. Эх, молодость, молодость, в такие годы уже с пути сбиваются! Ты читать-то умеешь?

- Умею.

- Значит, годишься на Белый остров. Сколько мы туда отобрали?

- Пять человек.

- Может, пометить и эту, начальник? Жалко девчонку... Молода еще, одумается – человеком станет.

- Ну, если тебе так хочется... – пожал плечами второй экологист. – Хотя вид у нее подозрительный, уж не монашка ли? Ну-ка отвечай: ты монахиня?

- Нет.

- Монахи редко отрекаются от своей профессии. А если сразу отрекаются, то из них со временем получают полезные члены общества. Пометь ее!

Пожилой экологист подошел ко мне и вынул из кармана что-то вроде пистолета. Я и ахнуть не успела, как он протянул эту машинку к моему лицу, прижил ее к моему носу и щелкнул. Я почувствовала сильный укол и чихнула.

- Ничего! И нос твой курносый заживет, и сама жива останешься.

- На этап! – скомандовал второй экологист, и двое клонов схватили меня под руки и быстро отволокли к вертолету. Оттуда протянулись короткопалые лапы и втащили меня внутрь.

Большой грузовой вертолет внутри был разгорожен на узкие кабинки, обтянутые металлической сеткой, в каждой из которых даже стоя мог поместиться только один человек. Почти все клетки были забиты людьми. Меня втолкнули в одну из свободных и заперли за мной решетчатую дверь. Было очень тесно, но я смогла поднять руку и пощупать нос: на правой ноздре висело маленькое колечко. Противно быть окольцованной за нос, но ничего, когда-то девушки добровольно украшали себя такими железками!

Это был не самый тяжелый этап, как говорили друг другу заключенные в соседних клетках, но мне он казался чудовищным. У меня скоро заболела спина и начали подгибаться ноги, особенно та, на которой был перелом. Сесть в клетке было невозможно. Я увидела, что мои соседи цепляются за решетки руками и так висят на них, чтобы дать отдых ногам. Я тоже просунула руки вверх и повисла на них. Стало немного легче, но ненадолго; отдохнули ноги – затекли руки. Хотела опустить руки, но тогда начала стучаться лицом при каждой встряске, а вертолет трясло нещадно. Заключенные стонали, ругались, некоторые женщины рыдали в

голос. Хуже всех приходилось крупным мужчинам – они не могли даже поднять рук. По ногам дуло ледяным сквозняком, а сверху воздух становился все более теплым, влажным и спертым от нашего дыхания.

«Непрестанно молитесь и всему радуйтесь!» – вспомнила я слова из какой-то проповеди отца Александра. Молиться – это понятно, я поневоле и молилась почти беспрерывно: при каждом ударе лицом о железо я невольно вскрикивала: «Господи, помилуй!». А вот чему бы мне сейчас порадоваться?

Я вдруг вспомнила книжку, которую бабушка читала мне в детстве, про девочку по имени Полианна, у нее была такая игра – научиться всему радоваться. Например, она получила в подарок на Рождество вместо ожидаемой куклы детские костыли и обрадовалась тому, что костыли ей не нужны, ведь у нее были здоровые ноги. Радоваться ли мне, что меня везут в вертолете, а не гонят на каторгу пешком? А может, порадоваться тому, что в этот проволочный стакан меня не поставили вниз головой? Нет, мне больше подходит бабушкин метод: «В горе и в беде полностью предай себя Богу, а Он сам все устроит к лучшему для тебя». Но сейчас и это не помогло: не хватает у меня воображения представить себе, что ожидающая меня каторга на каком-то неизвестном Белом острове может обернуться к лучшему. Попробую-ка я просто чем-нибудь отвлечься от окружающих меня радостей.

Что-то сейчас поделывают матушка Руфина с сестрами? Может быть, сейчас время трапезы, и они все сидят за столом в самом большом доме общины матери Ольги? Наверно, пришлось ставить дополнительные столы. Или монахини трапезуют отдельно? А что, интересно, у них на обед? Какая сегодня каша и какой суп? Вот бы сейчас немножко горячего борща матери Алонии...

А может быть, они все сейчас на послушании, и только одна монахиня читает «неусыпаемую Псалтырь», да наши старушки читают свои нескончаемые келейные правила. Интересно, а какое послушание несут монахини в Пиренеях? Я думаю, они все заняты устройством монастырской жизни на новом месте. Церковь в общине есть и довольно вместительная. Они повесили в ней свои иконы, привезенные из монастыря, чему мать Ольга, конечно, только радуется. А вот с кельями проблема. Народу в общине и так много – молодежь и одинокие пожилые люди даже спят в общих спальнях, не говоря уже о детях. Придется строить новые дома. И, наверное, их уже начали строить. Руководит стройкой, конечно, дядя Леша. Он уже давно вернулся из поездки и сказал матушке, что со мной все в порядке, что за мной приехал друг, который повез меня к бабушке...

Как хорошо, что я успела выслать Леонардо ему навстречу! Вот был бы ужас, если бы нас взяли всех троих – меня, Леонардо и дядю Лешу. И монахиням, и Ларе с новорожденным ребеночком без него было бы очень плохо. Интересно, узнаю ли я когда-нибудь, помогло ли сестрам то, что я прикрывала их отход с острова? Удалось ли мне задержать на какое-то время нападение на остров? Увы, экологисты мне об этом докладывать не станут, а жаль...

А если бы нас схватили вдвоем с Леонардо? Страшно подумать! У него на руке персональный код, и по нему экологисты вышли бы на старого ди Корти, а тот мог бы не выдержать и выдать бабушку...

Бабушка! А ведь бабушка теперь в безопасности благодаря тому, что все так сложилось в эти последние дни. Господи, как хорошо Ты все устроил! Спасибо Тебе огромное преогромное, что все мои дорогие сейчас в безопасности, что никого я не подвела и не погубила! Господи, какая радость сознавать, что они живы-здоровы и свободны! И все-то они любят меня и молятся обо мне. Кроме, конечно, Леонардо – этот просто любит. От радости я засмеялась в голос и тут же

услышала рядом сочувственный шепот:

- Еще одна умом тронулась... Всегда на этапе у кого-нибудь мозги закоротит.
- Ничего, скоро приземлимся, ее и пристрелят, чтоб не мучилась, бедная.
- А с чего это она поплыла? Вроде бы не с чего, смотри, у нее метка Белого острова.
- Ишь ты! Навесили! А на вид-то она ничуть не здоровее прочих.
- Везде блат. Нет на земле справедливости!
- Тс-с! Еще услышит...

«Вау! - мысленно воскликнула я по старинке, - так у меня еще и привилегии! Чего же я унываю?»

- Друзья, - обратилась я к соседям, - а чего это мы так скисли? Давайте хоть споем, что ли!
- Ого! Обсохла девушка, в себя пришла!
- А что? Она права. Петь-то нам никто не запрещал! Клоны никого не слышат, кроме своих начальников, а экологисты в кабине сидят, им не слышно.
- Общий гимн я петь не стану! - заявил решительно чей-то бас.

Общий гимн! Господи, как же давно это было, и какая же я была ду-у-ра! И как же это здорово, что никогда и нигде я больше не затяну про «союз нерушимый» - хоть режьте меня, хоть стреляйте «веером от пуза».

- Да кому он нужен, этот Общий гимн? - произнес женский гнусаватый голос. - Давайте споем хорошую, душевную каторжную или бандитскую песню. «Одинокого киллера в ночи» все знают?

Ну вот, этого только не хватало! Я уже наслушалась в камере на Жизоре этих жутко сентиментальных тюремных песен, в том числе про одинокого киллера, который «глухой осенней ночью» чистит пистолет любимого калибра и тоскует, что придется его, «друга верного, друга единственного» бросить на месте заказного убийства. Душераздирающая драма, что и говорить.

- «Этапный марш» давайте споем, - предложил бас, отказавшийся петь Общий гимн, и первым затянул:

Ты простился с любимой девушкой,

Ты теперь государственный раб.

Ты на лучшее «завтра» надеешься,

А на завтра назначен этап.

Будешь жить за колючею проволокой,

Так, пожалуйста, крепче держись:

Дни покажутся долгими-долгими

И короткой покажется жизнь.

Припев подхватили все, кроме меня:

Прощай, не горюй,

И к смерти будь готов,

Но береги поцелуй,

Живым вернувшись с островов

Потом я пела припев уже вместе со всеми. В песне было много куплетов, и пока пели, никто не стонал и не ругался, боясь испортить песню. А когда мы смолкли, у всех уже было совсем другое настроение. Кто-то переговаривался друг с другом, кто-то рассказывал поучительные истории о жизни на каторжных островах. Бывалый заключенный, говоривший басом, начал давать инструкции по выживанию на каторге: сам он «шел на пятую ходку», то есть был опытным каторжанином. По его словам выходило, что работа на каторге была тяжелая, особенно в рудниках, но зато всех, кто доживал до очередного этапа, просто выпускали на волю: властям нужны были свежие силы, а на планете еще хватало асов, чтобы приток новых заключенных был постоянным. Случалось, что с каторги можно было очень скоро уйти на свободу и снова стать асом, чтобы, набравшись сил на воле, угодить в очередную облаву. Все как-то приободрились, даже начали пошучивать. Мой сосед справа, тощий угрюмый дядька, достал лепешку и начал ее громко есть. Его сосед попросил уделить ему кусочек.

- Когда я ем, я глух и нем, - отвечивал он. Тут же кто-то ехидно продолжил:

- А также жаден и скор.

Раздались смешки. Сосед перестал жевать, мрачно оглядел соседей и пресерьезнейше заявил:

- Да, я жаден. Но жаден я от чистого сердца!

Все так и зашлись от хохота, а просившему кусочек лепешки тут же кто-то передал целую.

Потом была посадка, и часть заключенных выбросили из вертолета. Им кричали вслед пожелания удачи и последние напутствия. Воздух в вертолете очистился мгновенно, и стало легче дышать. В открытый люк мы увидели, что на воле уже ночь, и тоже стали готовиться ко сну. Меня научили, что надо какую-то часть одежды снять с себя и привязать к решетке на уровне головы - тогда к ней можно будет прислониться, не рискуя расшибить лицо во сне. Динин платок очень меня выручил - получилось и мягко, и тепло. Пока я складывала платок, бывалый сосед, оказавшийся теперь через две пустые камеры от меня, внимательно ко мне приглядывался, а потом спросил:

- Тебя никак окольцевали, девушка? Ты что, на Белый остров идешь?

- Ну да, так мне сказали.

- Братва, к нам «пчела» залетела! Будьте осторожны в словах - эти пчелки не мед носят, а доносят! А ну-ка, проверьте по пеналам - сколько их?

- Больше никого нет, Гек! Одна твоя соседка.

- Так. А ты, значит, решила себе печать заработать?

- Нет. Меня на острове какой-то старик экологист пожалел и велел прицепить это кольцо. Я ничего не знаю про Белый остров. Может, вы меня просветите?

- Не врешь?

- Чтоб мне провалиться!

- Не надо. Ты провалишься, а нам в дыру дуть будет. Ладно, слушай. На Белый отправляют только молодых и грамотных, и работа там полегче, чем на других островах. «Пчелам» дается шанс выйти в люди: за хорошую работу и примерное поведение им в конце срока промывают мозги и ставят печать. Не всем, конечно, а тем, кто угодит начальству. Таких там зовут «осами».

«Пчелы, осы какие-то... Что он сказал? Ставят печать? Господи! Ко всему я готова, но только не к этому!»

- Ты чего так побелела-то?

- Как! Да ведь я только что избавилась от своей печати! – проговорила я с отчаяния. Слава Богу, меня никто, кроме соседа, не слышал: в это время кто-то как раз закончил очередной анекдот, и все громко смеялись.

- А ну, покажи правую руку!

Я показала. На пальце еще белело овальное пятно.

- Похоже, что не врешь. Печать сведена... Э, да ты чего реवेशь-то? И на Белом люди живут... Будешь хорошо работать – тебе поставят печать и выпустят.

- Да не хочу я снова ставить эту печать, я ведь вам планетным языком говорю!

- Подумаешь, делов! Да я знаю людей, которые по три раза печать ставили и снова сводили. Надо только знать, где эти операции делают. Ты сама-то откуда?

- Из Лондона, – я настолько была ошарашена, что не подумала об осторожности, да и сосед производил впечатление человека бывалого и до мозга костей асоциального.

- Так! Из Лондона! Да у вас там на Сохо-причалах можно найти умельцев, которые тебя под клона замаскируют – не то что печать сведут. А на третьем причале можешь прямо на Гека Серого сослаться – это я, и тебе там всякий поможет.

- Да не могу я принять антихристову печать добровольно! А теперь мне отказаться от высадки на Белый никак нельзя?

- Поздно, милочка. С тебя снимут это кольцо только в том случае, если у них выйдет перебор с этапом: тогда пойдешь общаком на каторгу. Такое бывает, но редко. Если поймешь, что тебе такой вариант светит – начинай кашлять. На Белом и так половина эков с туберкулезом, им не нужны новые рабочие со слабыми легкими.

- А если я там, на острове, буду кашлять, плохо работать и нарушать дисциплину?

- Останешься там до тех пор, пока тебя можно будет использовать на работе, а потом пойдешь

на корм тамошним сторожам.

- Каким сторожам?

- Узнаешь...

- А почему вы тех, кто идет на Белый остров, зовете «пчелами»?

- И про это ты на месте узнаешь. В общем, как говорят старые люди, молись, чтоб пронесло! Давай лучше спать, утро вечера предприимчивей! - он снял с себя куртку и начал сворачивать ее под голову.

Я закрыла глаза и стала вслух молиться.

- Ты чего там бормочешь, девушка? - спросил меня сосед, наверно, я мешала ему уснуть. - Тебе от расстройства в голову вступило, что ли?

- Я, как вы и посоветовали, молюсь на ночь. Попрошу у Него защиты и милости. Сейчас запустят мотор, и я не буду вам мешать.

- Да ты и не мешаешь. Ты что, боговерующая? Разве их еще не всех уничтожили?

- Да ты что, Гек! - раздался другой мужской голос. - Верующие - это самые крутые асы, им никакой закон не указ, они и на каторге молятся. Между прочим, я сам видал, что от их молитвы толк бывает. А ты, девушка, помолилась бы вслух, для всех. Можешь? А мы бы за тобой повторять стали. Вреда от этого не будет, я думаю.

- Давай, выступи! - кивнул мне Гек. Я начала сразу с «Отче наш» - а вдруг запомнят?

- Отче наш, иже еси на небесех!... Недружные голоса подхватили:

- Отче наш, иже еси на небесех... на небесех... небесех...

У меня сердце замерло и, по-моему, так и не стукнуло ни разу, пока я не дочитала молитву.

- Все? - спросил Гек.

- Эта молитва окончена, но есть еще другие.

- Другие потом. Давай эту по второму кругу. Слова у тебя какие-то трудные. Ну, Отче наш... Как там дальше?

Мы еще два раза успели прочитать молитву, пока затарахтел двигатель, потом лязгнул люк, и вертолет взлетел. Дальше я молилась одна. А может быть, не одна, не знаю. Мы все проснулись, когда вертолет затих.

- Это что теперь? - спросил кто-то бывалого Гека.

- Пересадка на остров Белый. Молитвенницу нашу сейчас будут выводить. А ну, прочти нам еще раз про Отче нашего!

Я дрожащим голосом начала громко молиться, а ээки молились вместе со мной. Мы закончили, и тогда Гек сказал:

- Спасибо тебе, девушка! Я всегда знал, что встречу кого-нибудь вроде тебя. Только я думал, это будет старичок или бабуся, а ты совсем девчонка... Как звать-то тебя? Я теперь тоже за тебя молиться буду, уж больно ты мне душу тронула, а вдруг тебе моя корявая молитва поможет?

Солгать я не могла, а назваться побоялась, но меня осенило:

- Молитесь за Елизавету. Это моя бабушка, которая меня молитве обучила. Она старенькая и больная, ей ваши молитвы нужнее.

- Ясно. Значит, за Елизавету и ее внучку. Вот так я и буду молиться. Так ты не забудь: третий Сохо-причал, Серый Гек. Вдруг пригодится?

Подожли клоны и открыли дверь моей камеры. Я шагнула вперед, чтобы избежать их прикосновений, но они все равно ухватили меня своими клешнями под мышки. И тут я услышала за спиной голос Гека Серого:

- А ну, ребята, проводим молитвенницу «Этапным маршем»!

И меня уволокли под их пение, доносившееся сквозь приглушенный рокот двигателя вертолета. Потом вертолет за моей спиной взлетел, но я догадывалась, что зэки в нем допоят песню до конца.

Меня посадили в другой вертолет, где тоже были клетки, в которых стояли люди. В основном это были совсем молодые парни и девушки – некоторые в зеленых стандартных костюмах. У всех в носу блестели колечки, такие же, как у меня. Некоторые негромко переговаривались, но вообще здесь вели себя куда спокойней, чем на прежнем этапе.

Рядом со мной стояла полная девушка в стандартном костюме, у нее были прямые светлые волосы до талии, каких теперь никто, кроме членов Семьи, не носил. Уловив мой изучающий взгляд, она тоже внимательно на меня посмотрела, но заговаривать со мной не стала.

Этот перелет был еще дольше первого и особенно запомнился страшным холодом. Клоны его, казалось, совсем не ощущали: они сидели на корточках двумя рядами, один напротив другого, закрыв глаза и совершенно не двигаясь. А в клетках люди прыгали, топали ногами, хлопали руками и стучали зубами. Я тоже подпрыгивала на месте и растирала тело сколько хватало сил. Только девушка с длинными волосами, стоявшая в соседней клетке, не двигалась, прислонившись спиной к решетке: на ней ничего не было, кроме зеленого костюма, и она уже не мерзла, а замерзала. У нее даже кончик носа побелел. На мне все-таки был длинный подрясник, а под ним еще и белье. Я со вздохом размотала Динин платок и один конец просунула сквозь сетку, натянутую на каркас наших клеток.

- Послушайте, девушка! Возьмите мой платок, а то вы совсем замерзнете.

Она не отвечала. Хорошо, что она стояла близко ко мне, я начала тыкать ее пальцем и тыкала до тех пор, пока она не очнулась и не поглядела в мою сторону сонным и недовольным взглядом.

- Вот теплый платок. Тяните его к себе! - Ее глаза расширились.

- Вы хотите... отдать мне... свой платок?

- Ну да, а то вы совсем замерзнете. Тяните же, тяните его к себе!

Она нерешительно взялась за кончик моего, то есть Дининого, конечно, платка. Ощувив его тепло и мягкость, она оживилась и стала тянуть его к себе уже всерьез. Но вот беда: это был не бабушкин оренбургский платок, проходивший через ее обручальное колечко! Половина платка пролезла сквозь отверстие в сетке, а дальше он застрял.

- Ладно, лучше так, чем никак. Вы укутайтесь в вашу половину, а я - в свою. Становитесь ко мне ближе!

Девушка послушно прижалась к сетке, и я почувствовала её ледяной бок. Сделав над собой усилие, я прижалась к ней, отдавая свое тепло, а конец платка накинула на голову и плечи.

- Как вас зовут? - спросили девушка сонным шепотом. Кажется, она начала согреваться.

- Сандра, - сболтнула я, сама уже начиная дремать. А-а, все равно она не запомнит...

Наверху становилось все сырее от нашего дыхания, и вот уже закапало с потолка. Капли падали на головы, на лица, заползали под одежду. Холод поднимался снизу, по занемевшим ногам, и растекался по всему телу. Я поняла, что когда он дойдет до сердца, оно тоже онемеет и замрет. Я уже перестала дрожать и начала засыпать тяжелым мучительным сном; чуть проснусь, ткнусь лицом в холодную решетку, подниму голову, приоткрою глаза - и снова начинаю куда-то падать...

Но я не успела дойти до последнего, уже непробудного сна, когда вертолет тряхнуло о землю и его моторы заглохли. Я очнулась и открыла глаза, проснулась и моя соседка. Когда мы отодвинулись друг от друга, я почувствовала холод в боку, оказывается, мы все-таки согревали друг друга.

- Спасибо, вы спасли меня, возьмите свой платок, - сказала она негромко. Но на меня она не взглянула и по имени не назвала. Вот и хорошо.

Клоны поднялись, начали открывать клетки и выводить нас по одному. Некоторые заключенные так и остались в клетках; они не проснулись, хотя клоны пытались их разбудить. Их вслед за нами просто скинули из люка на землю, и они остались лежать темной бесформенной грудой.

Я стояла вместе с другими заключенными в плотном кольце клонов. Подошли два эколога и стали осматривать нас на расстоянии, держась за цепочкой клонов. Я изо всех сил кашляла, стараясь привлечь к себе их внимание; может быть, они поймут, что я больна, и отправят меня назад. Но, увы, кашляли почти все... Было страшно холодно, ветер дул, как мне показалось, со всех сторон. Я взглянула под ноги и увидела плотный утоптаный снег. Поверх голов других эзков мне ничего не было видно, кроме серой мглы, сквозь которую летели крупные хлопья снега. Так вот почему остров называется Белым. Значит, он находится где-то далеко на севере... А если это север, значит, вокруг этого острова вода зимой замерзает и отсюда можно бежать по льду. Я даже кашлять перестала, задумавшись.

Девушка со светлыми волосами, будто подслушав мои мысли, тихо произнесла, ни к кому не обращаясь:

- Этот остров лежит на пути теплого течения. Сам он почти круглый год покрыт снегом, а пода вокруг него не замерзает. Здесь очень холодно и очень сыро.

Подошли еще клоны, по двое. Каждая пара клонов держала на двух железных цепях огромную белую косматую собаку в наморднике из стальных полос. Собаки вели себя беспокойно, глаза у

них горели, они все время рвались в нашу сторону, и низкорослые клоны с трудом их удерживали.

- Псы-людоеды! - сказал кто-то из заключенных.

Мы еще какое-то время стояли, держась поближе друг к другу и с опаской поглядывая на рычащих собак. Потом подошел еще один экологист и велел всем построиться в колонну по пять человек. Подгоняемые тычками клонов, мы быстро встали в колонну. Экологист отдал команду, и нас погнали вперед, сквозь летящий снег. Идти было трудно, потому что ноги скользили по оледеневшему снежному покрытию, и ничего не было видно, кроме спин впереди идущих заключенных. Наконец сквозь снежную мглу стали проступать громады темных строений, окруженных высоким каменным забором. Нас подвели к нему вплотную. Раздался скрежет, и в заборе раздвинулись большие металлические ворота. Нас завели внутрь.

Еще какое-то время мы мерзли во дворе среди длинных зданий с рядами небольших окошек под самой крышей, все также охраняемые клонами и собаками-людоедами. Потом нас опять куда-то повели, мы прошли по довольно широкому глухому коридору, открытому сверху, и в конце концов оказались под крышей. После улицы в этом помещении показалось теплее, и я даже размотала Динин платок и спустила его па плечи, чтобы растереть уши и лицо. Другие заключенные тоже оживились и задвигались, растираясь и топя ногами. Клоны со страшными собаками сюда не вошли, и с нами остались только клоны-охранники.

Посередине пустого помещения большой участок пола был выложен железными плитками и огорожен барьером - тоже железным. Клоны загнали нас за ограду, а сами выстроились по ее периметру снаружи. В конце помещения находилась довольно высокая платформа. На нее по ступенькам взошел экологист, сопровождаемый двумя вооруженными клонами.

- Внимание! Стоять тихо и не двигаться! - скомандовал он. - Сейчас я расскажу вам, что вас ждет на нашем острове. Здесь один я - царь, бог и начальник. Слушайте внимательно, потому что потом вам этого повторять уже никто не станет.

Я наострила уши. Другие тоже замерли и уставились на говорившего. Все, что нам тогда сказал этот страшный человек, я запомнила почти дословно.

- Вы - мразь, отребье человеческое. Так о себе и думайте, потому что так о вас думает наш Мессия. Слава Мессу! Почему молчите? Когда я или кто-нибудь из ваших начальников называет имя Мессии, вы должны громко отвечать: «Слава Мессу!» Попробуем еще раз. Мы все чтим и любим нашего Мессию!... Так, молчите... Сейчас запоете. Дать напоминание! - он взмахнул рукой, и мы все подпрыгнули и закричали от боли и ужаса - нас ударило током снизу, через железо, на котором мы стояли. - Еще раз. Мы все чтим и любим нашего Мессию!

- Слава Мессу! - испуганно и недружно закричали заключенные. Кто-то громко заплакал. Я с гадливостью и страхом смотрела на экологиста и не могла отвести глаз от его лица. Он явно наслаждался нашим страхом, нашей болью, но как он наслаждался! У кого лицо перекошилось, растянутые тонкие губы посинели и прыгали, в углах губ пузырилась пена, ноздри тонкого, с острым горбом, носа раздувались, а глаза быстро обшаривали толпу, останавливаясь то на одном, то на другом искаженном мукой лице. Он коротко, жадно и быстро дышал, лицо его побледнело, а лоб покрылся крупными каплями пота.

- Теперь вы поняли, - сказал он удовлетворенно, приходя в себя и вытирая лицо платком. - Так вот. Нам оказана незаслуженная честь: вы - материал, на котором ставится великий социальный эксперимент, одобренный нашим Мессией...

- Слава Мессу! - завопили ээки.

- Так, хорошо, - разочарованно, как мне показалось, отметил экологист. - Из негодного человеческого материала мы здесь, на острове Белый, пытаемся сделать людей. Но сначала из социального сырья вы надолго станете бессловесными трудовыми пчелами. Труд, труд и труд - вот чем отныне и надолго станет ваше существование. Сейчас вы пройдете санобработку, а потом вас разведут по местам. Вы будете работать, есть, испражняться и спать за конвейером. Раз в месяц ваши рабочие места будут чистить, а вас - мыть и подвергать дезинфекции. Проблема гигиены на нашем острове решена полностью. Теперь о работе. У вас будет работа, которой вы недостойны: вы будете собирать персоникки. Начнете на местах у начала конвейера, затем по мере обретения навыков, а также соблюдения образцовой дисциплины вас будут передвигать все дальше к выходу. Самая сложная работа - проверка готовой продукции довернется только примерным заключенным, твердо вставшим на путь социальной адаптации. Они находятся у конца конвейера, за ними - Отряд социально адаптированных. Члены ОСА со временем направляются на промывку мозгов, после чего они получают персональный код и отправляются на свободу с чистой совестью и всеми правами гражданина планеты. Такое у нас случается довольно часто. Остров Белый - единственное место заключения, где вам, отребью, дается шанс снова стать человеком. Еще о правилах, которые вы будете соблюдать. На острове запрещается разговаривать между собой, разговаривать с персоналом и с самим собой. Запрещается двигаться без команды. Вы здесь все грамотные, команды будете получать на специальном табло, которое находится над каждым рабочим местом. Наказание на острове только одно - удар током. От самого слабого, предупредительного, который вы только что испытали, до самого сильного - убийного. Убитые током, как и подошедшие естественной смертью, идут на корм нашим сторожевым собачкам. Вы меня поняли?

- Поняли! Поняли, начальник! - закричали утратившие бдительность заключенные. Удар током. Мы подпрыгнули.

- Вы меня не поняли. Я предупредил, что заключенным запрещается разговаривать с персоналом. Ответом должно быть внимательное и послушное молчание. Вы меня поняли?

Послушное и внимательное молчание.

- Слава Мессу, на этот раз вы меня поняли.

Молчание. Удар током. Прыжки, восклицания и всхлипы. Экологист снова начал бледнеть и жадно раздувать ноздри.

- Опять не поняли. Какой тупой этап сегодня пришел, однако! Что вы должны делать, когда кто-либо из персонала упоминает имя Мессии?

- Слава Мессу! - заорали заключенные.

- Вот теперь вы поняли. Трудовые пчелы! Поздравляю вас с прибытием на остров Белый и желаю хорошей работы и отличной дисциплины.

Кто-то испуганно пискнул «Спасибо», и на него тотчас зашикали.

Удар током. Прыжки. Молчание.

- Ни звука, что бы вы ни услышали! Вам разрешено только славить нашего дорогого Мессию - и больше ни единого слова! Слава Мессу!

Кто-то закричал, кто-то промолчал. Удар током. Губы эколога снопа начали растягиваться в страшной синюшной улыбке.

- Слава Мессу, я сказал!

- Слава Мессу! - истерично, но дружно закричали заключенные.

- Кажется, начинает доходить. Вывести всех на санобработку!

Нас привели в огромный пустой сарай с мокрым полом и наледью на темных облезлых стенах и приказали снять с себя всю одежду. Раздеваясь, я незаметно сняла с себя крестик и вместе со шнурком положила его в рот. Мы стояли посередине сарая, мужчины и женщины вместе, трясаясь от холода и переступая вмиг оледеневшими ногами. Потом с потолка полилась горячая вода с едким запахом какой-то дезинфекции. Сначала защипало глаза, а потом и всю кожу. Я попыталась помыть голову и с ужасом обнаружила, что у меня в руках остаются клочья волос. Открыв глаза, я увидела, что то же самое происходит у всех: мы лысели прямо на глазах, и через несколько минут наши головы стали похожи на голые черепа. Едкий раствор попал мне в глаза, и мне показалось, что я тут же начала слепнуть, но хлынувшие слезы смыли ядовитую гадость. Больше я глаз не открывала, а просто стояла, опустив руки, и ждала, что будет дальше. Горячий душ сменился еще более горячей воздушной струей, и нас высушило в мгновение ока. Потом нас, голых и облысевших, через холодный дощатый коридор без крыши перевели в другое помещение, где на длинной скамье лежали пластиковые пакеты, и откуда-то сверху прозвучала команда: «Всем одеться!». Одежда состояла из пластиковых костюмов нелепо карнавальной расцветки: широкие желтые поперечные полосы на коричневом фоне. Натягивая «костюм пчелы», я незаметно надела на шею шнурок с крестом. Нам выдали также пластиковые сапоги и круглые черные вязаные шапки - одинаковые для мужчин и женщин. Когда мы оделись, к каждому заключенному подошел клон и прицепил к кольцу, висевшему на носу, тонкую длинную цепочку. Мой клон сразу же дернул за нее. Боль была острая, пронзительная, в носу защипало, и я чихнула. Вокруг раздавалось отчаянное чиханье других заключенных. Кто-то в голос заплакал, а потом коротко вскрикнул и затих. Но я заметила, что клоны никак не реагировали на наше состояние - им оно было безразлично. Друг за дружкой, как собак на цепи, клоны вывели нас из теплого сарая на улицу, где нас тут же до костей пробрал ледяной ветер, и мы снова начали кашлять, сдерживаясь сколько хватало сил, потому что от кашля цепочки натягивались, причиняя острую боль. Все это было ужасно и унижительно, и я не знаю, легче ли нам было оттого, что клоны не проявляли никакого личного отношения к происходящему. Сознательно они нас не мучили и не унижали. Они были похожи на маленьких детей-идиотов старательно выполняющих работу, порученную взрослыми, смысла которой сами они не понимали и не пытались понять. Выдрессировали их так или запрограммировали, я не знаю, но как только я перестала видеть в тянущем меня на цепочке клоне разумное существо, мне стало легче: я уже думала не об унижении, а лишь о том, чтобы цепь не натягивалась слишком сильно, но и не провисала, потому что и последнем случае клон ее наматывал на руку и при этом тоже дергал. Во всяком случае, это было далеко не так противно, как стояние на железной площадке перед экологом-психопатом.

Клоны привели нас в длинное светлое помещение, видимо рабочий цех, всю середину которого занимал медленно движущийся и тихо гудящий конвейер, за которым сидели заключенные - не меньше тысячи, как мне показалось, а может, и больше; конец этого цеха терялся где-то далеко впереди, но возможно, что он и там не заканчивался, а уходил еще куда-то вбок.

Заключенные сидели за конвейером - каждый в своей стеклянной кабинке - чуть выше человеческого роста. Занятые кабинки были закрыты, но в самом начале конвейера было много пустых кабин, гостеприимно распахнувших дверцы - вот и них-то нас и завели клоны.

Я вошла в кабинку, и клон отцепил наконец цепочку от моего носа. Клоны строем удалились. Я перевела дыхание, в голове немного прояснилось, от сердца отлегло. Я потеряла распухший нос и осмотрелась. Почти всю кабинку занимало кресло довольно удобное на вид, почти такое же, какие стоят обычно в недорогих жилищах перед персониками. Впереди кресла, почти вплотную к его ручкам, была устроена неширокая панель, на которой слева стояла большая закрытая пластиковая коробка, а справа лежала красная трубочка. Мимо панели двигалось полотно конвейера, на котором на небольшом расстоянии стояли пустые пластиковые корпуса персоников. Вдоль середины конвейера, на высоте чуть выше проплывающих коробок, были прикреплены на железной штанге небольшие темные табло. Скосив глаза вправо, я увидела, что над занятыми рабочими местами табло светятся и на них почти все время появляются и исчезают надписи. На моем табло стоял номер 34. Напротив, над рабочим местом, на котором сидел какой-то испуганный молодой человек, висела такая же коробка, и на ее глухой стороне стоял номер 35.

Когда вновь прибывшие заключенные заняли свои кабинки, все наши табло одновременно издали негромкий сигнал и засветились. На моем появилась надпись: «Всем вновь прибывшим трудовым пчелам! Занять рабочие места!» Я села. Сразу же появилась вторая надпись: «Всем трудовым пчелам! Пристегнуться!» Ремень был такой же, каким я в прежней жизни пристегивалась на ночь в своем кресле перед персоником. Я застегнула ремень. Рядом раздался глухой вскрик досады. Я повернула голову и увидела, что в соседней кабинке девушка никак не может застегнуть свой ремень. Я привстала с кресла и постучала по стеклянной стенке, чтобы привлечь ее внимание и подсказать ей, как это делается, то тут же меня шарахнуло током, а на табло появилась надпись: «Пчела № 34! Прекратить попытку общения с другими заключенными!» Пришлось подчиниться. Я уставилась на табло. Некоторое время я просто сидела, ни о чем не думая, – отдыхала. Потом я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд слева. Рискуя получить следующий удар, я незаметно скосила глаза к началу конвейера. Оглядев ближайший ряд эзков, сидящих на противоположной стороне, я вдруг среди них узнала ту самую девушку, с которой мы стояли на этапе под одним платком. Теперь у нее уже не было ее прекрасных длинных волос. Мне не удалось поймать ее взгляд – она не сводила зеленовато-серых глаз со своего табло, на котором стоял номер 29, но лицо у нее было слишком уж внимательное, а в углах рта угадывалась сдерживаемая улыбка. Я не сомневалась, что это она заставила меня на нее посмотреть. Не дожидаясь удара током, я чуть заметно кивнула и тоже уставилась на свое табло.

Появилась надпись: «Пчела № 34! Взять в левую руку деталь!» Я сначала не поняла, какую я должна взять деталь и поводила левой рукой над панелью. Меня слегка ударило током – не слишком больно, но противно. Надпись на табло не менялась. И тогда я сообразила, что должна открыть стоявшую на панели коробку. В ней плотно лежали черные пластинки. Я нерешительно взяла одну, с другой стороны на пластинке были блестящие металлические буквы «Альфа – РС11». Это была марка одного из самых дешевых персоников. Надпись на табло исчезла, появилась другая: «Пчела № 34! В правую руку взять контейнер с клеем!»

«Так, имеется в виду вот эта красная трубочка». Я взяла ее в левую руку.

Надпись: «Пчела № 34! Зажав контейнер в кулаке, большим пальцем подцепить и открыть крышку контейнера!» Сделано. Стала видна верхушка клеевого столбика.

Надпись: «Пчела № 34! Аккуратно смазать изнанку фирменного знака клеем!» Исполнено.

Надпись: «Пчела № 34! Внимательно следить за проходящими корпусами изделий. Заметив корпус, на котором нет бирки с фирменным знаком, примериться заранее и наклеить бирку в тот момент, когда корпус подойдет к рабочему месту!» Очень хорошо, значит, я смогу

наблюдать за моей соседкой по этапу под видом внимательного изучения плывущих ко мне корпусов. Я попробовала – табло не среагировало. Отлично! Но я чуть-чуть не проворонила плывущий ко мне корпус без фирменного знака, я спохватилась, когда он уже проплывал мимо меня и поторопилась нашлепнуть на него бирку. Именно поторопилась – бирка приклеилась чуть-чуть косо, за что я сейчас же была наказана ударом тока. Сразу же появилась надпись: «Пчела № 34! Внимательно следить за конвейером! Лучше не делать совсем, чем делать скоро и плохо! Народная мудрость». Интересно, кто это развлекается, наблюдая за нами и командуя через табло? Еще и острить пытается, гад... Неужели это такой же заключенный, как и мы, только «твердо вставший на путь социальной адаптации»?

Я потихоньку огляделась и только теперь заметила, что за нашими спинами, вдоль рядов стеклянных кабинок, по пустому и менее освещенному пространству прохаживаются зэки в костюмах таких же полосатых, как наши, но только черных с желтыми полосами. Так это же и есть «осы» – зэки из отряда социальной адаптации! Они не спускали глаз с «трудовых пчел», наблюдая за ходом работы и за дисциплиной. Но не только наблюдали. В микрофон они передавали сигналы на табло, а с помощью дистанционного управления наказывали провинившихся ударом тока. Увлечшись наблюдением за «осами» на противоположной половине цеха, я не заметила, что один из черно-желтых остановился за моей спиной.

На моем табло появилась надпись: «Пчела № 34! Взять в левую руку деталь!»

– Да знаю, знаю уже... – проворчала я, и тут же подпрыгнула от удара. Ах да, ведь я не имею права разговаривать вслух даже сама с собой! Бессильная злоба вдруг охватила меня. Захотелось что-нибудь грохнуть, расколошматить, разбить собственную голову прямо о панель конвейера, наплевав на воспитание током – пускай убивают! Предклоны проклятые! Я ухватила обеими руками за ворот своего дурацкого «костюма пчелы», пытаюсь разорвать душивший меня пластик.

Правая рука с болезненно пульсирующим большим пальцем ухватила за цепочку креста, и сразу же будто невидимая прохладная рука легла мне на лоб. Сознание прояснилось. Я отпустила воротник и положила руку на грудь, где под дурацким черно-желтым пластиком таился мой крестик.

«Как страшно, – подумалось мне, – а ведь за все время пребывания в обители я ни разу не испытывала таких испепеляющих сознание приступов гнева. А еще раньше, когда я гневалась на мать Евдокию, ревнуя ее к бабушке, кто научил меня бороться с этим? А ведь я боролась! Сама того не понимая, я тогда молилась Богу о даровании мне спокойствия: «Небо, успокой меня!» Так что же мешает мне молиться здесь и сейчас, но уже правильной, обращенной непосредственно к Богу, молитвой? – Ничего. Надо только вспомнить такую молитву, чтобы можно было твердить ее не отвлекаясь от работы и от наблюдения за обстановкой в цехе, чтобы она сама держала меня под охраной».

И я такую молитву вспомнила: святитель Феофан Затворник обучал ей свою воспитанницу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!» Я вспомнила слова из его письма об Иисусовой молитве: «Многие миряне и мирянки молятся сим образом, и Вам пригодится сие». Спаси Господи, отче Феофане, – мне она точно пригодится! Святитель послал девушке четки. У меня четок не было, но я решила вместо четок использовать бирки: одна бирка – одна молитва. Я произносила молитву медленно – по одному слову на вдох и выдох. Очень скоро все во мне успокоилось, как тихая вода. Я даже улыбалась мысленно, вообразив, что персонки с моими бирками будут ломаться при появлении на экране Лжемессии. А может быть, отмеченные моей молитвой, они разбудят в ком-нибудь стремление к духовной жизни? Потом я перестала мечтать и сосредоточилась на работе, не теряя молитвы...

Через несколько часов конвейер остановился, а на табло появилась надпись «Всем трудовым пчелам! Перерыв». Я покосилась вправо, чтобы поглядеть, что делают более опытные заключенные. Они распрямляли спины, не вставая с кресел, потягивались и махали руками, чтобы восстановить кровообращение. Я стала делать то же самое.

Новая надпись гласила: «Всем трудовым пчелам! Приготовиться к доносу!» Конвейер дрогнул и пополз в обратную сторону, а на нем вместо деталей персоников появились доски клавиатур. Когда перед каждым рабочим местом оказалось по клавиатуре, конвейер остановился, а на табло я прочла новую надпись: «Всем трудовым пчелам! Приступить к писанию доносов!» С удивлением я увидела, как многие заключенные пододвинули к себе доски с клавиатурами и начали что-то на них писать, одни с большой скоростью, а другие с трудом выбирая нужные клавиши. Однако! На нашем конце конвейера никто ничего не писал. Потом конвейер снова пополз обратно и унес клавиатуры. Остановка. Новая надпись: «Всем трудовым пчелам! Обед». Конвейер принес на каждое место пластиковый поднос, накрытый прозрачной крышкой. Точно такой, какой я когда-то получала на свой едальный столик у себя дома на «Титанике». Увидев, что другие эки сняли крышки с подносов и приступили к еде, я сделала то же самое. Обед оказался более чем скромным: две лепешки невнятного происхождения и стакан горячего энергена – на вкус рыбно-фруктового. Я ела с большим аппетитом, подобрав все до крошки. Когда я пила свой энерген, я из-за стакана незаметно скосила глаза на № 29. Поймав ее взгляд, я чуть-чуть приподняла стакан. Она подняла свой и повторила мой жест, не глядя и мою сторону. У меня потеплело на сердце. Вскоре конвейер унес опустевшие подносы, а на табло появилась надпись: «Всем трудовым пчелам! Спать». Спинки наших кресел опустились почти горизонтально, а из-под сидений выдвинулось что-то вроде полочки для ног. Шипяще-свистящий звук работающего конвейера стал затихать, конвейер остановился, но свет над ним продолжал светить так же ярко, как во время работы.

Примерно через час нас разбудил громкий сигнал, и на табло появилась надпись: «Всем трудовым пчелам! Отстегнуть ремни и приготовиться к opravке!» Я отстегнула ремень, встала, потянулась и остановилась, не понимая, что же я должна делать дальше. Вдруг часть кресла, служившая мне сиденьем, откинулась, и под нею обнаружилось отверстие туалета. Из него пахло густым зловонием. Появилась команда: «Всем трудовым пчелам! Оправляться!» Я не могла заставить себя сесть над этой зловонной дырой, но легкий удар током помог мне преодолеть брезгливость... Ну а потом нас снова усадили за работу. Конвейер зашипел, засвистел и двинулся. Воздух в цехе понемногу очистился.

Я скоро усвоила, что жизнь заключенных шла по такому режиму: одна кормежка, после нее примерно час сна, ночной сон, продолжавшийся 4-5 часов, две «оправки», один перерыв для писания доносов и все остальное время – работа, работа и работа. И я не знаю, как бы сложилась моя жизнь на Белом, если бы Господь не послал мне мою подругу Миру, любящую, мудрую и весьма предприимчивую!

Глава 16

Система наказаний и поощрений на острове Белый была основательно продумана. Конвейер с двумя рядами рабочих мест был одновременно показателем продвижения одних «пчел» к выходу на свободу и других – к выходу на тюремный двор, где в одном из барачных помещений обитали псы-людоеды, которых надо было кормить мясом...

Новички помещались слева, в начале конвейера, на самых неудобных рабочих местах и выполняли простейшие работы, а по мере продвижения к правому выходу из цеха работа усложнялась, но зато там было теплее и еда была посытнее. В конце конвейера, где снимали готовые персониксы и ставили их на погрузочные машины, снова царил сквозняк, но

работавшие там эки получали теплые комбинезоны и сапоги из настоящей кожи. Дальнейший путь вверх был один-единственный: мерзкий черно-желтый костюм и быстрое превращение в предклона.

С наказанными поступали так: к «трудоу пчеле», получившей замечание на табло, сопровождающееся ударом тока, подходил один из черно-желтых. Он открывал дверцу кабины, прикреплял цепочку к кольцу в носу «пчелы» и переводил ее на одно место влево, к началу конвейера. Таким образом, «пчелы» имели возможность двигаться в обе стороны – к выходу на свободу и на корм собакам-людоедам. Первые три дня нас только били током, приучая к порядку, но на четвертый начали после замечаний передвигать влево. Меня пока Бог хранил...

Но «пчела» могла совершить и дальний перелет в обе стороны. Такое случалось почти каждые несколько дней, и об этом мы узнавали из надписи на табло. Написавший донос мог в виде награды продвинуться сразу на несколько мест вправо. Ценность доноса сначала определяли «осы»: за пустяковый донос на соседа справа можно было самое большее сесть на его место, а меньшее – получить дополнительный стакан горячего энергена. А жертва доноса могла и сразу вылететь в левые ворота цеха. В цех несчастная «пчела» уже не возвращалась, а на табло появлялась надпись: «Пчела №... подвергнута ликвидации за серьезное нарушение дисциплины», то есть пошла на корм собакам-людоедам.

Моя соседка, сидевшая сначала под № 29, через какое-то время оказалась сидящей напротив меня, под № 35. Меня это очень обрадовало, потому что мы сразу начали с ней осторожно переглядываться и обмениваться едва заметными жестами. Как и я, она пропускала мимо себя доску для доносов, но работала старательно и дисциплины не нарушала. Вдруг в один день сразу несколько эков на той стороне были переведены на начало конвейера, и моя визави сразу же оказалась под № 41. Мы могли еще видеть друг друга, но играть в переглядки стало опасно: пришедшие с нами одним этапом уже понемногу вошли в курс дела и тоже принялись активно строчить доносы друг на дружку. По хмурому виду № 41 я поняла, что она тоже огорчена нашей разлукой. А потом случились следующие события. Сначала она опрокинула свой энерген прямо на конвейер и сразу же подпрыгнула от удара током. Подбежавший клон перевел ее под № 39. Потом она во время дневного отдыха, видимо во сне, положила обе ноги на панель конвейера и стала «пчелой № 37». Еще через пару дней она громко, во весь голос, с подвизгиванием, чихнула, подскочила от удара, улыбнулась – и вновь оказалась сидящей напротив меня! Я глубоко и выразительно вздохнула, а за обедом приветствовала ее приподнятым стаканом энергена. Я поняла, что теперь у меня есть подруга. И что особенно ценно в наших условиях, подружка оказалась умней меня!

На время сна конвейер останавливался, за рядами спящих «пчел» прохаживались «осы», табло тихонько гудели. Во сне многие эки стонали, плакали и бредили. Если они это делали слишком громко, их наказывали, но обычно оставляли без внимания. Оказавшись напротив меня, моя подруга во время первого же дневного сна негромко познала: «Сандра!» Я вздрогнула от неожиданности и открыла глаза. Моя подружка напротив спала с приоткрытым ртом и даже слегка всхрапывала. Я решила, что это она во сне вспомнила мое имя, которое я так неосторожно сообщила ей на этапе, немного встревожилась, но потом успокоилась и снова уснула. До вечера мы только переглядывались. А в начале ночного сна я услышала с той стороны конвейера всхрапывание, стон, а сквозь него протяжное: «Зову-у-т ме-е-ня...» Я подумала, что она имеет привычку разговаривать во сне. Бывает. Но примерно через полчаса я снова услышала стон: «Ми-и-ра! Ми-и-ра!» Интересно, о каком мире и кого она просит во сне? Я чуть приоткрыла глаза, посмотрела на нее и увидела, что она положила руку на грудь и указательным пальцем слегка постукивает по ней, продолжая постанывать: «Ми-и-ра, Ми-и-ра... Господи, да ведь это она мне представляется: «Меня зовут Мира»!

Я «во сне» потянулась, улыбнулась и пробормотала: «Очень... приятно... Хр-р-р...» И так, мы теперь были знакомы, но главное – мы научились разговаривать друг с другом. Конечно, этот способ общения был опасным и несовершенным, но для особых случаев годился. А вскоре Мира придумала другой, изменивший всю нашу жизнь на Белом. «Во сне» она мне сказала: «Следи за моей левой рукой!» В левой руке она, как и все, держала фирменную бирку, а в правой – трубочку клен. Сосредоточенно глядя на плывущие к ней корпуса будущих персоников, Мира биркой выбила на своей панели букву «С». Я чуть заметно кивнула. Она вывела «А» – я снова кивнула. Потом она наклеила бирку, взяла другую и ею закончила – Н, Д, Р и А. Я кивнула ей и немедленно ответила таким же способом: «МИРА». Только я, к стыду моему не сразу сообразила, что писать надо перевернутыми буквами, как это делает Мира. Но со временем мы технику писания освоили так, что процесс начертания букв стал похожим всего лишь на легкую дрожь в пальцах. А почему нашим пальцам не дрожать? Работа у нас нервная... С этого времени змеиная шипяще-свистящая тишина цеха перестала на меня давить и угрожать безумием: я молилась и беседовала с подружкой – и этого мне было достаточно, чтобы выжить и сохранить разум. Мира была жительницей острова Иерусалим. Она принадлежала к христианской Церкви евреев, не принявших Мессию. Я ответила на это признанием: «Я православная христианка и тоже не признаю Мессию». От Миры я узнала, что в Иерусалиме появились два пророка, которых звали Элия и Ханох. Они встретились с вождями правоверных иудеев и предоставили им для изучения подлинные древние свитки книг Торы.

Из этих древних писаний вожди выяснили, каким должен быть Мессия и каков должен быть его приход. Правоверные старцы пришли к выводу, что Мессия уже приходил и это был тот самый Иисус, от которого две тысячи лет тому назад отреклись их предки. Они и основали в Иерусалиме Еврейскую Христианскую Церковь. Специальные хирурги, прежде делавшие обрезание новорожденным еврейским младенцам, теперь оперативным путем удаляли членам Христианской Церкви персональные коды, а раввины при этом исполняли особый обряд отречения от сатаны и Антихриста. Элия и Ханох пророчествовали, исцеляли больных и учили, что все люди – братья. – Как хорошо, что мы одной веры – ты и я! – обрадовалась я и тоже рассказала Мире свою историю. Рассказала все без утайки и про бабушку, и про монастырь, ведь я ей абсолютно доверяла. Я сказала, что тоже встретила пророка, и рассказала, как Айно лечил меня. Ее очень заинтересовали школы Айно, она подробно расспрашивала меня о русском монастыре. Но, по-моему, больше всего ей понравилось, как я осталась на обительском острове и одна «функционировала» за целый монастырь, у нее даже глаза разгорелись. Тут-то она меня еще раз потрясла своей предприимчивостью.

- У вашего дяди Леши в гараже оставался бензин?

- Немного, в резервуарах бензопилы и газонокосилки.

- Этого хватило бы. Окна келий можно было держать открытыми.

- Конечно.

- Можно было устроить одновременное зажигание всех свечей в кельях. У тебя был шнур, из которого делали фитили. Надо было пропитать его бензином, отрезки шнура привязать к фитилям свечей на окнах, связать вместе и общий конец опустить к земле. Когда надо зажечь свечи, тыходишь и только поджигаешь спичкой конец фитиля – через полминуты все свечи горят!

- Как ты это сообразила?

- Мне приходилось поджигать бикфордовы шнуры. Принцип тот же.

- А зачем ты их поджигала?

- Приходилось кое-что взрывать.

Вот так мы разговаривали. Жаль только, что голоса друг друга мы почти не слышали, не считая сонных и нарочито невнятных «разговоров во сне».

Мира рассказала мне, как она попала под арест. Она отправилась из Иерусалима собирать деньги у единоверцев в Европе. Ее часто посылали с этой миссией, потому что у нее это здорово получалось. Деньги христианско-иудейской общине нужны были немалые, и шли они в основном на выкуп тех, кто попал в лапы экологов. За деньги они легко отдавали узников, содержащихся на каторге; экологи получали чины и награды за выслеживание инакомыслящих и за их арест, а дальнейшая судьба арестованных уже никого не волновала. Считалось, что все они обречены на гибель, что выживает на каторге только криминальный элемент, в основном бандиты и убийцы.

«Обидно, да? – жаловалась она мне. – На собранные мной деньги выкуплены десятки людей, а меня выкупить некому. Меня арестовали случайно, когда я просто гуляла в Мадриде по набережной. Было жарко, я сняла ненадолго перчатки, а кто-то из прохожих углядел, что у меня нет персонального кода. Вот так меня и сцапали!»

Наши беседы занимали нас настолько, что мы иногда делали ошибки в работе и перескакивали на одно-другое место назад. Но нас это мало огорчало, потому что стоило одной попасться, как другая следом специально допускала какое-нибудь мелкое нарушение, и мы снова оказывались сидящими друг против друга. Но порой, чтобы «осы» не заметили нашей неразлучности, мы ненадолго расходились, сбивая их с толку: либо Мира, либо я застревали позади на неделю-другую и только издали с тоской переглядывались. Но «осы» были настоящими предклонами; они могли думать только о том, что происходит сейчас перед их глазами, а сопоставить события, разделенные во времени, у них ума не хватало: постоянная злоба и психическое напряжение не оставляли им сил для размышлений. Выдержав паузу, мы снова оказывались вместе и тут же начинали наши нескончаемые беседы.

Проходил этап за этапом, и с каждым из них мы продвигались в центр цеха. В центре было тепло, хотя работа была намного сложнее и требовала уже серьезного внимания: тут шла сборка электронной начинки персоников, и каждая ошибка не просто отодвигала нарушителя назад, но сбрасывала его влево на десять-двадцать мест. Нам пришлось немного сократить наши разговоры за работой. Зато уж во время еды мы болтали не переставая, наши пальцы дрожали как листья двух осин на ветру.

Вскоре мы задумались, а что же нам делать дальше? Продвигаться вконец цеха, где находилась привилегированная часть «трудовых пчел», или нет? Выяснилось, что мы обе питаем отвращение к Реальности, но хотели бы смотреть новости. Обдумав все за и против, мы решили продвигаться к новостям и там остановиться. Я не знаю, сколько нам понадобилось для этого времени, наверное несколько недель, но в конце концов этого поощрения мы добились – одновременно оказались на местах, перед которыми на конвейере проплывали уже готовые персоник. Нам выдали наушники, и мы должны были проверять качество этих персоников. Сначала мы видели оригинальную передачу новостей, а затем на персоник передавалось их повторение, записанное в местной студии. Наша задача была в том, чтобы пометить особыми наклейками те персоник, изображение или звук в которых были некачественными.

С ужасом мы узнали, что провели на Белом уже больше года: мы попали сюда прошлой осенью, а сейчас шла уже вторая зима. Мы немного попереживали по этому поводу, вспомнили

наших близких, а потом утешились. Теперь наш мир расширился: мы смотрели новости, обсуждали их и даже иногда спорили. Мира, например, недоверчиво относилась к российской политике и склонна была отчасти верить тому, что в новостях говорилось о России и её царе. По-моему, она только в этом вопросе и доверяла отчасти официальным новостям, я же не верила ничему. Но мы учились слушать и смотреть, стараясь угадать и собрать крупицы правды из этого потока лжи. Так, например, в новостях говорилось, что постройка новой плотины предотвратила наводнение в Скандинавии, а в следующей передаче сообщалось, что Мессия пожертвовал из своих личных средств миллион планет на палатки для пострадавших от наводнения в Скандинавии.

Этой весной, приход которой мы смогли заметить только по новостям, случилось нечто совершенно непредвиденное. В вечерних новостях существовала короткая передача под названием «Поможем найти и разоблачить врагов Мессии». В ней показывали портреты скрывающихся политических преступников и всем, кто о них что-либо знает, предлагалось немедленно сообщить об этом Надзору за крупное денежное вознаграждение. К этой передаче, когда она транслировалась из местной студии, специально для «пчел» делалось дополнение: «В этой акции могут участвовать заключенные. В случае помощи в поимке крупного преступника заключенный может быть освобожден от наказания немедленно». И вот однажды я увидела на экране персоника свой портрет. Это была фотографии, которую когда-то сделал ди Корти-младший: я сижу на диване на его террасе в бабушкиной черной комбинации с широкими кружевами и улыбаюсь в объектив. Мира не обратила внимания ни на передачу, ни на мой портрет. Я сначала ничего ей не сказала, но потом устыдилась своего недоверия и предупредила ее, чтобы во время повторения передачи новостей она обратила внимание на передачу «Поможем найти врагов», а в ней – на мою фотографию. Мира вначале меня не узнала: мало того, что я теперь была лысая, как коленка, я еще и выглядела, видимо, намного старше, чем тогда... Но взглядевшись, она написала: «Да, это ты. А ты была красотка! Что тюрьма с людьми делает!» Я ей ответила: «На себя посмотри!» Мира чуть улыбнулась и ответила: «И не дай Бог увидеть даже во сне! Ты была хороша собой, но зато теперь выглядишь значительно умнее, – а потом продолжила: – И как, по-твоему, мы можем это использовать?» Я очень удивилась: «Как МЫ можем это использовать, я не знаю и не представляю. Как ТЫ – знаю, но тоже не представляю. Ты же не донесешь на меня!» И тут моя дорогая подруга Мира начинает задумчиво вычерчивать своим тонким пальчиком: «А почему нет? Почему бы и нет?» Я ей телеграфирую: «Ты с ума не сошла?!» Она отвечает: «Нет! И пока это не случилось с нами обеими, надо из этой ситуации получить максимальную пользу. Может быть, даже вырваться отсюда. Думай, Сандра, думай!» У Миры на лице появилось сосредоточенное выражение и не сходило несколько дней. Признаюсь, что несколько раз сомнения на ее счет подкрадывались ко мне, хотя я тут же их отгоняла: Мира не предаст. Но о чем же, в таком случае, можно так сосредоточенно размышлять? Она почти не вступала со мной в беседы и не отреагировала даже на заявление Мессии о том, что на планете уже давно не используется труд заключенных. Впрочем, это сообщение промелькнуло только раз в вечерних новостях, а потом, при повторении, в местной студии его вырезали, так что и обсуждать стало нечего.

Через неделю Мира потребовала, чтобы я подробнейшим образом рассказала ей, откуда Надзор мог получить мою фотографию и при каких обстоятельствах она была сделана, после чего задумалась уже на две недели.

И вот в один прекрасный день Мира мне заявляет: «Я знаю, что нам надо делать. Вопрос стоит так: доверяешь ли ты мне и сможешь ли ты одна выдержать здесь столько, сколько понадобится, пока я найду деньги на твой выкуп?». Я испугалась: «Меня нельзя выкупить, ведь я не хочу, чтобы власти узнали мое имя!» «Нашла о чем беспокоиться! Имя у тебя будет еврейское: экологисты привыкли, что я выкупаю только евреев». Мне ничего не оставалось,

как ответить утвердительно. И тогда Мира протелеграфировала мне свой план. Состоял он в том, что она делает на меня донос, но говорит, что встречалась со мной задолго до ареста. Во время допросов она отвечает таким образом, чтобы вызвать новые вопросы, а из них постарается понять, что именно известно обо мне экологистам. Затем она «вспомнит» ровно столько, сколько нужно, чтобы доносу поверили и ее освободили, а меня бросились бы искать где-нибудь подальше отсюда и еще дальше от моей бабушки и сестер с матушкой Руфиной. Затем она найдет деньги на мой выкуп, и с Белого будет освобождена за деньги «трудовая пчела» еврейка Лия Лехтман, то есть я. Но у меня еще оставались сомнения: «Мира, сколько это может стоить?» «Обычная цена – миллион планет». Я усмехнулась про себя и ответила: «Все отменяется. У меня никогда не будет денег, чтобы вернуть такой долг». Мира чуть-чуть приподняла одну бровь, что в наших обстоятельствах выражало крайнюю степень удивления: «А кто сказал, что тебе придется отдавать какие-то долги? Это я буду искать деньги на выкуп моей лучшей подруги, а все остальное тебя не касается!» В общем, мне пришлось согласиться полностью и на все. После этого Мира сказала: «Давай эту неделю просто посидим, поговорим о жизни. А потом ты что-нибудь натворишь и отлетишь как можно дальше назад». «Зачем?» – удивилась я. «Затем, конечно, чтобы мне не стыдно было смотреть тебе в глаза во время доноса!» – ответила Мира, едва сдерживая улыбку. – Дурочка! Чтобы никто случайно не заметил сходства моей обычной соседки с разыскиваемой преступницей». Я уже говорила, что Мира была намного умней меня.

Неделю мы говорили просто о жизни. Я рассказала Мире, как найти мою бабушку, и попросила ее сказать ей, что я жива и здорова, но без особой необходимости не говорить, где именно я живу и здравствую... А через неделю однажды утром Мира сказала мне одними глазами: «Пора!». Выждав, когда по новостям показывали сцены счастливой народной жизни и в том числе ломящиеся от продуктов склады еды в жилых домах, я грохнула кулаком по новенькому персонику и завопила на весь цех: «Хочу нормальной еды! Хочу хлеба, хочу мяса, хочу макарон! С томатным соусом! Хочу нормальной еды!» Меня шарахнуло током. Ко мне сразу бросилось несколько «ос», которые схватили под руки, даже не цепляя цепочки к моему носу, и поволокли налево. По дороге я «пришла в себя» и стала растерянно оглядываться. Номер сработал, моя выходка была принята за обычную истерику, и меня, слава Богу, бросили за конвейер, и даже не у самого входа, а в начале сборки электроники. Но это было уже за сотни метров от Миры, и я не видела, как она написала донос и что из этого вышло. Я ее вообще больше не видела.

И потекли недели каторжной жизни в одиночестве. Я медленно продвигалась к центру конвейера и старалась не думать о Мире и ни на что не надеяться, чтобы потом не было стресса. Зато я вспоминала все наши с ней беседы, старалась припомнить все, что она рассказывала о себе, чтобы сохранить хотя бы память о ней.

Теперь уже я жила только молитвой. Вскоре и воспоминания о Мире отодвинулись в такую даль, что стали в один ряд с мыслями о бабушке, о монахинях, о Леонардо. По конвейеру мимо меня ползли и уползали в вечность минуты, часы, дни и недели. Дни казались такими долгими, долгими, а жизнь – такой короткой...

И вот однажды во время обеденного перерыва на табло появилась надпись: «Трудовая пчела Лия Лехтман, встать!» Я поглядела направо и налево – эта надпись была на всех табло. И тогда я встала.

Не было никаких допросов, никакого оформления документов – со мной вообще никто ни о чем не разговаривал. «Осы» вывели меня из цеха и передали клонам. Зима давно кончилась, нигде не было ни пятнышка снега, но мне все равно было очень холодно в пластиковом костюме «пчелы», а глаза ломило от дневного света. Два клона затащили меня в вертолет, который

только что доставил на остров очередной этап, и запихнули в железную клетку. Повторился весь этапный путь, только в другую сторону. Да еще я была одна и на мне не было теплого платка. Чей же на мне был платок во время первого этапа?... Бабушкин?... Мирин?... Он был такой теплый-теплый...

Я не знала, куда меня привезли, но когда меня спустили на землю из кабины вертолета, я сразу взмокла от жары. Разница в температуре показалась мне огромной по сравнению с той, к которой я привыкла на Белом. Удивительно, но от тепла и солнца мне стало плохо: закружилась голова, затошнило. А ведь еще совсем недавно казалось, что нет на свете ничего дороже солнечного тепла и света! Вместо клонов ко мне подошли два экологиста и о чем-то спросили. От их громких голосов у меня зазвенело в ушах, а слов я так и не разобрала. Я только молча смотрела на них и щурила глаза от невыносимо яркого света. Тогда экологисты взяли меня под руки и повели мимо каких-то зданий, похожих на склады. Потом был высокий забор и железные ворота, закрытые. Возле ворот стояла каменная будка. Мы вошли в нее через узкую железную дверь. Потом передо мной открылась вторая дверь, и я увидела дорогу, а на другой ее стороне - дерево и зеленую траву под ним. Я постояла и пошла к дереву. Никто меня не задерживал. Я только услышала, как за моей спиной с лязгом захлопнулась железная дверь.

Я медленно, покачиваясь, перешла дорогу, села под деревом на траву и погладила ее рукой. Трава была настоящая и пахла травой. Под деревом было не так жарко. Оно было большое и доброе. Я легла на зеленую траву и уснула.

Когда спустя какое-то время я проснулась, уже стало смеркаться. Я села, прислонясь спиной к еще теплому стволу, и стала оглядываться. Передо мной в обе стороны уходила широкая пустая дорога. На другой стороне ее стоял длинный высокий забор с воротами и будкой. Возле будки был железный навес, под ним стояла скамейка, а на скамейке какой-то человек сидел, положив руки на спинку и опустив на них голову. Чуть подальше на краю дороги стояла большая зеленая машина. Она показалась мне смутно знакомой. Я встала и медленно, пошатываясь, побрела через дорогу.

Я долго стояла над спящим человеком и все не решалась заговорить: я думала, что у меня это не получится. Наконец я кашлянула и сказала:

- Леонардо... Что ты тут делаешь, мио Леонардо?

- Тебя жду, кара Сандра, - ответил он, не поднимая головы. Я подошла еще ближе и тронула его за плечо.

- Проснись, Леонардо. Я уже пришла.

Леонардо опомнился, вскочил со скамейки, подхватил меня на руки и побежал к джипу.

- Кара Сандра! Моя Сандра! Едем домой! Я не хочу ни одной лишней минуты быть здесь! Я им не верю! - шептал он на бегу. - Скорей, скорей прочь отсюда!

Он шептал эти слова мне на ухо, а мне казалось, что он кричит так громко, что его слова слышны на много километров вокруг: я совсем отвыкла от живой человеческой речи.

Леонардо посадил меня на пассажирское сиденье и пристегнул ремнем. Потом он обежал джип, запрыгнул в кабину и сразу рванул с места.

- Кара Сандра... кара Сандра... кара Сандра... - бормотал он, как помешанный, но машину вел

быстро и уверенно. А меня от езды трясло, и я стала сползать из-под ремня на пол кабины, потому что сиденье было неудобное, не такое, как за конвейером. Голова не держалась на шее, а пристроить ее было некуда. – Сандра, любовь моя, потерпи немного! Дай только отъехать от них подальше, и я все сделаю, чтобы тебе было удобно и хорошо. Потерпи, бедная моя!

Я терпела. Я только говорить не могла, а мне так хотелось его успокоить.

Потом машина остановилась. Леонардо вышел и начал возиться в салоне.

– Кара Сандра, что ты хочешь сначала – есть, пить или спать? Может быть, тебе надо в туалет?

– Вечерняя оправка еще не скоро... Я хочу... Я хочу яблоко и бабушку! И спать под одеялом. Чтобы было тепло-тепло...

– Давай-ка сначала переоденемся: в этом пластике ты никогда не согреешься.

– Я устала и хочу спать.

– А бабушкин костюм наденешь? Шелковый!

Я кивнула. Леонардо помог мне переодеться в бабушкин дорожный зеленый костюм – такой ласковый-ласковый на ощупь! Потом он перенес меня в салон джипа и засунул в теплый спальный мешок. Я хотела сразу уснуть, но он приподнял меня за плечи и заставил выпить что-то прохладное, кислое и сладкое. Я сделала несколько глотков и больше не смогла. Тогда он накрыл меня поверх мешка еще чем-то теплым, подоткнул с краев, а в руки мне дал большое яблоко. Потом он снова сел за руль, и мы поехали дальше.

Меня уже больше не трясло. Было уютно и тепло. Яблоко было такое крепкое, что я не смогла откусить ни кусочка – зубы у меня шатались в деснах. Но зато его можно было нюхать. Оно пахло садом, бабушкой, жизнью... Яблоком оно пахло.

Глава 17

Мы ехали и ехали, а я все спала и спала. Стоило мне проснуться и тихонько позвать Леонардо, он сейчас же оборачивался на мой тихий зов, останавливал машину и шел ко мне. Он разговаривал со мной, хотя я почти не отвечала, кормил и поил меня, выносил на руках из машины, чтобы я могла освободить мочевой пузырь и кишечник, я делала это прямо у него на руках, как ребенок. И все эти нехитрые действия отнимали у меня так много сил, что как только он укладывал меня в машину, я тут же снова засыпала. Спала я без снов, только молилась во сне.

Как-то, совершив с помощью Леонардо все свои подвиги в придорожных кустах, я попросила его не относить меня обратно в джип, а дать немного полежать на земле.

Он вынес спальный мешок, расстелил его на трапе и уложил меня на него. Я лежала и чувствовала под собой живую землю, а сверху – небо. Потом я села и огляделась. Вокруг стояли горы поросшие высокими темными елями.

– Это Альпы? – спросила я.

– Нет, кара Сандра, это Карпаты. Мы едем по восточному берегу Европейского моря.

– К бабушке?

- Сначала ко мне. Ты должна немного прийти в себя и поправиться, а то испугаешь бабушку.
- Я хочу к бабушке.
- Как только ты встанешь на ноги, мы сразу же к ней поедem.
- Бабушка волнуется... Ей вредно...
- Она знает, что ты со мной.
- Ну хорошо...

Столь долгий разговор утомил меня, и я снова уснула и не слышала, как Леонардо перенес меня обратно в машину.

Однажды, когда Леонардо утром открыл дверцу, чтобы вынести меня наружу, в салон джипа ворвался теплый ветер. Я принялась и спросила:

- Чем это так хорошо пахнет, Леонардо?
- Морем, Сандра. Мы уже приближаемся к Средиземному океану. Мы уже сегодня будем дома.

Вечером мы спустились с гор и въехали в городок, где жил Леонардо. В темноте я не узнавала улиц, но когда Леонардо вынес меня из машины и понес к дому, я узнала запахи Мерано: пахло нагретым камнем, берегом, розами и... фруктами!

- А фрукты будут? - спросила я.
- Будет фруктовый сок.
- А фрукты?
- Фрукты - завтра.

В квартире Леонардо пахло солнцем и сухой пылью. Он отнес меня на кровать и открыл настежь все окна и балконную дверь. Потом он заставил меня выпить стакан подогретого сока и велел спать. Засыпая, я слышала, как за окном шумят волны. Как будто кто-то большой и мудрый листает страницы огромной книги, и они шелестят, шелестят, шелестят...

Я очень медленно приходила в себя. Сил у меня совсем не было. Я целыми днями спала. В промежутках ела, тихо радовалась Леонардо и опять засыпала. На мне появилась аккуратно заштопанная во многих местах шелковая пижама, явно не с плеча Леонардо - на нем бы она лопнула.

- Какая маленькая пижама... Чья она?
- Завел на всякий случай, - засмеялся Леонардо. - Я подумал, а вдруг меня снова посетит какая-нибудь красивая девушка и останется у меня ночевать, а у меня и пижамы для нее нет! Пришлось завести. Вот она и пригодилась.
- Болтунишка...

Леонардо снял с меня мой крестик и починил его, приделав к нему каким-то образом новое колечко, и вместо почерневшего шнура продел в него тонкую серебряную цепочку. Но все это

я заметила сквозь сон. Я почти не просыпалась даже тогда, когда он водил меня в туалет и под душ. Однажды я что-то вспомнила и сказала ему:

- Из тебя получился бы хороший дедушка. Знаешь, меня в детстве дедушка Илиас купал, даже бабушке не доверял...

- Из меня и отец получится неплохой, вот увидишь...

Про отцов я ничего не знала, поэтому в ответ просто уснула.

Я чувствовала, как во сне постепенно расслабляются и расправляются мои сжатые и скрюченные нервы, сосуды и мышцы. Потом они, расправленные, стали наполняться покоем, а после уже и силой.

Как-то я проснулась оттого, что мне слышались голоса: один принадлежал Леонардо, а другой, женский, был мне совершенно незнаком... Говорили они по-итальянски. Я решила, что к Леонардо заглянула его знакомая или соседка. Потом я услышала собственное имя, произнесенное несколько раз женским голосом. Я встревожилась.

Потом кто-то вошел в комнату и наклонился надо мной. Я открыла глаза. Незнакомая красивая женщина с короткими светлыми волосами глядела на меня зелеными глазами, гладила меня по руке и улыбалась сквозь слезы.

- Сандра! Ты меня слышишь? Ты узнаешь меня?

Я долго вглядывалась в нее, пока в этом круглом загорелом лице с заплаканными глазами не проступило что-то очень знакомое и дорогое...

- Мира? Это ты?

- Я, родная моя. Вот видишь, прошло всего несколько месяцев, и мы встретились. Но как же ты дошла за это время, бедняжка! Ну здравствуй, подружка, уж теперь-то мы с тобой поболтаем!

Она сжала мою руку, и мы обе заплакали. Я не представляла себе, что Мира может плакать! Вытирая мне слезы своим платком, она сказала то же самое:

- Я и не представляла, что моя Сандра умеет плакать!

Мы обе рассмеялись, и это было так чудесно - слышать смех друг друга.

Взявшись за дело вдвоем. Мира и Леонардо быстро поставили меня на ноги. Они наперегонки заботились обо мне с утра до вечера, но при этом Леонардо был нежен, а Мира - сурова, и это сочетание оказалось для меня благотворным. Леонардо уговаривал меня побольше спать и боялся, чтобы на меня пылинка села, а Мира заставляла меня каждый день делать гимнастику и даже поднимать камни, которые она принесла с пляжа. Леонардо на ночь подтыкал мне одеяло, чтобы я не простудилась, а Мира заставляла меня лежать голышом на полу перед распахнутой балконной дверью, чтобы на меня сквозь занавеску падали солнечные лучи. Только в одном они сходились полностью - в любви к макаронам, от которых я будто бы должна была немедленно набрать вес. Готовили они их по очереди, выхваляясь один перед другим какими-то своими особенными рецептами.

Кстати, о макаронах. Понемногу Мира и Леонардо рассказали мне все новости, самой печальной из которых было известие о недавней смерти старого макаронщика Ромео ди Корти-

старшего. Умер он, слава Богу, легко – во сне. Молодой ди Корти был взбешен, когда семейный адвокат прочел ему завещание отца: все, что еще не было передано Ромео ди Корти-младшему при жизни отца, по завещанию отходило не ему, а Леонардо – «моему верному молодому другу и помощнику», как было написано в завещании. Не считая довольно скромной суммы денег, это было именно то имущество отца, которое Ромео ди Корти-младший ненавидел и мечтал уничтожить, – макаронная фабрика и сад.

Такими были наши итальянские новости. А про бабушку я узнала вот что. Бабушка больше не жила в своей баварской усадьбе, она ушла вместе с монахинями и общиной матери Ольги, и никто не знал, куда они все скрылись... Но об этом надо рассказать подробнее.

Миру после ее «доноса» в самом деле немедленно освободили. Она сообщила экологистам, что встречала девушку с фотографии, которую зовут Юлией, в разных городах Европы. Она сказала им, что, по ее мнению, Юлия – аферистка, выдающая себя за экологистку с мошенническими целями: она, то есть я, будто бы посещала уединенные усадьбы членов Семьи, входила к ним в доверие, а потом исчезала, похитив у них драгоценности, золото и антикварные вещи. Это не только полностью «объясняло» мое появление на вилле ди Корти, но и должно было остановить дальнейшие розыски ловкой мошенницы, ведь к такого рода преступникам власти относились довольно снисходительно.

Когда Мира вернулась на остров Иерусалим, она сказала своему раввину, что спаслась с моей помощью и попросила денег на мой выкуп. Она сказала всю правду: что я на самом деле никакая не Лия Лехтман, а православная христианка русско-греческого происхождения. К ее огорчению и возмущению, раввин отказался платить выкуп за не еврейку. Тогда Мира отправилась собирать деньги самостоятельно. Из принципа она продолжала говорить правду, но многие иудеи-христиане все же давали золото и камни на мой выкуп. Уже через два месяца после своего освобождения она собрала миллион драгоценностями и золотом. Но когда она, используя свои многочисленные полезные знакомства, раздавая взятки направо и налево, пробилась со своим прошением к нужному человеку в руководстве Экологической Службы, тот взял у нее золото, а потом потребовал еще столько же, объявив, что в связи с тем, что Мессия строит в Иерусалиме Всемирный храм, выкуп за евреев вырос вдвое. Тогда Мира, не видя другого выхода, поехала к моей бабушке и все ей рассказала. В бабушкиной усадьбе она застала монахинь и членов общины матери Ольги: в Пиренеях их опять едва не обнаружили экологи, но им удалось вовремя уйти, и они нашли временный приют у бабушки. Мира понадеялась, что недостающую половину моего выкупа соберут православные. Уже через месяц бабушка вызвала ее и вручила ей миллион планет золотом. При этой встрече присутствовал Леонардо, которому бабушка и поручила ехать меня встречать. Она сказала ему и Мире, что усадьба ею продана, и она уходит оттуда вместе с монахинями и матерью Ольгой, а мне велела передать, чтобы я не забыла про тайник с наследством. И еще, что она любит меня и ждет встречи со мной.

- Где она меня ждет? – тут же спросила я, поднимаясь с постели.

- Не знаю, – сказала Мира.

- Не знаю, – сказал Леонардо.

Я задумалась. У меня еще плохо работала голова, но в конце концов я вспомнила, где бабушка должна была оставить для меня наследство, и сказала:

- Я уже совсем здорова. Дайте мне немного денег, и я поеду на своем джипе в Баварский Лес.

Леонардо и Мира переглянулись с понимающим видом.

- Тебе еще рано выходить из дома, а уж тем более сидеть за рулем, - сказала Мира. - И ты не поняла нас, бабушка больше не живет в Баварском Лесу, она продала свою усадьбу.

- Я поняла, Мира, но мне надо в Баварский Лес, - и умоляюще посмотрела на Леонардо.

- Я, конечно, отвезу тебя туда, если ты просто хочешь еще раз взглянуть на усадьбу, где прошло твое детство. Но ты ведь понимаешь, что бабушки там нет? - сказал он.

- Понимаю. Но мне все равно туда надо.

- Хорошо, - сказал Леонардо, - я отвезу тебя, как только ты окрепнешь и сможешь перенести дорогу.

- Вы оба сумасшедшие! - объявила Мира. - Два сапога пара!

- Да, мы хорошая пара, - согласился Леонардо.

Конечно, Мира была права - ехать я еще никуда не могла, я и до туалета с трудом добиралась. Но и Мира пока не выглядела такой здоровой, какой я ее увидела впервые на этапе. Интересно, какой же она была, когда вышла на свободу?

- Мира, когда тебя выпустили, тебя кто-нибудь встречал?

- Кто мог меня встречать? Меня ведь не выкупили - меня выпустили как «твердо вставшую на путь социальной адаптации». Еще спасибо, что не наградили за донос на тебя антихристовой печатью!...

- Так что же, тебя просто вывезли с острова и выкинули за ворота пересыльной тюрьмы?

- Ну да, там, напротив ворот было такое большое-большое дерево. Я спряталась за ним и проспала целый день в густой траве, и только к ночи смогла двинуться в путь. На пересылке мне сказали зэки, что неподалеку, всего в двадцати километрах, есть небольшой городок Гамбург - остатки когда-то огромного немецкого портового города.

- И ты прошла пешком эти двадцать километров?

- Конечно. Мимо меня все время проходили какие-то военные машины, а уж с военными связываться мне никак не хотелось. Когда я слышала их издали, я сходила с дороги и пряталась. Только тогда я поняла, что планетяне подсознательно выбрали правильный цвет для своей одежды - зеленый, чтобы можно было при необходимости спрятаться в траве и в кустах.

- А что ты ела?

- Мне дали две лепешки на дорогу.

- Ну добралась ты до города, что же ты там делала - одна, без денег, без персонального кода?

- Сандра, у меня почти в каждом городе бывшей Европы есть свои люди. У нас, евреев, было свое государство - Израиль, но мы такие непоседы, вольные и невольные, что продолжали странствовать по всему белому свету. Это у нас и в истории, и в крови. Что ты хочешь - кочевой народ! Знаешь, есть такая древняя иудейская традиция: прощаясь, мы говорили друг другу: «В

будущем году - в Иерусалиме!». Так и до сих пор говорят евреи по всему миру, но при этом сами в Иерусалим не торопятся, тем более сейчас. В общем, я быстро нашла в Гамбурге еврейскую семью и у них отлежалась и отъелась. Как меня там кормили! Кстати, я сейчас проеду как раз по той части Европы и заеду к ним в Гамбург, чтобы еще потолстеть. Я ужасно люблю быть толстой, я при этом как-то устойчивей чувствую себя на земле.

- А ты на обратном пути к нам заедешь?

- Если буду ехать через Италию, а не через Грецию. Я ведь тоже разъезжаю на джипе, личного самолета у меня пока нет, хотя пора бы завести. Приходится пользоваться паромом. А без персонального кода - значит за взятку сотруднику туристического бюро, а взятки надо предлагать тому, кто берет. Хотя берут теперь почти все, но можно напороться на того, кого кормят не взятки, а доносы на тех, кто берет взятки.

- Ой, Мира, какая у тебя сложная жизнь.

- Никакому врагу, кроме Антихриста, не пожелаю этих вонючих сложностей! В общем, если смогу заказать билет на паром через Италию, обязательно так и сделаю. Тогда я скоро, может быть, уже в следующем месяце, снова появлюсь у вас.

Через три дня Мира укатила по своим таинственным делам, а на другой день выехали и мы с Леонардо. Теперь я уже сидела рядом с ним на переднем сиденье. Мы проехали мимо дороги на виллу Корти, обсаженной «бабушкиными зонтиками», сложенными и раскрытыми, то есть пиниями и кипарисами. Потом проехали мимо сада ди Корти-старшего. Я помолилась о том, чтобы Господь даровал ему оставление грехов, Царствие Небесное и, если это возможно, немножко каких-нибудь райских макарон.

На перевале мы остановились, вышли из машины, и выпили по чашечке кофе, возобновив старую традицию. Правда, кофе был не очень вкусный, ведь никто не умеет варить кофе так, как моя бабушка!

Через три дня, к вечеру, мы подъехали к бабушкиному острову. Я знала, что тайник должен быть в каменном столбе ворот, но каких? В усадьбе было двое ворот: одни вели с аквастрады на остров, другие - прямо в усадьбу. Ворота на мост были широко распахнуты. У меня дрогнуло сердце, ведь бабушка, обычно державшая их крепко запертыми, ожидая меня, всегда заранее раскрывала их настежь.

- Едем к дому, Леонардо! - попросила я волнуясь, - а вдруг?...

Мы въехали через мост на остров, проехали через бабушкин лес и подъехали к воротам, ведущим в усадьбу. Они тоже были открыты. Возле дома стояли шикарные мобили, а из раскрытых окон доносилась громкая танцевальная музыка, голоса и смех многих людей: в усадьбе были гости.

- Подъезжай к самым воротам, - сказала я Леонардо.

- Ты хочешь заехать в усадьбу? - спросил Леонардо. - Я думаю, тебе не стоит этого делать: наверняка внутри они уже все переделали по-своему и, конечно, испохабили. Это же Семья!

- Нет, туда мне уже не надо. Я только хочу взглянуть на столбы у ворот.

Леонардо пожал плечами и подъехал к воротам. Слава Богу, охранника у ворот не было. Я осмотрела столбы и увидела, что они на треть сложены из дикого камня, и только выше

начинается кирпичная кладка. Я решила вернуться к воротам у моста. Леонардо послушно развернулся и поехал к выезду с острова. Не выходя из машины, я оглядела столбы ворот и тотчас увидела в самом основании правого столба кирпич, который был гораздо светлее других. Я хорошенько пригляделась к нему, чтобы сразу найти потом, когда мы вернемся сюда в темноте.

- Мы сейчас отъедем назад, остановимся в лесу на соседнем островке, а когда стемнеет и в усадьбе погаснут огни, вернемся сюда. Возможно, нас ждет здесь послание от бабушки.

- Ах вы, конспираторы! - улыбнулся Леонардо. - А я уж не знал, что и думать. Ну, командуй, куда ехать? Ты ведь все тут знаешь.

В лесу на соседнем островке мы нашли такое место, откуда сквозь деревья проглядывали огни бывшего бабушкиного дома, и там остановились на лесной дорожке. Ждать нам пришлось почти до утра - в усадьбе веселились напропалую. Под утро, когда уже чуть развиднело, мы снова подъехали к воротам. Я выскочила из джипа и подошла к правому столбу. Замеченный мной кирпич и сейчас был отчетливо виден. Я потрогала его рукой, надавила - и кирпич легко повернулся по центральной оси. За ним было полое пространство, и в этой полости моя рука нащупала что-то, завернутое в шуршащий пластик. Один за другим я извлекла из тайника три небольших пакета, обернутых пластиком и заклеенных скотчем. У меня в руках было бабушкино наследство. Я аккуратно поставила кирпич на место и расправила траву возле столба, чтобы никто не догадался, что тут кто-то стоял этой ночью.

- Едем скорей отсюда! - сказала я Леонардо, садясь в кабину. - Мне не терпится поглядеть, что тут такое. Может быть, бабушка оставила мне письмо, в котором сказано, где ее искать.

Мы покинули бывший бабушкин остров и проехали еще несколько километров по аквастраде, прежде чем я решила остановиться и посмотреть на бабушкино наследство. Я попыталась раскрыть самый большой пакет.

Леонардо заглушил двигатель, включил свет и достал карманный ножик:

- Возьми, не рви скотч пальцами - порежешься!

У меня все равно ничего не получалось, потому что пальцы дрожали. Тогда Леонардо взял пакет из моих рук и аккуратно взрезал его ножом. В пакете оказалась деревянная шкатулка, младшая сестра той, в которой бабушка хранила свои драгоценности. Я подняла крышку и увидела, что так оно и есть, - в шкатулке лежали драгоценности. Я поискала, нет ли среди них письма или записки, но кроме сверкающих камней и металла в ней ничего не было. Я поставила ее в ноги и протянула руки за следующим пакетом, который Леонардо уже успел надрезать.

- Давай, давай скорей! Может быть, здесь!

Во втором пакете лежала книга в старинном кожаном переплете. Значит ли это, что когда бабушка уезжала из усадьбы, ди Корти-старший был еще жив? Может быть, эта книга для него?

- Леонардо, бабушка знает о смерти ди Корти-старшего?

- Конечно, знает. Он умер около года тому назад. А почему ты вдруг вспомнила о нем?

- Бабушка когда-то говорила, что оставит мне в наследство книги, которые я смогу продать ди

Корти.

- Значит, у тебя в руках книга предназначенная не ему, а тебе.

Может быть, в книге письмо? Я перевернула ее и на весу пролистала страницы - из книги ничего не выпало, кроме закладки из выцветшей шелковой ленты с вышитым крестиком. Тут только я догадалась посмотреть, а что же это за книга? Это было Евангелие, старинное русское Евангелие с текстами на церковно-славянском и на русском языках. Я открыла титульный лист и прочла надпись: «Моей дорогой внучке от любящей бабушки на молитвенную память». Я поцеловала Евангелие и положила его на приборную доску.

Оставалась третья и последняя надежда. Я протянула руку, и Леонардо вручил мне надрезанный пакет. Из него я достала икону Божией Матери, написанную на толстой доске. Точно такая икона, только большая, висела в нашей церкви в монастыре. Я приложилась к ней, а потом повернула ее обратной стороной и прочла надпись, сделанную бабушкиной рукой: «Мое благословение на весь твой путь. Бабушка» - и больше ни слова. Даже имя мое она нигде не написала!

Так я и не узнала ничего, кроме того, что бабушка меня любит, а это я и так знала! Я горько заплакала. Леонардо обнял меня, притянул к себе и стал гладить по голове, приговаривая:

- Ну что ты, Сандра... Ну успокойся... Разве ты не помнишь, как терялась в детстве где-нибудь на улице или в большом магазине? Что должна делать умная девочка, если бабушка потерялась?

Я улыбнулась сквозь слезы:

- Ни в коем случае не бросаться ее искать, а стоять на том месте, где потерялась, и ждать...

- А бабушка сама найдет! Правильно, и вот так мы с тобой и сделаем: не станем больше искать бабушку, а будем ждать, пока она сама даст о себе знать!

Умел меня утешить мой Леонардо, mio Леонардо! Делать было нечего, и мы поехали обратно в Мерано. По дороге я обдумывала и решала, что же мне делать дальше? Больше всего я хотела бы сейчас оказаться вместе с бабушкой, монахинями и общиной матери Ольги: они где-то там все вместе, а я все еще в пути. Каким же долгим оказался этот путь! И куда-то он меня приведет? Но мысль о возвращении в Лондон даже не пришла мне в голову.

- О чем ты думаешь? - спросил меня Леонардо.

- О том, как жить дальше.

- Как тебе жить, я не знаю, но зато знаю, с кем тебе жить.

- ?

- Со мной, конечно. Тебе уже давно пора выйти за меня замуж.

- Я не пойду замуж без бабушкиного благословения.

- Ты думаешь, она тебе его не даст? Я уверен, что она будет только рада: зная твой характер, ей надо быть уверенной, что о тебе всегда будет кому позаботиться.

- Леонардо... Ты замечательный, ты такой верный и любящий. После бабушки ты самый

близкий мне человек, и я тоже тебя очень люблю, но... Впрочем, сейчас я просто еще не отошла от всего пережитого, чтобы решиться на такое. А в будущем... Знаешь, Леонардо, мне кажется, что в моей жизни еще будут какие-то более важные вещи, чем замужество и собственное маленькое житейское счастье... Мне даже кажется порой, что теперь я уже немного гожусь в монахини...

- Ты-то?! - он насмешливо фыркнул.

- Да, я. Ты же не знаешь, какие бывают монахини!

- Знаешь, уж если сравнивать тебя с настоящими монахинями, то надо смешать в одну кучу любопытство матери Варвары, самоуправство матери Ларисы, наивность сестры Вассы, отвагу матери Евдокии и непоседливость сестры Дарьи - вот тогда получится что-то похожее на мать Кассандру! Еще не мешает к этому добавить ехидный язычок дяди Леши.

- Ой, Леонардо! Откуда ты все это знаешь?

- Когда твоя бабушка собирала деньги на твой выкуп, я некоторое время жил у нее в усадьбе и познакомился со всем твоим монастырем. Они все прекрасные, высоко духовные люди, но ты - ты совсем другая, Сандра!

- А я думаю, что они мне намного ближе, чем ты... чем ты думаешь! Ты только не сердись на меня, пожалуйста!

Леонардо насупился и долго молчал с потухшим лицом.

- Если ты на меня очень сердисься, Леонардо, то вот что я тебе скажу, - не выдержала я наконец. - Мы можем с тобой расстаться, хватит тебе нянчиться со мной. У меня теперь есть средства на жизнь, и тебе не надо больше обо мне заботиться. Ты мне только мой джип отдай.

Леонардо еще немного помолчал, а потом вдруг сказал:

- Прости меня, Сандра. Я очень виноват перед тобой.

- Ты?! В чем ты можешь быть виноват, Леонардо?

- Я полез к тебе с разговорами о браке, не соображая, что тебе сейчас совсем не до этого. Ты в эти дни пережила ожидание, тревогу, разочарование, а я решил еще нагрузить тебя сверху - сунулся со своим дурацким предложением руки и сердца!

- Оно вовсе не дурацкое!

- Оно гораздо хуже, оно - несвоевременное. Давай забудем об этом.

- Я знаю, мило Леонардо, в чем дело: тебе жалко отдавать мне мой джип.

- Наконец-то догадалась! Хочешь апельсинового сока?

- Леонардо! Какой ты хороший, и как же я тебя люблю!

- Нет, детка. Сегодня мое брачное бюро уже закрылось, я больше не расположен ни делать предложений, ни принимать их. Для меня это хуже, чем принять касторку.

Я обиделась, причем самым натуральным образом. Я вообще заметила, что стала какой-то

плаксивой и обидчивой, с тех пор как начала приходить в себя.

- Это она на меня обижается! Сестра Сандра, а где же твоя кротость? Где монашеское смирение? Будешь жить у меня до тех пор, пока совсем не окрепнешь. Тем временем ты спокойно решишь, что тебе делать дальше.

Он все-таки был очень огорчен, я это видела, но продолжал вести себя со мной как самый нежный и любящий брат.

Мы вернулись в Мерано. Днем я больше сидела дома. Не только потому, что на улице кто-то мог заметить отсутствие персонального кода на моей правой руке: я все еще страдала от прямых лучей солнца, а уберечься от них в дневное время не было никакой возможности. Но Леонардо открывал балконную дверь и усаживал меня в кресло перед нею; его квартира была на втором этаже, напротив дома начинался парк, поэтому с улицы меня никто не мог увидеть.

Леонардо возился со мной, как с больным ребенком, откармливал фруктами и макаронами, которые он привозил «со своей фабрики» - их еще достаточно оставалось на складе. О женитьбе он больше со мной не заговаривал.

Как-то, молясь на ночь, я спросила его:

- Мио Леонардо, а ты веришь в Бога?

- Конечно! Все итальянцы верят в Бога. Ты разве не знаешь, что именно в Италии апостол Петр основал христианскую Церковь?

- Где это написано, что именно в Италии? Кто это тебе сказал?

- Брат моего дедушки. Он был монсеньором.

- Что значит - монсеньором?

- Кардиналом. В молодости он учился в семинарии вместе с последним Папой Римским, но не с тем, который принял присягу Мессии и присоединился к Всемирной Церкви, а с тем, прежним, который увел не подчинившуюся Мессии часть Католической Церкви в катакомбы.

- И что с ними было потом?

- Не знаю. Говорят разное. Одни утверждают, что Папа успел вывести свою паству из Рима перед римским землетрясением и увел ее в Грецию, а там они соединились с Греческой Церковью. Другие говорят, что все они так и погибли в катакомбах и стали мучениками.

- И брат твоего дедушки?

- Он был с ними до конца, каким бы ни был этот конец.

- А моей бабушке ты про это случайно не говорил?

- Говорил, конечно.

- И что она на это сказала?

- Что она и без моей родословной не видит препятствий к нашему браку.

- Леонардо! Я же просила тебя!

- Я только пересказываю тебе слова твоей бабушки, - пожал плечами Леонардо.

Интересно, что при мне Леонардо ни разу не садился за персоник. Когда я спросила его, почему он не выходит в Реальность, он ответил:

- Знаешь, благодаря тебе, Сандра, в моей жизни хватает приключений и без Реальности. Мне жаль тратить на нее деньги, и я остановил выплату взносов.

- У тебя мало денег? Ну так давай продадим что-нибудь из бабушкиных драгоценностей.

- В этом нет необходимости. На жизнь пока хватит и мне, и тебе. Я сдаю городу немного фруктов из сада, поэтому меня освободили от обязанности официально трудиться. Кроме того, у меня ведь тоже есть ценное наследство - книги ди Корти-старшего. Он оставил мне всю свою библиотеку вместе с адресами тайных книголюбов.

- А где же она? Я не вижу у тебя ни одной книги.

- Я не умею читать бумажные книги, поэтому держу их на складе.

- Вот бы мне поглядеть!

- Да, пожалуйста! Поедем хоть сейчас.

Мы поехали на макаронную фабрику. Когда ехали через сад, мне показалось, что он выглядит не таким запущенным, как прежде.

- Прошлой зимой у меня была депрессия, и я занялся обрезкой старых деревьев, чтобы отвлечься. Вот видишь, что получилось. И мне удалось почти полностью уничтожить дупла, в которых гнездились пчелы-убийцы.

- У тебя была депрессия, Леонардо? Не могу себе представить. И как же ты из нес вышел?

- Бабушка вылечила. Она сказала, что из депрессии нужно выходить так же, как выплывать из омута. Нужно не сопротивляться ей, а прочно, основательно обеими ногами встать на дно и потом уже оттолкнуться и вынырнуть. Для этого ноги надо сначала согнуть, а потом выпрямить. Она сказала мне: «Когда под грузом бед и неудач у тебя уже и ноги подогнутся, вот тогда ты готов подняться со дна!». Когда Мира приехала к бабушке и сказала, что экологисты потребовали за тебя второй миллион, у меня ноги и подогнулись. И вот тогда я разогнулся, всплыл и начал действовать. Чтобы не оставлять места для тоски, я принялся за мой сад. Я работал целыми днями, и в конце концов депрессия, жалобно повизгивая, слезла с моих плеч и уползла в одичавшие заросли винограда. Когда я принялся за виноградник, никаких следов депрессии я там уже не обнаружил.

- Ты тоже собирал деньги на мой выкуп?

- Мне не надо было их собирать, да и не у кого было просить после смерти старика. Я ведь одинокий холостяк, кара Сандра. Я просто перевел на бабушкин счет деньги, которые мне оставил хозяин. Правда, там немного было...

- Значит получается, что и ди Корти-старший участвовал в моем освобождении?

- Не только деньгами, Сандра. Ты не представляешь, как допекал его Ромео-младший, чтобы

вырвать у него сведения о тебе. Он ведь держал его взаперти и не выпускал даже на макаронную фабрику. По-моему, он применял к отцу все методы, кроме касторки, чтобы его разговорить! Я пробирался на виллу несколько раз, когда сыночка не было дома. Старик был очень подавлен и говорил, что если бы не книги, он бы или сошел с ума, или рассказал сыну все что знает. Между прочим, он знал, что сеньора Саккос терпеть не может макароны, так что мог сделать кой-какие выводы.

Фабрика, конечно, не действовала и стала еще больше похожа на развалины старой мельницы. Леонардо достал ключ, висевший на гвозде под низкой крышей, и открыл старый висячий замок на двери склада. Я вошла следом за ним в полутемное помещение.

- Электричество ди Корти-младший мне отключил. Сюда шли провода от виллы, и он заявил, что боится пожара из-за старой проводки. Он страшно обозлился, что сад и фабрика достались мне.

- Как же он смирился с тем, что тебе досталась библиотека – самая ценная часть наследства?

- Про библиотеку он сказал: «Если ты не заберешь книги сегодня к вечеру, я завтра с утра сожгу весь этот хлам!». Вот я и вывез книги прямо сюда.

- Где же они?

На стеллажах в несколько рядов стояли запечатанные картонные коробки с надписью «Макароны Корти».

- В этих коробках. Мне больше некуда было их сложить.

- А откуда же ты приносишь домой макароны?

- В половине коробок – макароны.

- А как ты узнаешь, в какой коробке макароны, а в какой книги?

- По весу. Коробки с макаронами во много раз легче.

- Здорово! Давай откроем какую-нибудь коробку с книгами.

Леонардо подвигал коробки и снял одну из них со стеллажа. Достав свой карманный ножик, он разрезал бело-красную ленту, вскрыл коробку, и я увидела, что мне потрясающе повезло: в этой коробке лежали тома «Британской энциклопедии».

На стеллаже стоял пузатый кожаный чемодан на колесиках.

- А в этом чемодане одежда и обувь хозяина. Ромео хотел все сжечь, а я не дал. Захватим домой? Его пижама ведь тебе подошла, а там есть еще спортивные костюмы, белье...

- А, так это ты отсюда взял ту маленькую пижаму для ночующих у тебя девушек!...

- Угу. Захватим домой еще парочку?

Я предложила отнести в машину весь чемодан: буду носить в память о милом старом макаронщике его одежду. Мы взяли несколько ящиков книг и один ящик макарон.

Теперь у меня было занятие – я просвещалась, читая статьи в «Британской энциклопедии». Это

было самое подходящее для меня чтение, раз уж не было у меня духовных книг, кроме бабушкиного Евангелия.

А Евангелие я не просто читала каждый день, а переводила его для Леонардо на планетный. Очень многих английских слов в планетном словаре не было, например, таких как «милосердие», «благотворить», «молитва», «покаяние». Не было также таких понятий, как «блуд» и «прелюбодеяние», по поводу чего Леонардо неожиданно сказал:

- Если бы люди читали книги, а Евангелие было бы переведено на планетный, то завтра же разъяренная толпа сожгла бы его на площади. Ты только представь себе, что современному человеку объявляют, что «блудники», то есть любители секса, не наследуют Царствия Небесного, что «содомия», то есть гомосексуализм, такой страшный грех, что христианам не рекомендуется о нем даже говорить.

- Но современный человек ведь блудит и прелюбодействует по большей части не в жизни, а в Реальности, то есть не на самом деле. Разве не так?

- Э-э, кара Сандра, не лукавь. Ты же вчера мне читала, что «тот, кто с вожделием смотрит на женщину, уже прелюбодействует с нею в сердце»!

- Ты прав, мио Леонардо.

Если бы я не начала читать Евангелие день за днем, главу за главой, я, возможно, не обратила бы внимания на подчеркнутые в нем строчки. Одной чертой были подчеркнуты места, в которых говорилось об Антихристе и о конце света, а двумя - те, где было сказано, что в последние времена верные христиане уйдут в горы. Я предположила, что таким образом бабушка дает мне понять, куда она скрылась вместе с монастырем и общиной. Но в каких горах ее искать и где именно? От Европы только и остались одни горы!

На обратном пути из своей поездки к нам заехала Мира, и мы с ней опять не могли наговориться. Мне страшно нравилось слышать ее голос. Она меня, кстати, вылечила от тайных приступов ревности, Леонардо в первый же вечер пожаловался ей:

- Мира, тут без тебя весьма пострадала моя репутация. Кара Сандра уверена, что старую пижаму Ромео ди Корти-старшего я притащил домой для посещающих меня девушек.

- Противный! Ты мне сам так сказал!

- Так вот, оказывается, для кого я ее штопала! - возмутилась Мира. - А ты мне врал, что это пижама для Сандры, чтобы ей, бедняжке, было что надеть, когда мы ее выкупим и ты привезешь ее к себе домой. А литры соков я готовила тоже для твоих подружек, а не для Сандры? Какой же ты лживый, коварный и непостоянный, изменник Леонардо!

- Я не изменник, я макаронщик! - гордо ответил Леонардо.

Я решила отдать Мире бабушкины драгоценности в счет моего долга за выкуп. Леонардо сказал, что это правильно, и предложил Мире съездить на склад и порыться в книгах ди Корти: может быть, она найдет среди них такие, которые сможет продать или обменять.

- Ты не стесняйся, - сказал ей Леонардо, - бери что хочешь.

- Я - стесняться? - удивленно вскинула она брови. - И не надейтесь! Я все возьму, только давайте. Мне знаете, сколько денег нужно? Но ты, Сандра, хотя бы половину драгоценностей

оставь себе, тебе они тоже пригодятся.

- Хорошо, я оставляю себе что-нибудь на память о бабушке.

Они уехали на макаронно-книжный склад, а я достала бабушкину шкатулку и высыпала ее содержимое на стол, чтобы выбрать что-нибудь для себя. Среди всего этого мерцающего, сверкающего и переливающегося великолепия я сразу увидела вещь, которую хотела бы оставить себе, тем более, что она и так давно была моя, – сердоликовое ожерелье. Я осторожно потянула его из-под других украшений, чтобы ничего не попортить – остальное ведь было уже не моим, и вдруг увидела, что к ожерелью прикреплен большой железный ключ. Я осторожно высвободила его и стала рассматривать. Он был даже больше, чем ключ от всячего замка на двери макаронного склада. По его кольцу кругом шла надпись: КРОЛЛЬ.

Когда Леонардо с Мирой вернулись поздно вечером, я встретила их торжествующим криком:

- Я знаю, где моя бабушка! Теперь знаю! - За ужином я рассказала им историю любви бабушки и дедушки.

- Я уверена, что этот ключ от семи дверей, за которые ушли бабушка и все остальные. Теперь только бы найти сами двери!

- Ты точно помнишь, что долина называлась Циллерталь? – спросила Мира.

- Конечно. Эта история тогда запала мне в душу. Я даже помню, что долина находилась где-то в Тироле,

- Сейчас посмотрим... - Конечно, у Миры, в ее необъятной дорожной сумке, нашлась старинная карта Европы, причем очень большая и подробная. Мы развернули ее на полу и стали путешествовать по ней в поисках долины Циллерталь. Я была очень горда, что первой ее нашла именно я, мне это показалось хорошим предзнаменованием. Я смотрела на голубую ниточку речки Циллер, на ее притоки и кружочки селений вдоль притоков. Высота гор вокруг долины даже на карте производила впечатление – три, три с половиной тысячи метров, почти четыре. И кругом ледники, обозначенные белой и голубой краской. Дорога туда вела одна, основная, идущая через всю долину, и было множество местных, ведущих в малые горные долины. Ничего, на месте разберемся что к чему!

На другой день мы прощались с Мирой. Леонардо сказал ей на прощанье:

- В будущем году – в Иерусалиме, Мира!

- Я-то там обязательно буду. А вот вы...

- А мы в каком-нибудь очень будущем году постараемся попасть в Небесный Иерусалим, – сказал мой духовно образованный Леонардо.

Мы с Мирой крепко обнялись и долго не отпускали друг друга.

- Передай бабушке, что я ее очень люблю, – сказала Мира, и это было самое приятное из того, что она могла сказать мне на прощанье.

Глава 18

Мы загрузили в джип столько коробок с макаронами, сколько смогли втиснуть в салон.

Захватили спальные мешки, топор и походный котелок, сохранившиеся у Леонардо со времен школьных туристических походов. Мы не знали, как долго нам придется добираться в долину Циллерталь и там искать бабушку, поэтому из нашего сада взяли одни яблоки, хотя в нем уже давно поспели и персики, и абрикосы, и сливы, и даже виноград. Только яблоки могли выдержать долгую дорогу, и мы сложили их в две макаронные коробки. Я была очень рада, что возвращаюсь к бабушке и матушке Руфине живая, здоровая и даже с подарками. Только бы и в правду найти их там!

До Тироля мы добрались быстро и без приключений, а вот найти долину было гораздо сложнее. В этих местах землю изменили не только наводнения, но и землетрясения и извержения вулканов: там, где на старой карте были обозначены города, дорога часто упиралась в нагромождения скальных обломков, залитых застывшей лавой. Другие места превратились в заливы Европейского моря. Надо сказать, что в этих местах вода была чуть почище, чем у берегов Центральной Европы: она все-таки разбавлялась талыми водами с гор.

В конце концов нам очень повезло: на перекрестке двух старых дорог мы нашли на обочине свалившийся указатель с надписью «Циллерталь - 20 км». Только две дороги шли отсюда в сторону гор, и мы решили ехать сначала по левой. Но она вскоре скрылась под огромным каменным завалом, и нам пришлось вернуться и ехать по правой дороге, вернее, по ее остаткам. Километров через десять, как определил Леонардо, дорога нырнула в узкое ущелье и пошла по его правому краю. Дважды мы перебирались через бурные горные речки, пробившие себе новые русла прямо сквозь дорогу, разворотившие асфальт и каменную насыпь под ним. Слева почти все время была узкая пропасть, заполненная темной водой, а справа к дороге прижимались горные склоны иногда пологие, иногда крутые, отвесные, как обрезанные гигантским ножом. Местами дорога была завалена так, что нам приходилось делать объезд прямо по склону горы; я шла впереди, проверяя дорогу, а Леонардо полз за мной в джипе, накрывавшемся порой под таким углом, что, казалось, вот-вот его правая пара колес оторвется от поверхности склона и джип, кувыряясь, полетит в пропасть. Хуже всего, что сами склоны часто были не монолитными, а представляли собой осыпь мелких камней, готовых стронуться с места в любую секунду. Но Бог нас миловал.

Ущелье становилось все шире, дорога - спокойней, и вот горы разошлись в стороны и мы увидели огромное горное озеро. Дальний его берег скрывался в тумане. Горы по обеим сторонам озера были темно-зелеными до половины, потом шли голые серые камни, а еще выше, там где вершины гор соприкасались с небом, неровной длинной цепью лежали белые в синих складках ледники. День был как всегда пасмурный, но ледники сияли и слепили глаза. Горы подходили к самому озеру и отвесными стенами уходили в воду.

- Ничего себе ландшафт! - сказал Леонардо, несколько ошеломленно глядя на раскинувшуюся перед нами картину. - А дорога-то, между прочим, уходит под воду.

- Куда же ей еще идти? Я думаю, это и есть бывшая долина Циллерталь. Там, под водой, лежит городок с деревянными домами и древней железной дорогой, по которой бегал маленький старинный паровозик...

- И куда же нам теперь? - спросил Леонардо.

- Я думаю туда, - указала я на сияющие впереди ледники. - Где-то там, еще выше, должно быть горное озеро, а под ним большая плотина или ее остатки. Бабушка говорила, что плотину разрушило землетрясение.

- И как же мы будем туда пробираться без дорог?

- Не знаю... Может быть, построить плот и попробовать доплыть на нем к дальнему берегу озера? Ты ведь взял с собой топор?

- Взял. Но я не умею строить плоты. И сколько у нас на это уйдет времени? Кроме того, насколько я помню, плот передвигают по воде с помощью шестов, а ты представляешь, Сандра, какая тут может быть глубина?

- Да, глубина, должно быть, страшная: под водой не видно ни верхушек деревьев, ни столбов, ни колоколен - ничего!

- А если нам вернуться, купить резиновую лодку и переплыть на ней?

- А если мы уже совсем близко от бабушки? Нет, Леонардо! Я больше не хочу отодвигать нашу встречу, я ведь только сейчас до конца поверила, что она вообще возможна... Я так соскучилась по бабушке, мио Леонардо!

- Ну не плачь, кара Сандра, не плачь! Может быть, мы уже совсем близко от нее, неужели мы станем отчаиваться, вместо того чтобы действовать? Лучше подумай вот о чем. У твоих монахинь тоже не было ни плота, ни лодок - только трактор, прицеп и несколько мобилей. У них не было даже джипа, потому что бабушка отдала его мне. Если они находятся на дальнем берегу озера, то как же они до него добрались?

- Леонардо, мио Леонардо, ты гений!

- Да, а что?

- А то, что надо искать тот путь, которым шли они, вот и все! Давай прочедем все горы вокруг - мы наверняка обнаружим дорогу, по которой они двинулись отсюда. Так, я пойду понизу, над самой водой, а ты...

- Кара Сандра, ты никуда не пойдешь одна. Мы не знаем, кто тут водится - в этих диких горах. А сегодня мы вообще никуда не пойдём, смотри - уже темнеет. Давай разведем костер, сварим кофе, поужинаем как следует, потом достанем наши спальники и ляжем спать, а завтра пораньше, как только рассветет, начнем искать дорогу, по которой они шли.

Леонардо развел костер, а потом поручил его мне. Сам он пошел с топориком к ближайшим елям, чтобы нарубить веток для ночлега. Мы поужинали, достали спальники, уложили их на подстилку из еловых лап и улеглись спать.

Мне не спалось. С ночи туман над озером сгустился, и стало очень холодно. Я разбудила Леонардо, и мы перебрались в джип, оставив промокшие спальники снаружи.

- А ты еще хотела плыть на плоту... Еще и снизу холод, бр-р-р! - проворчал он, укутывая меня в единственное одеяло, - привыкла плавать на лебедях...

- Ах, не вспоминай, Леонардо! Бедный Лебедь... А виновата я...

- Не говори глупостей, на ночь это вредно, - сказал Леонардо, обнимая меня. - Лучше поблагодари Господа Бога, что он послал этой лошадке легкую смерть, было бы страшнее, если бы Лебедь сгорел на острове.

- Ты прав как всегда, мио Леонардо... Спи спокойно, ты меня согрел и утешил. Как всегда...

Утром мы встали, наскоро перекусили и сразу же отправились на поиски.

- Ищи не только следы машин, но просто какой-нибудь след: остатки кострища, какую-нибудь потерянную вещь. Столько народа не могло пройти, не оставив следа!

- Ну конечно, монахини должны были набросать в лесу банок из-под минералки, окурков и бумажек от конфет. Да они наверняка все следы за собой убрали, если даже проходили здесь! Нет, Леонардо, если мы не найдем какую-нибудь дорогу, значит они вообще здесь не проходили.

Мы искали полдня и облазили все ближайšie горы. Ничего мы не нашли и, обессиленные и расстроенные, спустились к джипу.

- Не огорчайся, кара Сандра. Мы вернемся, купим лодку и все-таки переплывем это озеро. Что-то говорит мне, что мы на верном пути, вот только непонятно, где этот путь начинается.

- В таком случае давай поедем сразу.

- А кофе?

- Остановимся где-нибудь в другом месте и устроим привал. Здесь мне что-то слишком грустно.

Мы развернули джип и поехали назад. Через какое-то время я сама захотела остановиться и выпить кофе.

- Леонардо, давай где-нибудь здесь остановимся и разведем костер.

- Как скажешь. Высматривай со своей стороны сухое дерево или куст, чтобы нам не возиться с дровами.

Я прилежно вглядывалась в кусты и деревья по левой стороне дороги. Скоро я увидела несколько невысоких рыжих елей, стоявших плотной группкой у самой дороги.

- Смотри, mio Леонардо! По-моему, это то, что нам надо: целая семья сухих елок. Наверно, они погибли от какой-то древесной эпидемии. И все небольшие, тебе нетрудно будет срубить любую из них.

Мы подъехали к елям и остановились. Леонардо взял топор и пошел за топливом, а я стала доставать корзинку с едой и котелок для кофе. Вдруг Леонардо позвал меня:

- Кара Сандра, а ну беги сюда! Кажется, я нашел что-то интересное!

Я оставила все и подбежала к нему. Он бросил свой топорик на землю и голыми руками выдергивал из земли уже вторую елку.

- Смотри! - он показал мне нижний конец елки. Конец был заострен, явно обтесанный топором. - Похоже, они тут все такие. А ну, помогай мне их выдергивать! Елки стоят так плотно, что мы не пройдем между ними, если не расчистим себе дорогу.

Еще не понимая в чем дело, я заволновалась и начала раскачивать небольшую елочку. С трудом вытащив её из каменистого грунта, я уставилась на обрубленный конец ствола.

- Мне кажется, я уже когда-то видела именно таким вот образом заостренные концы стволов. Только вот где... О mio Леонардо, я знаю, я вспомнила! Это работа дяди Леша! Когда-то он

именно так приготовил мне деревья для украшения храма на праздник Преображения: он обтесал их концы не кругом, как сделал бы любой нормальный человек, а с двух сторон, всего двумя ударами топора. Вот кто строил эту заграду! Мио Леонардо, мы, кажется, нашли монашескую дорогу!

- Я думаю, мы это узнаем точно только тогда, когда пройдем ее до конца. Ты, кара Сандра, возьми себя в руки, пожалуйста, и не волнуйся. Тебе это вредно, а для дела бесполезно.

Мы проложили себе путь между сухими елями и вышли на каменистую площадку, от которой в лес уходила заросшая травой и кустарником, но все же вполне различимая грунтовая дорога. Забыв обо всем на свете, я бросилась по ней бежать,

- Стой, стой, Сандра! - закричал мне вслед несносный Леонардо. Я остановилась.

- А кто будет расчищать въезд для джипа? Кто потом снова замаскирует въезд с основной дороги? Ты хочешь, чтобы каждый паршивый местный экологист мог заметить бабушкину дорогу? Сейчас же вернись и начинай мне помогать!

Я подумала немного, потом вернулась и принялась сердито выдергивать из земли и оттаскивать в сторону сухие елки.

- Ты очень противный, - сказала я Леонардо.

- А ты очень резвая и нетерпеливая.

- Ты мог бы все это сделать сам, а потом догнать меня.

- Ну да. И найти на краю дороги твои молодые свежееобгрызенные косточки. Я уверен, что в этих местах не только естественные хищники расплодились, но еще и монстры к ним прибавились. Нет, кара Сандра, одну я тебя по этим горкам гулять не пущу!

Мне сейчас было не до споров. Я замолчала, и начала еще яростнее раскачивать крепко сидящие в каменистой земле смолистые еловые стволы. Интересно, чем это дядя Леша заколачивал их в землю?

Расчистив проезд для джипа, мы перегнали его к началу лесной дороги, а сами вернулись, чтобы восстановить маскировку. Невыносимый Леонардо решил еще заменить рыжие, наполовину осыпавшиеся елки свежими, зелеными. Он немного углубился в лес, срубил там несколько небольших елочек и подправил ими живую изгородь.

И вот наконец-то он взялся за руль! Я уже давно к этому времени сидела в кабине и даже стала успокаиваться. Я убеждала себя готовиться к худшему, надеясь на лучшее. Это вообще могла быть не дорога к горному озеру, а тайная тропа контрабандистов или даже бандитов. Наконец, бабушка и все наши могли за это время покинуть горное убежище и уйти в другое место. Хорошо, что Леонардо заставил меня остановиться и заняться сухими елками - это меня отрезвило, и теперь я была ко всему готова.

А дорога, попетляв по лесистым горам, нырнула в ущелье и вынырнула из него на берегу озера. Мы вылезли из джипа и огляделись. Отсюда уже оба дальних берега скрывались в тумане, а по берегу вправо уходила асфальтовая дорога, вся в трещинах, в россыпях камней, проросшая травой и кустарником. Но по ней можно было ехать, и мы поехали. Дорога все время шла вверх, оставляя все дальше внизу темную поверхность озера. Я напряженно глядела вперед и поэтому почти не удивилась, когда дорога уперлась в гладкую скалу с ржавыми железными

воротами в ней.

- Первая дверь! - сказала я, доставая бабушкин ключ. Сердоликовые бусы так и остались прицепленными к его кольцу. Руки у меня дрожали.

- Давай я открою, - сказал Леонардо. - Замок мог проржаветь.

- Нет, первую дверь я должна открыть сама. Господи, благослови!

Ключ повернулся легко, как будто замок недавно смазали. Двери отворялись внутрь туннеля. Перед нами открылся совершенно черный коридор. Мы сели в машину, включили свет и осторожно поехали по нему. Туннель был не очень длинный и уперся в еще одну двухстворчатую дверь. И этот замок открылся легко.

После туннеля дорога продолжала круто идти вверх, петляя между утесами. В одном месте мы увидели узкий водопад, падавший прямо на дорогу.

- Давай хорошенько вымоемся и хоть немного помоем джип. Неудобно являться к твоей бабушке замарашками на серой от пыли машине.

- Леонардо! Я не хочу никаких задержек!

- Ну, кара Сандра, рассуди сама, что подумает бабушка, если ты бросишься к ней такая пыльная, измученная, издерганная и, прости меня, немножко, ну совсем чуть-чуть, вонючая.

- Ты на себя посмотри и к себе принюхайся!

- Вот я и говорю: нервная, грязная, на пыльной машине и с вонючим женихом, - говоря это, Леонардо уже доставал из своей дорожной сумки полотенце, мыло и вольную одежду - белые брюки и синюю майку.

Он подошел к водопаду, сбросил одежду и остался в одних трусах. Я отвернулась, чтобы не смущать его, и достала из своей сумки спортивный костюм ди Корти-старшего и его шелковое белье - изысканное и ветхое.

Купанье под водопадом не только освежило меня, но и остудило мою голову. Когда я вытерлась и оделась, я уже без всяких споров присоединилась к Леонардо и стала мыть наш старенький джип.

- Я думаю, бабушка обрадуется, когда увидит свою старую машину чистой и ухоженной, правда, мио Леонардо?

- Конечно, кара Сандра. Вот за что я тебя люблю, так это за то, что ты все понимаешь, с полуслова и почти никогда со мной не споришь.

- Но ведь ты бываешь иногда прав, мио Леонардо!

- Погляди-ка, джип стал как новенький, да ты и сама теперь прекрасно выглядишь.

- Теперь от меня не воняет?

- От тебя, кара Сандра, как от птички, никогда ничем не пахнет. И вот что я тебе еще скажу: вид у тебя теперь такой, что поверить нельзя, будто ты два года провела на каторге. А то рванулась бежать пыльная, растрепанная, будто я тебя на буксире за машиной тащил. Бабушку

только пугать!

- Так вот почему ты меня все время задерживаешь, хитрый Леонардо!

- Ну конечно. Ты забываешь, что бабушка старенькая и ее нельзя слишком волновать. Старый человек может умереть и от внезапной радости,

- Ой, ты прав, мио Леонардо, ты прав, как всегда!

- На этот раз и ты права, кара Сандра.

- В чем это я права?

- В том, что я всегда прав.

Второй туннель был длиннее первого, а через третий мы ехали так долго, что казалось, будто он никогда не кончится. И он все время шел в гору. Наконец мы остановились перед шестой железной дверью. Я вышла из кабины и подошла к ней. Замочную скважину в ней трудно было не заметить: из нее бил тонкий и яркий солнечный луч. Я вставила в скважину ключ и дважды провернула его в замке. Дверь со скрипом разошлась на две половины, и нас так и облило солнечным светом. Я зажмурилась.

Я почувствовала, как Леонардо взял меня за руку, и открыла глаза. Дорога перед нами поднималась и шла по довольно узкому карнизу, вырубленному в скале. Справа вверх уходила неприступная стена утесов. Слева была пропасть, а впереди ее пересекала высокая бетонная стена с длинной трещиной посередине: из этой трещины падал и сбегал вниз пенистый поток. «Плотина» - подумала я. Над плотиной сияло солнце, а что там находилось за нею дальше, отсюда было не видно, но выше над плотиной горы со всех сторон расступались и лежали огромной ледяной подковой. Однако холода мы не чувствовали, наоборот, солнце грело так, как в хорошую весеннюю погоду в Мерано.

Мы сели в машину и поехали наверх. Перед плотиной стоял шлагбаум, но он был поднят, и «седьмую дверь» нам открывать не пришлось. А когда мы въехали на плотину, сверху стала видна вся долина внутри ледяной подковы.

- Остановись, Леонардо, давай сначала осмотримся - отсюда всё так хорошо видно!

Долина была так хороша, что дух захватывало. С левой стороны к озеру вплотную подступал лес, но не темно-зеленый, еловый, как в горах ниже, а веселый, смешанный. Справа лежало небольшое селение, надвое разделенное неширокой речкой, сбегаящей с гор прямо в озеро. Ближе к нам стоял монастырь, а за рекой была деревня.

Монастырь был весь новенький, недавно срубленный из золотистых круглых стволов. Посередине стояла деревянная церковь с луковкой, крытой деревянной черепицей. Из-за церкви выглядывал угол невысокого строения с почти плоской крышей и большими окнами, наверное, трапезная. Два длинных монашеских корпуса с рядами маленьких узких окон располагались справа и слева от церкви. Перед церковью лежал овальный лужок с темно-зелеными пирамидками елочек по краю, издали похожих на монахинь в зеленых мантиях. Между елочками, на ближнем к церкви краю лужайки, стоял помост с дощатым навесом, из-под которого виднелись края нескольких колоколов.

За монастырем раскинулся большой сад с ровными рядами невысоких деревьев и разноцветными полосками грядок и кустарников между ними. Сад доходил до самой реки, а за

рекой лежала деревенька с несколькими большими домами и множеством маленьких – старых, темно-коричневых, и новых, из свежих бревен. Там тоже стояла церковь, но она еще строилась – из камня и дерева.

Почти вдоль всего правого берега озера лежали небольшие разноцветные поля. Дорога шла по верху плотины, потом по берегу мимо монастыря, по небольшому, тоже недавно выстроенному мостику перебежала речку, проходила через всю деревню, огибала дальний конец озера и скрывалась в лесу.

Вокруг церкви, по сторонам лужайки, возле многих домов лежали яркие пятна – цветы? Недалеко от плотины, на самом берегу, стояло небольшое каменное сооружение, из которого шел густой дым, – неужели коптильня? Интересно, а кто там суетится возле нее – старый тролль по имени Кролль или дядя Леша?

В езде и на полях, возле домов и на берегу – везде виднелись маленькие фигурки, одни в белых длинных одеждах, другие в цветных. Я догадалась, что это монахини в выгоревших до белизны рабочих подрясниках и члены общины в своих вольных одеждах.

- Вот мы их и нашли, Леонардо.

- Да, похоже на то. Поехали?

- Да.

Я надела на шею сердоликовое ожерелье с ключом, и мы двинулись дальше по плотине. Через трещину был перекинут деревянный мост – на вид довольно прочный, из бревен с дощатым настилом сверху.

Я первая поняла, что нас уже заметили. Люди останавливались группками, глядя в нашу сторону. Потом мужчины группой двинулись по дороге в нашу сторону.

- Леонардо! Давай остановимся, выйдем из машины и пойдем дальше пешком, чтобы они нас разглядели: вдруг они нас за экологов принимают?

Мы так и сделали, и, взявшись за руки, пешком пошли к концу плотины. Мы шли и махали людям, а потом нам стали махать в ответ, и в нашу сторону побежали вслед за мужчинами монахини, женщины, дети. Я заметила, как одна стройная монашеская фигурка вдруг оторвалась от других и бросилась к навесу с колоколами. Раздался ликующий перезвон. Ах, сестра Дарья! Все-таки она встретила меня архиерейским звоном. Попадет ей теперь от матушки... А вон и сама матушка Руфина, такая кругленькая, вышла из церкви на звон и ругает, поди, сестру Дарью, а золотой крест у нее на груди горит, как искорка. А вон там, в белой рясе и тоже с золотой искоркой на груди – это, наверно, отец Александр... От коптильни побежала неуклюжая фигурка – да это, конечно, дядя Леша. Но бежал он почему-то не к нам, а к монастырю. Потом от монастыря отъехал мобиль и помчался к деревне.

На дороге выходили все новые и новые люди, монахини и мирские, и все шли по дороге навстречу нам, а колокола звенели, заливались... Леонардо крепко держал меня за руку и заставлял идти медленно, не давая бежать им навстречу.

Потом в дальнем конце деревни показался мобиль, который быстро проехал деревню, перекатился через мостик, и вот он уже мчится к плотине. В его раскрытом окне я увидела и сразу узнала дорогую серебряную головку: это дядя Леша вез ко мне мою бабушку! Когда мобиль приблизился к плотине. Леонардо сказал:

- И вот теперь, кара Сандра, беги! - и он отпустил наконец мою руку.

Когда я подбежала к остановившемуся мобилю, бабушка уже распахнула дверцу и хотела выбраться из кабины, но я ей не дала - я бросилась перед ней на колени и стала целовать ее руки, ведь мне так давно хотелось это сделать! Бабушка обняла мою голову и громко заплакала неожиданно тоненьким голоском.

- Не плачь, бабушка, ведь все прошло, все уже позади! Ты лучше взгляни на мою правую руку. Взгляни же, бабушка! - я поднесла свою руку прямо к ее глазам. - На мне больше нет печати Антихриста, бабушка. Я ее выжгла! Каленым железом, бабушка!

Бабушка схватила мою руку, взгляделась, ахнула и вдруг поцеловала мою ладонь.

- Санька, сокровище мое, какое же ты у меня чудо!

- Нет, бабушка, это ты мое чудо! Все мои чудеса - от тебя! - И мы снова обнялись. Потом бабушка отстранилась и взгляделась в меня:

- Как ты повзрослела, детка!

Бабушка потрогала сердоликовое ожерелье у меня на шее.

- Я боялась прямо написать тебе, куда мы уходим, но я знала, что ты умница, ты догадаешься, что я оставляю тебе самый точный адрес.

Потом к нам подошли и все остальные. Меня обнимали, целовали, я переходила из одних теплых рук в другие. Мать Евдокия... Дорогая моя мать Алония! Как я по вашим огурчикам соскучилась!... Мать Агния!... Мать Фаина, а я у вас крестик взяла без благословения... Сестра Дарья, солнышко мое рыжее!... Мать Наталья, а я книги читать научилась!... Сестра Васса, как ты выросла!... Ох, мать Лариса, спасибо! Леонардо, хочешь морковки?... Здравствуй, дядя Леша! Ну что, попало тебе от матушки? А Лара где?... Мать Тамарочка, миленькая, после все расскажу, после... Сестра Иоанна, если бы я наверняка знала, что встречу вас, я привезла бы вам такие розы из Мерано!... Мать Ангелина... Мать Параскева... Сестричка Евлалия! Ой, задушить...

И вот, наконец, идет она, матушка моя любимая! Идет вперевалочку ко мне, девяносто кило любви несет!

- Матушка, простите и благословите! Я вам привезла макарон! Благословите и простите меня, грешную!

Матушка обняла меня и прижала к своей необъятной груди. Она мне ничего не сказала - она плакала.

Многие плакали вместе с нами, и все мы радовались. Я только сейчас поняла, как же я соскучилась по сестрам, по их светлым умным лицам всегда спокойным, всегда радостным! Они тут, в долине, все расцвели и помолодели. И так им шла эта новая монашеская одежда-белая, с серебряными поясами. Дядя Леша снова куда-то исчез, а потом явился с маленькой белокурой девчушкой на руках. За ним шла, издали мне улыбаясь, ставшая стройной как тростиночка, Лара. Она обняла меня и сказала:

- Ну-ка, Сандра, познакомься с тезкой! Мы нашу маленькую Кассандру в твою честь назвали. Не знаю, что было бы, если бы ты тогда не осталась вместо меня в обители. Но что же было с

тобой?

- Потом все расскажу, а сейчас дайте мне нарадоваться!

Подошли ко мне и общинники во главе с матерью Ольгой. Я заметила, что их стало еще больше: появились не только новые дети, но и новые взрослые.

Потом матушка позвала батюшек, отца Александра и отца Антония, и сказала, что хорошо бы сразу отслужить благодарственный молебен.

- А молитву о Кассандре с завтрашнего дня на ектении не читайте - хватит с нее!

- За тебя каждый день вся церковь молилась как о страждущей в горькой неволе и в тяжких работах, - шепнула мне бабушка.

- Я знаю, я это чувствовала.

Священники пошли в церковь, за ними матушка с сестрами, а следом и мы с бабушкой, общинниками и Леонардо. Когда служили молебен, я крестилась и кланялась со всеми вместе, а бабушка, смешная такая, умилялась каждому моему поклону.

Потом Леонардо забрал и увел куда-то дядя Леша, а меня бабушка повела домой, в общинную деревню. Ее дом стоял на самом дальнем краю, и он был довольно большой, хотя, конечно, во много раз меньше, чем в Баварском Лесу. Она поила меня на кухне чаем с вареньем, и мы проговорили с ней до самой вечерней службы. Пока в деревне церковь еще не достроили, общинники ходили в монастырскую церковь. На службе все монахини были в белых рясах, на матерях - белые мантии, и это было очень красиво.

Только теперь я поняла, что такое церковная служба и что она для меня значит. Это как река после долгих блужданий и жажды в пустыне. Как только отец Александр провозгласил торжественно: «Благословен Бог наш!...», я окунулась в волны песнопений и молитвословий, и эта дивная река подхватила меня и понесла, омывая, поя и радуя.

Глава 19

Как сказала бабушка, монастырь и обитель матери Ольги в этой долине устроились, как у Христа за пазушкой. Климат здесь, оказывается, был поистине волшебный: зимы почти не было, хотя даже летом вокруг лежали нетающие ледники. Солнце светило почти постоянно. Обмелевшее после прорыва плотины озеро оставило на берегах массу плодородного ила. Вот когда пригодились два сапога семян матери Ларисы! Берега вскопали и развели на этой плодороднейшей почве не только сад и огород, но даже небольшие поля ячменя, картофеля, подсолнечника, кукурузы и овса. И конечно, пшеницы. Мать Евдокия сказала, что когда кончатся макароны, которые привезли мы с Леонардо, в обители начнут печь просфоры из собственной муки. Вот только молоть зерно на муку придется в кофейной мельнице - другой пока нет.

Овощи в долине росли невиданной величины и с невероятной скоростью; огурцы, например, созревали через месяц после посадки. Мать Алония каждый день после трапезы угощала меня соленым огурчиком, а потом с благословения матушки подарила нам с бабушкой целую банку моего любимого лакомства. Лара тоже принесла маленькую кадучечку свежесоленных огурцов своего производства, а когда я ей сказала, что оставленные ею для меня и монастыре огурцы были ничуть не хуже матери-Алониных, она так и расцвела. Происхождение овощей было понятно: они появились, как из двух рогов изобилия, из сапог матери Ларисы. А вот

откуда взялись поля подсолнечника и пшеницы, плодовые деревья и кусты? Мне это было страшно интересно, и я начала расспрашивать мать Ларису. Оказалось, что садовые деревья выросли прямо из косточек, извлеченных матерью Ларисой из сухих фруктов. Она на пробу сунула в грядку вишневую косточку и была поражена, когда через три дня среди редиски увидела вишневый прутик с двумя листочками наверху. Деревья в долине начинали плодоносить через год после посадки, правда, оставаясь при этом низкорослыми. Мать Лариса объясняла это тем, что сила у них уходит в плоды, а не в древесину. Она с гордостью показала мне несколько маленьких финиковых пальм и какие-то разлапистые кустики:

- Скоро у нас свои финики будут и смоквы! Если, конечно, Господь раньше не возьмет нас всех к себе. Ну тогда уж за райским садом будем ухаживать, садоводам и там найдется работа.

Она же придумала для опыта посеять на одной грядке по горсточке всякой крупы из тех, что они взяли с собой. Выросло все: и гречиха из гречки, и просо из пшена, и рис, и ячмень из перловки, и даже овес из овсяных хлопьев! Кукуруза росла такая мощная, что дядя Леща использовал ее стебли для изготовления легкой и довольно красивой мебели.

Пчел вот только у монахинь не было, и мать Лаврентия, конечно, мечтала о пасеке. Но мед был. Отец Виталий и другие мужчины из общинной деревни научились добывать мед горных пчел, и он оказался вкусней и целебней пасечного. Таким же образом добывали воск для свечей. Он был гораздо темнее обычного и благоухал ладаном. Но мать Лаврентия собиралась найти молодой рой и все-таки завести пасеку.

Появилось у монахинь небольшое стадо горных козочек, которые сами спустились с гор к людям и дали себя приручить. Такое же стадо было у общины, и для детей всегда было молоко. Конечно, не в постные дни! Зато за время постов молоко собирали и парили из него очень вкусный козий сыр. И конечно, единственный монастырский кот постов не соблюдал и молоком лакомился каждый день. Это сестра Дарья в пути подобрала где-то одичавшего котенка и привезла его в долину.

Матушка на меня не сердилась. Она сказала мне, что для этого я слишком долго отсутствовала:

- Так долго сердиться я не умею. Но епитимью я на тебя, Санечка, все-таки наложу! В воскресенье после обеда соберем всех в трапезной, и ты расскажешь нам про все свои хождения по мытарствам. А то я смотрю, мать Тамара у тебя все повыспросит, и другим ничего не останется; я же вижу, как она тебя отлавливает и допрашивает.

- Ой, матушка, какой из меня рассказчик? Я не знаю, с чего начать и чем кончить.

- А я тебе подскажу: начни с того, как вы с дядей Лешей игуменью провели и как ты одна целый монастырь перед экологистами изображала. Ну а кончи тем, как тебе и твоему рыцарю Леонардо удалось нас разыскать.

- Какой он рыцарь, матушка, он - макаронщик!

- Будешь дразниться - бабушке пожалуюсь - пригрозил стоявший рядом Леонардо.

После литургии общинники остались на обед в трапезной монастыря, а после обеда мне пришлось рассказывать о своих злоключениях. Увидев в трапезной детей, я было растерялась и подошла к матушке.

- Матушка! Я видела много тяжелого, страшного и грязного. Надо ли об этом слушать детям?

Матушка Руфина детей любила без памяти. Бабушка шутила, что они у игуменьи под мантией в прятки играют. Под мантией – не знаю, а вот под кроватью в игуменской еще там, в обители на острове, они у нее прятались, это я своими глазами видела – и она их не гоняла! Но сейчас матушка сказала довольно сурово:

– Мы еще не знаем, что с нами и с общиной будет дальше, поэтому наши дети должны знать правду о мире – им с нею жить! Пусть слушают.

Но дети есть дети! Больше всего их расстроил мой рассказ о гибели Лебеда – монахини тоже плакали, но да ведь и они душой совершенные дети – даже самые сирые.

Впрочем, у монахов все наоборот: чем они дольше живут, тем больше становятся похожими на детей.

Мне было тяжело вести рассказ. Я часто закрывала глаза, чтобы мысленно перенестись в прошлое, чтобы яснее вспомнить, все бывшее со мной. Слушали меня в полной тишине, лишь изредка кто-нибудь вздыхал или негромко ахал. Когда я рассказывала о гибели острова, сестры плакали навзрыд, даже дядя Леша пустил слезу. И общем, тяжелая получилась епитимья!

Когда я закончила, матушка попросила отца Александра мой рассказ прокомментировать. Он сказал:

– Рассказ получился у нашей маленькой Кассандры очень впечатляющий, я бы сказал, страшный рассказ. Но давайте посмотрим на то, что она видела глазами телесными и поведала нам очами духовными. Молодая девушка, почти девочка, живет в этом мире жизнью мира – не живет, а спит! Но у нее есть бабушка-христианка, а в детстве сама она была крещена. И вот Господь, чтобы вырвать ее из губительных оков мира, направляет ее на трудный, но спасительный путь, и ведет этим путем, очищая ее душу страданиями и даже огнем. Посмотрите, дорогие мои, сколько чудес происходит с нашей Кассандрой! Через любовь к бабушке она обретает любовь к монашествующим, а через подвиг, совершенный во имя этой любви, избавляется от печати Антихриста и обретает веру в Бога. Она встречает на своем пути много хороших людей, которые ей помогают и которым помогает она. Наконец, ей даруется особая милость – она лицом к лицу встречает библейского пророка. Вы, конечно, поняли, что таинственный учитель Айно на острове Жизор и благовествующий пророк Ханох на острове Иерусалим – это одно лицо, это пророк Ханох, о пришествии которого на землю говорит апостол Иоанн Богослов. И конечно, пророк Элия, о котором Кассандре рассказывает ее иерусалимская подруга, это пророк Илия. Сказанное в Писании сбывается на наших глазах, и все бывшее с нашей Кассандрой только подтверждает, что мы живем уже при конце света. Все приметы налицо. А о сроках нам по-прежнему ничего не известно, и все, что мы сейчас узнали, подтверждает нашу слепоту во всем, что касается временных сроков. Принято считать, что пророки Илия и Ханох пророчествовали три дня, а потом были убиты. Но мы знаем, что к моменту встречи с Кассандрой пророк Ханох, или Айно, как его звали на острове Жизор, уже год или два появлялся среди страждущих узников и спасал их. Вот нам и надо быть готовыми к тому, что время последних событий может лететь скорее, чем мы ожидали, а может и растянуться на долгие годы. А что это значит для нас, ушедших из мира? А то, что мы должны в нашей долине жить, трудиться и молиться так будто нам предстоит еще долгая-долгая жизнь, но вместе с тем быть готовыми и к тому, что все кончится уже нынче полуночью. А мира забывать нам никак не следует! За мир мы должны молиться и молиться, чтобы Господь спас всех, кого еще можно спасти. Аминь.

Отец Александр прочитал молитву, и матушка благословила всех расходиться. Меня тотчас окружили сестры, общинники и дети и стали задавать вопросы.

Мать Наталья сказала, что очень рада тому, что я научилась читать и книги мне так помогли. Но не удержалась и спросила:

- Санька, неужели ты не могла захватить побольше книг, когда уходила с острова? Ты же на лошади ехала!

Ну что с ней поделаешь? Я только поклонилась и сказала:

- Простите, мать Наталья, не сообразила! - Я была уверена, что она на моем месте тащила бы с собой два мешка книг.

Но больше всех удивила меня наша матушка:

- Санечка, - сказала она, - мне так их жалко, этих несчастных клонов. А эта Дина, она вам не говорила случайно, нет ли какой-нибудь возможности открыть им Господа, перевести их в ряд творений Божиих? Если их, например, просветить и крестить?

- Нет, дорогая матушка, к сожалению, ничего подобного Дина мне не говорила. Правда, она сказала как-то, что Айно, по-вашему пророк Ханох, тоже их жалеет и сокрушается о них.

- Слава Богу! Может быть, и для них есть еще возможность спасения...

Когда сестры и общинники стали понемногу расходиться из трапезной, я обратила внимание на то, что дети стоят рядом и о чем-то шепчутся, поглядывая на меня, а мордашки у них так и светятся лукавством. Наконец одна девочка подошла ко мне и спросила:

- Тетя Сандра, вы любите лошадей?

- Люблю.

- А хотите увидеть нашу лошадку?

- Хочу.

- Ну так пойдете, мы вас отведем к ней. Она у нас в деревне живет. Это наша лошадь, детская. Мы никому из взрослых не разрешаем на нее садиться, но вам, может быть, разрешим немного покататься. Иденте!

И так они сияли, так таинственно о чем-то шептались, что я решила: наверняка им недавно привели какого-нибудь отбившегося от людей пони, вот они и хотят меня порадовать после моего рассказа о том, как я потеряла Лебеда.

Они привели меня на берег. Там, на краю небольшого овсяного поля, стоял сарайчик с загоном.

- Здесь живет ваша лошадка?

- Здесь, здесь! Тетя Сандра, закройте глаза и стойте с закрытыми глазами, пока мы вам не скажем, что можно уже открыть. Хорошо?

- Пожалуйста!

Я послушно закрыла глаза. Одни ребяташки побежали к сарайчику, а другие остались рядом со мной и приговаривали:

- Еще нельзя... Нельзя... Открывайте глаза, тетя Сандра!

Я открыла глаза и увидела... Лебедя! Он стоял, окруженный детьми, и внимательно смотрел на меня. Потом он заржал и пошел ко мне быстрым шагом. Я бросилась к нему и обняла его за шею, стала гладить и целовать его чудную белую морду. Лебедь обнюхивал меня и терся о меня головой. Кажется, он меня простил!

- Откуда он у вас, дети?

- Дядя Леша привел! Он его на дороге нашел, когда ездил за вами в монастырь и не встретил. Лебедь долго болел, а мы за ним ухаживали. Знаете, как трудно было искать для него сухие листья и траву, пока мы жили в горах! Потом он вместе с нами добрался до бабушки Лизы. Вот у нее он и выздоровел совсем. Но мы его бережем и пока не разрешаем на нем пахать и возить бревна из леса. Но дядя Леша говорит, что так не может долго продолжаться, что мы балуем и портим здорового коня. А он ведь хромает, тетя Сандра! Дядя Леша сделал соху, чтобы Лебедь мог вспахать себе поле под овес. Видите, вот это – Лебединое поле, это его собственный овес тут растет. Он его немного подъедает у краешка, но никогда не топчет. Он очень умный! Но пахать и бревна возить ему еще рано, правда, тетя Сандра? Вы заступитесь за Лебеда, если дядя Леша и мать Лариса захотят на нем работать? Вы же с ним такие старые друзья!

Ах, вот зачем они меня сюда привели! Они не столько меня порадовать хотели, сколько заступницу Лебеда искали.

- Хорошо, дети. Я вместе с вами буду его любить, баловать и заступаться за него. Переутомляться мы ему, конечно, не дадим. Но вы знаете, дети, что лошадям для здоровья необходимо много двигаться и работать? Ведь Господь дал человеку домашних животных, чтобы они стали ему помощниками.

- А как же, знаем! Мы на нем катаемся!

- Да, детей катать – это, конечно, тоже лошадиная работа, ничего не скажешь. А вот яблоками вы его кормите?

- У нас мало яблок. Мать Лариса говорит, что деревья еще очень молодые.

- А Лебедь очень любит яблоки. Я привезла из Италии два ящика яблок для бабушки Лизы. Идемте к ней, она даст немного для Лебеда. Он им обрадуется. Я думаю, дети, если его побольше кормить яблоками, он скоро совсем поправится. Вот тогда мы и посмотрим, какую он сможет выполнять работу. Яблоки для лошадей – лучшее в мире лекарство, а работа – лучшая гимнастика.

И мы отправились за яблоками к бабушке Лизе. Лебедь шел с нами, малыши по очереди ехали на нем – по двое и по трое сразу. Яблоком бабушка дала на всех, но дети уступили свои Лебедею. Она подтвердила, что яблоки лошадям полезны, а безделье вредно. – Как и детям, – добавила она.

Моя бабушка и дети общины – это тема требующая отдельного разговора. Для бабушки в общинной деревне был выстроен большой дом с учетом ее призвания. Бабушка трудилась всюю: она была тут единственной бабушкой всех детей. С утра, после литургии, к ней в дом приводили малышей, которые еще не ходили в школу, и она ими занималась весь день – до самой вечерней службы. Готовили, убрали и даже вели занятия сами матери детей. Например, красавица Татьяна, бывшая уличная музыкантша, приходила со своей маленькой дочкой и вела музыкальные занятия. А моя бабушка исполняла роль именно бабушки: она

учила их детским молитвам, пела им песенки, рассказывала сказки, утешала и ласкала, и у нее с малышами было множество своих секретов, словечек, каких-то маленьких смешных ритуалов. Дети были славные: они никогда не ссорились между собой и не капризничали. Бабушка объясняла это не только правильным воспитанием, но и особым воздействием долинного воздуха, полного Благодати.

Мы с бабушкой проводили много времени вместе: каждый вечер, возвратись домой из трапезной после ужина, мы садились на террасе нашего домика и разговаривали, разговаривали, разговаривали... На террасе стоял потемневший от времени стол грубой работы и несколько таких же скамеек.

- Знаешь, откуда эта мебель? - спросила бабушка.

- Догадываюсь, это остатки имущества старого Кролля. Подумать только, за этим столом, на этой самой скамье, может быть, сидел мой молодой дедушка! А что стало со старым Кроллем? Неизвестно?

- К сожалению, да. Но вместо него у нас есть дядя Леша: он важничает, на всех ворчит, всеми командует и вообще играет роль местного тролля.

- Да он всегда такой был, бабушка! Скажи-ка мне, а ты втайне не сердись на него за то, что он оставил меня в монастыре?

- Ужасно сердилась, пока не узнала, что Лариса в это время собиралась скоро родить, а по их давнему плану она должна была прикрывать уход монастыря с острова. Но он сам так переживал твое исчезновение, что на него невозможно было сердиться.

О чем еще мы говорили с бабушкой, я не стану пересказывать - это наши с ней секреты. Только через неделю мы позволили Леонардо присоединиться к нам; он пришел и рассказал, что отец Александр позволил ему прислуживать в алтаре. Он очень был горд этим. Поселили его через несколько домов от нас, в общинном доме для неженатых молодых людей. Он работал на строительстве общинного храма, но вечера проводил теперь с нами. Потом мы уже втроем стали принимать и других вечерних гостей. Бабушку тут все любили и тянулись к ней, так что по вечерам кто-нибудь всегда заглядывал к нам на огонек свечи, горевшей на троллевском столе в глиняном подсвечнике, который дети вылепили в подарок бабушке к дню ее ангела. Подсвечник был соответствующий: вокруг свечи в хороводе стоят семь веселых ангелят.

С Леонардо мы виделись только вечерами. Дядя Леша его совсем прибрал к рукам, особенно после того, как Леонардо предложил использовать водопад для устройства лесопилки, сделал чертежи и принес их дяде Леше «на подпись». Тот загорелся и тут же побежал к матушке благословляться строить электростанцию. Лесопилку матушка благословила и даже велела подумать о строительстве небольшой водяной мельницы, а от электрификации монастыря и общины решительно отказалась.

Я спросила у матери Евдокии, почему матушка отказалась от электростанции? Неужели она отрицает все достижения цивилизации и считает, что мир должен вернуться к примитивной жизни?

- Глупости! - сказала мать Евдокия - Просто наши инженеры не подумали о том, что у Надзора есть средства определить и достаточно малый источник электрической энергии, а матушка обязана все предусмотреть.

У меня тоже была работа, свое послушание, – сестра Агния как-то в разговоре посетовала, что из очередного похода принесли так много воска диких пчел, что она не успевает его переплавить и очистить: эту работу приходится делать на дворе, а пчелы летят на запах и разворовывают воск, свечная мастерская у нее пока была крохотная, просто еще один маленький сарайчик на берегу. Матушка благословила меня помогать сестре Агнии. Вот где пригодился мой монастырский рабочий подрясник! Любопытно, что как только я его надела, он тут же начал выгорать с немыслимой скоростью и уже через несколько дней стал совершенно белым. А вот мирская одежда на этом горном солнце только светлела, но цвет сохраняла: синее становилось голубым, красное – розовым, коричневое – бежевым. У меня, кроме шелкового дорожного костюма, ставшего теперь салатным, появились две юбки, голубая и бежевая, и две белые блузки. Иногда, правда, я надевала спортивный костюм, доставшийся мне в наследство от дяди Корти-старшего и бывший когда-то темно-красным. На солнце он моментально выгорел до розового, а бабушка говорила, что он стал цвета «сомон» – лососины. А в озере водились не только сиги и форель, но и огромные лососи! В свободное от работы время дядя Леша блаженствовал на берегу и в коптильне. Озорная сестра Масса мелом написала на ее стене – Фирма «Монашеское искушение». И была права: на голодный желудок мимо коптильни ходить было опасно – такие от нее плыли умопомрачающие запахи.

Как-то бабушка спросила меня:

– Я еще не передавала тебе поклон от Дины?

– Нет! Что с ней? Где ты ее видела?

– Она приезжала ко мне в усадьбу. Она хотела рассказать мне о твоей судьбе, но к этому времени у нас успела побывать твоя подруга Мира, и мы уже знали, где ты. Пророк Айно через Дину просил передать мне, что с тобой все будет в порядке и мы тебя скоро увидим, а в дальнейшем тебе предстоит какой-то особенный, светлый и добрый путь. Ты знаешь, о чем он говорил?

– Догадываюсь.

– И что же это за путь, моя Кассандра?

– Пока еще не могу сказать, бабушка. Но уверяю, тебе понравится то, что я задумала.

– Ну-ну, фантазерка ты моя! Помни только, Кассандра ты моя, что никто не пророк самому себе. А вместо размышлений о будущих подвигах ты бы лучше поисповедалась у отца Александра и, благословись, причастилась Святых Христовых Тайн. Ты с детства не причащалась. Забыла уж, как это бывает?

– Не забыла, бабушка. Вернее, вспомнила. Сразу же, как только выжгла печать, так и вспомнила. Но я еще не готова причащаться, я пока недостойна...

– Начинается! Когда люди надолго лишаются таинств, у всех всегда одни и те же разговоры – потом! Неужели ты думаешь, человек может сам приготовиться к такому таинству и быть его достойным? Откуда такое самомнение? Мы причащаемся не по готовности и достоинству, а по великой милости Божией. Ты сделай сколько можешь, но старайся изо всех своих духовных сил приготовиться, а уж Господь Сам восполнит недостающее. Отправляйся к отцу Александру! – И я отправилась.

– Благой замысел, помоги тебе Господь его исполнить, – сказал отец Александр. – Тебе, Кассандра, надо исповедаться за всю жизнь, с самого детства, с тех пор, как ты причащалась в

последний раз. Вот эту неделю поговей, мы с тобой еще несколько раз побеседуем, а потом - исповедь и причастие,

- Благословите, батюшка! - вполне грамотно ответила я и подошла под благословение.

Перед причастием я просила прощения у всех, в первую очередь, конечно, у бабушки - было за что, набралось за всю-то мою жизнь. Попросила прощения и у матушки Руфины, хотя епитимьи за старое я уже исполнила. Просила прощения у матери Евдокии за свое когдатое раздражение:

- Бог простит, Сандра! Да кто ж об этом помнит? И вы ведь просили прощения тогда сразу, по-монашески - до захода солнца, - засмеялась она.

- А как высчитаете, мать Евдокия, у меня и характере есть хоть что-то пригодное для монашества?

- Есть.

- Например?

- Жажда истины и отвага. И хватит с вас, а то возгордитесь.

- Вы думаете, я могла бы стать монахиней?

- А уж это знает один только Господь. Но с чего это вы о монашестве задумались.

Я не ответила, смутилась и пошла просить прощения дальше. Я обошла сестер и матерей, все они ласково и серьезно говорили мне: «Бог простит!» - и желали хорошо исповедаться.

Потом наступило самое трудное - я должна была просить прощения у Леонардо. Я сказала ему, что мне надо с ним поговорить, и мы условились встретиться на берегу озера в субботу, рано утром, когда все уйдут в церковь.

Я встала со звоном колокола и уже через четверть часа пришла на берег, кутаясь в теплый бабушкин платок - по утрам в долине было прохладно. Леонардо уже ждал меня на скамейке возле дяди Лешинной копильни. Я подошла и села рядом. Мы помолчали. Пахло водой, дымком и копченой рыбой.

- Что же ты мне хотела сказать, кара Сандра? - спросил Леонардо.

- Я завтра в первый раз буду причащаться. Я всю неделю готовлюсь и у всех прошу прощения.

- А я удивлялся, что ты как-то избегаешь меня. Оказывается, это из-за твоей бурной духовной жизни.

- Да, из-за нее тоже. А вообще, я хочу сказать тебе, Леонардо, что я решила остаться тут, в этой долине.

- Я тоже об этом думал. В общине прекрасные люди, можно выстроить себе дом...

- Леонардо! Я не в общине хочу остаться и не с тобой. Я хочу стать монахиней, уйти в монастырь. Я очень давно об этом мечтаю, еще с тех пор, как на монастырском острове читала Феофана Затворника.

- Вот как... С бабушкой ты уже на эту тему говорила?
- Еще нет, но обязательно буду: я ведь у нее должна брать благословение.
- А у меня, значит, нет...
- А ты бы меня благословил?
- Ты всё знаешь, Сандра, поэтому не кокетничай. Ты пришла просить у меня прощения? Вот и проси.
- А ты меня простишь?
- А я подумаю. В чем же ты передо мной провинилась, кара Сандра?
- Ну... В том, что ты меня любишь. Я ведь знаю, что это так.
- Предположим. Ну а в чем же тут твоя вина?
- Моя вина в том, что иногда я вела себя с тобой так, как будто я тоже тебя люблю.
- Так...

Мы оба замолчали, глядя на розовые ледники. Над зубчатыми вершинами гор появился краешек солнца, и воздух над озером, еще по-утреннему полный влаги, просветлел и засверкал. Откуда-то прилетели чайки и начали носиться над водой, купаясь в утреннем свете.

- А я хотел жить здесь, в общине, с тобой, с бабушкой и с нашими детьми, Сандра. Но я не стану конкурировать с таким женихом, которого ты для себя выбрала. Это не получится.
- Но в общине есть хорошие незамужние девушки. Ты мог бы...
- Нет, кара Сандра. Этого не будет. Я просто уеду обратно в Мерано и буду там жить один.
- А чем ты будешь заниматься, Леонардо? Неужели опять засядешь за персоник и уйдешь в Реальность?

- Конечно, нет! В мире еще остались настоящие христиане, не все ушли в горы. Я их найду с помощью Миры, а дальше видно будет. Может быть, найду возможность снова заниматься макаронами. Обо мне ты не беспокойся, пожалуйста. Я буду иногда сюда приезжать - к тебе и к бабушке, - он поднялся со скамьи и поглядел на озеро. - Как хороши чайки на рассвете, правда?

- Да, правда... А ты на меня не сердись, мио Леонардо? У нас с тобой все в порядке, мы друзья? Ты меня простил?

- Конечно, кара Сандра. Я тебя простил. Спокойно готовься к исповеди и причащайся. Я рад, что завтра буду прислуживать в алтаре. И помни: со мной у тебя всегда все будет в порядке, тебе ни о чем не надо беспокоиться. Сегодня тем более. Иди в церковь!

Я ушла, оглядываясь. А Леонардо смотрел на чаек и на меня ни разу не оглянулся,

До воскресенья я уже больше ни о чем не думала, только молилась и молилась, одна и с бабушкой. С нею вместе мы читали огромное Правило к причащению, в котором каждое,

ну буквально каждое слово было про меня!

На литургию я шла как во сне, меня шатало от страха, от волнения и немного от голода, ведь я всю эту неделю ничего не ела и почти не пила. Пока не запели Херувимскую, я ужасно себя чувствовала, и в какой-то момент на меня напал такой страх, что я чуть не убежала из церкви, а потом вдруг что-то переменялось, меня будто ангелы приподняли на руках, и дальше всю литургию я мыслью и душой летела, как птичка, и долетела до счастливого мгновения: я подошла к Чаше со всеми причастниками и после стольких лет снова приняла Тело и Кровь Христовы. Когда, выслушав благодарственные молитвы, я вышла из церкви, ко мне первой с поздравлениями подошла бабушка, а потом матушка Руфина и Леонардо, уже успевший снять свой белый стихарь. За ними все сестры, общинники, Лара и дядя Леша с дочкой на руках – все радовались за меня и поздравляли. Я едва их всех слышала. Потом я долго ходила одна по берегу, прислушиваясь к тому, что происходило во мне, и молясь: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, слава Тебе!».

Только через два дня я заметила, что Леонардо не показывается мне на глаза. Я спросила о нем бабушку.

- Леонардо? А он уехал, детка.

- Как это уехал! Не простившись со мной?

- А зачем тебе с ним прощаться? Ты у нас в монастырь собралась, нечего тебе с молодыми людьми сантименты разводить.

- Бабушка! Как ты не понимаешь – это же Леонардо! Ты знаешь, сколько он для меня сделал, как он меня любит?

- Догадываюсь. Но, как говорится, дальние проводы – лишние слезы.

- Когда он уехал?

- Сегодня рано утром.

- Так. Бабушка, ты можешь еще разок дать мне свой джип?

- Зачем он тебе?

- Я должна догнать Леонардо и... проститься с ним как следует!

- Не дам я тебе джип.

- Почему, бабушка?

- Во-первых, потому что будущей монахине не следует кокетничать с молодыми людьми. Ты его прогнала? Все, пусть уходит. Во-вторых, мне жалко Леонардо. Не забывай, он и мой друг тоже, не только твой. Я не хочу, чтобы он лишний раз мучился. Человеческое сердце не игрушка. Пускай он поскорей тебя забудет и найдет себе другую девушку. Без фантазий. А в третьих, у меня нет джипа.

- Куда же он делся?

- Я отдала его Леонардо. Между прочим, насовсем. Подарила.

- Ах, так...

- Да, так! Постой, ты куда это подхватила бежать?

- К матери Евдокии! Попрошу у нее мобилу, раз ты так... раз ты такая, бабушка!

- На мобиле джип не догонишь, дорогая моя. Если только не...

Но я не стала ее слушать и убежала, хлопнув дверью.

Мать Евдокия сидела у себя в келье и что-то писала.

- Мать Евдокия, одолжите мне монастырский мобиль!

- Зачем он вам?

- А зачем вы спрашиваете, мать Евдокия? Вы что, просто так не можете мне дать наш мобиль на пару часов? Неужели вам жалко? Неужели я и этого не заслужила.

- Вы у матушки взяли благословение.

- Нет...

- Пойдите и возьмите.

- Мать Евдокия, я не могу...

- Значит, вам никуда не надо ехать.

- Откуда вы можете знать, что мне надо и что не надо делать?

- Из опыта.

- У вас опыт монастырской жизни, мать Евдокия, монашеский опыт. Что вы-то можете знать о страданиях обыкновенных живых людей!

- Осторожно, Кассандра, ведь до вечера уже недалеко.

- При чем тут вечер! О чем вы?

- О том, что наш гнев должен угаснуть до заката, а то будете еще два года вспоминать. - Я опомнилась.

- Простите меня, мать Евдокия! Ненавижу хамские выходки, особенно собственные. Простите!

- Бог простит, Сандра. Но что касается ваших переживаний, я все-таки вам скажу: если вы всерьез намерены отказаться от своего личного подвига и приступить к подвигу монашескому, все подобные переживания надо оставить, а чувства сердечные забыть. Попробуйте, вдруг получится. Хотя я считаю, что лучше каждому служить Богу на своем, ему предназначенном месте.

- Подождите, мать Евдокия, я что-то вас не понимаю. Что значит «отказаться от своего личного подвига»? Что вы имеете в виду?

- Я имею в виду то, что, на мой взгляд, вам совсем не нужно искусственно, по своей воле

строить свою жизнь. Предоставьте все одному Богу! В сущности, ваша жизнь уже выстроилась: вы снова веруете в Господа и вы член Церкви Христовой – это основное, это залог спасения души. Вы любите монахов – это спасительно для вас, да и для нас полезно. В старину было даже специальное слово для таких людей – их звали «монахоловцами». Но у вас есть друг, который вас любит и готов вместе с вами решиться на самый тяжелый и опасный христианский подвиг, какой только может быть в эти последние времена, – подвиг супружества и подвиг рождения и воспитания детей.

- Вы – монахиня и вы говорите мне, что выходить замуж и рожать детей – христианский подвиг?!

- В наше время – безусловно. Человечество иссякает, оно само себя выхолостило, обесплодило. Люди не могут и не хотят иметь детей, а из пробирок выползают несчастные клоны, которые никоим образом не могут быть причислены к Божиим творениям. И только христиане вопреки всему решаются рожать детей и воспитывать их в Боге, Я думаю, каждый такой ребенок – это особенный, драгоценный человеческий дар Богу, великая Ему радость. Конечно, на такое трудно решиться. Но и монашество тоже подвиг! И очень важно, Сандра, не ошибиться, не приняться в восторге за чужое, пусть даже очень славное дело, отбросив по неразумию то, которому Господь тебя предназначил. Я вам решительно советую – определитесь. Или то, или это, а оба два – никак нельзя!

- А вы не считаете, мать Евдокия, что Леонардо послан мне в виде искушения на пути к монашеству?

- Господи, ну какая же вы фантазерка, Саня! Ведь он же не на голову вам свалился, не напал из-за угла, как партизан! Он ведь с вами с самого начала вашего пути. Да и взгляните вы на своего Леонардо повнимательней – он же чист и тверд как алмаз. Вот ваша бабушка – та давно это поняла. Да если хотите знать, вас с вашим Леонардо и ваша бабушка, и матушка, и все сестры наши уже давно считают женихом и невестой, еще с той поры, как он вас искал по всему свечу. Искушение... Это вы у нас искушение, солнышко вы наше неумное!

Я помолчала. Подумала. А потом сказала решительно:

- Мать Евдокия. Дайте мобиль, а то пешком пойду.

- От вас чего-нибудь такого только и жди, – она, вздыхая, выдвинула ящик стола и достала из него электронный ключ от мобиля и еще один большой железный ключ – от семи дверей. – Берите и езжайте спокойно, матушка благословила. Вот и ключ от ворот велела вам передать.

- Сама матушка?

- Вы же знаете, как матушка детей любит...

Когда я выехала за последние, седьмые, железные двери, я увидела стоящий за ними джип, а возле него сидящего на камне Леонардо.

- Мио Леонардо! Ты что тут делаешь?

- Тебя жду, кара Сандра.

Подвенечное платье шила мне Лара. Венчал нас отец Александр.

Санкт-Петербург. Ириночка – Мюнхен 2001 г.

Придет время, когда люди станут безумны, и если встретится им кто-нибудь кто не безумен, они обратятся к нему, говоря: «Ты бредишь!» И все потому, что он не похож на них.

Апофтегмы отцов – пустынников

Авва Антоний

Примечания

[1] «Эвтаназией называется всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и выполненное незаинтересованным лицом» (из определения Голландского законодательства; закон подписан, рассмотрен принят в ноябре 2000 г. парламентом Голландии; на эвтаназию имеет право каждый гражданин Голландии с 16 лет).

Русская Православная Церковь на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2001г. заявила: Церковь «... не может признать нравственно приемлемым распространение ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии – то есть намеренную умерщвления безнадежно больных (в том числе по их желанию). «... Эвтаназия является формой убийства или самоубийства».

[2] «Серафимова канавка» – канавка, вырытая сестрами Мельничной Дивеевской общины, основанной преподобным Серафимом Саровским, по его же указанию; другое ее название – «святая канавка Царицы Небесной». Она должна была представлять собой канаву в три аршина глубины и в три аршина ширины, окруженную валом из вынудой земли со стороны обители, обсаженным крыжовником.

Батюшка Серафим приказал вырыть канавку, чтобы незабвенна была тропа, по которой ежедневно приходит Божия Матерь, обходя Свой удел. О значении снятой канавки прп. Серафим говорил: «Кто канавку эту с молитвой пройдет, да полтора ста Богородиц прочтет, тому все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев! И как антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит!» {см. митр. Вениамин (Федченков). Всемирный светильник. – М., 1946 г, Житие прп. Серафима Саровского Чудотворца. Сост. Денисов Л.И. – М., 1998 г.)

После революции святая канавка была осквернена и частично засыпана. В 1997 г. начались работы по ее восстановлению. Ныне вдоль канавки снова совершаются крестные ходы, на ней служат молебны. Паломники обходят ее, совершая Богородичное правило. Находясь в центре монастырской территории, канавка представляет собой молитвенное, духовное сосредоточение Серафимо-Дивеевского Троицкого монастыря.

[3] Книга святителя Феофана Затворника Вышинского (Говорова) (1815—1894), епископа Тамбовского и Владимирского посвящена вопросам духовной жизни, обращена преимущественно к мирянам и представляет собой собрание писем святителя к некоей особе, затрагивающих актуальные и донныне проблемы, встающие на пути желающего жить христианской жизнью.

[4] Слово «искус», «искушение», имеет двоякое значение: в первом случае оно означает опыт, пробу, попытку. Быть «искушенным» в чем-либо, значит приобрести опыт, быть испытанным, изведать что-либо. Именно от того значения произошло слово «Искусство» – опытность, мастерство.

Во втором случае «искус» действительно означает «подвергать кого-либо испытанию,

соблазнять, прельщать, стараться совратить с пути блага и истины», «искушение - состояние искушаемого; само дело, предмет, чем искушаем; испытание, дознание о деле, соблазн, прельщение» (см. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

В духовной литературе слово «искус», «искушение» чаще всего используется с учетом именно его действенного значения, ибо «искушенный» христианин - это испытанный, опытный христианин, подвергшийся искушению как испытанию.

[5] Свт. Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский (1896—1966). Причислен к лику святых Русской Православной Церковью Заграницей 2 июля 1994 г.

[6] Иеромонах Серафим (Роуз) Платинский (1934—1982) - выдающийся апологет, богослов, миссионер, инок-подвижник, духовный сын и воспитанник архиепископа Иоанна Шанхайского. Вместе с близким другом, Глебом Подмошенским (игуменом Германом), организовал по благословию о. Иоанна в 1969 г. братство преподобного Германа Аляскинского. В 1969 году братья удалились от мирской суеты в уединенный скит, неподалеку от г. Платина в Северной Калифорнии. Сейчас здесь находится монастырь прп. Германа Аляскинского.

[7] Монреальская Иверская икона Божией Матери была написана на Афоне в 1981 году греческим монахом с образа иконы Богоматери Варатарницы. В 1982 г. Иосиф Муньос Кортес, испанец православного вероисповедания, привез икону в Монреаль. 24 ноября 1982 г., по рассказу Муньоса, икона начала мироточить и ее отнесли в храм. Икона была признана чудотворной и привлекала к себе множество паломников. В ночь с 30 на 31 октября 1997 г. хранитель иконы Иосиф был убит, а чудотворная икона бесследно пропала при загадочных обстоятельствах.